

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П. Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши	2
Анисюткин Н.К., Чепалыга А.Л., Коваленко С.И., Очередной А.К. Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) в 2011 году	19
Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Кулик Н.А., Усачева И.В. Верхнепалеолитический комплекс из горного хрусталя с юго-восточного побережья озера Большие Аллаки (Южный Урал)	28
Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2	41
Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л., Джалл Э.Дж.Т. Интерпретации обряда и проблемные вопросы Кёрдюгенского погребения ымыяхтахской культуры (Якутия)	51

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры	62
Матвеева Н.П. Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье	70
Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки	86
Ковтун И.В. «Конноголовые» жезлы и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э.	95
Дьяконов В.М. Керамика улахан-сегеленнянской культуры бронзового века Якутии	106
Полин С.В., Карнаух Е.Г. Скифский курган IV в. до н.э. у села Кременевка в Северо-Восточном Приазовье	116
Волков П.В., Новиков А.В. Вопросы технологии изготовления сердоликового кабошона из могильника Ташара-Карьер-2 (южно-таежное Приобье)	129
Якимов А.С., Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Пустовойтов К.Е., Кузяков Я.В. Почвы раннесредневекового (IV–VI вв. н.э.) городища Среднего Притоболья и их палеогеографическое значение	134

ЭТНОГРАФИЯ

Березкин Ю.Е. Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийской степи	144
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2012 ГОДУ	159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

А.П. Деревянко¹, Гао Син², Д. Олсен³, Е.П. Рыбин¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; ryber@yandex.ru

²Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской АН, КНР
Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology,
Chinese Academy of Sciences, 142, Xizhimenwei Street, Beijing, 100044, China
E-mail: gaoxing@ivpp.ac.cn

³Аризонский университет, США
School of Anthropology, University of Arizona, 1009 E,
South Campus Drive, Tucson, AZ 85721-0030, USA
E-mail: jwo@arizona.edu

ПАЛЕОЛИТ ДЖУНГАРИИ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ): ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛОТОШИ*

В статье анализируются материалы местонахождения с поверхностным залеганием артефактов Лотоши (Джунгария, Северо-Западный Китай), обнаруженного в 2004 г. исследовательским отрядом совместной Китайско-Российско-Американской археологической экспедиции. С учетом степени ветровой коррозии поверхностей артефактов проведен технико-типологический анализ коллекций памятника. Было установлено, что комплекс относительно гомогенный, характеризуется сочетанием леваллуазской и пластинчатой подпризматической технологий расщепления. Материалы местонахождения Лотоши имеют аналоги в индустриях Горного Алтая, стоянок Орхон-1 и Толбор-4 (Монголия), а также комплексах стоянки Шуйдонгоу (Ордос), относящихся к начальной стадии верхнего палеолита. Лотоши является первым местонахождением, обнаруженным в Северо-Западном Китае, которое принадлежит ареалу пластинчатых культур ранней стадии верхнего палеолита. Все выявленные на данный момент культурно-генетические особенности связывают данный комплекс с регионами юга Сибири и севера Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, начальный этап верхнего палеолита, экспонированные на поверхности комплексы, каменная технология.

Введение

В Северной и Центральной Азии выделяется несколько регионов, в которых представлены пластинчатые индустрии среднего и раннего этапов верхнего палеолита. Прослеживается пространственно-временная трансгрессия в распространении пластинчатых комплексов от Горного Алтая – самого западного ре-

гиона их бытования с наиболее ранними датами асамбляжей – до Монголии и Ордоса – восточного края их ареала. При реконструкции путей распространения пластинчатых культур верхнего палеолита предположение однозначно отдается северному маршруту движения носителей этих технологических традиций и/или их идей вдоль горного пояса Южной Сибири. Однако появление пластинчатых индустрий ранней поры верхнего палеолита в центре Евразии не обязательно связывать с предполагаемыми миграциями каких-либо групп населения на столь значитель-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-12005-офи-м-2011).

ное расстояние. Находит поддержку у специалистов и сценарий автохтонного возникновения и развития данной технологии в нескольких независимых (возможно, взаимовлиявших друг на друга) центрах. Для обоснования той или иной точки зрения на процессы становления верхнего палеолита необходимо привлекать материалы из западной части Центральной Азии. Однако Синьцзян, занимающий обширную территорию Западного Китая, на протяжении многих лет оставался огромным белым пятном на карте распространения палеолитических объектов Центральной Азии. Вместе с тем если картину движения реалий Шелкового пути позднейшего времени наложить на период палеолита, то можно предположить, что этот регион был связующим звеном между западной и восточной частями ойкумены. Несмотря на продолжительность археологического изучения территории Синьцзяна, ее прошлое эпохи палеолита является одним из наименее исследованных этапов. Важно отметить, что на сопредельных территориях Казахстана, Российского Алтая, Монголии и бассейна Хуанхэ специалистами обнаружены многочисленные комплексы каменных артефактов, некоторые из которых залегают в отложениях стратифицированных стоянок и имеют радиометрические даты.

Интерес к археологии Синьцзяна начал формироваться в конце XIX в. по мере того, как этот регион стали посещать такие видные археологи и востоковеды, как А. Стейн, С.Ф. Ольденбург, П.К. Козлов, С. Гедин, А. фон Ле Кок и др. Археологические разведки здесь начали проводить уже в начале XX в., а систематические исследования – только в последние десятилетия. В геоморфологическом отношении территория Синьцзяна делится на два крупных бассейна – Таримский, занимающий южную и восточную части, и Джунгарский, находящийся в северо-западной части. Таримский бассейн, по территории которого проходила основная ветвь Шелкового пути, с точки зрения классической археологии является более перспективным, он изучен значительно лучше, чем Джунгарский, расположенный в стороне от районов древнего земледелия.

Первые сборы палеолитического материала на территории Синьцзяна связаны с именами Тейяра де Шардена и Яна Чжунцзяня: в 1931 г. на трех местонахождениях в районе Хамийской котловины ими было обнаружено несколько крупных, сильно патинизированных каменных изделий архаичного облика [Деревянко, Комиссаров, 1997]. В 1950-е гг. в этом регионе проводили исследования китайские археологи; они собрали коллекцию каменных орудий, включавшую скребла и топоры из крупных оббитых галек. Среди артефактов, найденных в 1950–1970-е гг. на стоянках Цицзяоцзин и Саньдаолин в Хами, Астана и Лобнор в Турфане и др., преобладали микролиты. На край-

нем западе Синьцзяна, на берегу р. Ташкурбан на Памире, были обнаружены изделия палеолитического облика [Там же]. Только с конца 1980-х гг. начинают публиковаться результаты этих исследований. В 1987 г. Ан Чжимин опубликовал результаты изучения материалов неолитических памятников, в ходе которого была прослежена типологическая последовательность традиций изготовления микролитических каменных орудий, представлявших собой в основном подъемный материал [Jia Wei Ming, Betts, Wu Xinhua, 2009, p. 169]. Основываясь на этих же материалах, Ван Бинхуа заключил, что эти стоянки, как и аналогичные по инвентарю позднепалеолитические и мезолитические памятники Северного Китая, принадлежат одной культуре, однако не могут быть отнесены к периоду ранее 10 тыс. л.н. (цит. по: [Деревянко, Комиссаров, 1997]).

После продолжительного перерыва археологические разведки на территории Синьцзяна возобновились. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. совместными экспедициями АН КНР и Аризонского университета (США) было выявлено несколько местонахождений: залегающие спорадически (с низкой плотностью) палеолитические остатки найдены в регионе Ташкурбан, на западной периферии Синьцзяна [New Achievements..., 1995], а также на южной окраинности Таримской котловины [Ibid., 1995; Wang, Du, 1997].

В Джунгарии исследования концентрировались в долине р. Эрциси (Иртыш), на территории уезда Хабахэ. Бифасы, найденные здесь, и скребки, обнаруженные в этой же долине на местонахождении Киченжи (Qichengzi), могут являться формами, которые представляют леваллуазскую технологию [Jia Wei Ming, Betts, Wu Xinhua, 2009, p. 172]. В 1993 г. в долине Эрциси удалось открыть шесть местонахождений, два из которых с богатым материалом: 93АНЕ2 (660 ед., в т.ч. 107 орудий) и 93АНЕ4 (133 ед., в т.ч. 18 орудий). Среди орудий выделены группы остроконечников, концевых скребков и выемчатых орудий. Такой же типологический набор был обнаружен при обследовании в 1995 г. местонахождений Цзяохэ и Чайвопу. Как отмечает Чжан Чуань, на основании этих находок предполагалось выделить специфическую индустрию «остроконечников – концевых скребков» (цит. по: [Деревянко, Комиссаров, 1997, с. 45]).

Палеолитические объекты, обнаруженные в Синьцзяне, являются памятниками с открытым залеганием артефактов. Наиболее ранняя стадия, по мнению китайских исследователей, представлена мустьерской традицией, а леваллуазская технология – возможно, находками из западной части долины р. Эрциси, а также с местонахождения Киченжи в восточной части этой долины [Jia Wei Ming, Betts, Wu Xinhua, 2009, p. 172]. Коллекция Цзяохэ, по мнению проф. Чжан

Сэньшуй, имеет сходство с артефактами позднего этапа Шуйдунгоу (см.: [Деревянко, Комиссаров, 1997]). Таким образом, несмотря на постепенно расширяющуюся источниковую базу по палеолиту Синьцзяна, актуальны проведение планомерных изыскательских работ по проблематике каменного века региона, а также профессиональная публикация полученных ранее материалов.

В июне 2004 г. исследовательским отрядом совместной Китайско-Российско-Американской археологической экспедиции (руководители: с российской стороны – акад. А.П. Деревянко (ИАЭТ СО РАН), с американской – проф. Д. Олсен (Университет Аризоны), с китайской – проф. Гао Син (Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской АН)) в северо-западной части Синьцзяна (Джунгария) была проведена археологическая разведка. Она стала своего рода логическим продолжением археологических исследований, проводившихся в середине 1980-х гг. Советско-Монгольской комплексной археологической экспедицией на территории Монгольского Алтая. Некоторые маршруты этой экспедиции проходили по восточной (относительно Джунгарии) части Алтая, в долинах рек Барлагин-Гол и Уэнч [Деревянко и др., 1990]. Территория Джунгарии и т.н. Джунгарского прохода (разрыв в цепи системы горных хребтов Центральной Азии, находящихся на стыке Российского и Казахского Алтая, горных систем Монголии и бассейна р. Желтой) была выбрана объектом изучения с учетом ее исключительно важного географического положения.

Джунгарская равнина – часть Северного Синьцзяна – занимает площадь ок. 770 тыс. км². Джунгарскую равнину включают в систему долин Алтая, которые соединены поперечными к самой горной системе «сквозными коридорами» [Лузин, 2007]. Горы, окружающие Джунгарскую котловину с севера и запада, по своим биоклиматическим особенностям занимают промежуточное положение между горами Южной Сибири и Центрально-Азиатской горной страной [Гвоздецкий, Голубчиков, 1987]. На северо-западе Джунгария ограничена средневысотными хребтами Саур и Тарбагатай, которые отделены от системы Джунгарского Алатау, состоящей из нескольких параллельных высоких цепей, на юго-юго-западе – хребтами Восточного Тянь-Шаня, на юге – хребтом Богдо-Шань и на северо-востоке – хребтом Монгольского Алтая [Селиванов, 1965]. Средняя высота окружающих хребтов составляет ок. 3 тыс. м.

Джунгарская котловина относится к четвертичной депрессии, унаследованной от мезокайнозойского бассейна. Она аккумулирует мощные рыхлые отложения гравийно-галечно-валунного материала и другие седименты. Средние высоты центральной части котловины составляют 300 м над ур. м. и увеличиваются

по мере приближения к окружающим хребтам. Территория относится к засушливым областям: в бассейне выпадает ок. 50–200 мм осадков в год. При этом потенциал испарения достигает 2–3 тыс. мм. Джунгарская равнина по геологическому или гидрологическому аспектам может быть разделена на три зоны – инфильтрации, оазиса и солончаков (переходная форма, полупустыня) [Chen Mengxiong, 1995]. Джунгарская котловина на 600 м выше соседней Таримской впадины, поэтому климат здесь менее засушливый. Тем не менее основу ее ландшафта составляют полупустыни и степи. Степи развиваются в предгорьях, на склонах гор произрастают лесные массивы. Невысокие горные кряжи переходят в равнину, на которой солончаки перемежаются с оазисами. В центре Джунгарской равнины находятся сыпучие пески Дзосотын-Элису, образующие частые гряды. Джунгарская равнина подвержена сильному воздействию эоловых процессов, в результате разрушения ветром наклонной пластовой равнины появляются т.н. эоловые города – грядовые возвышенности и эоловые останцы, поднимающиеся на высоту 180–350 м над уровнем дна котловины [Ананьев, Симонов, Спиридонов, 1992, с. 136].

В Джунгарской котловине имеется небогатая речная сеть со стоком на запад, благодаря преобладающему наклону поверхности равнины, где расположены крупные озера Эби-Нур, Манас, Улунгур, Бага-Нур. Озера занимают главным образом окраины равнины. Крупнейшими реками являются Иртыш, Манас, Урунгу. Большая часть мелких рек наполняется только во время ливней. В холодные малоснежные зимы реки Джунгарии на несколько месяцев замерзают. Все реки такой системы берут свое начало в горных системах и дренируют одну-две котловины.

Расположение и геоморфологическая ситуация местонахождения

Технико-типологическая характеристика комплекса артефактов. Маршрут экспедиции, проходя по естественным границам Джунгарии, пролегал по территории окр. Тачен и Алтай. Во время работ было исследовано 32 местонахождения эпохи каменного века. Одним из наиболее ярких объектов, открытых в ходе разведки, стало местонахождение Лотоши (окр. Тачен, к северо-западу от столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района г. Урумчи). Выразительные материалы этого памятника могут внести важные дополнения в наше понимание процессов формирования верхнего палеолита Центральной Азии.

Центральная точка местонахождения Лотоши имеет координаты: 46° 38' 56.0" с.ш., 86° 02' 07.8" в.д. Высота над уровнем моря составляет ок. 1 тыс. м. Па-

мятник находится на слабонаклонной предгорной равнине, прилегающей с востока к отрогам Джунгарского Алатау Саур-Тарбагатайской горной системы, по обеим сторонам шоссе Карамай – Алтай (рис. 1). Равнина покрыта щебнистыми элювиальными отложениями, рассечена параллельно идущими останцовыми грядами, одна из которых из-за характерной формы носит название «Спина Верблюда» (по-кит. Лотоши). На обширной территории памятника (общая площадь ок. 3×5 км) были обнаружены выходы мелкозернистого темного кремнистого материала (вероятно, окремненного песчаника), имеющего форму блоков и плиток; он служил сырьем для изготовления артефактов.

В ходе исследований в 2004 г. территория местонахождения была разделена на несколько исследовательских секторов, которым присвоены буквенные обозначения А, В, С. В пределах данных секторов дополнительно выделены площадки, на которых производились сборы артефактов. Площадки были неодинаковые по насыщенности находками – от нескольких сотен до единиц. К буквенным обозначениям секторов добавлялся порядковый номер, напр. А-1, А-2 и т.д. Как показал анализ материалов, наиболее многочисленные комплексы местонахождения различаются между собой по соотношению процентных показателей основных категорий каменного инвентаря – нуклеусов, неретушированных сколов и орудий. Принципиальных расхождений в технико-типологическом облике инвентаря проследить не удалось. В данном исследовании приводятся суммарные результаты анализа материала из всех пунктов местонахождения Лотоши.

Изучено 594 артефакта. Основное сырье для изготовления артефактов – темно-серый, черный мелкозернистый кремнистый материал, который изначально был представлен, вероятно, в виде желваков и подпрямоугольных плиток или блоков. Несколько реже в качестве исходных отдельностей сырья использовались гальки. Встречаются также артефакты из кварца и кварцита. Поверхность изделий несет следы ветровой дефляции. По степени дефляции поверхности выделяются следующие группы артефактов (534 ед., исключены сколы меньше 30 мм): с недефлированной («свежей») поверхностью – 12 ед. (2,2 %), с поверхностью слабой степени дефляции – 304 ед. (56,9 %), средней – 195 ед. (36,5 %), сильной – 23 ед. (4,3 %). Таким образом, основную часть комплекса составляют артефакты со слабо- и среднедефлированной поверхностью, среди которых преобладают изделия с поверхностью слабой степени дефляции.

Нуклевидные формы. Составляют 14 % от общего количества артефактов (табл. 1). При анализе соот-

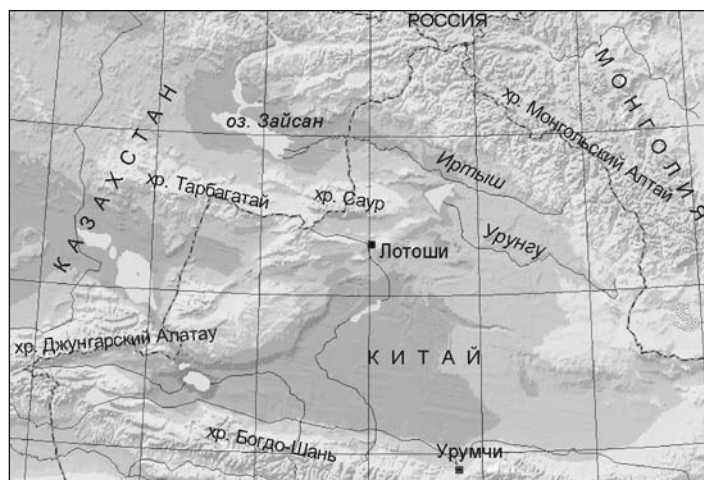

Рис. 1. Карта-схема расположения местонахождения Лотоши.

ношения основных морфотехнологических категорий нуклеусов обращает на себя внимание большая доля изделий, представляющих начальную стадию раскалывания; более 20 % от всех нуклевидных форм – преформы и пробные куски породы (табл. 1). Подобное изобилие преформ объясняется тем, что на территории памятника находятся выходы сырья для изготовления артефактов.

Таблица 1. Типологический состав нуклеусов из местонахождения Лотоши

Тип	Кол-во, ед.	%
Отдельности породы с пробными сколами	12	14,3
Преформы	6	7,1
Центростремительные (радиальные)	25	29,8
Монофронтальные одноплощадочные	13	15,5
В том числе:		
с плоским фронтом	7	—
подпризматические	4	—
поперечные	2	—
Монофронтальные двуплощадочные	22	26,2
В том числе:		
с плоским фронтом	12	—
подпризматические	3	—
поперечные	1	—
перекрестные (ортогональные)	3	—
леваллуазские	3	—
Торцовые	2	2,4
Бифронтальные двуплощадочные	4	4,8
Всего	84	100,0

Около 76 % нуклеусов на поверхности имеют следы естественной корки. Размеры нуклеусов велики: длина от 68 до 267 мм (средняя – 134 мм), ширина от 42 до 168 (средняя – 102), толщина от 22 до 180 мм (средняя – 52 мм). Перед прекращением раскалывания ударной площадки нуклеуса было снято в среднем 3,8 скола. Приведенные данные свидетельствуют о том, что утилизация нуклеусов не была интенсивной: большая часть прошла стадию апробации или начальную стадию редукции.

Преобладают нуклеусы с плоским фронтом, доля подпризматических или объемных нуклеусов невелика. Это объясняется, скорее всего, особенностями исходного сырья (плитки и блоки), которые определяли специфику технологии.

Выделено несколько типов нуклевидных изделий.

Отдельности породы с пробными сколами (табл. 1). Это подпрямоугольные блоки или плиты темно-серого либо черного тонкозернистого песчаника или кварцита (два предмета). Вдоль их естественных граней без оформления ударной плоскости или плоскости скалывания проводились одиночные разноразмерные снятия. Длина предметов от 74 до 235 мм (средняя – 148 мм), ширина от 58 до 146 (средняя – 102), толщина от 45 до 180 мм (средняя – 74 мм). Два предмета имеют поверхность средней и десять – слабой степени дефляции.

Преформы (табл. 1). Среди них пять предметов могут быть отнесены к заготовкам нуклеусов (подпризматических или плоскостных), предназначенных для прямоугольных снятий в субпараллельном направлении. На одном или двух узких концах прямоугольных заготовок оформлялись ударные площадки. Выпуклость будущему рабочему фронту придавалась параллельными снятиями. Вдоль одной из продольных граней заготовки с помощью снятий отщепов и дополнительной подправки ретушью формировалось извилистое ребро. После его удаления могло начаться регулярное снятие заготовок. Длина предметов от 114 до 235 мм (средняя – 191 мм), ширина от 88 до 135 (средняя – 112), толщина от 47 до 80 мм (средняя – 63 мм). Один предмет имеет поверхность средней степени дефляции и пять – слабой.

Монофронтальные одноплощадочные нуклеусы (табл. 1). Как правило, подпрямоугольных или овальных очертаний. На одной из сторон предмета с помощью поперечных снятий оформлялась ударная площадка, с которой в субпараллельном направлении производились снятия пластин или отщепов, иногда на фронте прослеживаются следы подправки с латералей, перпендикулярной к направлению основных снятий. В зависимости от расположения ударной площадки и степени выпуклости фронта выделяются три типа нуклеусов: с плоским фронтом (рис. 2, 2), подпризматические – на узких концах за-

готовок оформлялись скошенные ударные площадки, с одной из которых производились снятия пластин. Снятия занимали от 1/2 до 3/4 периметра выпуклой ударной площадки. На латералиях оформлялись извилистые ребра, образованные с помощью поперечных сколов и ретуши. Эти латерали могли служить в качестве направляющих ребер для будущих снятий. Данная форма нуклеусов типична для ранней поры верхнего палеолита Забайкалья и Монголии (рис. 2, 1). Для палеолитических комплексов Центральной Азии характерна также третья вариация нуклеусов Лотоши – поперечные (2 ед.). На фронте раскалывания, образованном в направлении, перпендикулярном к длинной оси, прослеживаются негативы снятий коротких отщепов, параллельные друг другу. Длина предметов от 75 до 230 мм (средняя – 121 мм), ширина от 73 до 155 (средняя – 100), толщина от 55 до 87 мм (средняя – 58 мм). Один нуклеус имеет поверхность сильной степени дефляции, три – средней и восемь – слабой; один предмет недефлирован.

Монофронтальные двуплощадочные нуклеусы (табл. 1). Один из наиболее многочисленных типов ядрищ комплекса. По степени выпуклости фронта, направлению снятий и расположению ударных площадок выделяется несколько типов ядрищ данной категории. Первый тип – нуклеусы с субпараллельными встречными снятиями и плоским рабочим фронтом – 12 экз. Ядрища данного типа характерны для индустрий ранней поры верхнего палеолита. Как правило, они подпрямоугольных или овальных очертаний, плоскостные, в редких случаях негативы снятий располагаются на латералиях. Основным сколом-заготовкой, который получали с этих ядрищ, были пластины или прямоугольные отщепы. Снятия производились с ударных площадок, расположенных на противоположных концах, однако чаще всего не в порядке чередования, а после серии сколов с одной из площадок. В среднем, судя по остаточным негативам снятий, с основной ударной площадки снималось по три-четыре, со вспомогательной – два, реже три скола. Снятия с противоположащих площадок производились с целью поддержания выпуклости фронта расщепления. Следовательно, систему раскалывания ядрищ вряд ли можно охарактеризовать как типично бипродольную, в соответствии с которой снятия с противоположащих площадок задавали форму друг друга (рис. 2, 3, 6). Нуклеусы значительные по размерам, самый крупный 232×140×58 мм (рис. 2, 5). Второй тип – леваллуазские плоские нуклеусы (3 ед.), подготовка которых связана с реализацией «предпочтительных» сколов, форма последних задана предварительной подправкой с латералей и противоположащих ударных площадок (рис. 3, 1). Третий тип – нуклеусы со следами субпараллельных встречных снятий и подпризматическим рабочим фронтом. В качестве заготовок использова-

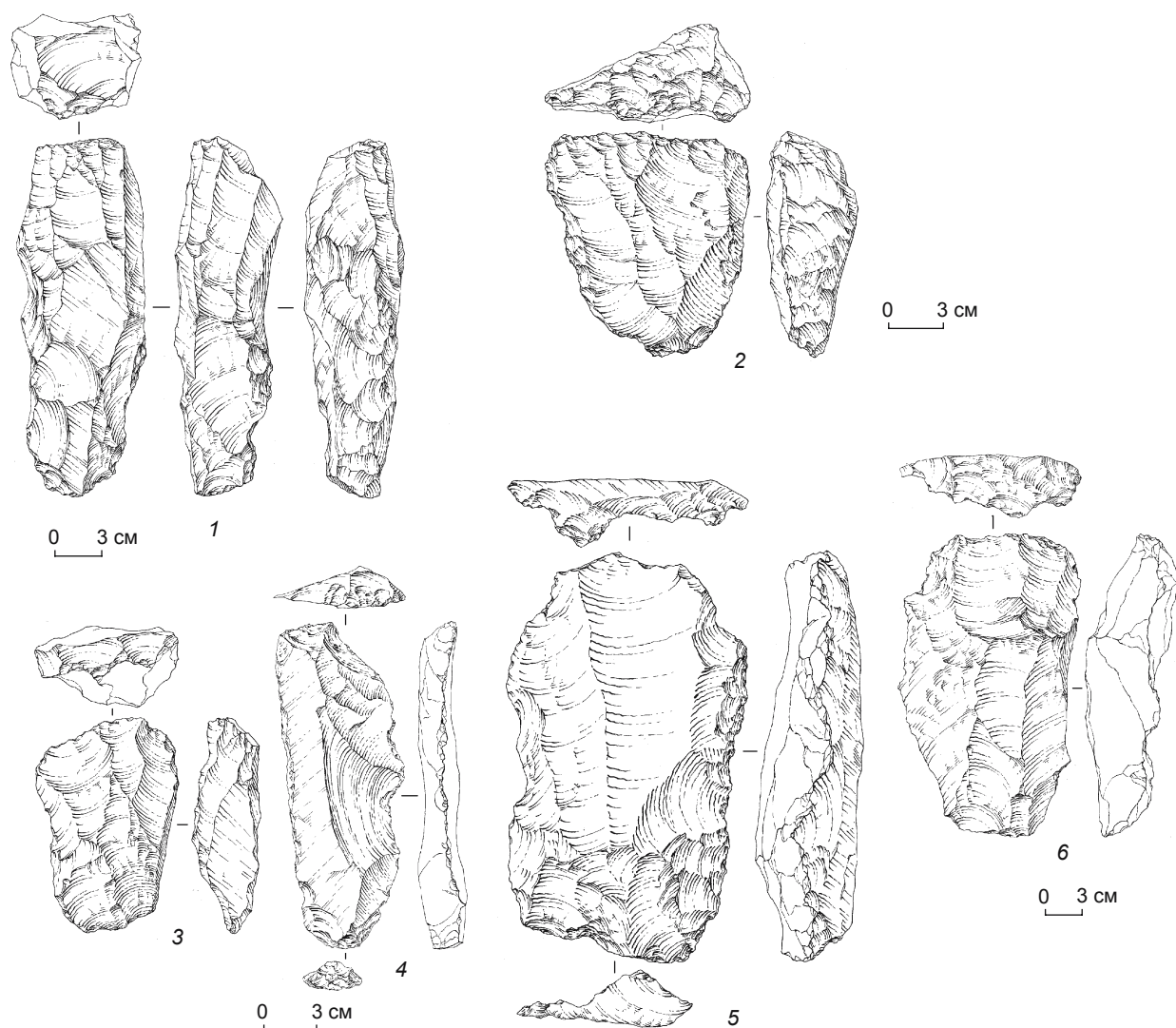

Рис. 2. Нуклеусы (1–3, 5, 6) и орудие (4). Местонахождение Лотоши.

ны удлиненные массивные обломки блоков песчаника (рис. 3, 3). Ядрища этого типа также характерны для ранних стадий верхнего палеолита, однако у одного из них сильнодефлированная поверхность (рис. 3, 4). Негативы снятий пластин, произведенные во встречном направлении, занимают 3/4 периметра площадок и заходят на латерали нуклеуса. Обнаружены поперечный нуклеус (рис. 3, 5) и три двуплощадочных монофронтальных подперекрестных (ортогональных) (рис. 3, 7). Длина предметов от 91 до 232 мм (средняя – 144 мм), ширина от 71 до 148 (средняя – 104), толщина от 24 до 107 мм (средняя – 51 мм). Один нуклеус имеет поверхность сильной степени дефляции, 4 – средней и 17 – слабой.

Торцовые нуклеусы (табл. 1). У двух нуклеусов рабочий фронт с негативами снятия узких пластин расположен на узкой плоскости заготовки. Поверхность изделий средней степени дефляции (рис. 3, 6).

Центростремительные (радиальные) нуклеусы (табл. 1). Представительной является серия ядрищ, несущая на фронтах скалывания негативы разновеликих центростремительных сколов, снятых с оформленных на латералих-ребрах ударных площадок. Меньшая часть предметов оформлена на кварцевых гальках, основой для большинства нуклеусов служили плитки. Преобладают нуклеусы, характеризующие начальную стадию раскалывания, у них на рабочих фронтах сохранены участки естественной корки (75 % нуклеусов; рис. 4, 1, 2, 6). Три нуклеуса (рис. 4, 3, 4) можно отнести к классическим «черепаховидным» для одного «предпочтительного» снятия, однако с двух из них снятие этого скола не было произведено. У четырех предметов рабочие фронты располагались на обеих плоскостях нуклеусов (рис. 4, 5). Длина предметов от 68 до 267 мм (средняя – 117 мм), ширина от 64 до 168 (средняя – 105), толщина от 25 до 72 мм (средняя –

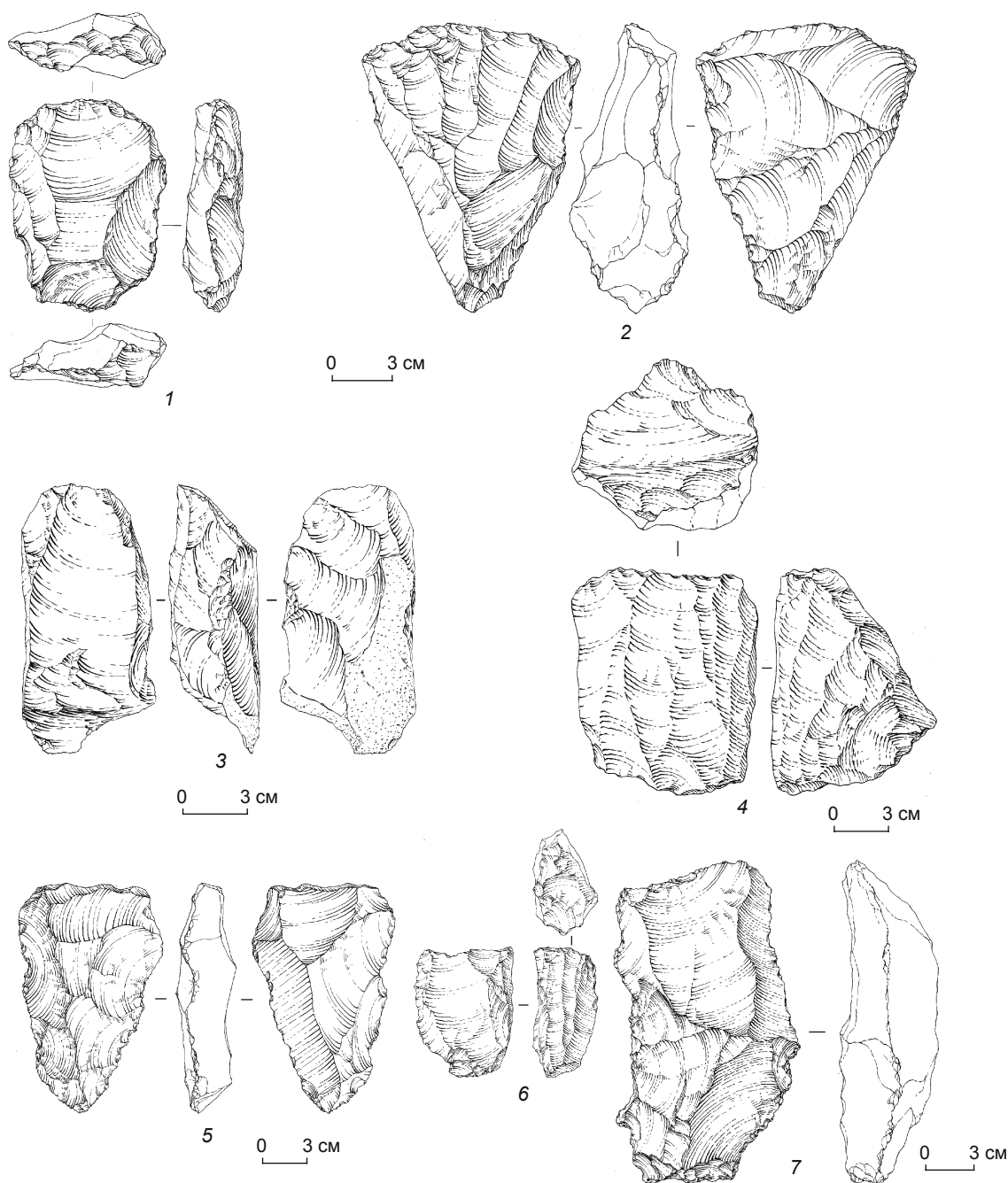

Рис. 3. Нуклеусы. Местонахождение Лотоши.

41 мм). Три нуклеуса имеют поверхность сильной степени дефляции, 6 – средней и 16 – слабой.

Бифронтальные двуплощадочные нуклеусы (табл. 1). Поверхность у всех предметов слабой степени дефляции. На обеих плоскостях ядрища фиксируются негативы параллельных снятий, расположенные в соответствии со сменой ориентации продольной и поперечной осей изделий (см. рис. 3, 2).

Индустрия сколов (табл. 2). В коллекции 31 % составляют изделия со следами естественной корки. Это

означает, что значительная часть сколов была снята в процессе редукции на ранних стадиях использования нуклеусов. Дополнить наши представления об особенностях технологии раскалывания на местонахождении Лотоши помогает анализ способов поддержания выпуклости фронта расщепления нуклеусов. По показателю удлиненности заготовок (отношение длины скола (l) к его ширине (m)) можно судить об ориентации направляющих ребер и о выборе древнего мастера в пользу укороченных или продольно-вытянутых

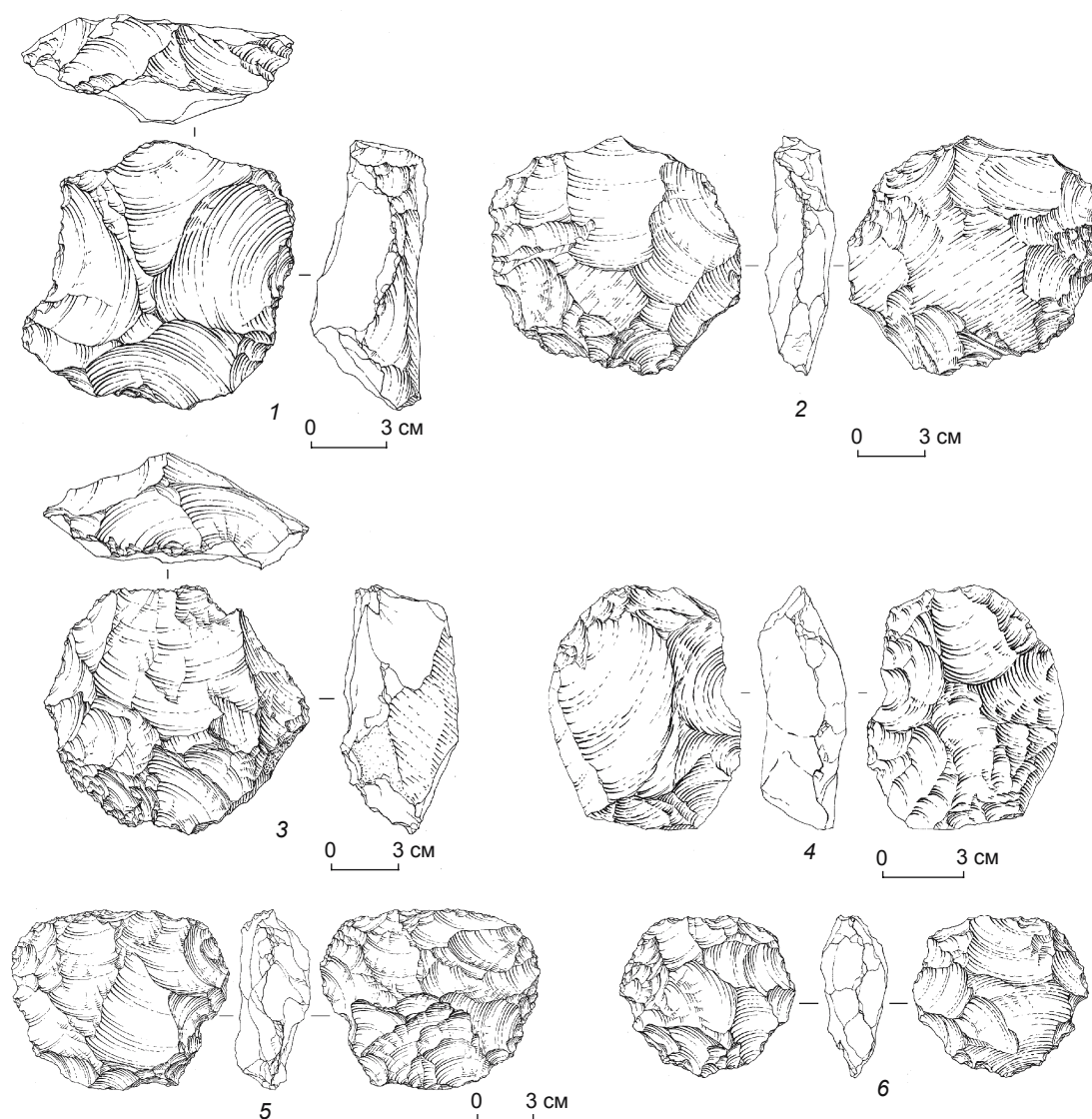

Рис. 4. Нуклеусы. Местонахождение Лотоши.

заготовок. Полученные данные свидетельствуют об ориентации на производство удлиненных заготовок, даже при производстве отщепов. Отношение ширины (m) к толщине (n) скола отражает степень поперечной выпуклости фронта расщепления и показывает, на изготовление каких сколов был нацелен производственный процесс – более или менее высоких в сечении сколов (получаемых в рамках призматической или близкой к ней объемной концепции) или же уплощенных (снимаемых с нуклеусов с более плоским фронтом). Согласно результатам анализа, пластины комплекса снимались методом, предполагавшим поддержание значительного выпуклого фронта расщепления (табл. 3). Продуктом этих снятий были массивные треугольные и трапециевидные в сечении сколы. По показателям они сопоставимы с ранневерхнепалеолитическими комплексами стоянки Толбор в

Монголии (от 3,01 до 2,95), но отличаются от таких же изделий со стоянки Кара-Бом, для раскалывания которых характерна концепция более объемного показателя пластины (3,9) [Деревянко и др., 2007].

Среди сколов наибольший удельный вес имеют отщепы (55,1 %). Для целых отщепов характерны следующие средние показатели: длина 72 мм, ширина 64, толщина 18 мм. Очень распространенными являются отщепы с параллельными краями и с субпараллельной огранкой, характерной для пластин. При этом по удельному весу пластины (22,7 %) заметно уступают отщепам, но остаются в пределах показателей, соответствующих комплексам круга пластинчатых культур ранней поры верхнего палеолита (нижнее значение этого показателя 20 %). Целые пластины имеют следующие средние метрические показатели: длина 97 мм, ширина 40, толщина 15 мм. У многих сколов

Таблица 2. Состав индустрии сколов из местонахождения Лотоши

Тип заготовок	Без следов ретуши		Ретушированные орудия		Всего	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
Отщепы	195	54,9	86	55,5	281	55,1
В том числе:						
целые	159	...	76	...	235	...
проксимальные	14	...	3	...	17	...
медиальные	6	...	2	...	8	...
дистальные	16	...	5	...	21	...
Леваллуазские отщепы	2	0,6	8	5,2	10	2,0
В том числе:						
целые	2	...	8	...	10	...
Леваллуазские острия	5	1,4	1	0,6	6	1,2
В том числе:						
целые	5	...	1	...	6	...
Пластины	73	20,6	43	27,7	116	22,7
В том числе:						
целые	46	...	29	...	75	...
проксимальные	7	...	6	...	13	...
медиальные	9	...	2	...	11	...
дистальные	11	...	6	...	17	...
Сколы подправки ударной площадки («таблетки»)	2	0,6	0	0,0	2	0,4
В том числе:						
целые	2	...	0	...	2	...
Краевые сколы	14	3,9	5	3,2	19	3,7
В том числе:						
целые	13	...	3	...	16	...
проксимальные	1	...	—	...	1	...
дистальные	—	...	2	...	2	...
Полупервичные пластины	4	1,1	1	0,6	5	1,0
В том числе:						
целые	3	...	1	...	4	...
проксимальные	1	...	—	...	1	...
Полуреберчатые пластины	3	0,8	1	0,6	4	0,8
В том числе:						
целые	3	...	1	...	4	...
Осколки, мелкие отщепы длиной < 30 мм	57	16,1	3	1,9	60	11,8
Гальки	—	—	3	1,9	3	0,6
Неопределимые артефакты	—	—	4	2,6	4	0,8
<i>Всего</i>	355	100,0	155	100,0	510	100,0

в проксимальной части отмечен треугольный негатив снятия. Зафиксированы очень немногочисленные остроконечные пластины с признаками бипродольной огранки. В целом пластины очень крупные, правильных очертаний. Особую группу составляют немногочисленные леваллуазские отщепы и острия: подпрямоугольные и подтреугольные сколы, сформированные встречными или конвергентными снятиями, иногда – сколами подправки с латералей (рис. 5, 11, 12). Об-

ращает на себя внимание крайне малое количество реберчатых сколов и поперечных сколов подправки ударных площадок («таблеток») Наиболее распространенный тип технических сколов – краевые сколы с обушком.

Основываясь на характеристиках сколов и нуклеидных изделий изученной выборки, можно сделать вывод об использовании на местонахождении плоскостного леваллуазского (отщепового), радиального

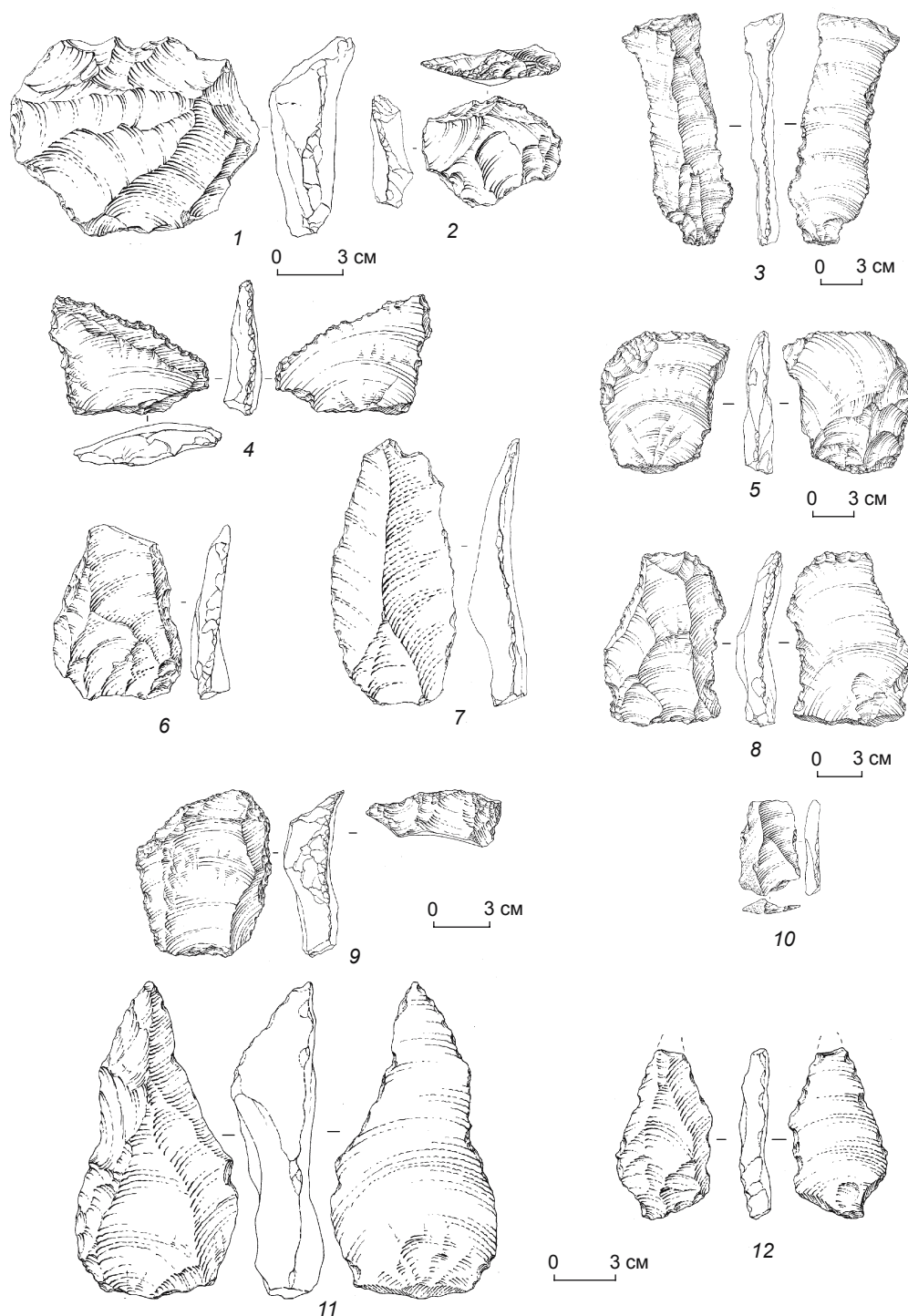

Рис. 5. Орудия. Местонахождение Лотоши.

(судя по наличию асимметричных сколов со следами конвергентной и центростремительной огранки) и объемного отщепового и пластинчатого расщепления. Разнообразие способов раскалывания нашло отражение в значительной вариабельности дорсального огранения сколов (табл. 4). Основными (хотя и не преобладающими) способами организации фронтов

раскалывания нуклеусов были параллельные и субпараллельные однонаправленные и бипродольные снятия. Весьма широкое распространение получили ортогональные (подперекрестные) и центростремительные (радиальные) варианты огранки дорсальных поверхностей на этапе первоначальной отделки нуклеусов.

Таблица 3. Средние показатели отношения ширины (m) к толщине (n) и длины (l) к ширине (m) сколов в индустрии местонахождения Лотоши

Тип скола	m : n	l : m
Отщеп	3,9	1,2
Пластина	2,9	2,5
Все сколы	3,5	1,5

Таблица 4. Типы дорсальных поверхностей сколов местонахождения Лотоши

Поверхность	Кол-во, ед.	%
Естественная	32	9,1
Гладкая	3	0,8
Со следами огранки:		
однонаправленной	124	35,1
бипродольной	40	11,3
ортогональной	66	18,7
центростремительной	58	16,4
конвергентной	30	8,5
<i>Всего</i>	353	99,9

Таблица 5. Типы ударных площадок сколов местонахождения Лотоши

Площадка	Кол-во, ед.	%
Естественная	54	14,0
Гладкая	239	62,1
Двугранная	42	10,9
Фасетированная	17	4,4
Линейная	15	3,9
Неопределимая	18	4,7
<i>Всего</i>	385	100

Таблица 6. Типологический состав орудий комплекса местонахождения Лотоши

Орудия	Кол-во, ед.	%
Скребла	17	11,0
Скребки	8	5,2
Ретушированные пластины	25	16,1
Ретушированные отщепы	36	23,2
Зубчато-выемчатые орудия	36	23,2
Острия	5	3,2
Бифасы	5	3,2
Шиповидные орудия	13	8,4
Комбинированные орудия	6	3,9
Ножи	1	0,6
Чопперы	3	1,9
<i>Всего</i>	155	100

Доля двугранных и фасетированных площадок невелика, суммарно она достигает 15,3 % (табл. 5). Наиболее распространенные типы площадок – естественные и гладкие.

Орудия (табл. 6). Составляют 26 % от общего количества артефактов. Поскольку артефакты местонахождения Лотоши находились в условиях поверхностного залегания, отсеивание предметов с признаками псевдоретуши производилось с максимальной осторожностью. Орудия обработаны преимущественно дорсальной ретушью (49 %), встречаются также орудия с элементами вентральной (17 %), чередующейся (24 %), противолежащей (7 %) и бифасиальной (3 %). Параллельная ретушь использовалась наиболее часто, ее следы имеют 48 % орудий; чешуйчатой ретушью обработано 19 % изделий, ступенчатой – 8 %; сочетание различных типов ретуши зафиксировано на 25 % изделий. Признаки слабомодифицирующей ретуши прослежены на 23 % орудий, среднемодифицирующей – на 40, сильномодифицирующей – на 37 %. В индустриях ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии изделия с элементами сильно- и среднемодифицирующей ретуши составляют 60–40 % от общего количества орудий комплекса [Васильев, Рыбин, 2009]. Таким образом, удельный вес орудий, подвергавшихся интенсивной, видоизменяющей вторичной обработке, весьма большой – 77 %. Доля орудий в коллекциях Лотоши заметно выше, чем в индустриях мастерских. Вероятно, на территории памятника производились операции и по изготовлению простых форм орудий.

По структуре коллекция сколов-заготовок для изготовления орудий близка набору неретушированных предметов (см. табл. 2). Однако доля пластин в составе орудий несколько больше, чем среди предметов без признаков вторичной обработки.

Среди орудий выделено несколько типологических групп.

Зубчато-выемчатые орудия (табл. 6). Представлены целыми изделиями (30 ед.) и фрагментами. Отщепы послужили заготовками для 23 орудий, пластины – для 8, леваллуазские отщепы – для 4 изделий; из плитки изготовлено одно орудие. Длина предметов (учитывались только целые) от 47 до 164 мм (средняя – 88 мм), ширина от 37 до 113 (средняя – 55), толщина от 8 до 28 мм (средняя – 14 мм).

Десять предметов имеют поверхность средней степени дефляции, 25 – слабой; одно орудие с недефлированной поверхностью.

Для зубчато-выемчатых орудий характерны различные вариации формирования рабочего края. С учетом специфики комплекса к этому типу отнесены предметы, обработанные регулярной ретушью и имеющие ретушированные выемки. В коллекции отмечены орудия, выполненные на типичных для коллекции

сколах – пластинах с центральным негативом треугольного скола и отщепов с субпараллельной и радиальной огранкой дорсальной поверхности (см. рис. 5, 1, 3, 8, 10). На рабочем крае 33 орудий сочетаются элементы средне- и сильномодифицирующей параллельной и чешуйчатой ретуши и ретушированных выемок, на 24 предметах признаки ретуши локализуются на двух рабочих краях изделий и более.

Скребла (табл. 6). Орудия данного типа выполнены, как правило, из отщепов (13 ед.). Длина предметов от 48 до 210 мм (средняя – 95 мм), ширина от 41 до 102 (средняя – 74), толщина от 12 до 64 мм (средняя – 24 мм). Шесть предметов имеют поверхность средней и 11 – слабой степени дефляции. Преобладают многолезвийные формы. Вместе с тем следы сильномодифицирующей многорядной обработки чешуйчатой или ступенчатой ретушью редко занимают значительную часть периметра орудия. Однорядная слабомодифицирующая параллельная ретушь часто играла важную роль при оформлении орудий – формировала дополнительные лезвия. Выделяется несколько типов скребел: *продольные* (4 ед.), представлены преимущественно вариантами с одним обработанным лезвием (см. рис. 5, 9); *поперечные* (4 ед.), с рабочим краем, сформированным в дистальной части заготовки (см. рис. 5, 2); *двойные угловатые конвергентные* (4 ед.), у них ось симметрии рабочего края орудия и заготовок, очевидно, снимавшихся с дисковидных нуклеусов, не совпадает (см. рис. 5, 3; рис. 6, 1); *лимасы* (1 ед.); *продольно-поперечные* (2 ед.; см. рис. 5, 5); *скребла, обработанные по периметру* (2 ед.; см. рис. 6, 2).

Скребки (табл. 6). Имеются пять предметов с поверхностью средней степени дефляции и три – слабой. Выделяются скребки двух основных морфологических вариантов: *угловые* (4 ед.), выполненные на отщепов, у них на углах дистального окончания полукрутой параллельной ретушью оформлены слегка выступающие узкие скребковые лезвия (см. рис. 6, 5), и *концевые* (4 ед.), заготовками для них послужили крупные пластины и полуреберчатая (длина от 74 до 183 мм, ширина от 34 до 68, толщина от 18 до 22 мм, все максимальные размеры относятся к полуреберчатой пластине (см. рис. 2, 4)). Параллельная полукрутая и отвесная ретушь наносилась на дистальный конец (см. рис. 5, 7), у одного изделия прослеживается подправка ударного бугорка и продольных краев с помощью плоской чешуйчатой ретуши (см. рис. 6, 3).

Ретушированные пластины (табл. 6; см. рис. 6, 4). Обнаружены целые изделия (16 ед.) и фрагменты. Длина целых предметов от 62 до 180 мм (средняя – 108 мм), ширина от 33 до 76 (средняя – 49), толщина от 6 до 30 мм (средняя – 16 мм).

Два предмета имеют поверхность сильной степени дефляции, 8 – средней, 14 – слабой, 1 – недефлированную.

Двенадцать орудий обработано параллельной ретушью, 6 – чешуйчатой; остальные орудия представляют смешанные варианты обработки, или характеристики ретуши нереконструируемы из-за выветривания. Слабо- и среднемодифицирующей ретушью обработаны 19 изделий; остальные имеют следы сильномодифицирующей ретуши. У 15 орудий следы ретуши расположены на двух продольных краях, однако они занимают незначительную часть рабочего края. Можно отметить, что большинство орудий несет следы преимущественно легкой обработки, предполагающей кратковременное использование в трудовых операциях.

Ретушированные отщепы (табл. 6). Включают 33 целых изделия и фрагменты. Длина целых артефактов от 35 до 152 мм (средняя – 81 мм), ширина от 25 до 141 (средняя – 64), толщина от 7 до 47 мм (средняя – 18 мм).

Десять предметов имеют поверхность средней степени дефляции, 24 – слабой, 2 – недефлированную.

Семнадцать орудий обработаны параллельной ретушью, 8 – чешуйчатой, остальные орудия представляют смешанные варианты обработки или имеют следы неопределимой ретуши. Слабо- и среднемодифицирующей ретушью обработаны 30 изделий, сильномодифицирующей – 6 орудий. У 15 орудий признаки ретуши локализуются на одном и двух продольных краях, однако они занимают незначительную часть рабочего края. Отщепы, как и ретушированные пластины, имеют следы легкой обработки, предполагающей непродолжительную эксплуатацию изделия.

Острия (табл. 6). Одно изделие имеет поверхность слабой степени дефляции, остальные – средней. Выделяется несколько разновидностей острий. *Асимметричные* (2 ед.) выполнены на отщепе и крупной пластине (размеры 106×42×13 мм). Оба продольных края орудий обработаны полукрутой параллельной и чешуйчатой ретушью, формирующей отклоняющийся от продольной оси орудия рабочий заостренный край (см. рис. 6, 6). Комплекс включает также *симметричное острие на пластине, острие с вентральной подправкой дистального окончания и леваллуазский подтреугольный ретушированный скол*. У последнего изделия отсутствует дистальное окончание, однако можно проследить, что оба продольных края имеют признаки ретуширования и конвергенции (см. рис. 5, 6).

Бифасы (табл. 6). Серия бифасально обработанных орудий небольшая, но выразительная. Три изделия овальной или подпрямоугольной формы, двояковыпуклые в сечении, обработаны двусторонними сколами на обоих фасах и дополнительно подправлены по краю ретушью. Они имеют поверхность слабой степени дефляции. Их длина от 68 до 111 мм, ширина от 53 до 75, толщина от 13 до 28 мм (рис. 7, 1, 6). Два других изделия – листовидный бифас и частичный бифас – имеют более вытянутую форму, подпрямоуголь-

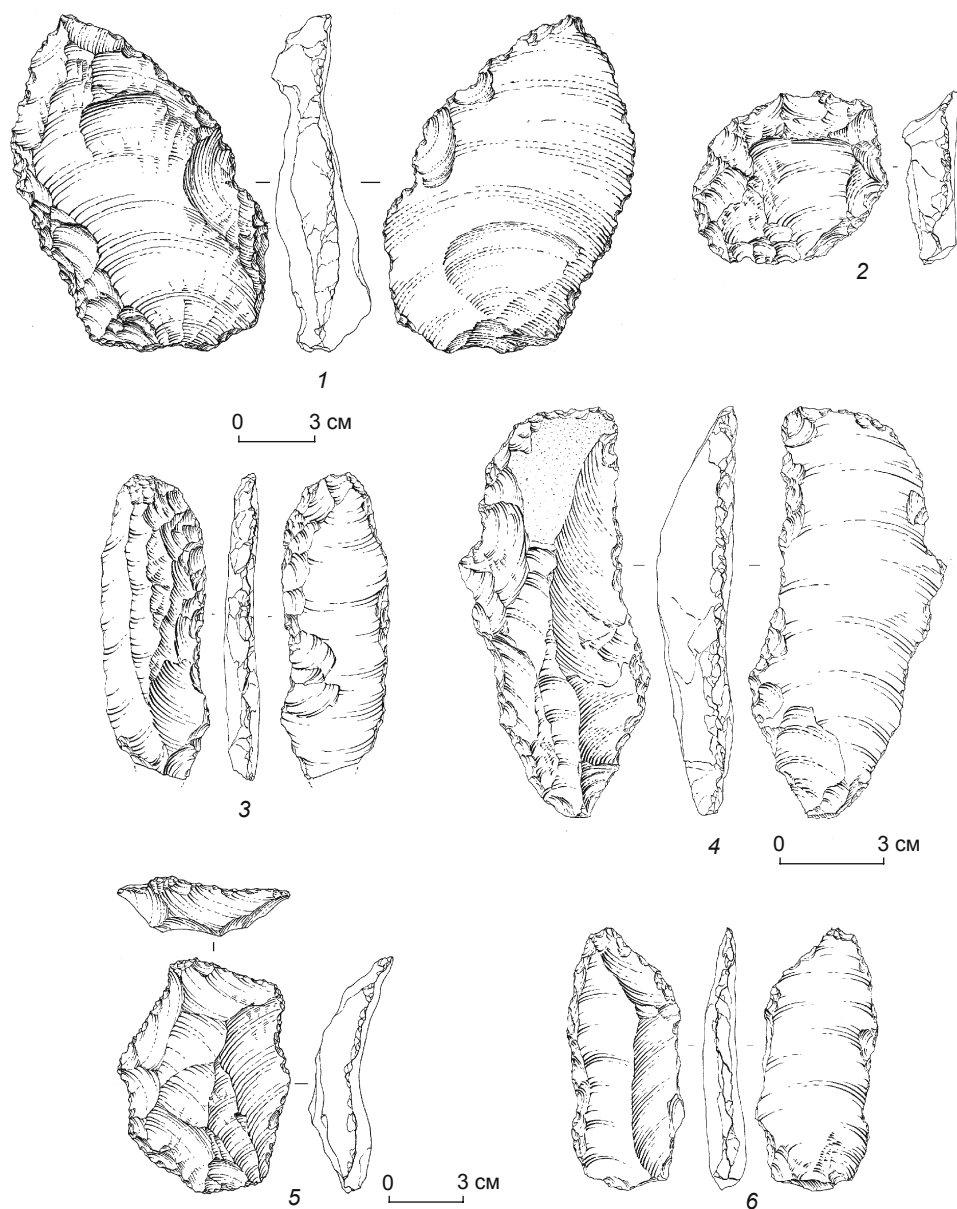

Рис. 6. Орудия. Местонахождение Лотоши.

ные в сечении. Их поверхность средней степени дефляции. Длина от 88 до 182 мм, ширина от 34 до 71, толщина от 20 до 40 мм (рис. 7, 3).

Шиповидные орудия (табл. 6). Изделия этого типа характерны для палеолита Центральной Азии; они широко представлены в индустриях многих стоянок раннего этапа верхнего палеолита на территории Монголии и Забайкалья. Своеобразие данных орудий обусловлено формированием перфорирующего элемента – «шипа» – с помощью различных сочетаний ретуши и ретушированных выемок в дистальной части заготовок или на углах, образованных пересечением продольного и поперечного краев (рис. 7, 5, 7). В коллекции имеются целые изделия (8 ед.) и фраг-

менты. Заготовками для девяти орудий послужили отщепы, для четырех – пластины. Длина предметов (учитывались только целые) от 41 до 127 мм (средняя – 64 мм), ширина от 30 до 92 (средняя – 50), толщина от 9 до 32 мм (средняя – 15 мм). Два предмета имеют поверхность сильной степени дефляции, три – средней, семь – слабой, одно – недефлированную.

Комбинированные орудия (табл. 6). На заготовке фиксируется сочетание различных морфологических элементов: острия и зубчато-выемчатого орудия (1 ед.), зубчато-выемчатого орудия и многофасеточного резца (1 ед.; рис. 7, 10), скрепка и зубчато-выемчатого орудия (4 ед.). Все изделия нефрагментированные. Заготовками для четырех орудий послужили

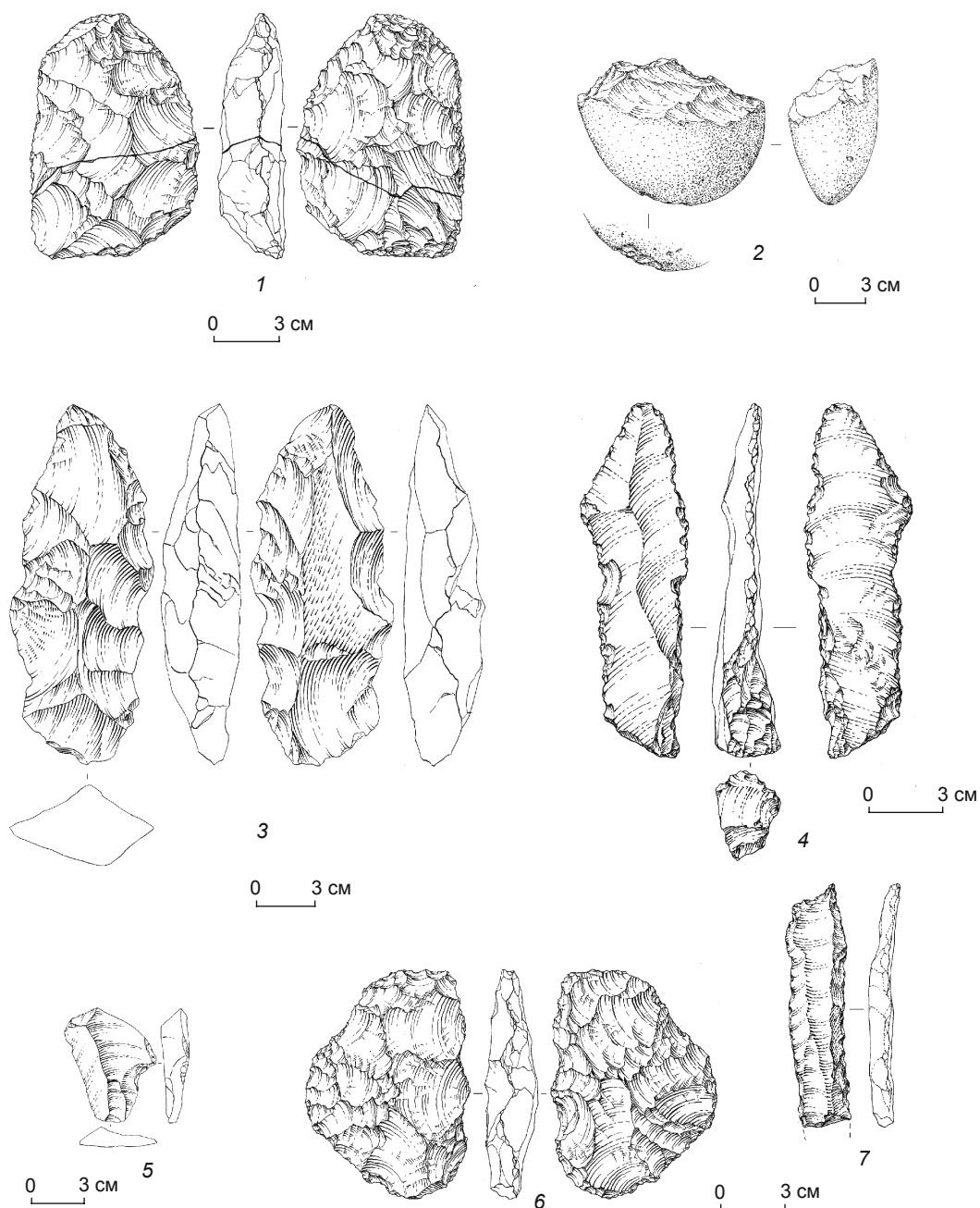

Рис. 7. Орудия. Местонахождение Лотоши.

отщепы, для двух – пластины. Длина предметов от 42 до 142 мм (средняя – 68 мм), ширина от 32 до 58 (средняя – 46), толщина от 8 до 16 мм (средняя – 12 мм). Три предмета имеют поверхность средней степени дефляции, два – слабой, один – недефлированную.

Нож (табл. 6). Оформлен на сколе с поперечно-ограниченным обушком (размеры 88×48×18 мм). Противоположащее обушку лезвие обработано полукруглой однорядной регулярной параллельной ретушью.

Чопперы (табл. 6). Изготовлены из кварцитовых галек, одна из сторон которых несет следы односто-

ронней обивки, формирующей лезвие. Одно изделие имеет поверхность средней степени дефляции (рис. 7, 2), одно – слабой, еще одно – недефлированную. Длина орудий от 77 до 104 мм, ширина 75 до 110, толщина от 26 до 51 мм.

Обсуждение

Комплекс Лотоши, как отмечалось, включает предметы с поверхностью различной степени дефляции, однако,

с нашей точки зрения, нет оснований придавать хронологическое значение этой особенности и с ее учетом выделять культурно-хронологические группы. Индустрия имеет гомогенный облик. Артефакты, различающиеся по степени дефляции поверхности, не образуют устойчивых комплексов, характеризующихся специфической технологией раскалывания или типологией изделий. На некоторых предметах можно проследить следы как средней, так и слабой дефляции – в зависимости от качества исходного сырья или от того, какая часть артефакта была обращена в сторону господствовавшей в данной местности розы ветров. Сохранность поверхности предметов зависела и от того, были ли артефакты в какой-то период перекрыты рыхлыми отложениями или находились на поверхности.

Как можно определить культурно-хронологическую принадлежность комплекса Лотоши? Состав ядрищ (значительна доля преформ и блоков тестирования породы), а также их морфологические характеристики (очень большие средние размеры нуклеусов, высокий удельный вес предметов со следами естественной корки на поверхности) позволяют предположить, что на территории поселения производилась типичная для мастерских первичная отделка нуклеидных форм. Судя по особенностям подготовки нуклеусов, технология раскалывания во многом определялась исходной брусковидной или плиточной формой конкреций. Использование естественных граней заготовок позволяло не применять в широких масштабах технику снятия реберчатых пластин. Наиболее распространенный тип технических сколов – пластины с обушком. Индустрию нуклеусов составляют одно- и двухплощадочные ядрища со следами субпараллельных, центростремительных и подперекрестных (ортогональных) снятий. Коллекция включает несколько нуклеусов, которые могут быть определены как леваллуазские, а также немногочисленные подпризматические нуклеусы, по форме аналогичные находкам из ранневерхнепалеолитических комплексов региона. Собственно леваллуазские снятия (отщепы и остроконечники) единичны, многие из них морфологически атипичны. В данном комплексе, по сравнению с другими индустриями региона, относительно велика доля пластин удлиненных очертаний с довольно высокими показателями индекса массивности. Индекс фасетированности низкий.

В орудийном наборе доминируют изделия простых форм, не обладающих признаками изощренной вторичной отделки: ретушированные отщепы и пластины, зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. Вместе они составляют ок. 70 % от общего числа орудий. Скребла в основном маловыразительные; их, как и скребков (среди которых встречаются отдельные тщательно оформленные предметы), немного. Таким образом, основная часть орудий не может быть одно-

значно отнесена к тому или иному этапу палеолита. Вместе с тем орудия отдельных типов (небольшая серия полуовальных линзовидных бифасов, острий на пластинах и многофасеточный резец) имеют аналоги в индустриях верхнепалеолитических и «переходных» памятников сопредельных территорий.

О принадлежности данного памятника к самым ранним этапам верхнего палеолита свидетельствует типологическая композиция комплекса, характерная для ряда стратифицированных и надежно датированных центрально-азиатских индустрий. В комплексе сочетаются плоскостные и подпризматические нуклеусы для снятия пластин, а также радиальные и единичные леваллуазские ядрища; существенную долю составляют пластины, шиповидные орудия, ретушированные пластины, полуовальные бифасы; высокий удельный вес имеют шиповидные орудия; немногочисленны скребла.

Наиболее территориально близкие аналоги индустриям местонахождения Лотоши – комплексы памятников южного фаса Монгольского Алтая. Артефакты одного из них – местонахождения Барлагин-Гол-2 – находятся в открытом залегании, они сосредоточены на плитчатых выходах сырья для изготовления орудий. В составе комплекса выделяется значительная серия плоскостных и подпризматических нуклеусов для снятия пластин, выявлены также леваллуазские нуклеусы для отщепов и центростремительные нуклеусы. Более половины сколов – крупные пластины. Представлены леваллуазские подтреугольные сколы. В орудийном наборе имеются концевые скребки, шиповидные орудия, бифасиально обработанные орудия [Деревянко и др., 1990]. К ранней поре верхнего палеолита относится пластинчатая индустрия памятника Манхан-5 в Монгольском Алтае [Там же]. Возможно, этому же времени принадлежат материалы другого объекта Монгольского Алтая – местонахождения Баян-Нур-сомон-13. В его коллекции имеется много выразительных бифасиальных орудий. Этот комплекс также характеризуется сочетанием подпризматических, плоскостных и леваллуазских нуклеусов, пластинчатых снятий с признаками бипродольной огранки.

Среди стратифицированных объектов местонахождению Лотоши наиболее близки также монгольские стоянки. Индустрию горизонта 3 стоянки Орхон-1 (Центральная Монголия), относящуюся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту, ок. 40 тыс. л.н., можно с уверенностью сопоставить с материалами местонахождения Лотоши. В комплексе Орхона-1 прослеживается сочетание леваллуазской технологии, которая предусматривала центростремительное оформление фронта расщепления т.н. черепашковидных нуклеусов, предназначенных для производства овальных леваллуазских отщепов, и верхнепалеолитической подпризматической технологии раскалывания камня.

Отмечаются значительная доля пластинчатых сколов в составе отходов первичного расщепления и заготовок для орудий, относительно небольшое количество верхнепалеолитических типов орудий, представленных в основном скребками [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. В Северной Монголии в бассейне Селенги формирование верхнепалеолитических индустрий может быть прослежено на примере стоянки Толбор-4; ее индустрия проявляет сходство с материалами Джунгарии. На Толборе-4 40–35 тыс. л.н. бытовала индустрия, представленная комплексами из культурных горизонтов 5 и 6 [Деревянко и др., 2007]. Леваллуазская составляющая технологии раскалывания здесь выступает лишь в качестве элемента оформления нуклеусов. В целом расщепление имеет верхнепалеолитический характер, его отражают плоскостные и подпризматические нуклеусы с выделенными латеральными. Эти ядрища очень напоминают образцы из комплекса Лотоши, предназначенные для снятия крупных массивных пластин. Орудийный набор включает серию линзовидных полуовальных бифасов, шиповидных орудий, концевых и угловых скребков. По композиции индустрии материалы Толбора-4 и Лотоши близки. Восточная оконечность ареала леваллуапластинчатых индустрий начальной стадии верхнего палеолита представлена коллекциями стоянки Шуйдунгоу (ок. 27 тыс. л.н.) в пров. Нинся, граничащей с Синьцзяном [Шуйдунгоу..., 2003; Brantingham et al., 2004]. Горный Алтай – западная часть зоны распространения пластинчатых индустрий, относящихся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту и начальному этапу верхнего палеолита, наиболее ранние даты которого 50–40 тыс. л.н. [Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, 2010]. Связующим регионом между Джунгарией и Горным Алтаем является Восточный Казахстан. Здесь выявлено несколько объектов раннего этапа верхнего палеолита. Индустрии некоторых из них обладают основными особенностями джунгарских и монгольских технокомплексов. Например, индустрия такого многослойного памятника, как стоянка Валиханова [Таймагамбетов, 1990], принадлежащая, очевидно, начальному этапу верхнего палеолита, характеризуется дисковидными и подпризматическими нуклеусами, скребками и скребками на пластинах и отщепках, рубящими орудиями, редкими резцами. Стоянка Шульбинка на Иртыше и открытые в конце 1990-х гг. стратифицированные стоянки в бассейне Иртыша содержат пластинчатые комплексы ранней поры верхнего палеолита [Петрин, Таймагамбетов, 2000; Деревянко и др., 1999]. Следует отметить, что пока трудно обнаружить аналоги индустрии местонахождения Лотоши на более удаленных к югу территориях, таких как бассейн Тарима, Центральный Китай или Южный Казахстан. На данный момент выявлены культурно-генетические связи данного комп-

лекса с регионами юга Сибири или севера Центральной Азии и территорией Северного Китая.

Выводы

Материалы местонахождения Лотоши, согласно результатам изучения коллекций, относятся к начальной стадии верхнего палеолита. Особенности применявшейся древним человеком технологии были обусловлены спецификой использовавшегося каменного сырья и функциональными характеристиками местонахождения – мастерской, где осуществлялась деятельность по начальной утилизации нуклеусов и изготовлению орудий.

С учетом широкого круга аналогов комплекса можно предположить, что местонахождение Лотоши находилось на пути распространения традиций пластинчатых индустрий финала среднего – начала верхнего палеолита от Горного Алтая через территории Восточного Казахстана, Джунгарии, Западной и Центральной Монголии до излучины Хуанхэ (Ордоса). Индустрия памятника позволяет, с одной стороны, заполнить недостающее звено в гипотезе «южного маршрута» распространения верхнего палеолита в Центральной Азии. С другой стороны, и эта точка зрения видится более обоснованной, нет достаточных оснований для того, чтобы связывать индустрию Лотоши с гипотетическими миграциями носителей пластинчатых технологий из Горного Алтая. Если бы такое передвижение населения имело место, то в рассматриваемом нами комплексе получили бы отражение признаки двух ярких традиций начальной поры верхнего палеолита Горного Алтая – кара-бумовской или усть-каракольской, обладающих набором четких специфических черт. Как показало проведенное нами сопоставление, сходство индустрии Лотоши с алтайскими и синьцзянскими технокомплексами проявляется в самых общих характеристиках, а также в близости модели перехода от среднего к верхнему палеолиту. Эту модель характеризует постепенное усиление верхнепалеолитических особенностей на базе леваллуазской основы местного происхождения. Материалы многослойных комплексов свидетельствуют о том, что эволюция среднепалеолитических культурных традиций на Алтае происходила 70–50 тыс. л.н., в результате 50–40 тыс. л.н. здесь формировались индустрии ранней поры верхнего палеолита. Начиная с 60 тыс. л.н. в среднепалеолитической индустрии увеличивается удельный вес верхнепалеолитических орудий (скребков, резцов, орудий, оформленных на пластинах) и соответственно возрастает доля ядрищ для пластинчатого расщепления, появляются торцовые, клиновидные и другие нуклеусы для снятия пластин, уменьшается процент ядрищ леваллуазского и радиального прин-

ципов расщепления. Для индустриальных комплексов этой эпохи характерны черты, которые позволяют выделить две самостоятельные линии развития – усть-каракольскую и кара-бомовскую [Деревянко, 2010]. На территории Синьцзяна и Горного Алтая в индустриях финала среднего – начала верхнего палеолита сочетаются признаки применения плоскостной леваллуазской и пластинчатой подпризматической технологии скалывания. Своеобразие этих комплексов обусловлено одновременным использованием типично среднепалеолитических техник подготовки ударной площадки и фронта скалывания с помощью центростремительных снятий и применением приемов поддержания выпуклости фронта с помощью скалывания реберчатых пластин и бипродольных снятий, организованных на подпризматическом фронте. Значительно больше аргументов для объединения индустрии местонахождения Лотоши с монгольскими комплексами, а также с индустриями стоянки Шуйдунгоу в рамках одной, местной, также леваллуазской в основе модели перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность сотрудникам экспедиции, участвовавшим в полевых работах на территории Синьцзяна. Мы отдаем долг памяти безвременно ушедшему от нас А.Н. Зенину, а также выражаем благодарность В.Н. Зенину, А.И. Кривошапкину и М.В. Шунькову, принимавшим участие в обработке и анализе коллекций во время пребывания в Пекине в октябре – ноябре 2009 г.

Иллюстрации выполнены художниками ИАЭТ СО РАН А.В. Абдулмановой и Н.В. Вавилиной.

Список литературы

- Ананьев Г.С., Симонов Ю.Г., Спиридонов А.И.** Динамическая геоморфология. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. – 448 с.
- Гвоздецкий Н.А., Голубчиков Ю.Н.** Горы. – М.: Мысль, 1987. – 399 с.
- Деревянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 2–32.
- Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларищев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М.** Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрен Б.** Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.
- Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т.** Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.
- Деревянко А.П., Комиссаров С.А.** К проблеме синьцзянского палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 43–47.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Рыбин Е.П., Козловский М.К., Ларионов В.А., Ларионов П.Н., Ситникова Л.Г.** Палеолит Лениногорской котловины в Западном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VII Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 84–88.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.
- Лузин Б.Н.** Большой Алтай как климатический барьер // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 39–46.
- Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К.** Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из Верхнего Прииртышья. – Алматы: Ин-т ист. исслед. Каз. гос. нац. ун-та им. Аль-Фараби; ИАЭТ СО РАН, 2000. – 165 с.
- Селиванов Е.И.** Геоморфология Джунгарии. – М.: Недра, 1965. – 154 с.
- Таймагамбетов Ж.К.** Палеолитическая стоянка им. Ч. Валиханова. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. – 125 с.
- Шуйдунгоу.** Доклад о раскопках 1980 года (Шуйдунгоу. 1980 нянь фацзюэ баогэо). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 233 с. (на кит. яз.).
- Brantingham P.J., Gao X., Madsen D.B., Bettinger R.L., Elston R.G.** The Initial Upper Paleolithic at Shuidonggou, Northwestern China // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2004. – P. 223–241.
- Chen Mengxiong.** Impacts of Human Activities on the Hydrological Regime and Ecosystems in an Arid Area of Northwest China // Man's Influence on Freshwater Ecosystems and Water Use (Proceeding of Boulder Symposium, July 1995). – Beijing: IAHS Publ., 1995. – N 230. – P. 131–139.
- Jia Wei Ming, Betts A., Wu Xinhua.** Prehistoric Archaeology in the Zhunge'er (Junggar) Basin, Xinjiang, China // Eurasian Prehistory. – 2009. – Vol. 6, N 1/2. – P. 167–198.
- New Achievements in Xinjiang Cultural Relics and Archaeology (1979–1989)** // Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. – Urumchi: Xinjiang People's Press, 1995. – P. 1–8.
- Wang B., Du G.** New Achievements in Xinjiang Cultural Relics and Archaeology (1990–1996) // Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. – Urumchi: Xinjiang Fine Arts Photography Press, 1997. – P. 29–70.

*Материал поступил в редколлегию 05.04.12 г.,
в окончательном варианте – 10.04.12 г.*

УДК 903.03

Н.К. Анисюткин¹, А.Л. Чепалыга³, С.И. Коваленко², А.К. Очередной¹¹Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: iitka@mail.ru; mr_next@rambler.ru²Научно-исследовательская лаборатория «Археология»
Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко
ул. 25 Октября, 128, корп. 1, Тирасполь, MD 3300,
Приднестровская Молдавская Республика
E-mail: covalenco@bk.ru³Институт географии РАН
Старомонетный пер., 20, Москва, 119017, Россия
E-mail: kavosk@mail.ru

РАСКОПКИ СТОЯНКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА БАЙРАКИ (ПРИДНЕСТРОВЬЕ) В 2011 ГОДУ*

В статье публикуются материалы из древних отложений высокой VII надпойменной террасы левобережного Днестра (стоянка раннего палеолита Байраки). Коллекция данного уровня включает 28 артефактов, в т.ч. выразительные отщепы и нуклеусы, а также типичные для раннего палеолита формы орудий. По предварительным результатам междисциплинарных исследований, полученным в сезоне 2011 г., предложена обоснованная относительная геологическая датировка слоев стоянки: комплекс из руслового аллювия, археологически сопоставимый с развитым ольдовом, может датироваться эоплейстоценовым временем. Таким образом, изучаемая стоянка Байраки в настоящее время является одним из древнейших памятников каменного века Восточной Европы.

Ключевые слова: эоплейстоцен, ранний плейстоцен, долина нижнего течения Днестра, ранний палеолит.

Введение

Стоянка раннего палеолита Байраки, обнаруженная в 2010 г. Российско-приднестровской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь), расположена на окраине г. Дубоссары (Приднестровье) [Анисюткин и др., 2012] (рис. 1). Бесспорная связь каменных изделий с раннеплейсто-

ценовыми отложениями высокой VII надпойменной террасы Днестра указывает на глубокую древность артефактов. В ходе исследований, проводившихся в 2010 г., было установлено, что каменные изделия находились в двух уровнях четвертичных отложений. Верхний уровень относится к красноцветной ископаемой почве, нижний – к аллювиальной толще, представленной преимущественно мелкогалечным материалом с глинисто-песчаным заполнителем и единичными гальками средних размеров.

Находки из верхнего уровня были приурочены к верхней части красноцветной ископаемой почвы, хотя подлинное положение всех найденных артефактов не вполне ясно. Так, выразительное скребло с элементами ретуши полукина, изготовленное на обломке кремневой гальки, залегало в маломощной прослойке суглинка желтовато-серого цвета, которая располага-

*Работа выполнена при поддержке Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (Первоначальное заселение человеком Восточной Европы)», а также проектов РФФИ 11-06-12015-офи-м-2011, 11-06-00380-а.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников раннего палеолита на территории Молдавии и Приднестровья, где проводились исследования в 2011 г.

лась на поверхности подстилающей красноцветной почвы и в основании перекрывающей ископаемой почвы бурого цвета. В этой же прослойке найден патинизированный отщеп. В верхней части красноцветной почвы были обнаружены основные кремневые изделия без патины, а также неопределимая трубчатая кость ископаемого животного.

Коллекцию артефактов из нижнего уровня, соответствовавшего русловому аллювию, представляют три галечных орудия, в т.ч. чоппер из косоуцкого песчаника, и четыре кремневых предмета. Изделия окатанные, без патины. Окатанность и характерный блеск поверхности свидетельствуют о перемещении артефактов в пределах аллювиального слоя.

С учетом уникальности столь древнего геoarхеологического объекта планом научных работ, намеченных на сезон 2011 г., было предусмотрено проведение междисциплинарных исследований. Для этой цели в исследовательский грант была включена группа специалистов из Института географии и Института геологии Российской академии наук, которую возглавил проф. А.Л. Чепалыга. Специалистами были отобраны необходимые образцы и проведены исследования на раскапываемой стоянке. Были выделены две древние ископаемые почвы, из которых верхняя перекрывает красноцветную почву с находками раннего палеолита, а нижняя подстилает ее. К тому же спорово-пыльцевым анализом образцов из бурой почвы, перекрывающей красноцветную, здесь выявлена пыльца таких тепло-

любивых древесных растений, как граб и хмелеграб [Чепалыга, Анисюткин, Садчикова, 2012, с. 82]. Последний относится к числу третичных экзотов, существовавших в регионе до начала днепровского времени. В свете этих данных даже самый верхний по положению комплекс не может быть моложе миндельского времени, т.е. он явно древнее 400 тыс. лет. В ходе дальнейших геолого-геоморфологических исследований, проведенных А.Л. Чепалыгой, было установлено, что артефакты этого комплекса еще более древние.

Геоморфология, стратиграфия и относительная геохронология

Стоянка Байраки (координаты: 47°16'27" с.ш., 29°11'10" в.д.) расположена в ныне заброшенном гравийно-галечном карьере на той же террасе, что и местонахождение раннего палеолита Большой Фонтан (рис. 2).

Стратиграфическое положение слоев с каменными изделиями надежно увязывается с результатами ранее проведенных геолого-геоморфологических исследований по детальному изучению особенностей строения и морфологии речных террас Днестра и позволяет определить относительную геохронологию стоянки. В долине нижнего течения Днестра прослежена и подробно изучена уникальная система речных террас, самая полная в мире за последние 4,5 млн лет. Общеизвестная сейчас террасовая последовательность включает 11 надпойменных террас [Чепалыга, 1962, 2005]. В последние годы этот террасовый ряд был дополнен несколькими самостоятельными террасами, которые сопоставляются с глобальными и региональными климатическими событиями.

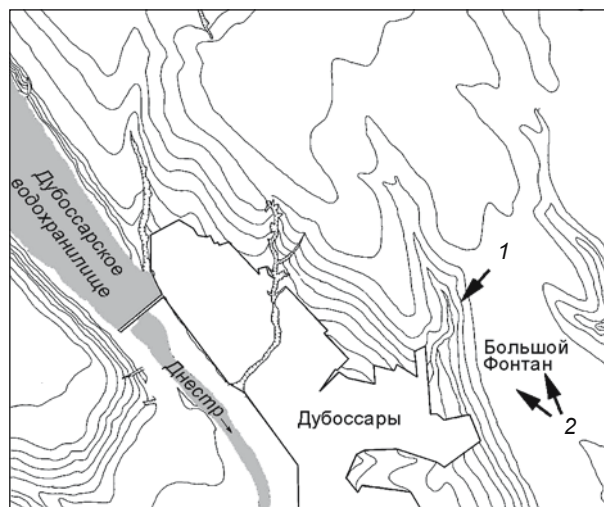

Рис. 2. Расположение памятников раннего палеолита на западной окраине г. Дубоссары. 1 – Байраки, 2 – Большой Фонтан.

Для аллювиальных и покровных отложений террас Днестра разработана детальная высокоразрешающая стратиграфия, основанная на данных о цикличности осадконакопления, фауне млекопитающих и моллюсков, а также абсолютных датах, установленных, в частности термолюминесцентным и палеомагнитным методами [Чепалыга, 1967]. В районе Дубоссар сейчас выделяется пять высоких террас: две эоплейстоценовые (VIII, VII) и три раннеэоплейстоценовые (VI высокая, VI низкая и V).

Балка Байраки, на левом борту которой расположена стоянка, врезана в VII террасу на глубину до 25 м до цоколя террасовых отложений, представленных аллювиальной и покровной толщами; в цоколе выходят морские среднесарматские известняки. Стоянка расположена внутри массива VII надпойменной террасы Днестра на глубине 1,0–1,5 км, и это обстоятельство исключает отнесение ее к более низкой VI террасе.

Общая стратиграфия стоянки, прослеженная в ходе раскопок в 2010–2011 гг., почти тождественна. Однако стратиграфическая колонка, зафиксированная в 2010 г., включает незначительный горизонт гальки и гравия в нижней части красноватой почвы, на контакте ее с пойменным аллювием.

Стратиграфическая последовательность, установленная по северо-восточной стенке раскопа, следующая (рис. 3):

1. Почва современная, черноземная, сильно гумусированная, черного цвета. Мощность 0,0–0,75 м.

2. Суглинок коричнево-бурый, слабо гумусированный и карбонатный, с плотными карбонатными стяжениями и белесыми выцветами извести – карбонатный горизонт голоценовой почвы. Мощность 0,75–1,2 м.

3. Суглинок делювиальный легкий, желто-бурый до палевого, пылеватый, пористый карбонатный, лесовидный, пронизан вертикальными ходами червей, отмечены кротовины. Мощность 1,2–1,4 м.

4. Ископаемая почва слабо гумусированная, коричневая, глинистая, слабо дифференцированная, с постепенными переходами к подстилающему и перекрывающим слоям. Южнее и выше по склону она выражена отчетливее, более мощная и гумусированная. Мощность 1,4–1,8 м.

5. Ископаемая почва красновато-коричневого цвета, трансформированная и «обезглавленная», на склоне представлена алевроглиной песчанистой, плотной, известковистой; карбонат – в виде псевдомицелиев и конкреций. Почва разбита отчетливыми трещинами, заполненными однородным красновато-коричневым осадком с более интенсивным красноватым оттенком, чем в слое 5, вероятно, проникшим из почв более высоких горизонтов, впоследствии смытых склоновой эрозией. Трещины уходят вниз в слои 7 и 8 на глубину до 1,3 м. Обнаружены немногочисленные кремневые

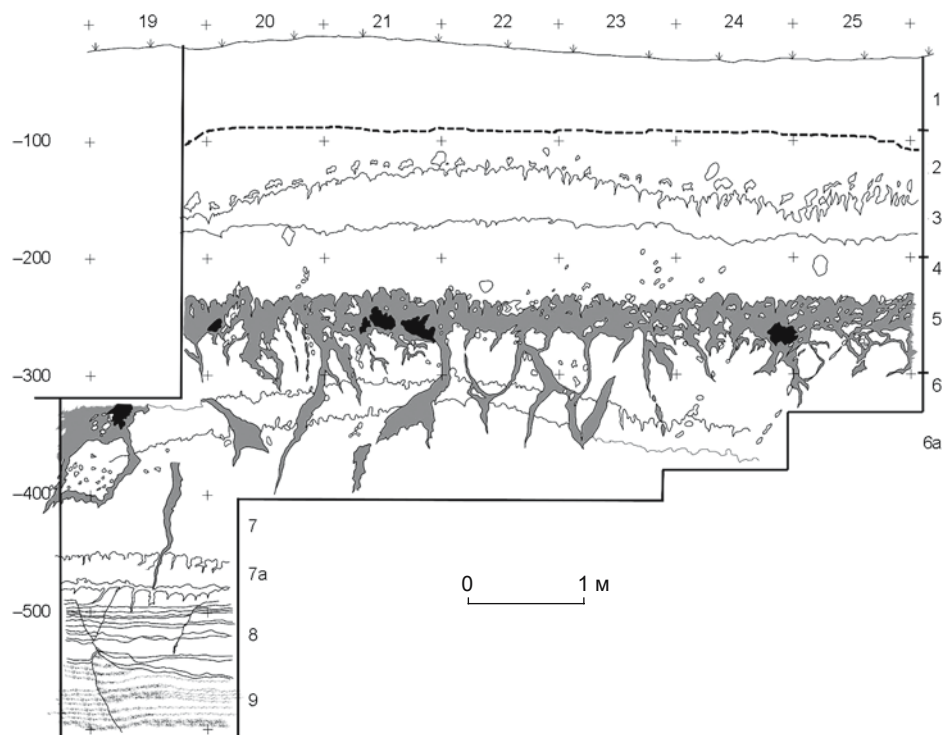

Рис. 3. Разрез северо-восточной стенки раскопа по линии кв. Д стоянки Байраки. Нумерация слоев соответствует порядковым номерам их описания в тексте.

изделия раннего палеолита и отдельные кости животных. Мощность 1,8–2,0 м.

6. Гидроморфная почва типа глеезема – алевро-глина буровато-зеленоватая до темно-серой окраски – разбита сквозными трещинами. Венчает аллювиальную толщу и является переработанной почвенными процессами пойменной фацией аллювия почвы. Толщина почвы варьирует от 0,4 до 0,1 м. Мощность 2,0–2,4 м.

6а. В основании слоя прослеживается горизонт ожелезнения.

7. Пойменная фация аллювия – алевроит песчано-глинистый, зеленовато-серый, микрослоистый, карбонатный. Мощность 2,4–4,3 м.

7а. В нижней части слоя 7 прослеживается горизонт ожелезнения ярко-бурого цвета.

8. Старичная фация аллювия – тонкий глинистый алевроит, карбонатный, горизонтально-слоистый, с чередованием карбонатных алевроитовых прослоев с более глинистыми (возможно, это связано с сезонностью осадконакопления: карбонатные – летние, глинистые – зимние слои). Мощность 4,3–5,3 м.

9. Береговая фация аллювия – пески разнозернистые, несортированные, хорошо промытые от алевроитовых до глинистых частиц; в составе преимущественно мелких галек – кварц, черные кремни, яшма, известняк. Обнаружены первые кремневые изделия аллювиального комплекса. Мощность 5,3–5,6 м.

10. Русловая фация аллювия – галечники грубые, несортированные, с песчано-гравийным заполнителем. Местами сцементированы карбонатами в конгломерат. Встречаются в разной степени окатанные каменные изделия раннего палеолита. Мощность (видимая) 5,6–6,2 м.

11. Цоколь террасы вскрывается ниже по течению, у ручья. Он представлен раковинно-детритными известняками среднего сармата с раковинами морских моллюсков. Отметки цоколя 95 м. абс.

Каменные изделия и единичные обломки костей ископаемых животных обнаружены в слоях 5, 6 (?), 9 и 10. Слой 7 включал небольшой обломок неопределимой трубчатой кости ископаемого животного. Отчетливо выделяются три ископаемые почвы, лежащие одна на другой, – верхняя (слой 4), средняя (слой 5) и нижняя (слой 6)*.

В раскопе этого сезона в средней ископаемой почве найдено всего несколько каменных изделий. С учетом прошлогодних находок они могут быть разделены на два горизонта, из которых верхний связан с кровлей этой почвы, а нижний – с ее основанием. Находки из верхнего горизонта, в свою очередь, условно делятся на две группы – с интенсивной пати-

ной белого цвета и без нее. Первые находились на поверхности почвы или в лежащем выше серовато-желтом суглинке, представленном в виде линз, которые были выявлены только в прошлом сезоне, а вторые – непосредственно в верхней части ископаемой почвы.

К нижнему горизонту, связанному с основанием средней ископаемой почвы или нижележащей кровлей, можно отнести лишь четыре предмета: массивное кремневое острие пиковидной формы, остаточный нуклеус из косоуцкого песчаника, обломок кремневого отщеп со следами ретуши и резцевидное острие на осколке. Они находились на небольшом участке среди окатанных обломков кремня и галек мелких и реже – средних размеров. Отнесение данных каменных изделий к основанию средней ископаемой почвы обосновано тем, что в фасетках артефактов обнаружены частицы породы, характерной для красноцветной почвы. Выявленные предметы были слегка окатаны, но не имели патины. Правда, с учетом нечеткости нижней границы слоя 5 нельзя исключать привязку данных артефактов к кровле лежащей ниже ископаемой почвы, сформированной на поверхности пойменного аллювия. В пользу этого косвенно указывает некоторая окатанность кремневых находок, что обычно для артефактов, обнаруженных в пойменных отложениях.

Каменные изделия из аллювиальной толщи происходили как из конгломератов, приуроченных частично к нижним горизонтам руслового аллювия, непосредственно из которых были извлечены отщеп и скребковидное орудие, так и из прокопанного шурфа. Верхняя часть руслового аллювия представляла собой отложения береговой (пляжной) фации, состоявшей из рыжевато-бурого и желтовато-бурого песка с прослойками мелкой гальки и гравия. Найденные здесь кремневые артефакты отличались от остальных относительно слабой окатанностью, но отчетливым блеском поверхности. Предметы из нижней части аллювия характеризуются более заметной окатанностью. Существенная же часть каменных изделий извлечена из скоплений песка, гравия и галечника (преобразованного конгломерата), сохранившихся в карьере неподалеку от раскопа.

По сумме данных, полученных при изучении высоких террас нижнего течения Днестра, красноцветная ископаемая почва может быть сопоставлена с верхней мартаношской почвой и соответствовать кислородно-изотопной стадии (далее – КИС) 19. В этом плане оба горизонта близки во времени, хотя не исключено, что нижний горизонт данной ископаемой почвы относится к самому началу КИС 20. Нижний уровень отложений руслового аллювия VII надпойменной террасы значительно древнее, соответствует нижней мартаношской ископаемой почве, или КИС 21.

*Верхняя и нижняя почвы выделены С.А. Сычевой (Институт географии РАН).

Описание каменных изделий

Найденные на стоянке каменные изделия, как отмечалось выше, следует подразделить на два комплекса, находящихся в ясной стратиграфической последовательности: ранний, связанный с русловым аллювием данной высокой террасы, и поздний – из лежащей выше красноцветной ископаемой почвы.

Ранний комплекс (см. таблицу). Коллекция включает 28 каменных изделий, обнаруженных в 2011 г. в русловом аллювии. Среди них 3 изготовлены из галек песчаника и 25 – из местного кремня серого, серо-желтого и черного цвета. Сырьем служили окатанные осколки и обломки мелких и средних размеров. Кремень отличался весьма плохим качеством – трещиноватостью, с многочисленными кавернами. Однако следов соударений в водном потоке на изделиях немного. При раскалывании окатанных осколков и галек данного кремня, как показали эксперименты, получались отщепы мелких размеров. Весь имеющийся кремень местного происхождения.

Галечные орудия представлены тремя предметами, из которых одно может быть описано как чоппер с двумя обработанными концами (рис. 4, 3). Он сравнительно крупных размеров, изготовлен на уплощенной гальке косоуцкого песчаника. Элементы обработки прослеживаются по двум сходящимся в одной точке краям, из которых один оббит серией распрощенных и уплощенных сколов, а второй выделен полукрутой ретушью вдоль части правого края. Точка в месте схождения двух ретушированных краев имеет отчетливые следы достаточно интенсивной забитости. На противоположном конце орудия прослеживаются негативы уплощенных и распрощенных, частично двусторонних снятий, которые обычно образуются при помощи контрударной ретуши. Скорее всего, это сложно организованное орудие могло использоваться для разбивания крупных трубчатых костей. Следующее изделие представлено уплощенной галькой косоуцкого песчаника с одной крупной клетонской выемкой (рис. 4, 2). Третье орудие изготовлено на гальке относительно мягкого песчаника, что способствовало более интенсивному окатыванию обработанного крутой ретушью края, поэтому фасетки оббивки читаются с трудом.

Кремневые изделия включают выразительный нуклеус довольно крупных размеров, изготовленный из желвака кремня серого цвета (рис. 5, 3). Поверхность ядрища окатана и покрыта неглубокой патиной. Прослеживаются пять рельефных сколов, самый крупный из которых не превышает 50 мм. Ударные площадки гладкие – естественные или образованные негативами предшествующих сколов, как правило, близкие прямым. В целом можно уверенно заключить, что отщепы скалывались с гладких (нередко пред-

Каменные изделия из раскопа 2011 г., ед.

Категория находок	Ранний комплекс	Поздний комплекс
Галечные формы	4	1 (пиковидное орудие)
Нуклеусы	3	2
Отщепы и чешуйки	10	7
Ретушированные отщепы	2	1
Скребла	4	1
Скребоквидные формы	1	–
Острия	2	1
Клювовидные орудия	2	–

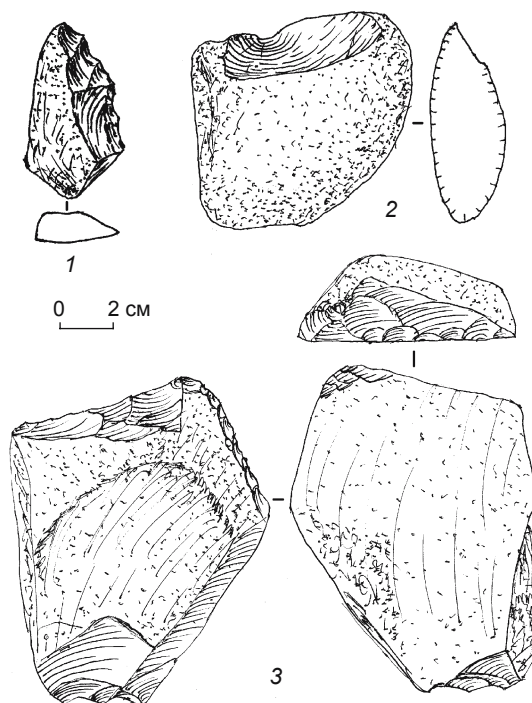

Рис. 4. Каменные изделия раннего комплекса.

1 – зубчатое скребло на обломке кремня; 2 – галька косоуцкого песчаника с крупной клетонской выемкой; 3 – чоппер двойной.

ставленных негативом предшествующего снятия) или естественных ударных площадок неподготовленных нуклеусов. Остальные два можно отнести к атипичным с единичными негативами сколов.

В коллекции имеется десять отщепов, к которым можно добавить две чешуйки. Эта категория находок имеет признаки намеренного изготовления (рис. 6, 1–6). Все отщепы мелкие, что типично для индустрий раннего палеолита. Самый крупный отщеп, найденный в 2010 г., лишь немного превышает 40 мм. Размеры остальных варьируют от 28 до 15 мм. Два из них можно отнести к сколам от оббивки рабочих краев чопперов (рис. 6, 3, 6). Все они имеют сильно скошен-

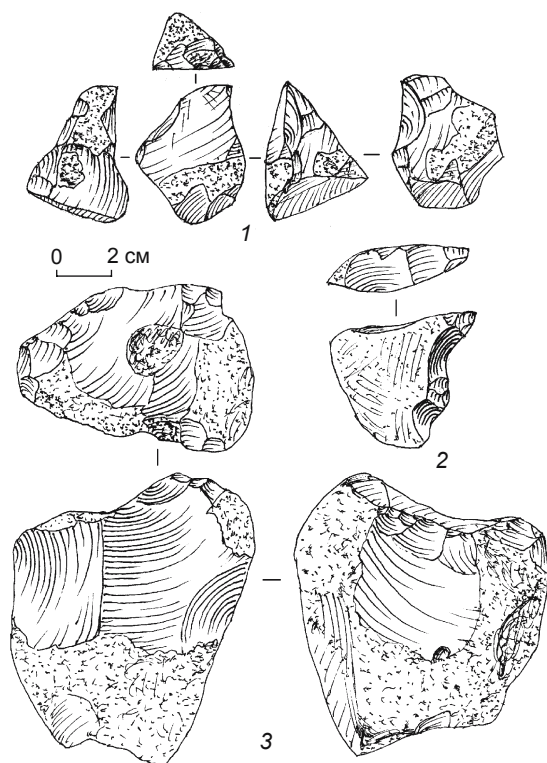

Рис. 5. Кремневые изделия раннего комплекса. 1, 2 – клювовидные орудия (bill-hooks); 3 – нуклеус.

ные и покрытые коркой ударные площадки при почти полном отсутствии ударных бугорков. Обращают на себя внимание массивность большинства отщепов и полное отсутствие стандартных форм. Выразительных отщепов со скошенными ударными площадками, которые принято называть клектонскими, нет. Преобладают гладкие площадки, как правило, естественные, сохраняющие галечную поверхность. Лишь в одном случае условно речь может идти о двугранной площадке, хотя удар, в результате которого был сколот данный отщеп, был нанесен по естественной поверхности (рис. 6, 5). В одном случае отмечена точечная площадка (рис. 6, 2). Показательно преобладание среди отщепов предметов со значительным корочным покрытием спинок, что можно лишь частично объяснить использованием очень мелкого сырья весьма низкого качества. Выделено два отщепа с признаками краевой ретуши (рис. 6, 8, 9).

Анализ имеющихся в коллекции отщепов и нуклеусов позволяет сделать вывод о том, что расщепление (его можно описать как ортогональное (прямоугольное)) производилось без предварительной ориентации с прямых или очень слабо скошенных ударных площадок. Этот способ расщепления Ф. Борд предлагал отличать от клектонского, поскольку в результате нуклеусы часто приобретали кубовидные или полиэдрические очертания [Bordes, 1961]; такие ядрища

представлены в описываемой нами индустрии аллювиального комплекса. В коллекции абсолютно преобладают мелкие и преимущественно массивные отщепы, коэффициент их массивности более 30.

Основное количество орудий изготовлено не из отщепов, а из их обломков или осколков кремня. Это явление типично для раннего палеолита Евразии. Все изделия окатаны, но степень их окатанности разная: от слабой до умеренной и очень редко – до сильной. Несомненно из отщепа изготовлено только одно орудие – мелкое угловатое скребло подтреугольной формы, выполненное на довольно массивном отщепе с естественной коркой и скошенной ударной площадкой. У него однорядными фасетками созданы скребловидное лезвие и два острых конца, один из которых выделен явно намеренно (рис. 6, 9). Второй отщеп имеет только элементы выразительной вентральной ретуши. Остальные орудия изготовлены из обломков и плитчатых осколков кремня; характер вторичной обработки позволяет отождествить их с типичными для раннего палеолита формами орудий. Они имеют, как правило, весьма четкие и выразительные признаки обработки. К числу таких орудий относится массивное орудие галечной формы, выполненное из окатанного обломка кремня, со следами двусторонней обработки попереч-

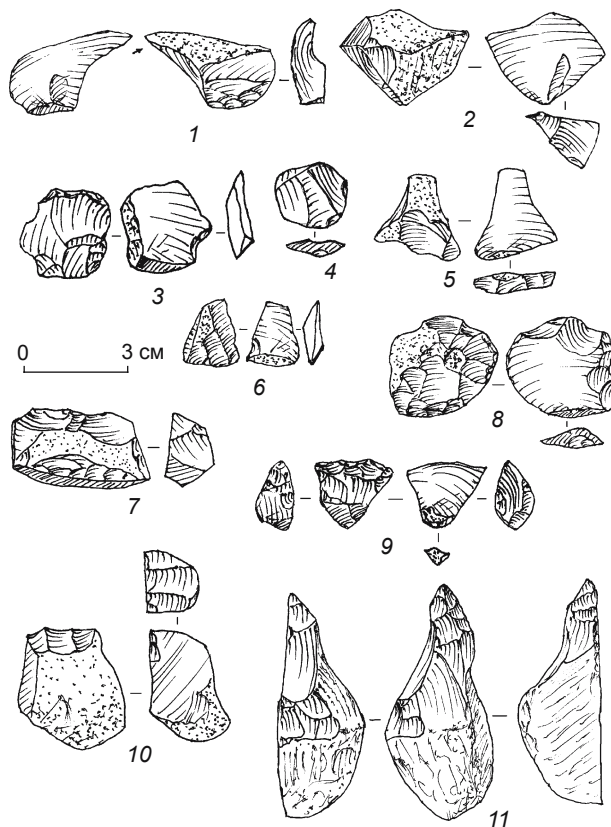

Рис. 6. Кремневые изделия раннего комплекса. 1–6, 8, 9 – отщепы; 7 – скребло подпрямоугольное; 10 – скребко; 11 – острие на обломке кремня.

ного края. Наиболее выразительным является небольшое типичное скребло, изготовленное на прямоугольном брусковидном осколке серого кремня (рис. 6, 7). Оно имеет полукруглый и прямой рабочий край, образованный несколькими распространенными и уплощенными сколами. На лезвии прослеживается подправка мелкой ретушью со следами утилизации. С правой стороны плитка усечена двумя отчетливыми сколами, с левой – не имеет признаков обработки. Аналогичные формы скребел известны в раннем палеолите Евразии. Они выделены, например, в раннем палеолите Закавказья (пещера Кударо-1) и были названы В.П. Любиным однолезвийными скреблами геометризованных (подпрямоугольных или трапециевидных) очертаний [Любин, Беляева, 2004, с. 77]. Такие формы зафиксированы и на других памятниках этого времени, в частности на соседних с Байраки местонахождениях раннего палеолита Погреба и Большой Фонтан.

К скреблам можно отнести еще три изделия. Одно из них изготовлено на естественном обломке кремня черного цвета и является скреблом с прямым лезвием, выделенным однорядной и систематической ретушью. Два других орудия выполнены на естественных обломках кремня и соответствуют зубчатым скреблам (см. рис. 4, 1).

Весьма выразительным является скребковидное орудие высокой формы, извлеченное из конгломерата. В качестве своеобразной заготовки был использован небольшой окатанный обломок кремня прямоугольной формы. Поперечный крутой рабочий край выделен отчетливыми параллельными фасетками ретуши, дополненной ее мельчайшей разновидностью. Данная форма в некоторой мере аналогична найденному в 2010 г. орудью с крутым рабочим краем, выделенным фасетками параллельной ретуши (см. рис. 6, 10).

Особый интерес представляют два клювовидные орудия, известных в отечественной научной литературе как клювовидные резак [Анисюткин, 1973, с. 232]. Под названием *bill-hooks* они характерны для клектона Англии [Bordes, 1984, p. 70; Gamble, 1986, p. 145]. Речь идет об орудии, рабочий элемент которого выделен в виде режущей кромки на углу заготовки в месте пересечения клектонской выемки и поперечно усеченного конца. Одно клювовидное орудие, найденное в кровле (пляжной фации) руслового аллювия, изготовлено из кремня черного цвета (см. рис. 5, 1). Изделие заполировано, но относительно

слабо окатано. В качестве заготовки был использован мелкий нуклеус с одной сохранившейся желвачной корку ударной площадкой. На противоположной стороне четко выражен негатив скола, сформировавший острый край. Последний был утончен клектонской выемкой в более массивной части предмета. Четко прослеживается своеобразный поперечный обушок, представленный поверхностью желвачной корки с отчетливыми следами ее подправки с помощью крутой ретуши. На остром углу и лезвии читаются следы утилизации. Второе орудие, изготовленное из серого кремня, отличается более интенсивной окатанностью (см. рис. 5, 2). Поперечный конец имеет явные следы обработки – крупные фасетки крутой ретуши, образующие, как и в первом случае, отчетливо выраженный обушок.

В коллекции выделено также массивное острие на удлинённом обломке черного кремня сравнительно крупных размеров, острый конец которого выделен крутой ретушью. На гребне острия прослеживаются следы частичной ретуши, утончившей активную кромку изделия (см. рис. 6, 11). Второе изделие с острым концом можно описать как атипичную проколку, изготовленную на естественном осколке черного кремня.

Поздний комплекс (см. таблицу). В самом нижнем горизонте, связанном с основанием средней почвы, найдено всего четыре кремневых предмета. Наиболее интересной находкой является массивное острие, изготовленное из окатанного желвака черного кремня крупных размеров с элементами выразительной вторичной обработки, которые позволяют описать данное галечное орудие как пиковидное (рис. 7, 4). На одной

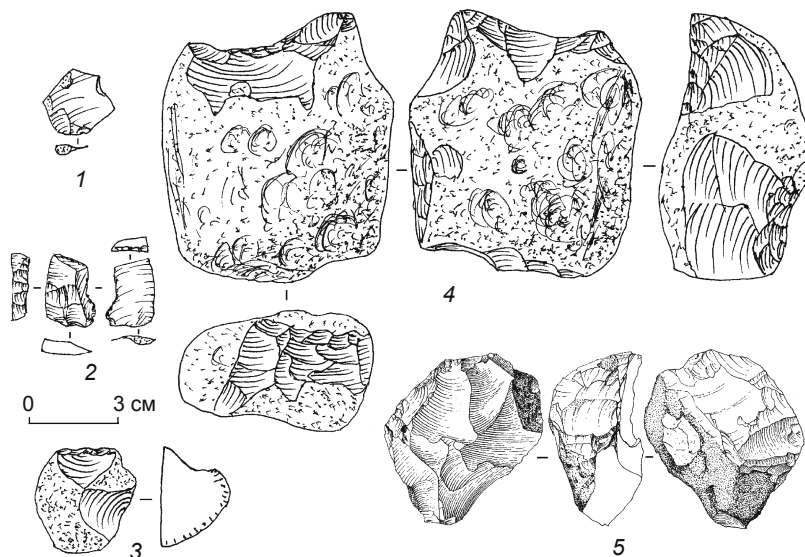

Рис. 7. Кремневые изделия позднего комплекса.
1 – отщеп кремневый; 2 – отщеп кремневый со следами использования; 3 – скребло на нуклеовидном обломке; 4 – массивное пиковидное острие из основания красноцветной ископаемой почвы; 5 – нуклеус с ретушированным (скребковидным) рабочим краем.

стороне уплощенной кремневой гальки в результате одного удара появился глубокий негатив крупного скола, а благодаря ему – два выступа по краям. Один из них при помощи четких фасеток крутой и отвесной однорядной ретуши превращен в массивное острие. Слева от острия и на противоположном конце орудия отчетливо выделяются участки со следами интенсивной отвесной оббивки, которые можно рассматривать как аккомодационные: в одном случае это «пятка», а в другом – боковая грань. Все эти элементы вторичной обработки дают представление об орудии как о целостной форме, у которой рабочий край и элементы аккомодации объединены в одно целое. Острый конец сильно забит. Непосредственно от него идет отчетливый уплощенный скол, следующий от острого рабочего конца. Аналогичный скол прослеживается и у менее выраженного второго заостренного конца. Оба этих скола, напоминающие плоские резцовые, указывают на интенсивное использование в качестве активного рабочего элемента концов данных массивных острий. Менее выразительное орудие сравнительно небольших размеров также изготовлено на окатанном обломке черного кремня. У него отчетливо прослеживаются клетонская выемка и резцевидное острие, которое напоминает клювовидную форму типа *bes burinant alterne* [Bordes, 1961, p. 37], но имеет следы атипичного резцового скола.

Коллекция включает также окатанный нуклеус, изготовленный из песчаника.

Кремневые изделия из верхней части средней ископаемой почвы единичны. Почти все они хорошей сохранности. Группа кремневых изделий с белой патиной включает три предмета: нуклеус-скребло и две чешуйки. К ним условно можно отнести два кремневых отщепа, найденных на поверхности южнее раскопа. Они патинизированы и, возможно, залежали в разрушенном карьере культурном слое, следовательно, участок исследуемой нами стоянки может быть частью уничтоженного поселения.

Скребло на кремневом нуклеусе имеет слабо выпуклый и заостренный рабочий край, который выделен фасетками плоской двусторонней ретуши. По характеру обработки лезвия данное орудие вполне сопоставимо с ретушированным скреблом типа полуки-на из раскопа 2010 г. (рис. 7, 5).

Группу кремневых изделий без патины представляют четыре кремневых предмета из ископаемой почвы – нуклевидное скребло, два мелких отщепа и чешуйка, отличающиеся весьма хорошей сохранностью поверхности. Среди них определенный интерес вызывает скребловидное кремневое изделие на осколке желвачного кремня с негативами двух очевидных сколов, внутри одного из которых имеются признаки мелкой и систематической ретуши, формирующей прямое лезвие скребла (рис. 7, 3). Важной находкой являет-

ся удлиненный отщеп небольших размеров с ударной площадкой, покрытой желвачной коркой (рис. 7, 2). На его ребре четко прослеживаются неглубокие фасетки тщательной и параллельной ретуши, формирующие своего рода «обушок», а противолежащий правый край имеет отчетливые следы утилизации в виде мелких и чередующихся фасеток ретуши. Наиболее заметными являются элементы обработки мелкой и равномерной ретушью верхнего поперечного конца отщепа. Подобные фасетки образуются при одновременном резании-скоблении в течение длительного периода [Щелинский, 1992, с. 199–200]. По заключению В.Е. Щелинского, наиболее активно использовался т.н. обушок: уплощенные и неглубокие параллельные фасетки на нем являются результатом интенсивного скобления по относительно твердому материалу, остальные острые края – выполнения иных функций менее продолжительное время. Второй отщеп мелких размеров, с покрытой желвачной коркой естественной ударной площадкой, не имеет никаких следов использования и сохраняет острые края (см. рис. 7, 1).

Несмотря на малочисленность коллекций артефактов из средней ископаемой почвы, имеется возможность сделать определенные выводы о комплексе. Кремневые изделия из раскопа 2011 г. в целом соответствуют находкам, обнаруженным в полевом сезоне 2010 г. и позволяют рассматривать данный комплекс как преимущественно микролитический. С учетом этого признака, а также наличия специфических скребел-унифасов со следами ретуши полукина, изготовленных на фрагментах галек, и скребловидных орудий на массивных нуклевидных обломках можно говорить о близости рассматриваемого комплекса стоянки Байраки к дубоссарской индустрии местонахождений Большой Фонтан и Погребя. Коллекции каменных изделий соседних памятников достаточно многочисленны и представительны; они включают разнообразные нуклеусы, выразительные галечные формы и хорошо выраженные орудия на отщепах, а также многочисленные продукты первичного расщепления [Анисюткин, 2010].

Заключение

Исследования стоянки Байраки, проведенные в 2011 г., подтвердили первоначальные наблюдения о ее многослойности; каменные изделия залежали в четких стратиграфических условиях, в древних отложениях высокой VII надпойменной террасы Днестра. К сожалению, в ископаемой почве не удалось обнаружить хорошо выраженный культурный слой, по-видимому, он был уничтожен в результате открытой разработки гравия. Однако появились перспективы исследования самого древнего аллювиального уровня, в котором удалось об-

наружить сравнительно много артефактов, в т.ч. серию типичных отщепов. Важно, что каменные изделия залегали во всей толще аллювиальных отложений, включая береговую (пляжную) фацию. Кремневые изделия из этих горизонтов имеют заметный люстраж поверхностей, но обычно весьма слабо окатаны.

Каменные индустрии раннего палеолита из верхнего уровня стоянки Байраки предварительно можно считать аналогичными материалам ранее выделенной «дубоссарской индустрии». Определенное сходство с «дубоссарской индустрией» имеют материалы из нижнего уровня. Техника первичного расщепления камня раннего комплекса стоянки Байраки представлена преимущественно ортогональной системой, направленной на получение мелких отщепов в основном с естественными ударными площадками. Орудийный набор характеризуется сочетанием немногочисленных крупных галечных изделий из некремневого материала и большого количества артефактов мелких размеров. По совокупности технико-типологических показателей этот комплекс можно сопоставить с развитым олдованом Евразии – раннепалеолитическими каменными индустриями с чопперами и сопровождающими их мелкими кремневыми орудиями, но без типичных ашельских бифасов. В этой связи понятие «развитый олдован» рассматривается в широком технико-типологическом (индустрии типа Mode 1), но не хронологическом аспекте. В раннем палеолите Европы индустрии данного типа с преобладанием изделий мелких размеров широко распространены как во времени, так и в пространстве.

Междисциплинарные исследования, проведенные в сезоне 2011 г., дали весьма интересные данные. Несмотря на то, что не все образцы обработаны до сих пор, имеющаяся информация позволила установить (пока предварительно) время существования комплексов каменных орудий стоянки Байраки: аллювиальные отложения раннего комплекса формировались в КИС 21, а позднего – несколько позднее, низ ископаемой почвы – в КИС 20, а верх – в КИС 19. Таким образом, геoarхеологический объект раннего палеолита Байраки, выявленный в четких стратиграфических условиях, является в настоящее время древнейшим на территории Молдавии, Украины и южной части Европейской России.

Благодарности

Выражаем сердечную благодарность акад. А.П. Деревянко за оказанное доверие, помощь и содействие в организации наших научных исследований на стоянке Байраки, а также искреннюю признательность заведующему научно-исследовательской лабораторией «Археология» Тирасполь-

ского государственного университета им. Т.Г. Шевченко канд. ист. наук Н.П. Тельнову и сотрудникам лаборатории за доброе отношение и постоянную поддержку наших полевых работ.

Список литературы

- Анисюткин Н.К.** Орудия клыковидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. – 1973. – № 1. – С. 226–234.
- Анисюткин Н.К.** Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. – СПб.: Наука, 2010. – С. 172–187. – (Тр. ИИМК РАН; т. XXXV).
- Анисюткин Н.К., Коваленко С.И., Бурлаку В.А., Очередной А.К., Чепалыга А.Л.** Байраки – новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 2–10.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо-1 (Центральный Кавказ). – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – 272 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. XIII).
- Чепалыга А.Л.** О четвертичных террасах долины Нижнего Днестра // БКИЧП. – 1962. – № 27. – С. 61–71.
- Чепалыга А.Л.** Антропогенные пресноводные моллюски юга Русской равнины и их стратиграфическое значение. – М.: Наука, 1967. – 222 с.
- Чепалыга А.Л.** Уникальная система речных террас в долине Днестра // Геоэкологические и биоэкологические проблемы Северного Причерноморья: мат-лы междунар. науч. конф. Приднестр. ун-та. 15–16 сент. 2005 г. – Тирасполь, 2005. – С. 166–168.
- Чепалыга А.Л., Анисюткин Н.К., Садчикова Т.А.** Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология // БКИЧП. – 2012. – № 71. – С. 123–140.
- Щелинский В.Е.** Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Адыгея, 1992. – С. 194–209.
- Щелинский В.Е.** Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Наследие, 2010. – С. 57–77.
- Bordes F.** Typologie du Paléolithique ancien et moyen. – Bordeaux: Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, 1961. – Mem. 1. – 85 p.
- Bordes F.** Lesons sur la Paléolithique. – Bordeaux: Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, 1984. – Т. II: Le Paléolithique en Europe. – 460 p. – (Cahiers du Quaternaire; N 7).
- Gamble C.** The Palaeolithic settlement of Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 471 p.

*Материал поступил в редколлегию 26.04.12 г.,
в окончательном варианте – 05.06.12 г.*

УДК 902/903

В.Т. Петрин¹, Т.И. Нохрина¹, Н.А. Кулик¹, И.В. Усачева²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

kulik@archaeology.nsc.ru

²Институт проблем освоения Севера СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003, Россия

E-mail: i.usachova@gmail.com

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ГОРНОГО ХРУСТАЛЯ С ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БОЛЬШИЕ АЛЛАКИ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)*

В статье приводятся топографические и стратиграфические сведения об археологическом объекте Большие Аллаки-2, а также полная характеристика находок из его второго культурного горизонта. Результаты технико-типологического и петрографического анализа археологического материала вместе с данными радиоуглеродного датирования и палеозоологическими определениями позволяют предполагать, что в эпоху верхнего палеолита здесь функционировал культовый объект. С учетом приведенных ¹⁴C-дат Большие Аллаки-2 можно считать самым древним культовым объектом Урала.

Ключевые слова: верхний палеолит, горный хрусталь, культовый объект, Южный Урал.

Введение

На восточном и западном склонах Урала открыто ок. 150 археологических объектов, относящихся, судя по радиоуглеродным датам и разнообразию типов памятников, к эпохе верхнего палеолита. Это стоянки открытого типа (Талицкого, Троицкая-1 и др.), кратковременные стоянки в карстовых полостях (пещера Смеловская, грот Безымянный и др.), сакральные объекты (напр., Капова, Игнatieвская пещеры). Сегодня не теряет актуальности задача пополнения корпуса источников по верхнему палеолиту Урала, для которых имеются ¹⁴C-даты. Именно к таким объектам относится памятник Большие Аллаки-2 на Южном Урале, обширный археологический материал которого лишь частично введен в научный оборот и потому требует дополнительного освещения.

Общая характеристика объекта

Археологический объект Большие Аллаки-2 (Каслинский р-н Челябинской обл.) находится на юго-восточном берегу одноименного озера, расположенного в северной части озерной области восточного склона Урала (Кыштымско-Каслинская группа озер) [Сементовский, 1914] (рис. 1). Озера этой группы локализованы в пределах Восточно-Уральского поднятия, ограниченного субмеридиональными глубинными тектоническими разломами, заполняют эрозионно-тектонические впадины и нередко соединены между собой протоками. Большинство из них относится к смешанному типу по признакам горных и степных озер; берега их часто заболочены и покрыты лесом [Там же, с. 326]. Из оз. Чусовского, находящегося в нескольких десятках километров от оз. Большие Аллаки, берет начало самая крупная река Среднего Урала – Чусовая, текущая на запад (бассейн Камы). По мнению В.И. Громова, именно в эпоху палеолита р. Чусовая, скорее всего,

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение 14.B37.21.0995.

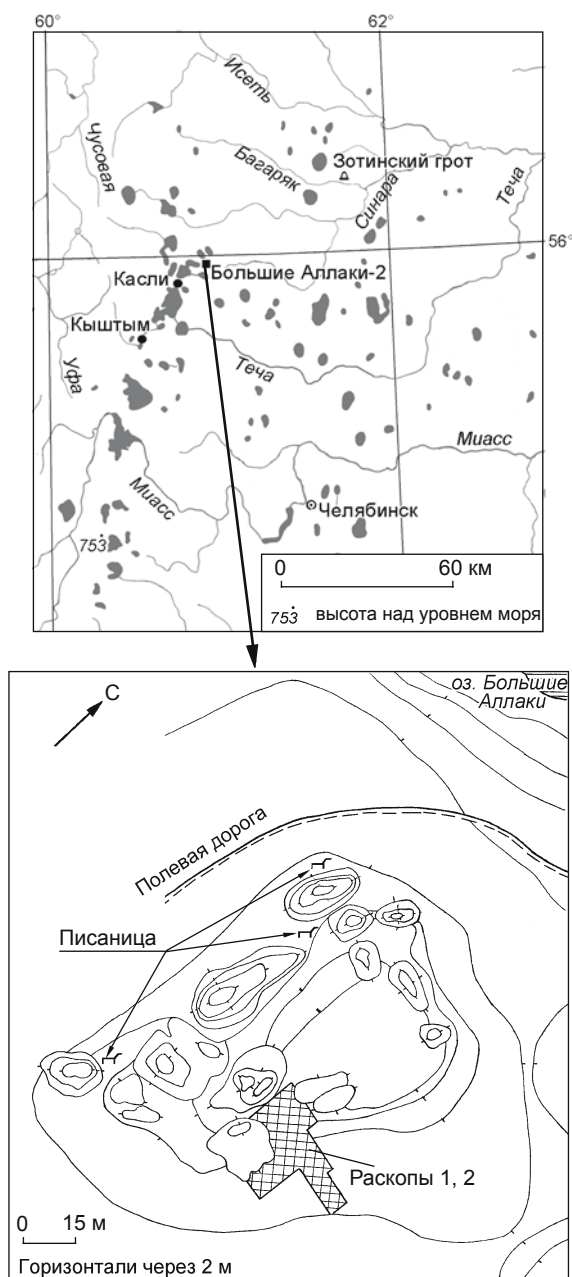

Рис. 1. Карта-схема расположения археологического объекта Большие Аллаки-2.

связывала население западного и восточного склонов Урала [1948].

Озера Большие и Малые Аллаки, разделенные лишь узкой перемычкой, приурочены к юго-западному краю обширного поля верхнепалеозойских гранитов (γPz_3) – биотитовых, роговообманково-биотитовых, двуслюдяных и мусковитовых, часто разгнейсованных, рассеченных большим количеством кварцевых и гранитно-пегматитовых жил северо-северо-восточного простирания. Лишь с юга оз. Большие Аллаки ограничено палеозойскими кремнистыми и

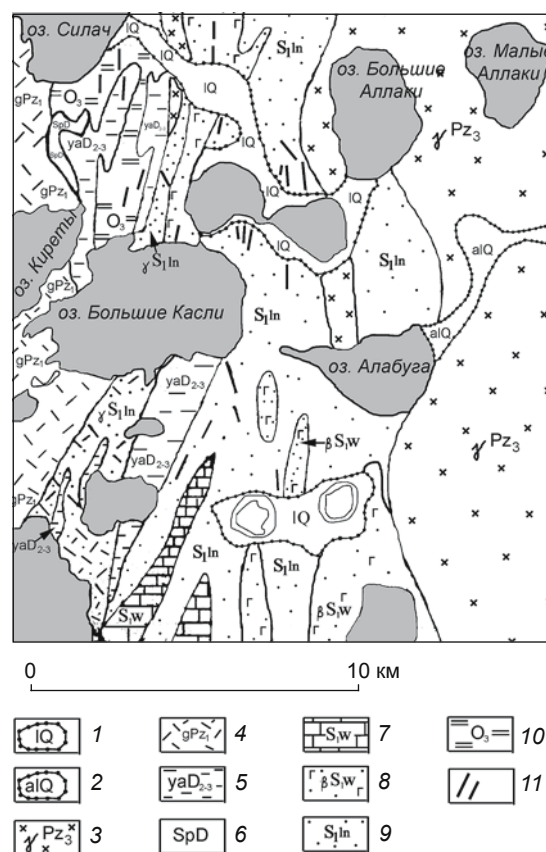

Рис. 2. Схема геологического строения района озер Каслинской группы (по: [Геологическая карта...]).

1 – болотно-озерные отложения; 2 – аллювиальные отложения; 3 – граниты биотитовые, роговообманково-биотитовые, двуслюдяные, местами гнейсовидные; 4 – гнейсы биотитовые, двуслюдяные, гранато-слюдяные; 5 – габбро-амфиболиты; 6 – серпентиниты; 7 – известняки, известняки глинистые, глинисто-кремнистые; 8 – порфириты базальтовые, диабазы и их туфы, серицито-хлоритовые, кварцево-серицитовые сланцы; 9 – сланцы кремнистые, углисто-кремнистые, кварцитовые, кварциты, амфиболиты и гнейсы; 10 – гнейсы амфиболовые, биотито-амфиболовые, амфиболиты; 11 – жилы кварцевые и гранито-пегматитовые.

углисто-кремнистыми сланцами и кварцитами, перекрытыми полосой четвертичных аллювиально-озерных отложений, которая соединяет водоем с расположенными южнее и западнее озерами (рис. 2).

Коренные выходы гранитов и гранито-гнейсов γPz_3 на фоне заболоченного и лесистого озерного ландшафта образуют редкие скальные останцы в виде коротких гряд, называемых на Урале каменными палатками. Такие каменные палатки на вершине холма, резко выделяющегося в рельефе и заметного издалика, возвышаются на юго-восточном берегу оз. Большие Аллаки на расстоянии 30–40 м от уреза воды. Останцы высотой не более 8 м (абсолютная высота над уровнем воды 14 м) сложены крупнозернистым разгнейсованным гранитом, разделенным субгоризонтальными трещинами матрацевидной отдельности на плиты, на

выветрелой поверхности которых более мелкие трещины создают впечатление слоистости.

На этих останцах в 1913–1914 гг. В.Я. и И.Я. Толмачевыми были обнаружены три писаницы и собран подъемный материал [Петрин, 1976]. Кроме того, отдельные находки В.Я. Толмачеву передали местные крестьяне. У подножия каменных палаток под самой крупной писаницей И.Я. Толмачевым произведены раскопочные работы (шурф размерами 2×4 м) и получен богатый археологический материал. Спустя полвека рисунки И.А. Толмачева и часть артефактов были опубликованы В.Н. Чернецовым [1971].

В 1969 г. одним из авторов настоящей статьи произведено копирование уже известных наскальных изображений и найдена новая группа рисунков [Петрин, 1976], а в 1972 г. площадь раскопа И.Я. Толмачева была расширена до 20 м². В раскопе совместно залежали разновременные каменные и бронзовые изделия (преимущественно наконечники стрел), фрагменты глиняных сосудов. Артефакты датируются ранним неолитом – средневековьем. Полученный археологический материал и наскальные изображения подтвердили предположение В.Н. Чернецова о том, что на каменных палатках получили отражение различные формы бытовой и сакральной деятельности человека [1971]. Принадлежность части находок к первой половине IV тыс. до н.э. «заставляет нас задуматься и о начальной дате наскальных изображений Урала или, по крайней мере, тех обрядов, с которыми писаницы

были связаны. Возможно, что эту дату следует значительно отодвинуть в глубь веков» [Там же, с. 47].

Стратиграфия и возраст объекта

В ходе археологических работ 1972 г. в дресве, заполнявшей трещину в скальной стенке раскопа, были обнаружены фрагменты очень сильно минерализованных и разрушенных костей, что позволило предположить наличие здесь и археологических материалов более раннего, плейстоценового возраста. Были начаты раскопки в юго-восточной части каменных палаток, где сохранилась максимальная мощность рыхлых отложений. Раскопы 1 (уч. 2–10) и 2 (уч. 11–18) общей площадью ок. 80 м² были заложены в двух местах: на относительно ровной площадке, ограниченной скальными выходами с юга, запада и севера (раскоп 1), и на склоновой поверхности (раскоп 2; рис. 3). Перепад высот между крайними точками раскопов достигает 196 см.

Наиболее полная стратиграфия отложений выявлена по линии Г (рис. 4).

1. Гумусированная почва темного цвета, жирная на ощупь, относится к типу черноземов. Мощность 0,7 м. Западение на профиле уч. Д, Г/6, 7 определяется впускенной с верхних горизонтов ямой.

2. Супесь желтовато-коричневого цвета с примесью мелкой гальки диаметром 0,5 см. Слой сильно измят,

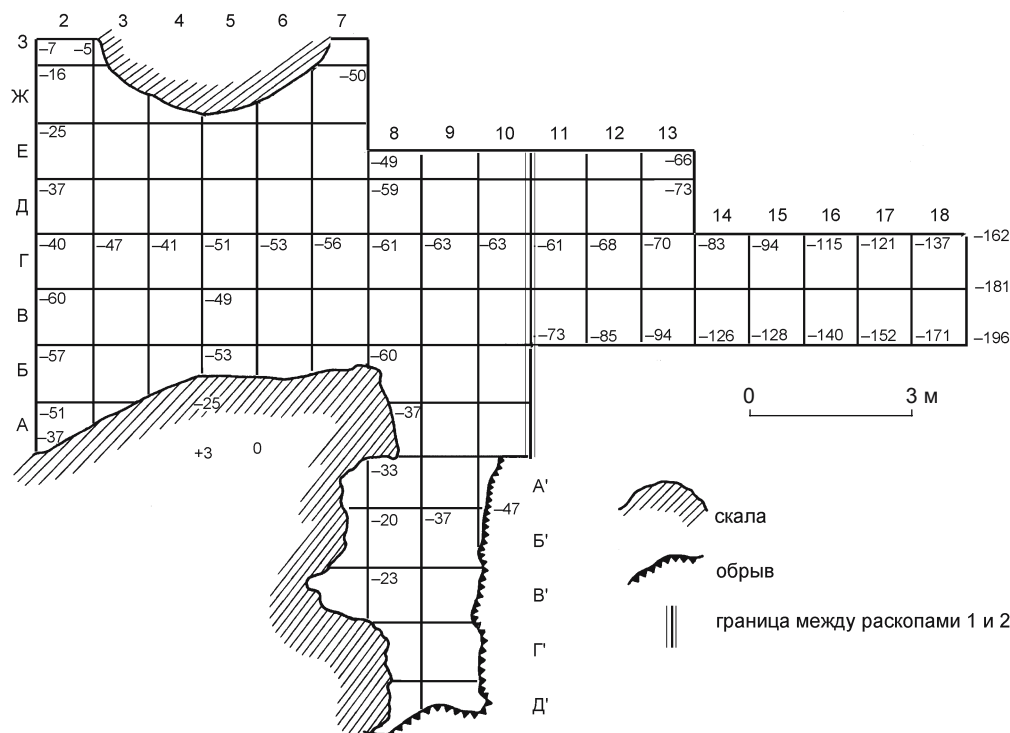

Рис. 3. План раскопов 1 и 2 с нивелировочными отметками археологического объекта Большие Аллаки-2.

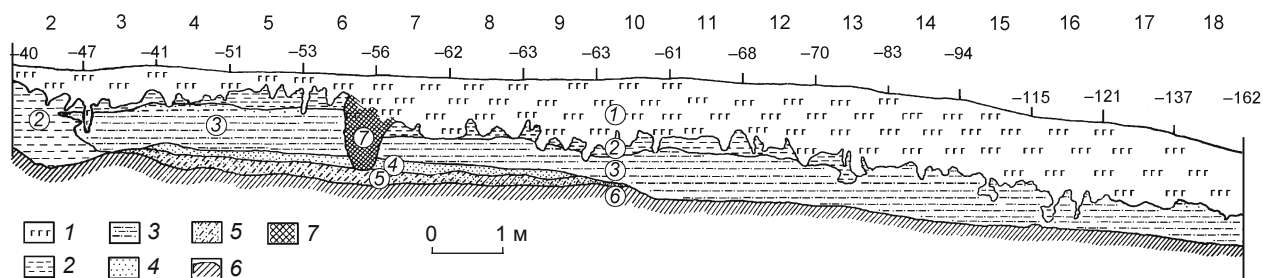

Рис. 4. Стратиграфический разрез северной стенки по линии Г/2–18 археологического объекта Большие Аллаки-2.
1 – почва, 2 – желтовато-коричневая супесь; 3 – карбонатизированная супесь; 4 – бледно-зеленоватый песок; 5 – светло-коричневая супесь; 6 – скальное основание; 7 – поноры.

нарушен кротовинами и прослеживается фрагментарно, хотя на уч. АЗ/2 приобретает самостоятельный характер и лежит непосредственно на скальном основании. Его мощность в данном месте достигает 0,7 м.

3. Слой сильно карбонатизированной супеси*. Слой 3 выделен по белесоватому оттенку, появившемуся в результате карбонатации (горизонт вымывания). Вблизи скал процесс карбонатации был ослаблен или вообще отсутствовал, т.к. слой супеси дополнительно промывался влагой, которая скапливалась на боковых скальных поверхностях. За счет этого окраска его более светлая по сравнению с вышележащим слоем, в нем встречаются журавчики. В слое наблюдается множество тонких прожилок гумуса, имеется также примесь мелкой гальки диаметром 0,5 см. Очень много кротовин, кровля слоя неровная. В западной части раскопа мощность слоя достигает 0,7 м.

4. Слой зеленоватого песка наблюдается лишь в раскопе 1. В профиле слой напоминает линзу. Максимальная мощность 0,2 м.

5. Слой светло-коричневой супеси прослеживается лишь в раскопе 1, лежит на скальном основании. Мощность до 0,15 м.

Кроме этих основных слоев отдельными пятнами, обычно в скальных трещинах, присутствуют красноватая глина и рухляк. Мощность последнего 0,2 м.

По коллагену костей из карбонатизированной супеси слоя 3 получена дата $24\,760 \pm 1\,095$ л.н. (СОАН-2213).

Археологические находки

Культурные остатки обнаружены во всех слоях. Совместное нахождение артефактов в слоях объясняется наличием большого числа как древних, так и более поздних поноров. Стратиграфические наблюдения и результаты обработки артефактов показали, что мате-

риал целесообразно делить по крупным стратиграфическим подразделениям. Отметим, что ок. 60 % находок принадлежат средней части карбонатизированной супеси слоя 3.

Первый культурный горизонт. В почве (слой 1) и коричневой супеси слоя 2 обнаружены 213 каменных изделий из различных кремнистых пород, 387 обломков глиняных сосудов, бронзовый наконечник стрелы и ок. 350 различных по сохранности фрагментированных костей животных. С этим горизонтом связаны выявленные в обоих раскопах ямы и очаг. При отнесении находок из этого культурного горизонта к эпохе голоцена учитывались прежде всего наличие большого количества фрагментов керамической посуды и технико-типологический облик каменного инвентаря.

Второй культурный горизонт. Содержал 156 артефактов и обломки костей лошади*. Подавляющая часть остеологических остатков – мелкие фрагменты трубчатых костей; диагностированы лишь несколько зубов и фаланг, поэтому определить, принадлежат ли они одной или нескольким особям, не представляется возможным. В сильно карбонатизированной супеси (слой 3), зеленоватом песке (слой 4) и слое светло-коричневой супеси (слой 5) обнаружены артефакты преимущественно из горного хрусталя, сильно минерализованные кости и мелкие угольки. В верхней части карбонатизированной супеси на склоне (раскоп 2) найдено семь фрагментов керамики, попавших сюда в результате смещения слоя по склону. Поверхность карбонатизированной супеси неровная, нарушена многочисленными понорами и двумя ямами, заполненными материалом вышележащего почвенного слоя и камнями.

В качестве сырья для каменной индустрии второго культурного горизонта служили горный хрусталь (112 экз., 71,8 %), кварц непрозрачный (7 экз., 4,5 %), яшма серая (9 экз., 5,8 %), яшма красно-зеленая полосчатая (6 экз., 3,8 %), кремнистый сланец (7 экз., 4,5 %), другие виды кремнистых пород (15 экз., 9,6 %). Как видно, изделия из горного хрусталя составляют ос-

*Слои 2 и 3 генетически являются единым целым: в левой части разреза хорошо видно, что слой 2 «затекает» под слой 3.

*Определение Н.Г. Смирнова.

новную часть находок второго культурного горизонта и образуют целостный комплекс. Вместе с костями животных они прослеживались до глубины 2,35 м. Наибольшее их количество было сосредоточено в северной части раскопа. Здесь найдены 6 каменных артефактов и 26 мелких сильно разрушенных костей.

Артефакты из кремнистых пород

Некоторые изделия из кремнистых пород – яшмы, окремненного сланца и др. (44 экз.) – могут происходить из первого (голоценового) культурного горизонта; их присутствие во втором горизонте связано, скорее всего, с деятельностью норных животных. Орудийный набор (9 экз.) составляют скребки и ретушированные пластины. Для скребков заготовками служили пластинчатые сколы (2 экз.) и отщепы (2 экз.). У концевых скребков полукруглый рабочий край оформлен крутой ретушью на дорсальной поверхности (рис. 5, 1). У скребков на отщепах полукруглое рабочее лезвие об-

работано краевой крутой ретушью также на дорсальной поверхности. На вентральной поверхности на лезвии фиксируются элементы мелкой эпизодической ретуши (рис. 5, 2). Два орудия изготовлены на пластинах. Одно ретушировано с вентральной стороны по обоим боковым краям, причем по одному из краев ретушью выделен шип (рис. 5, 3). Другое орудие выполнено на микропластинке, на боковом крае у него имеются следы ретуши, образующей микровыемку. Прочие изделия в этом наборе – отщеп с признаками ретуши и два обломка орудий. Остальные артефакты относятся к отходам производства: 26 отщепов разных размеров, 4 фрагмента пластин, нуклеидный обломок и 4 куска кварца – возможно, заготовки для обработки.

Артефакты из горного хрусталя

Комплекс из горного хрусталя насчитывает 164 экз., из них 112 экз. (68,3 %) из второго и 52 экз. (31,7 %) из первого (голоценового) культурных горизонтов.

Поскольку артефакты из горного хрусталя могли попасть в первый горизонт из второго в результате деятельности норных животных, они будут рассматриваться вместе с материалами второго культурного горизонта. Индустрию составляют продукты первичного расщепления (9 экз.), орудия (13 экз.) и сколы без видимых следов использования (142 экз.).

Первичное расщепление характеризуют преформы (3 экз.), обломки сырья (6 экз.) и продукты скалывания. В равной мере использовались как кристаллы горного хрусталя, так и галечные формы. Последние, видимо, находили применение реже, поскольку в коллекции имеются целая галька и два обломка. На преимущественное использование горного хрусталя в виде кристаллов указывают шесть частично замутненных обломков оснований кристаллов.

Наибольший интерес представляет изделие размерами 30×27×26 мм (рис. 6, 1). Это обработанный кристалл горного хрусталя, на котором сохранились пять из шести граней призмы. Серией ударов, оставивших негативы с заломами, были сняты пластинчатые сколы по направлениям спайности, параллельным граням ромбоэдра на головке кристалла, и подготовлена ударная площадка для единственного скола по удлинению кристалла на месте грани призмы. Скалывания производились и с противоположного конца кристалла: на

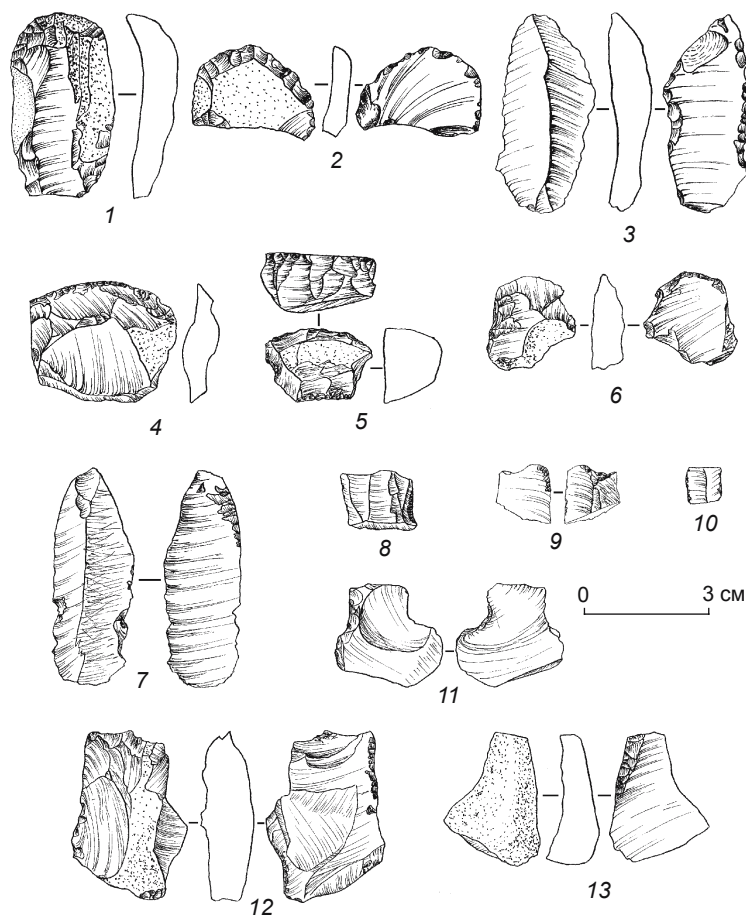

Рис. 5. Изделия из яшмы (1–3) и горного хрусталя (4–13) из второго культурного горизонта археологического объекта Большие Аллаки-2. 1, 2, 4, 5 – скребки; 3, 7–10 – ретушированные пластины; 6, 11–13 – орудия на отщепах.

месте граней головки видны негативы, также параллельные граням ромбоэдра.

Другой предмет размерами 31×31×17 мм представляет собой обломок кристалла горного хрусталя со следами естественного скалывания на месте головки и, возможно, с остатками граней призмы (рис. 6, 2). Поверхность естественного скалывания матовая и значительно более древняя, чем поверхности искусственных снятий.

Третий предмет размерами 42×31 мм – небольшая овальной формы галька с матовой галечной поверхностью, двумя старыми негативами с матовой поверхностью и двумя «свежими» негативами на одном более узком конце (рис. 6, 3). Являются ли «свежие» негативы результатом действий человека или естественными скалываниями, сказать трудно, однако такая галька может использоваться в качестве орудия.

Пластины (11 экз.) без видимых следов использования и отщепы (119 экз.) составляют самую многочисленную группу артефактов. Для пластин характерны параллельные ребра снятий (рис. 6, 4–8). На них имеются негативы, часть которых ограничена матовой поверхностью естественного старого скалывания. Обнаружен крупный отщеп размером более 50 мм (рис. 6, 12). Отщепов размерами от 10 до 49 мм насчитывается 39 экз. (рис. 6, 9). У большинства из них (16 экз.) имеются матовые поверхности естественного скалывания (рис. 6, 10). Один отщеп этой группы выполнен из раухтопаза (рис. 6, 9). Мелких отщепов, размерами менее 10 мм, 79 экз. Многие из них, судя по поперечному сечению и отсутствию ударного бугорка, являются скорее обломками, чем сколами.

Среди пластин без признаков вторичной обработки (12 экз.) выделены проксимальные (9 экз.) и медиальные (3 экз.) фрагменты. Максимальная длина фрагментов без дистального конца 34 мм. Ширина пластин 9–22 мм.

Орудийный набор (13 экз.) беден выразительными формами. Преобладают орудия со следами минимальной вторичной обработки (11 экз.). Орудий с модифицированным контуром всего два – это скребки. Они изготовлены на сколах. Один, размерами 32×28×7 мм, имеет слегка выпуклое лезвие, оформленное мелкой крутой ретушью (см. рис. 5, 4). Другой скребок высокой формы (*grattoir rabot*) размерами 27×17×13 мм (см. рис. 5, 5). У него полукруглый рабочий край оформлен очень крутой ретушью с субпараллельными и широкими фасетками. На тыльной части скребка имеются негативы двух крупных сколов и мелкие негативы по краю. Еще одно изделие изготовлено на отщепе размерами 22×19×19 мм (см. рис. 5, 6). На вентральной поверхности крутой ретушью сформирован выпуклый рабочий край. Кромка его тонко слоющаяся. Отдельные негативы ретуши и расслаивание прослеживаются и на противоположном крае. Один из

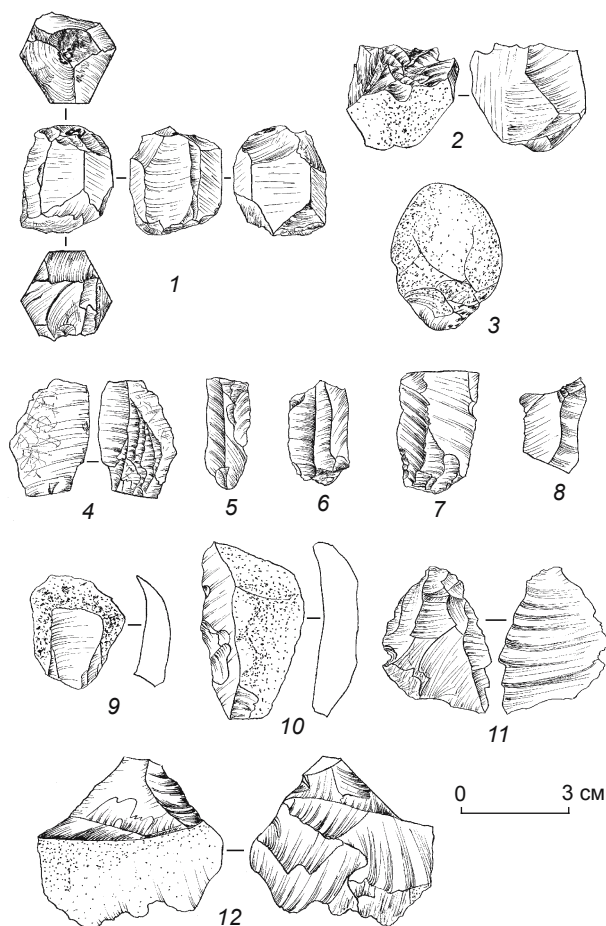

Рис. 6. Артефакты из горного хрусталя из второго культурного горизонта археологического объекта Большие Аллаки-2.

1–3 – преформы; 4–8 – пластины; 9–12 – отщепы.

отщепов размерами 38×27×7 мм имеет два негатива, которые напоминают резцовые снятия.

Пластин с признаками ретуши пять. У целого изделия в проксимальной зоне по краю на вентральной поверхности – фасетки эпизодической приострающей ретуши утилизации (см. рис. 5, 7). На дорсальной поверхности по обеим сторонам наблюдаются отдельные выемки. Еще у одной пластины на вентральной поверхности по краю также имеются фасетки эпизодической ретуши. По обоим краям медиального фрагмента пластины шириной 8 мм прослеживаются мельчайшие негативы снятий на дорсальной поверхности (см. рис. 5, 10). У другого фрагмента мелкой ретушью с дорсальной стороны по краю намечена едва заметная выемка (см. рис. 5, 8). Последнее изделие представляет собой медиальный фрагмент, у которого усеченная дистальная часть подработана мелкой ретушью с дорсальной стороны, а прилегающий участок бокового края – с вентральной (см. рис. 5, 9). Остальные орудия изготовлены на различных по раз-

мерам отщепах. У одного из них на кромке выемки имеются следы ретуши на вентральной поверхности (см. рис. 5, 11). Еще три орудия – отщепы с признаками эпизодической ретуши по одному или обоим краям (см. рис. 5, 12, 13).

Особенности раскалывания жильного кварца и горного хрусталя и их распространение на Урале

Горный хрусталь – это кристаллы бесцветного прозрачного кварца, минерала, отвечающего по составу диоксида кремния SiO_2 , дающего и другие прозрачные, но окрашенные примесями разновидности в виде хорошо ограненных кристаллов, выросших в полостях (занорышах) кварцевых жил или гранитных пегматитов: коричневатый раухтопаз, желтый цитрин, фиолетовый аметист, черный морион. Индивид жильного кварца становится кристаллом горного хрусталя, если при росте ему не препятствуют ни соседние индивиды, ни тектонические подвижки. Хрусталеносное гнездо – это остаточная полость в теле кварцевой жилы, не заполненная жильным кварцем, который в этом случае представляет собой корневые части кристаллов горного хрусталя. При тектонических подвижках кристаллы горного хрусталя, погруженные в мягкий тонкодисперсный материал, заполняющий остаточную полость, сохраняются лучше, чем их корневые части, обычно трещиноватые и замутненные. Однако в самом теле кварцевых жил восточного склона Урала часто встречается гигантокристаллический жильный кварц – стекловидный, замутненный по системе залеченных трещин, – содержащий прозрачные бесцветные участки больших размеров [Жильный кварц..., 1970а, с. 48; Емлин, Синкевич, Якшин, 1988, с. 61]. В обломках и гальках такой прозрачный кварц и горный хрусталь неотличимы. Установлено также, что в уральских месторождениях они идентичны и по петрофизическим свойствам (технологическим параметрам) [Богданович, 1936]. Следовательно, определение материала археологических находок как горного хрусталя, основанное в большинстве случаев только на прозрачности и бесцветности кварца, не совсем корректно и требует уточнения.

Кварц – минерал твердый (7 по шкале Мооса) и хрупкий, для него типично раковистое скалывание. Эти свойства делают проблематичным его использование в качестве сырья для каменных индустрий. Кварц, во-первых, невозможно раскалывать традиционным способом, во-вторых, края сколов при ударе или давлении раковисто скалываются, порождая мельчайшие острые осколки. Вместе с тем образование твердого тонкого лезвия на краях сколов делает

материал крайне привлекательным для изготовления изделий с режущими функциями и скребков.

Анизотропия связей в структуре кварца проявляется в анизотропии прочности его индивидов, чем объясняется их более легкое раскалывание в некоторых кристаллографических направлениях. Это направления спайности [Григорьев, 1958; Петрунь, 1962, с. 39; Годовиков, 1983, с. 236], главные из них параллельны граням большого ромбоэдра (крупные треугольные грани, образующие остроконечную головку кристалла на одном или обоих его концах) и граням призмы вдоль длинной оси кристалла. В результате скалывания вдоль этих направлений образуются «своеобразные уплощенные обломки, фигурально выражаясь, “щепки”» [Григорьев, 1958, с. 420]; при многократных тектонических подвижках в занорыше на месте кристаллов образуется своеобразная брекчия таких плоских кварцевых «щепок», сцементированная материалом заполнения занорыша. Способность кристаллов кварца раскалываться по направлениям спайности неоднократно подтверждена экспериментально; особо следует отметить «хорошую призматическую спайность в виде трещин длиной до 7 см, точно параллельных граням призмы», воспроизведенную Дж. Другманом [Drugman, 1939, p. 259].

У гигантокристаллического жильного кварца и горного хрусталя восточного склона Урала проявляется также отдельность – раскалывание по плоскостям срастания «бразильских двойников»*, которое получило название «разлистования» [Вертушков, 1946б]. Такой разлистанный кварц характерен для месторождений Среднего и Южного Урала [Емлин, Соколов, 1973], а также известен на Алтае, Памире и в Забайкалье [Емлин, Синкевич, Якшин, 1988, с. 125–134]. Образующиеся при этом во множестве пластинчатые сколы, косые по отношению к удлинению кристалла и перпендикулярные к граням ромбоэдра, толщиной от долей миллиметров до нескольких сантиметров, могут служить «природными заготовками» для дальнейшей искусственной обработки, равно как и указывать направления преимущественного раскалывания на кристаллах. Судя по преформам и пластинчатым сколам с памятника Большие Аллаки-2, его насельникам были хорошо известны особенности раскалывания кварца и технология расщепления его разноокара-

*Индивиды кварца могут быть «правыми» и «левыми», двойникование по т.н. бразильскому закону – это срастание в пределах макроскопически единого кристалла индивидов правого и левого кварца с образованием ровных плоскостей срастания. «Бразильские двойники» могут быть полисинтетическими – с многократным чередованием правого и левого индивидов, вдоль плоскости срастания которых в результате тектонических деформаций образуются трещины отдельности.

шенных прозрачных разновидностей. Об этом красноречиво свидетельствуют находки со следами скалывания параллельно ромбоэдру и призме на кристалле горного хрусталя (см. рис. 6, 1).

Месторождения кварца, в т.ч. горного хрусталя, распространены на восточном склоне Урала почти повсеместно – от Полярного Урала [Буканов, 1974] до Северного Прибалхашья на южном продолжении Восточно-Уральского поднятия [Якшин и др., 1973; Синкевич, Якшин, 1978] – и в связи с возросшим значением кварцевого сырья в современной технике хорошо изучены [Вертушков, 1946а, б; Жильный кварц..., 1969, 1970а, б; Кухарь, 1978; Эшкин, Карякина, Богданова, 1983; Емлин, Синкевич, Якшин, 1988]. Ближайшие к памятнику Большие Аллаки-2 проявления – Кыштымское и Каслинское промышленные месторождения. Все жилы крупно- и гигантокристаллического кварца, хрусталеносные и содержащие прозрачные бесцветные участки, являются наиболее молодыми образованиями, локализованными как в древних метаморфизованных осадочных породах (гнейсо-мигматитовом комплексе, слагающем большую часть Восточно-Уральского поднятия), так и в прорывающих их гранитоидах [Вертушков, Соколов, Якшин, 1970; Мельникова, Мельников, 1978]. Кроме того, галка прозрачного бесцветного кварца известна в самих метаморфических породах, при размыве которых она переотлагалась и попадала в аллювиальные и озерные отложения гораздо более позднего времени. Поэтому для определения источника сырья для найденных на археологических объектах изделий из прозрачного кварца требуется проведение геологической работы на месте, однако при обилии кварцевых проявлений в регионе можно утверждать, что почти всегда источник этот местный, вопрос лишь в большей или меньшей удаленности его от памятника. Археологический объект Большие Аллаки-2 находится на гранитных останцах каменных палаток, рассеченных кварцевыми и пегматитовыми жилами, южный берег озера расположен в пределах выходов кремнистых пород (см. рис. 2), которые стали источником сырья для артефактов.

Обсуждение

Прозрачные разноокрашенные разновидности кварца, как показал В. Ф. Петрунь [1962], использовались на разных территориях и на всех этапах каменного века. На археологических объектах верхнего палеолита Урала изделия из горного хрусталя обычно немногочисленны. Так, в святилище эпохи палеолита в Игнатьевской пещере среди 1 350 каменных артефактов было лишь 7 изделий из горного хрусталя [Петрин, 1992, с. 134], в качестве исходного материала исполь-

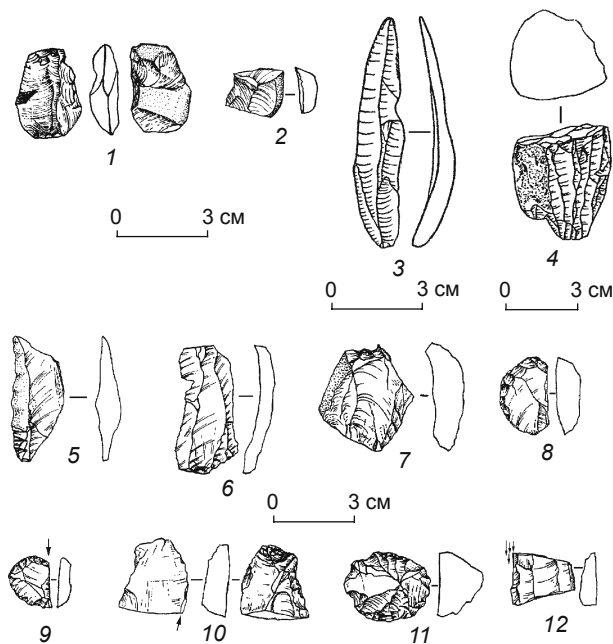

Рис. 7. Артефакты из горного хрусталя и раухтопаза из верхнепалеолитических памятников Урала.

1 – долотовидное (?) орудие; 2 – вторичный скол; 3, 6 – пластины; 4 – нуклеус; 5 – продольно-краевой отщеп; 7–11 – скребки; 12 – угловой резец.

1, 2 – Игнатьевская пещера (по: [Петрин, 1992, рис. 85, 8; 87, 5]); 3 – стоянка Талицкого (Островская) (по: [Щербакова, 1994, рис. 18, 14]); 4 – пещера у Камня Котел (по: [Сериков, 2009, рис. 104, 1]); 5–12 – Троицкая-1 (по: [Широков, Косинцев Волков, 1996, рис. 2, 3, 4; рис. 3, 1, 3–6, 10]).

1–7, 9–12 – горный хрусталь; 8 – раухтопаз.

зовались как кристаллы, так и гальки. В числе находок – долотовидное (?) орудие (рис. 7, 1), первичный и вторичный сколы (рис. 7, 2), четыре отщепа. Ю.Б. Сериков рассматривает долотовидное (?) изделие как кресальный камень [Культовые памятники..., 2004, с. 229]. В святилище Каповой пещеры (Шульган-Таш) найдена пластинчатая форма из горного хрусталя длиной 35 мм [Ščelinskij, Širokov, 1999, S. 79, Abb. 85].

Несколько предметов из горного хрусталя и раухтопаза обнаружено на стоянке финального палеолита Горная Талица (см.: [Культовые памятники..., 2004, с. 225]), расположенной в нижнем течении р. Чусовой, недалеко от стоянки Талицкого (Островской), и на самой верхнепалеолитической стоянке Талицкого (Островской) [Громов, 1948; Щербакова, 1986, 1994]. По данным О.Н. Бадера*, в коллекции последней, включающей 2 600 находок, 101 артефакт из горного хрусталя, остальные изделия из кремня. В качестве сырья использовался только галечный материал. Среди изделий – скребки, резец, нуклеус, вкладыши,

*Копия рукописи была подарена О.Н. Бадером Нижнетагильскому музею, который передал ее В.Т. Петрину.

Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических объектов Урала

Дата, л.н.	Индекс лаборатории*	Образец для датирования	Археологический объект	Источник информации
1	2	3	4	5
41 000 ± 1 800	ГИН-8402	Кость	Пещера Смеловская	Кузьмина, 1997, с. 136
31 000 ± 1 500	ГИН-8401	»	» »	Там же
25 000 ± 600	ГИН-8403	»	» »	»
15 590 ± 150	ЛЕ-2774	»	» »	Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 98
33 900 ± 420	ЛЕ-4201	...	Грот Большой Глухой	Там же, с. 99
38 200 ± 900	ГИН-8404	Кость	» » »	Радиоуглеродная хронология палеолита..., 1997, с. 63, № 483
33 450 ± 420	Poz-5076	Кость (AMS)	Заозерье	Павлов, 2004, с. 7
33 150 ± 410	Poz-5075	» »	»	Там же
31 000 ± 400	ГИН-11499	» »	»	»
31 000 ± 500	ГИН-11498	» »	»	»
31 000 ± 500	ГИН-11500	» »	»	»
31 000 ± 700	ГИН-11501	» »	»	»
30 700 ± 400	Poz-5124	» »	»	»
30 140 ± 190	GrA-22751	Древесный уголь (AMS)	»	»
29 700 ± 1 250	H 1856/1287	Древесина <i>Picea</i> sp.	Горновское местонахождение**	Антропоген..., 1965, с. 43
22 600 ± 125	Bash GI-35	...	То же	Latypova, Yakheemovich, 1993, p. 441
28 800 ± 125	Bash GI-36	...	»	Ibid.
28 540 ± 300	ЛЕ-2766	...	Грот Блинецова	Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99
24 760 ± 1 095	СОАН-2213	Кость	Большие Аллаки-2	Сообщение № 953 лаборатории четвертичной геологии ИГиГ СО АН СССР (копия от 06.04.2010 г.)
22 890 ± 200	ЛЕ-2773	...	Грот Столбовой	Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99
19 710 ± 205	СОАН-4464	Кость	Евалга	Зольников и др., 2006, табл. 2, № 8
19 240 ± 265	СОАН-2212	»	Грот Безымянный	Сообщение № 953 лаборатории четвертичной геологии ИГиГ СО АН СССР (копия от 06.04.2010)
18 700 ± 200	ГИН-1907	»	Стоянка Талицкого (Островская)	Щербакова, 1994, с. 10
18 050 ± 95	СОАН-2211	»	Шикаевка-2	Сообщение № 953 лаборатории четвертичной геологии ИГиГ СО АН СССР (копия от 06.04.2010)
17 810 ± 320	СОАН-4463	»	Рычково	Зольников и др., 2006, табл. 2, № 5
16 320 ± 450	СОАН-4461	»	Гари	Там же, табл. 2, № 3
16 300 ± 300	ИЭРЖ-165	»	Троицкая-1	Широков, Косинцев, Волков, 1996, с. 16
16 010 ± 100	KN-5023	»	Капова пещера (Шульган-Таш)	Ščelinskij, Širokov, 1999, s. 73
15 050 ± 100	KN-5022	»	То же	Ibid.
14 680 ± 150	ЛЕ-3443	Уголь	»	Радиоуглеродная хронология палеолита..., 1997, с. 61, № 457, 458
13 930 ± 300	ГИН-4853	»	»	Там же
15 981 ± 705	ИЭРЖ-50	Кость	Навес Устиново	Широков, 1989, с. 164
15 739 ± 590	Не указан	Кости мелких млекопитающих аракаевской фауны	Пещера Дыроватый Камень (р. Серьга)	Широков, Улитко, 2007, с. 32

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
15 870 ± 390	ЛЕ-3350	Уголь	Пещера Кульюрт-Тамак	Нехорошев, 1997, с. 46
14 920 ± 660	ЛЕ-4350	»	»	Там же
14 425 ± 65	СОАН-2466	Кость	Грот Шайтанский (р. Ив-дель)	Сообщение № 1821 лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН (копия от 06.04.2010)
>27 500	ИЭРЖ-21	»	Игнatieвская*** пещера (культурный слой)	Петрин, 1992, с. 163
14 240 ± 150	СОАН-2209	Уголь	То же	Там же
14 200 ± 660	ИЭРЖ-54	Кость	»	»
14 038 ± 490	ИЭМЭЖ-366	»	»	»
13 500 ± 1 660	ИЭРЖ-41	»	»	»
13 335 ± 192	ИЭМЭЖ-365	Уголь	»	»
10 400 ± 465	СОАН-2468	»	»	»
13 757 ± 250	ИЭМЭЖ-1140	Кости	Камень Дыроватый (р. Чусовая)	Смирнов, Улитко, 1994, с. 28
13 615 ± 215	СОАН-2467	Кость	Грот Зотинский	Сообщение № 1821 лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН (копия от 06.04.2010)

*Индексы лабораторий, проводивших радиоуглеродное датирование:

ГИН – Геологический институт РАН (АН СССР), Москва

ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных УрО РАН (АН СССР), Свердловск/Екатеринбург

ИЭМЭЖ – Институт эволюции, морфологии и экологии животных РАН (АН СССР), Москва

ЛЕ – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Ленинград; Институт истории материальной культуры, РАН (АН СССР)

СОАН – Лаборатория четвертичной геологии Института геологии и геофизики СО АН СССР; лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Bash GI – Институт геологии Уфимского научного центра РАН (ИГ УНЦ РАН), Уфа

GrA – Гронинген, Нидерланды

KN – Лаборатория Университета Кёльна, Германия

Poz – Познаньская радиоуглеродная лаборатория, Польша

** В.Л. Яхимович отмечает: «Полученную дату $29\,700 \pm 1\,250$ л. до н.э. ни в коем случае нельзя считать определяющей возраст кремневых орудий Горнова и найденной там фауны. Фрагменты пойменных отложений, сохранившие древесные остатки *in situ*, лежат на размытой поверхности более древних озерных образований. ...Кремневые орудия, найденные у Горнова, происходят из одиновских слоев, т.е. связаны с началом верхней половины рисского яруса...» [Антропоген..., 1965, с. 44].

*** Радиоуглеродные даты, полученные по образцам черных пигментов рисунков на стенах Игнatieвской пещеры, моложе, чем даты, определенные по углю и кости из культурного слоя [Steelman et al., 2000].

пластины и отщепы. По данным Т.И. Щербаковой, на памятнике найдены 94 артефакта из горного хрусталя [1994, с. 25]: 18 сколов систематического расщепления (12 отщепов и 6 пластин), 9 сколов оформления-подправки, 27 обломков и осколков [Там же, табл. 1]. Пластины как целые, так и фрагментированные; длина целой пластины 8,2 см (рис. 7, 3). Ширина пластин колеблется от 9–12 (2 экз.) до 12–22 мм (4 экз.). Об остальных 40 находках в публикации Т.И. Щербаковой сведений нет, говорится лишь, «что для некоторых групп орудий, таких как долотовидные, вкладыши, проколки, “резчики”, характерно использование толь-

ко твердых пород: кремня, яшмы, горного хрусталя» [Там же, с. 25]. В пещере «в Камне Котел», расположенной в среднем течении Чусовой, в палеолитическом слое найден однофронтальный одноплощадочный нуклеус высотой 46 мм, изготовленный из гальки горного хрусталя [Сериков, 2009, рис. 104, 1] (рис. 7, 4). На Драчевском палеолитическом местонахождении на берегу Воткинского водохранилища А.Ф. Мельничуком и В.П. Мокрушиным [1987] найдено несколько пластин из горного хрусталя.

В коллекции стоянки Троицкая-1, расположенной на левом берегу р. Уй, [Широков, Косинцев, Вол-

ков, 1996], из 188 каменных артефактов 98 из горного хрусталя и 3 из раухтопаза. К изделиям из горного хрусталя и раухтопаза относятся пластина (рис. 7, 6), продольно-краевой отщеп со следами использования (рис. 7, 5), 5 скребков (рис. 7, 7–11), угловой резец (рис. 7, 12), 93 отщепов, обломков и осколков. Сырье – из аллювиальных отложений долины р. Уй. Длина орудий из горного хрусталя и раухтопаза колеблется от 20 до 43 мм [Широков, Косинцев, Волков, 1996, с. 9–11]. Как показал трасологический анализ, орудия использовались для прорезания пазов в кости и дереве, служили ножами для резания мяса и шкур (?), скобелями-резчиками для обработки дерева, скобелями по кости, скребками для обработки шкур.

Таким образом, памятник Большие Аллаки-2 выделяется среди верхнепалеолитических объектов на территории Урала целым комплексом артефактов из горного хрусталя, верхнепалеолитический возраст которого подтверждается ^{14}C -датой (см. таблицу) и стратиграфическим положением находок.

Характер этого памятника неоднозначен. Объект можно рассматривать как кратковременную охотничью стоянку, что не противоречит представлениям об освоении в эпоху верхнего палеолита территории озерной области восточного склона Урала. В рамках традиционной охотничье-промысловой версии рассматриваются стоянки Талицкого (Островская) [Щербакова, 1986, 1994], Троицкая-1 [Широков, Косинцев, Волков, 1996]. Вместе с тем не исключен культовый характер археологического памятника Большие Аллаки-2 [Жилина, Петрин, 1989; Петрин, 1992]; основаниями для этого предположения являются специфика сырья и наличие костных остатков животного одного вида. Рассмотрим аргументы в пользу версии об использовании каменных палаток на оз. Большие Аллаки как культового места в эпоху верхнего палеолита.

Сырье. Проанализируем его в качестве индикатора престижных технологий [Деревянко и др., 2008]. На памятнике Большие Аллаки-2 артефакты комплекса второго культурного горизонта изготовлены из необычного сырья – горного хрусталя и раухтопаза, причем не только из кристаллов, но и из галечного прозрачного кварца. Это свидетельствует о целенаправленном отборе материала. По количеству изделия из него превосходят артефакты, сделанные из обычно использовавшегося в то время кремнистого сырья, характерного для верхнепалеолитических памятников традиционного охотничье-промыслового направления [Мосин, Никольский, 2010].

Остеологический материал. Палеофаунистические материалы, зафиксированные на охотничье-промысловых верхнепалеолитических памятниках Урала, представляют, как правило, несколько видов животных [Волокитин, Широков, 1997; Кузьмина, Саблин, Цыганова, 1999; Петрин, 1992; Широков, Косинцев,

1997; и др.]. Так, в Зотинском гроте, находящемся в 60 км от памятника Большие Аллаки-2, найдены кости пещерного медведя, первобытного бизона, шерстистого носорога, северного оленя, лошади и др. [Петрин, Смирнов, 1977, табл. 1]. Остеологические остатки, обнаруженные на памятнике Большие Аллаки-2, принадлежат только одному виду – лошади. Моновидовый характер костных остатков может свидетельствовать о культовой специализации памятника.

Топография памятника. Большие Аллаки-2 находятся у подножия каменных палаток – единственных на значительной территории, недалеко от берега озера, т.е. здесь объединяются два важнейших для древнего мировоззрения объекта – каменное возвышение и источник воды. Мировая практика убедительно свидетельствует о том, что каменные останцы (отдельно стоящие камни, скалы и т.д.) и места, находящиеся близ воды (морей, рек, озер, родников), всегда были привлекательными элементами ландшафта, объектами сакрализации и содержали следы ритуально-обрядовой деятельности [Элиаде, 1994, с. 83; 1999, т. II, с. 6].

Заключение

Можно предположить, что в эпоху верхнего палеолита территория около каменных палаток на юго-восточном берегу оз. Большие Аллаки использовалась не только для охотничье-промысловой стоянки, но и для отправления культовых действий. Это тем более вероятно, что в последующие периоды она совершенно явно сохраняла значение культового места [Чернецов, 1971]. На основании ^{14}C -дат археологический объект Большие Аллаки-2 с комплексом артефактов из горного хрусталя сегодня можно считать самым древним культовым памятником (святилищем) верхнего палеолита Урала. Эксплуатация природных ресурсов, адаптация к ландшафтным условиям сопровождалась такими процессами в духовной сфере, как ритуализация специфических элементов рельефа, определенного сырья, которое, как правило, не использовалось в бытовых целях, и промыслового животного. Именно с этим культурным фоном и могут быть связаны ритуальные действия на каменных палатках.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность чл.-кор. РАН, проф. Н.Г. Смирнову за палеозоологические определения (Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург), а также канд. геол.-минерал. наук Л.А. Орловой (Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск) за радиоуглеродное датирование.

Список литературы

- Антропоген** Южного Урала. – М.: Наука, 1965. – 280 с.
- Богданович В.В.** Микроскопическое и рентгенографическое исследование прозрачного и непрозрачного кварца // Зап. Минерал. об-ва. Нов. сер. – 1936. – Ч. 65, вып. 2. – С. 241–246.
- Буканов В.В.** Горный хрусталь Приполярного Урала. – Л.: Наука, 1974. – 210 с.
- Вертушков Г.Н.** Жильный кварц из жил восточного склона Урала // Докл. АН СССР. – 1946а. – Т. 51, № 1. – С. 53–56.
- Вертушков Г.Н.** Разлистованный кварц с горы Хрустальной // Зап. Всесоюз. минерал. об-ва. – 1946б. – Ч. 75, № 4. – С. 257–264.
- Вертушков Г.Н., Соколов Ю.А., Якшин В.И.** Возрастные взаимоотношения безрудных кварцевых жил в пределах мигматитовых комплексов Урала // Жильный кварц восточного склона Урала. – Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1970. – Ч. 3. – С. 10. – (Тр. Свердл. горн. ин-та; вып. 80).
- Волокитин А.В., Широков В.Н.** Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек (Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 8–15.
- Геологическая карта** Урала // Геологическая библиотека. Geo Kniga [сайт]. – URL: <http://www.geokniga.org/maps/524> (дата обращения 10.09.12 г.).
- Годовиков А.А.** Минералогия. – М.: Недра, 1983. – 236 с.
- Григорьев Д.П.** О проявлении спайности кварца в природе // Зап. Всесоюз. минерал. об-ва. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, – 1958. – Ч. 87, вып. 4. – С. 418–422.
- Громов В.И.** Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 520 с. – (Тр. Ин-та геол. АН СССР. Геол. сер. (№ 17); вып. 64).
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табаров А.В.** Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 2–12.
- Емлин Э.Ф., Синкевич Г.А., Якшин В.И.** Жильный кварц Урала в науке и технике. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1988. – 270 с.
- Емлин Э.Ф., Соколов Ю.А.** Разлистованный кварц жил Среднего и Южного Урала // Минералогия и петрография Урала. – Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1973. – С. 87–94. – (Тр. Свердл. горн. ин-та; вып. 95).
- Жилина И.В., Петрин В.Т.** Оригинальная индустрия из Кыштымского озера края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. – Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО АН СССР, 1989. – С. 46–48.
- Жильный кварц** восточного склона Урала / Г.Н. Вертушков, Э.Ф. Емлин, Г.А. Синкевич, Ю.А. Соколов, В.И. Якшин. – Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1969. – Ч. 1: Методы исследования. – 100 с. – (Тр. Свердл. горн. ин-та; вып. 58).
- Жильный кварц** восточного склона Урала / Г.Н. Вертушков, Ф.Ф. Борисков, Э.Ф. Емлин, Г.А. Синкевич, Ю.А. Соколов, О.А. Суставов, В.И. Якшин. – Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1970а. – Ч. 2. – 103 с. – (Тр. Свердл. горн. ин-та; вып. 66).
- Жильный кварц** восточного склона Урала. – Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1970б. – Вып. 80. – 108 с. – (Тр. Свердл. горн. ин-та; ч. III).
- Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Зенин В.Н.** Палеогеографические условия Западно-Сибирской равнины во второй половине верхнего неоплейстоцена (в связи с находками мегафауны и палеолитических памятников) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 65–76.
- Кузьмина С.А.** Позднепалеолитическая стоянка Смеловская-2 на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала: мат-лы междунар. конф. 9–15 сент. 1997 года. – Уфа, 1997. – С. 136–137.
- Кузьмина И.Е., Саблин М.В., Цыганова С.А.** Видовой состав и морфологические особенности млекопитающих из грота Глухой на Среднем Урале // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 4–14.
- Культовые памятники** горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 429 с.
- Кухарь Н.С.** Закономерности размещения кварцевых жил месторождения горного хрусталя // Минералогия и петрография Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. политех. ин-та, 1978. – Вып. 1. – С. 21–30.
- Мельникова Н.И., Мельников Е.П.** О литолого-стратиграфическом и петрохимическом контроле размещения месторождений жильного кварца Южного и Среднего Урала // Минералогия и петрография Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. политех. ин-та, 1978. – Вып. 1. – С. 30–35.
- Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П.** Работы на водохранилищах Пермского Приуралья // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 193–194.
- Мосин В.С., Никольский В.Ю.** Кремнистые породы Южного Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 2–9.
- Нехорошев П.Е.** Каменная индустрия пещерной стоянки Кульбурт-Тамак (Южный Урал) // Пещерный палеолит Урала: мат-лы междунар. конф. 9–15 сент. 1997 года. – Уфа, 1997. – С. 46–50.
- Павлов П.Ю.** Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2004. – 36 с. – (Науч. докл.; вып. 467).
- Петрин В.Т.** Новые данные о писаницах с берегов оз. Большие Аллаки // СА. – 1976. – № 1. – С. 153–158.
- Петрин В.Т.** Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 207 с.
- Петрин В.Т., Смирнов Н.Г.** Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1977. – С. 56–71. – (Вопр. археол. Урала; вып. 14).
- Петрунь В.Ф.** О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике // СА. – 1962. – № 1. – С. 36–43.
- Радиоуглеродная хронология** палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 143 с.

- Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И.** Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Пещерный палеолит Урала: мат-лы междунар. конф. 9–15 сент. 1997 г. – Уфа, 1997. – С. 97–99.
- Сементовский В.М.** Горные озера Урала // Изв. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 1914. – Т. L, вып. V/VI. – С. 277–340.
- Серигов Ю.Б.** Пещерные святилища реки Чусовой. – Ниж. Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2009. – 368 с.
- Синкевич Г.А., Якшин В.И.** Кварцевожилые поля Центрального Казахстана // Минералогия и петрография Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. политехн. ин-та, 1978. – Вып. 1. – С. 10–21.
- Смирнов Н.Г., Улитко А.И.** Фауна из плейстоценового слоя пещеры «Дыроватый Камень» // II Берсовские чтения: мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 19–21 дек. 1994 г. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. – С. 28–30.
- Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 120 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В4-12 (2)).
- Широков В.Н.** Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и истории Коми науч. центра УрО АН СССР, 1989. – С. 162–165.
- Широков В.Н., Косинцев П.А.** Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: мат-лы междунар. конф. 9–15 сент. 1997 г. – Уфа, 1997. – С. 26–29.
- Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б.** Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 3–17.
- Широков В.Н., Улитко А.И.** Многослойный археологический и палеонтологический памятник в пещере Дыроватый Камень на реке Серьга (Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – Вып. 5. – С. 25–32.
- Щербакова Т.И.** Палеолит Южного и Среднего Урала (к вопросу о характере и связях уральского палеолита): автореф. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 25 с.
- Щербакова Т.И.** Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 95 с.
- Элиаде М.** Священное и мирское. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – 144 с.
- Элиаде М.** Трактат по истории религий. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т. II. – 415 с.
- Эшкин В.Ю., Карякина Т.А., Богданова Г.Н.** Эволюция кристаллов кварца и стадийность хрусталообразования // Новые идеи в генетической минералогии. – Л.: Наука, 1983. – С. 82–87.
- Якшин В.И., Синкевич Г.А., Зверева Г.Ф., Аккерманцев С.М.** Жильный кварц месторождения Жамантас // Материалы по геологии и полезным ископаемым. – Алма-Ата: Изд-во Казах. НИИ минерал. сырья, 1973. – Вып. 1. – С. 89–94.
- Drugman J.** Prismatic cleavage and steep rhombohedral form in α -quartz // Mineralogical Magazine. – 1939. – Vol. 25, N 164. – P. 259–263.
- Latypova E.K., Yakheemovich B.L.** Geochronology of the Pleistocene and Holocene in the Fore-Urals // Radiocarbon. – 1993. – Vol. 35, N 3. – P. 441–447.
- Ščelinskij V., Širokov V.** Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. – Sigmaringen: Thorbecke, 1999. – 171 S.
- Steelman K.L.; Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R.** Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. – 2000. – Vol. 76, N 292. – P. 341–348.

*Материал поступил в редколлегию 10.09.12 г.,
в окончательном варианте – 18.09.12 г.*

УДК 904«634»(571.150)

К.Ю. Кирюшин¹, Ю.Ф. Кирюшин², И.Г. Глушков³¹Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
Института археологии и этнографии СО РАН
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru²Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: president@asu.ru³Сургутский государственный педагогический университет
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Тюменская обл., Сургут, 628426, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЛОСА ЖИВОТНЫХ В ГОНЧАРНОЙ ТРАДИЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2

На поселении Тыткескен-2 традиция использования в качестве органической добавки волоса преимущественно связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, из горизонтов 7, 6, 4А и 4. Установлено, что волос играл роль арматуры на этапе формовки: им обматывали емкость в процессе создания полого тела сосуда. В этом случае способ добавления (использования) волоса является формовочной операцией, предупреждающей растрескивание посуды в ходе изготовления и сушки. Он не имеет никакого отношения к составлению формовочных масс с использованием органических примесей. Это базовый прием формовочной (культурной, этнографической) традиции неолитических обитателей поселения Тыткескен-2, в той или иной степени представленный в комплексах от раннего до финального неолита.

Ключевые слова: неолит, поселение, керамика, технологический прием, искусственные добавки, формовочные массы, армирующая добавка, жгутовой налеп, лоскутный налеп.

Введение

Проблема реконструкции технологических традиций производства керамической посуды предполагает уточнение функциональной характеристики искусственных добавок к глине. Это тем более актуально, что в практике технолого-археологического исследования древней керамики сочетание разных рецептур (тесто с различными примесями) часто понимается как отражение процессов культурного смешения [Бобринский, 1978; Цетлин, 1982; и др.]. В археологической литературе уже отмечалось, что о смешении традиций можно говорить лишь в том случае, если формовочная масса содержит добавки, функционально дублирующие друг друга [Глушков, 1996]. В связи с этим в ходе технологического анализа керамики важно установить характер,

а также особенности использования добавок, их функции на разных этапах производства сосуда.

История изучения поселения Тыткескен-2

Поселение Тыткескен-2 было открыто М.Т. Абдулганеевым в 1983 г. [1985, с. 189]. Его общая площадь ок. 6 000 м². А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой за 1984–1986 гг. небольшими раскопами было вскрыто ок. 70 м² поселения [1986]. Стационарные раскопки памятника велись под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1994 г. [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 13]. Вся исследуемая площадь (более 1 066 м²) вскрыта до аллювия, который представляет собой крупный

речной песок (фракции от 0,05 до 10 мм) с галечнико-глыбовым материалом хорошей окатанности. Общая мощность вскрытых отложений составляет от 0,45 до 2,6 м [Барышников, Кирюшин, 1990, с. 26–27].

На поселении Тыткескень-2 слои, содержащие находки, отделены друг от друга прослойками песка эолового происхождения. Благодаря этому мы имеем четкую относительную хронологию для восьми культурных горизонтов на продолжительном временном отрезке от позднего мезолита до энеолита. Для трех из них получены радиоуглеродные даты. Все это позволяет построить периодизацию культур мезолита – энеолита средней Катунь, особая ценность которой заключается в том, что она базируется на материалах одного памятника, полученных из разновременных слоев, законсервированных в вертикальной последовательности и разделенных стерильными прослойками. Материалы исследуемого поселения дают возможность выявить тенденции в изменении каменного инвентаря от мезолита до энеолита; проследить развитие керамического производства от раннего неолита до энеолита; определить критерии для разделения неолитических комплексов от более ранних до более поздних. Все эти обстоятельства позволяют отнести Тыткескень-2 к числу наиболее высокоинформативных памятников мезолита – энеолита Западной Сибири. На сегодняшний день данный геоархеологический комплекс является уникальным для Горного Алтая, что дает основание рассматривать его как базовый при построении периодизационных схем древней истории региона от финального мезолита до энеолита [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 113].

Для горизонтов 7, 6, 4 поселения Тыткескень-2 по костям животных получена серия радиоуглеродных дат. Их калибровка существенно удревняет материалы из этих горизонтов [Там же, табл. 105]. В данном исследовании мы будем опираться на традиционную хронологию, поскольку сопоставление комплексов, имеющих калиброванные даты, с теми, для которых они отсутствуют, окажется вырванным из историко-культурного контекста. Таким образом, по нашему мнению, следует датировать:

- горизонт 7 – концом VII – началом VI тыс. до н.э.;
- 6 – концом VI – первой половиной V тыс. до н.э.;
- 5 – серединой – второй половиной V тыс. до н.э.;
- 4А – началом IV тыс. до н.э.;
- 4 – второй третью IV тыс. до н.э.

Керамика со следами волоса

В данной работе будут рассмотрены некоторые технологические приемы производства керамики из неолитических горизонтов поселения Тыткескень-2. Для определения значения волоса животных как куль-

турного компонента технологической традиции важно выяснить специфику его использования на разных этапах изготовления посуды.

Керамика из горизонта 7 представлена очень фрагментарно. Нет ни одного сосуда, форму которого можно было бы полностью реконструировать. Тем не менее выделяются две группы посуды: 1) тонкостенная (толщина стенок 2,0–2,5 мм), чаще всего неорнаментированная или украшенная рядами наколов по венчику [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 32]; 2) орнаментированная отпечатками мелкого длинного прямого гребенчатого штампа (рис. 1–4). Штамп очень мелкий: в 1 см 11–12 зубчиков шириной менее 1 мм. Из-за фрагментарности этой керамики невозможно сказать что-то более определенное об особенностях ее орнаментации. Несколько фрагментов (см. рис. 3) – от придонной части небольших сосудов. Толщина стенок посуды второй группы 5–9 мм.

У керамики второй группы по спаям четко фиксируются следы волоса животных (см. рис. 1–3). Кроме горизонтальных, наблюдаются спайи со следами волоса, которые имеют различную ориентацию (см. рис. 4). Это свидетельствует в пользу лоскутного налепа. Поднимающаяся емкость обматывалась волосом в процессе формовки сосуда. Керамика слонится по порам. Встречен негатив спая с канавкой, что позволяет предполагать и наличие жгутов. При этом предшествующий жгут был немного пересушен. По всей видимости, формовка осуществлялась на основе жгутовой техники, а лоскуты использовались для замазывания слоев волоса, которым обматывали сосуд по спаям.

Керамика из горизонта 6 также представлена фрагментарно. Невозможно полностью реконструировать форму ни одного сосуда. Этот керамический комплекс тоже подразделяется на две группы. Первая – неорнаментированная посуда или украшенная рядами наколов и насечек по венчику [Там же, с. 41], тонкостенная (толщина стенок 2,0–2,5 мм). К ней относится фрагмент остродонного днища. Вторая группа – посуда, орнаментированная гребенчатыми штампами разной длины и ширины (рис. 5, 6). Отпечатки короткого штампа (длина 5 мм, ширина 1 мм) с четырьмя зубцами [Там же, рис. 43, 4] образуют ряды наклонных линий. Вполне возможно, что это имитация шнура. Отпечатки более длинных штампов (длина 10–15 мм, ширина 1,5–2,0 мм) с количеством зубцов от 5 до 12 образуют ряды наклонных линий и ориентированной вертикально «елочки». Применялся также длинный гребенчатый штамп (длина 30–40 мм, ширина 2,0–2,5 мм) с 10–12 зубцами. Толщина стенок сосудов второй группы 5–9 мм.

У керамики второй группы обнаружена примесь волоса животных, следы которого четко фиксируются в разломах (см. рис. 5, 2) и по спаям (см. рис. 6, 2, 3). Отпечатки перепутанных и переплетенных волосков

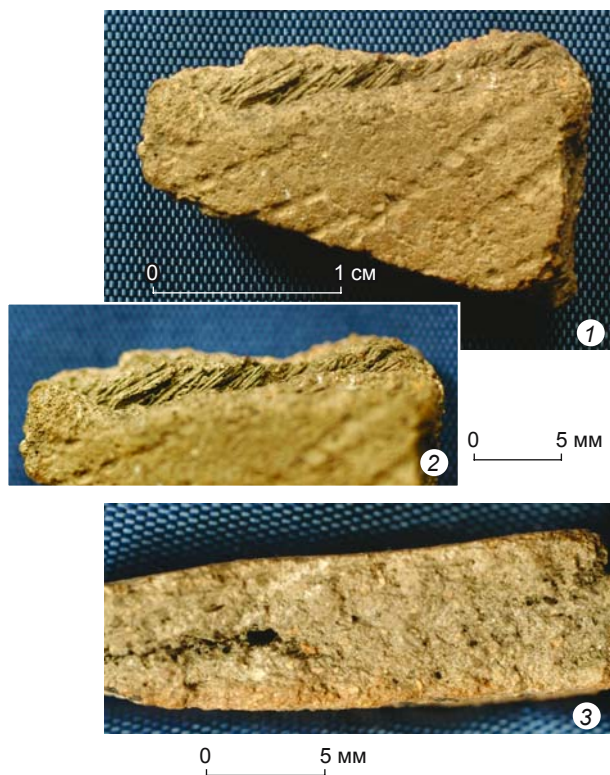

Рис. 1. Керамика из горизонта 7.

1 – общий вид; 2, 3 – следы волоса в горизонтальном (2) и вертикальном (3) изломах.

Рис. 2. Керамика из горизонта 7.

1 – общий вид; 2 – следы волоса в горизонтальном изломе.

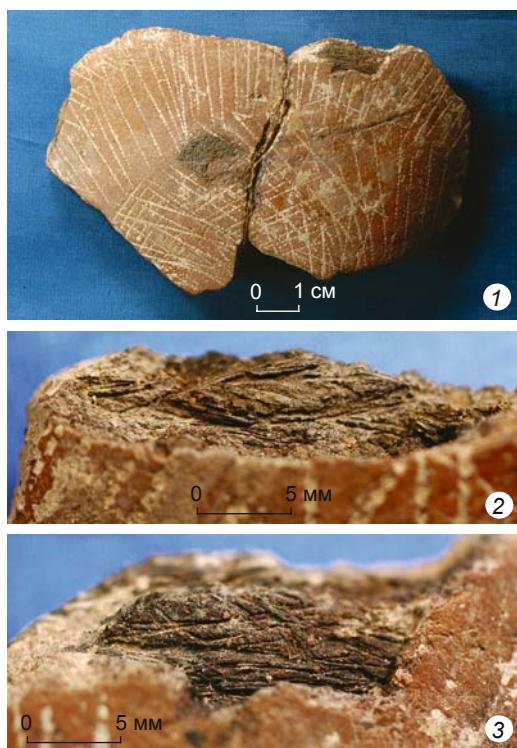

Рис. 3. Керамика из горизонта 7.

1 – общий вид; 2, 3 – следы волоса в вертикальном (2) и горизонтальном (3) изломах.

Рис. 4. Керамика из горизонта 7.

1 – общий вид; 2 – следы волоса в вертикальном изломе.

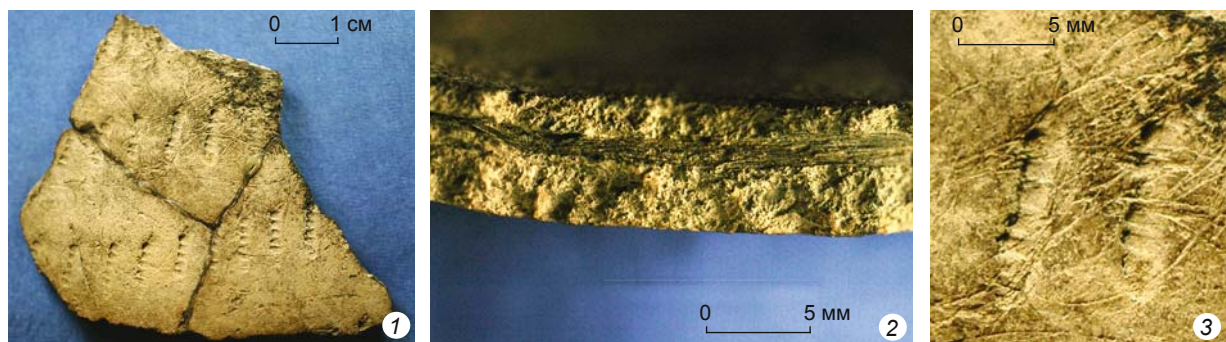

Рис. 5. Керамика из горизонта 6.

1 – общий вид; 2 – следы волоса в горизонтальном изломе; 3 – отпечатки волоса на внешней поверхности.

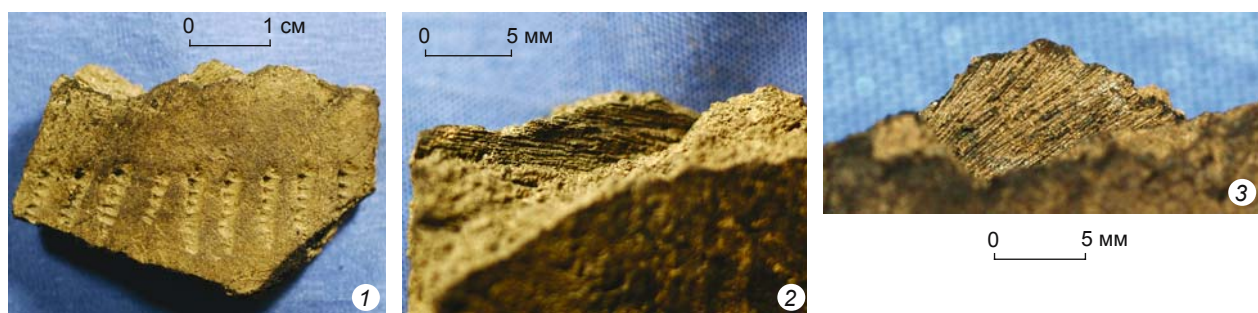

Рис. 6. Керамика из горизонта 6.

1 – общий вид; 2, 3 – следы волоса в горизонтальных изломах.

Рис. 7. Керамика из горизонта 6.

1 – общий вид; 2 – отпечатки волоса на внешней поверхности.

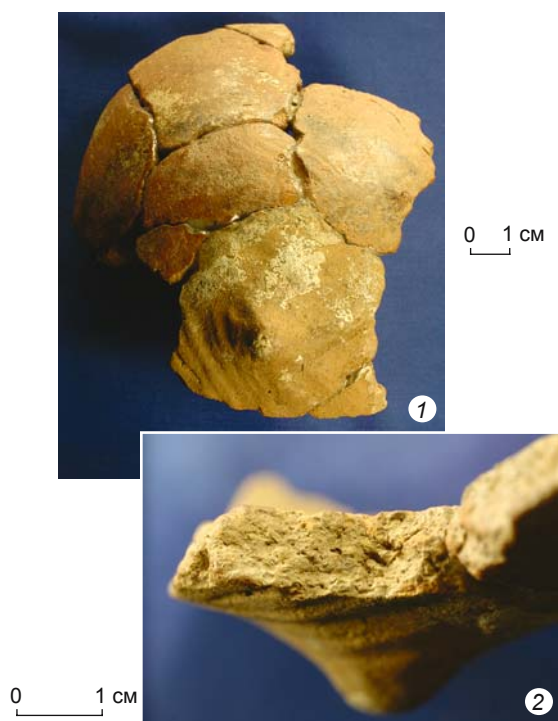

Рис. 8. Керамика из горизонта 5.

1 – общий вид; 2 – следы волоса в вертикальном изломе.

наблюдаются на внешней поверхности фрагмента, орнаментированного коротким гребенчатым штампом (см. рис. 5, 3), и черепка толстостенного неорнаментированного сосуда (рис. 7).

В материалах стратифицированной части горизонта 5 представлены фрагменты не менее четырех сосудов. Форма трех из них частично реконструируется. Керамику из этого горизонта также можно разделить на две группы. Первая – неорнаментированная посуда [Там же, рис. 48]. Толщина стенок 2–5 мм. Форму двух сосудов этой группы можно частично реконструировать. У них высота больше диаметра, тулово шире горлышка. Переходы от тулова к горлышку и к днищу плавные. По-видимому, все сосуды этой группы имеют остродонное или реповидное днище (рис. 8, 1). В вертикальных изломах в придонной части прослеживаются каналцы от отдельных волосинок, не сгруппированных в пучки (рис. 8, 2). В тулове следов волоса не обнаружено.

Ко второй группе отнесены фрагменты одного сосуда [Там же, рис. 49]. По орнаментации он резко отличается от всей керамики, найденной на поселении. Орнаментальная композиция состоит из вертикальных зигзагообразных и волнистых линий, расположенных асимметрично. Иногда они пересекаются. Линии различаются по длине и ширине. Длина шага изгиба в одних случаях одинакова, в других – постепенно уменьшается по направлению от венчика к придонной части. Сочетаются плавный изгиб и под острым углом. Все это придает динамичность композиции. На венчике имеется утолщение, рассеченное с двух сторон насечками. Несмотря на большое количество фрагментов этого сосуда, форму полностью восстановить не удалось. Скорее всего, она такая же, как у посуды первой группы данного комплекса.

В горизонте 4А найдены фрагменты не менее шести сосудов. Форма одного из них реконструируется практически полностью, а трех – частично. Керамика подразделяется на неорнаментированную и орнаментированную. Первая представлена очень фрагментарно. Тем не менее форму одного сосуда этой группы удалось частично реконструировать [Там же, рис. 63, 2]. Высокий вертикальный венчик плавно переходит в тулово, которое шире горлышка. Для сосудов данной группы характерны насечки по венчику. Толщина некоторых фрагментов 2,0–2,5 мм.

Ко второй группе отнесена керамика, орнаментированная длинным (от 2 до 4 см) гребенчатым штампом. Она представлена фрагментами трех сосудов, один из которых практически полностью восстанавливается (рис. 9), и мы можем подробно рассмотреть его орнаментацию (рис. 10, 1; 11, 1; 12, 1). Сосуд вытянутый, его высота почти в 2 раза больше диаметра тулова. Высокий венчик немного отогнут наружу. Он плавно переходит в тулово, диаметр которого при-

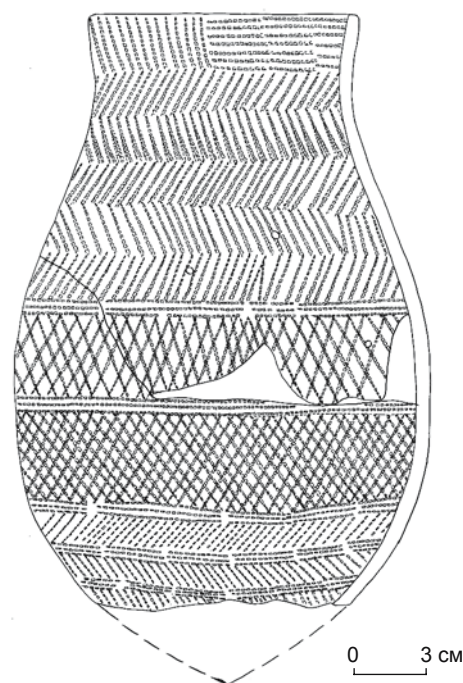

Рис. 9. Реконструкция сосуда из горизонта 4А.

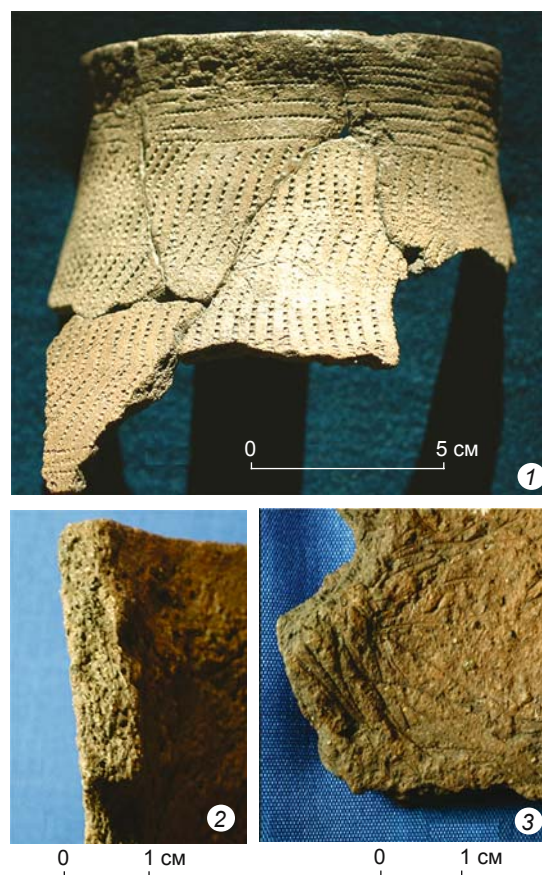

Рис. 10. Керамика из горизонта 4А.
1 – общий вид; 2 – следы волоса в вертикальном изломе; 3 – отпечатки волоса на внутренней поверхности.

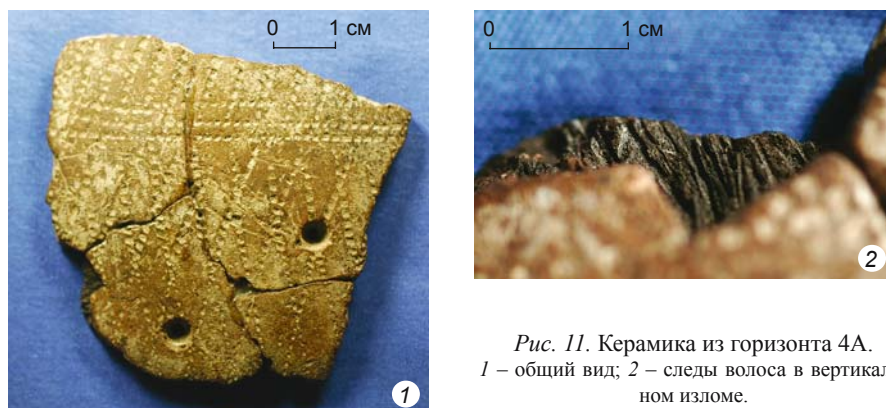

Рис. 11. Керамика из горизонта 4А.
1 – общий вид; 2 – следы волоса в вертикальном изломе.

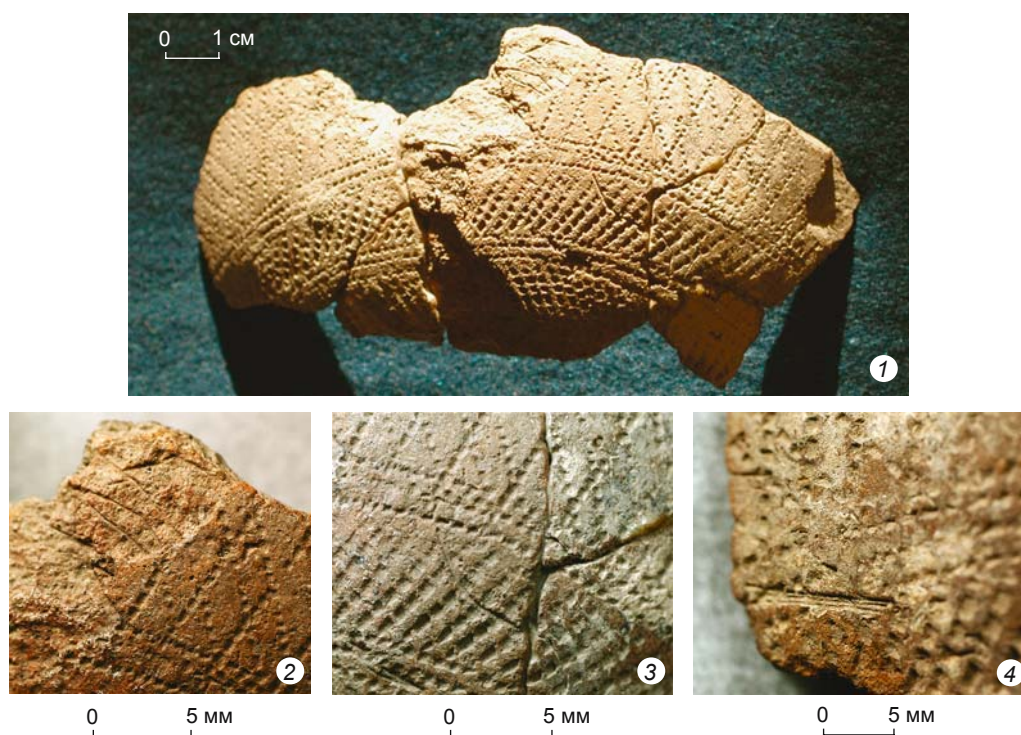

Рис. 12. Керамика из горизонта 4А.
1 – общий вид; 2–4 – отпечатки волоса на внешней поверхности.

мерно в 1,5 раза больше, чем венчика. Тулово плавно переходит в придонную часть. Днище отсутствует, но, скорее всего, оно приостренное. Орнаментальное поле делится на несколько зон. Одна половина венчика украшена вертикальными, слегка наклоненными отпечатками гребенчатого штампа, другая – горизонтальными. Верхняя часть тулова орнаментирована рядами «елочки», которая плавно переходит в «шагающую гребенку», средняя – сеточкой, нижняя – «елочкой». Орнаментальные зоны подчеркнуты тройными горизонтальными линиями, образованными отпечатками штампа. При формовке сосуда использовался волос, хотя на внутренней (см. рис. 10, 3) и внешней

(см. рис. 12, 2–4) поверхностях его следов очень мало. Канальцы от волосков фиксируются в изломах (см. рис. 10, 2) и на спаях (см. рис. 11, 2).

Фрагменты еще двух сосудов данной группы (рис. 13, 14) также орнаментированы длинным гребенчатым штампом, только не прямым, а слегка изогнутым. Отпечатки шагающей гребенки ориентированы вертикально с небольшим наклоном (рис. 13, 1). Иногда их ряды немного накладываются друг на друга (см. рис. 14, 1). На фрагментах отчетливо видны следы волоса (см. рис. 13, 2–6; 14, 3), особенно в продольных изломах. Их характер и расположение позволяют предположить некоторые особенности формовки сосу-

Рис. 13. Керамика из горизонта 4А.

1 – общий вид; 2, 3 – следы волоса в горизонтальных изломах; 4–6 – следы расслоения по спаям (горизонтальные изломы).

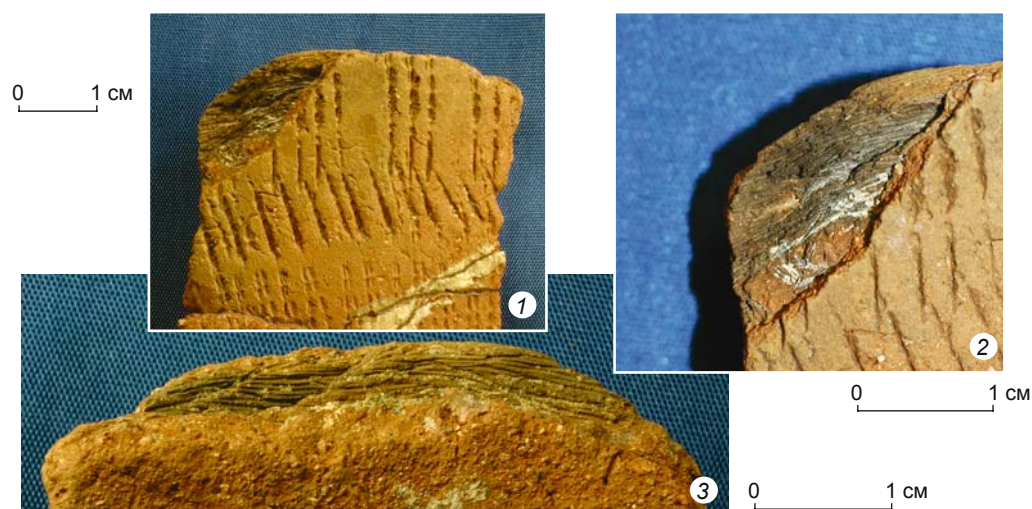

Рис. 14. Керамика из горизонта 4А.

1 – общий вид; 2 – следы расслоения по спаям; 3 – следы волоса в горизонтальном изломе.

дов и использования волоса. Для этой керамики характерна слоистость по отпечаткам волоса. Отпечатки не беспорядочны, а четко ориентированы по горизонтали (рис. 13, 2–6). Поскольку следы волоса отсутствуют на внешней поверхности, слабо читаются на внутренней, но зато хорошо представлены на спаях и ориентиро-

ваны преимущественно горизонтально, можно обоснованно предположить, что волос не добавлялся в тесто, как, например, солома, пух, помет и т.п., а им обматывался сосуд после каждого наложения и раздавливания жгутов (см. рис. 13, 4–6). При таком способе использования волоса он практически не виден на внутренней

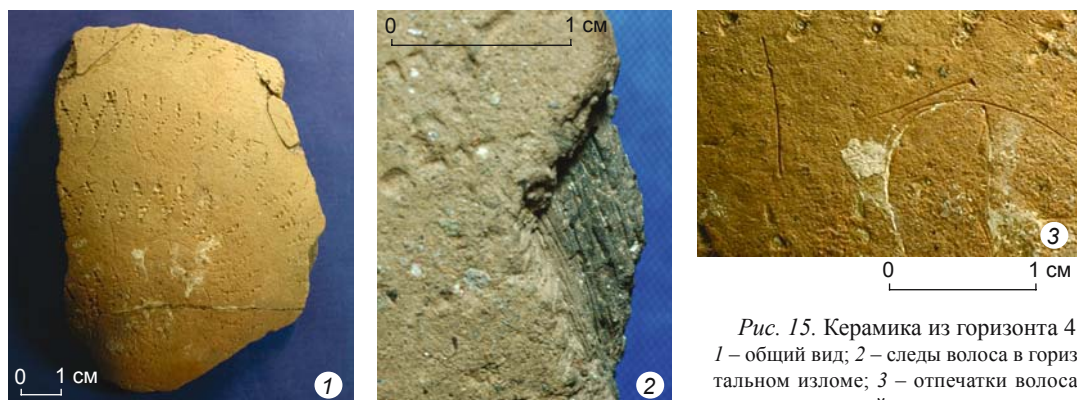

Рис. 15. Керамика из горизонта 4.
1 – общий вид; 2 – следы волоса в горизонтальном изломе; 3 – отпечатки волоса на внешней поверхности.

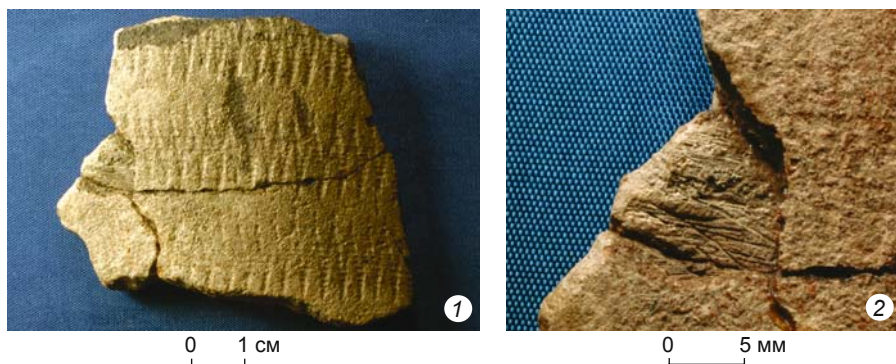

Рис. 16. Керамика из горизонта 4.
1 – общий вид; 2 – следы волоса в горизонтальном изломе.

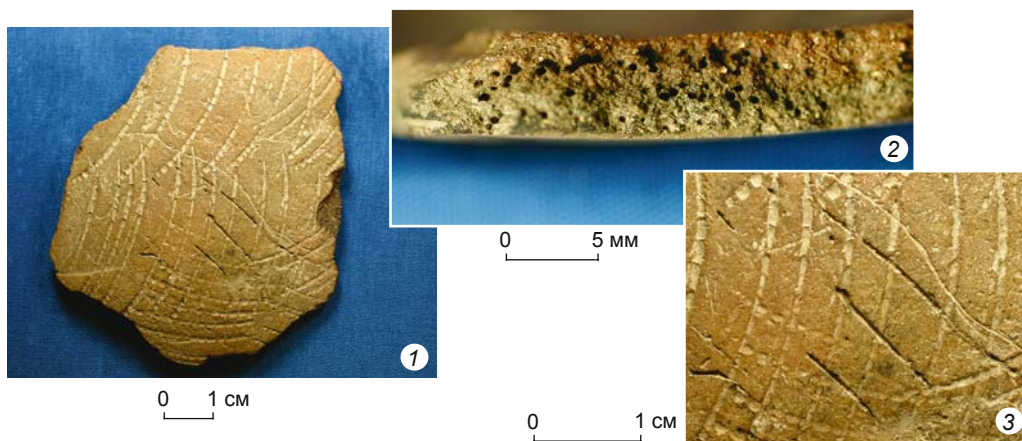

Рис. 17. Керамика из горизонта 4.
1 – общий вид; 2 – следы волоса в вертикальном изломе; 3 – отпечатки волоса на внешней поверхности.

и внешней поверхностях сосуда, зато хорошо читается на спаях (см. рис. 13, 4–6; 14, 2).

В горизонте 4 найдены фрагменты не менее 11 сосудов. Форму трех из них можно частично реконструировать. Керамика подразделяется на две группы – неорнаментированную и орнаментированную. Во второй по технике орнаментации выделяются

две подгруппы [Там же, с. 55–56; рис. 79, 1, 2; 80]. Неорнаментированная посуда имеет толщину стенок 10–12 мм, в придонной части – 15–20 мм. Частично реконструирована форма трех сосудов этой группы. Высота равна диаметру либо немного больше. Высокий венчик отогнут наружу и плавно переходит в тулово, которое шире горлышка. Переход к днищу тоже

плавный. По-видимому, у большинства сосудов данной группы округлое днище. Венчик в одном случае рассечен насечками с двух сторон, в другом – украшен вдавлениями [Там же, рис. 79, 1, 2; 80, 1].

Несмотря на большое количество фрагментов орнаментированной керамики [Там же, рис. 78; 79, 3–11], восстановить форму сосудов второй группы не удалось. Различия в технике орнаментации посуды позволили выделить две подгруппы. Первую составляет керамика, орнаментированная гребенчатым штампом (рис. 15–17). Она представлена очень фрагментарно. Однако можно сделать несколько выводов об особенностях орнаментации. Использовались короткий (длина 12 мм) слегка изогнутый штамп и более длинные (от 2 до 3 см) прямые и слегка изогнутые. Видимо, декор состоял из рядов «елочки», которые разделялись на зоны горизонтальными линиями, образованными отпечатками штампа. Подобное построение орнамента встречено на керамике из горизонта 4А. Несколько фрагментов украшено горизонтальными рядами «шагающей гребенки» (см. рис. 15, 16). Судя по фрагменту днища (см. рис. 15), керамика этой подгруппы остродонная. При формовке использовался волос. Изломы по спаям мало (см. рис. 15, 2; 16, 2). Следы волоса прослеживаются в изломе черепка как отверстия от канальцев (см. рис. 17, 2).

Вторую подгруппу составляет керамика, орнаментированная прочерченными линиями. Она представлена всего несколькими фрагментами. У одного сосуда высокий венчик отогнут наружу и рассечен рисками. Он плавно переходит в тулово. Все фрагменты орнаментированы рядами вертикальных прочерченных линий [Там же, рис. 79, 3, 4].

Обсуждение результатов исследования

В западно-сибирских и алтайских материалах такая добавка в керамическом тесте, как шерсть или волос, фиксируется достаточно редко. О.В. Софеев отмечает использование шерсти в качестве примеси для отступающе-наколычатой керамики с поселения Каргат-6 (Бараба) [Софеев и др., 1989]. В целом традиция добавления в глину органического вещества в Зауралье и Западной Сибири в большей степени связана с боборыкинской посудой, наколычато-отступающей керамикой Прииртышья и Барабы, игрековской Приобья [Глушков, 1996]. В гребенчатой керамике неолита – раннего металла органическая примесь встречается, но значительно реже, чем в перечисленной.

В посуде из разных слоев поселения Тыткескен-2 в качестве органической добавки зафиксирован волос животных. Эта традиция преимущественно связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. Она представлена в материалах практически всех

неолитических горизонтов. Следы волоса представляют собой канальцы шириной 0,3–0,5 мм с овальным профилем ложа (для сравнения: толщина грубого волоса овцы 0,1 мм, конского волоса – 0,4–0,6 мм). Они расположены преимущественно параллельно друг другу. Это заставляет предположить использование в качестве добавки к глине не шерсти как клубка переплетенных волосков, а грубых волос типа конского, способных собираться в пучки.

Характер и расположение следов волоса на тыткескенской керамике имеют четкие повторяющиеся особенности.

1. Следы волоса практически полностью отсутствуют на внутренней и внешней поверхностях сосуда (исключения единичны), где чаще прослеживаются отпечатки отдельных волосков (см. рис. 12, 3, 4; 15, 3; 17, 3). Отчасти это можно объяснить выбивкой. Но эксперименты с формовочной массой, включающей шерсть, показали, что выбивкой практически невозможно уничтожить следы на поверхности. Они в любом случае проявятся, особенно на этапе, когда поверхность слегка смачивается водой или влажной тканью.

2. Следы ориентированы параллельно горизонтальной плоскости. На вертикальных изломах черепков канальцы представлены, как правило, отверстиями (см. рис. 1, 3; 8, 2; 17, 2), а на горизонтальных фиксируются многочисленные четкие отпечатки волосков (см. рис. 1, 2; 2, 2; 3, 3; 5, 2; 6, 2; 3; 13, 2; 3; 14, 3).

3. Выделяются особые зоны, где следы наиболее отчетливы. Это область спаев жгутов. Необходимо отметить, что стенки сосудов слоятся по спаям, где образовались многочисленные поры от выгоревших пучков волос (см. рис. 13, 2–6). Расслоение идет параллельно поверхности и под углом к ней (см. рис. 3, 2, 3; 4, 2). Особенно отчетливо слоистость черепка и тяготение отпечатков пучков волос к области спая прослеживаются у керамики из горизонта 7.

Своеобразный набор признаков, связанных с использованием волоса, позволяет предположить способ применения последнего.

1. Волос добавлялся в формовочную массу не на этапе ее составления и замешивания. Этим объясняются преимущественно одинаковая ориентация пучков волос и сама возможность собираться в пучки, а также отсутствие следов волоса на внутренней и внешней поверхностях сосуда.

2. Судя по характеру спаев и расслоения по ним, волос добавлялся в тесто, точнее, уже в стенку сосуда на этапе его формовки, после накладывания и расформовки очередного кольца жгутов. Таким образом, судя по горизонтальной ориентации канальцев от волосков, можно предполагать, что край (спай) каждого жгута или нескольких обматывался волосом (типа конского?). В этом случае объясняются практически

все зафиксированные на сосудах поселения Тыткескень-2 особенности следов от волоса.

Какую же функцию выполняли органические включения в виде волоса? Органические примеси можно в целом подразделить на два функциональных класса: пластифицирующие и порообразующие [Там же]. Шерсть, волос – это порообразующая добавка, именно такую функцию она выполняет в готовом изделии. Однако реконструкция способа добавления свидетельствует об иной цели использования волоса. Он играл роль арматуры уже на этапе формовки, т.е. пластической фазы изготовления сосуда: им обматывали емкость. И в этом случае способ добавления (использования) волоса является формовочной операцией, предупреждающей растрескивание сосуда в процессе его изготовления и сушки (следовательно, такая угроза была реальной, и мастера боролись с ней, применяя различные вспомогательные средства). Поэтому вряд ли следы волоса имеют отношение к собственно примесям.

Прием обматывания емкости в процессе формовки был достаточно распространен в раннем гончарстве Западной Сибири. Он фиксируется в кипринской и игрековской керамике Приобья (след в стенке черепка, под венчиком, в виде канавки от жгута, обматывавшего сосуд); кондинской эпохи ранней бронзы (в зоне венчика на внешней поверхности сосуда встречается канавка от жгута, опоясывавшего сосуд в пластическом состоянии) [Там же]. Некоторые декоративные элементы посуды бронзового века также можно трактовать в качестве имитации обвязывания емкости.

Одним из авторов статьи были проведены эксперименты по выявлению функциональной обусловленности обвязывания сосуда в процессе формовки с использованием текстильных материалов. Обматывание формуемой части емкости выполняет армирующую функцию, предотвращая деформацию пластического материала, вертикальное растрескивание, являющееся одновременно результатом сушки и «разваливания» сосуда под собственной тяжестью. Обмотку можно не убирать после того, как она выполнила свое предназначение. Обмотка «штукатурится» лоскутками дополнительной глины. Это самый эффективный способ убрать многочисленные следы обвязки сосуда.

В коллекции гребенчатой керамики из горизонта 7 поселения Тыткескень-2 зафиксированы следы лоскутного налепа (спаи различной ориентации) и признаки жгутовой техники. Использование этой техники и обвязки сосуда волосом для армирования позволяет предполагать, что лоскутный налеп выполнял функцию «оштукатуривания» внешней поверхности, причем именно внешней, т.к. при изготовлении тыткескенской посуды жгуты накладывались снаружи и спаи обматывались волосом.

Заключение

Традиция формовки керамики, зафиксированная на поселении Тыткескень-2, включает специфический технологический прием обматывания емкости волосом в процессе создания полого тела сосуда. Этот прием не имеет никакого отношения к составлению формовочных масс с использованием органических примесей (хотя полностью исключать подобную функцию было бы вряд ли правомерно). Возможно, обматывание волосом выполняло сразу две функции – армирования в процессе формовки (основная) и внесения таким образом органической добавки в тесто (второстепенная). На наш взгляд, это базовый прием формовочной (культурной, этнографической) традиции неолитических обитателей поселения, в той или иной степени представленный в комплексах от ранне-го до финального неолита.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 189–190.
- Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катунь // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 23–30.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. – 327 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) / науч. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – Ч. 1. – С. 80–84.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы Бийского отряда // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 287–288.
- Софеев О.В., Савинкина М.А., Ламихов Л.К., Кокаулина Э.В. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат-6 // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 155–173.
- Цетлин Ю.Б. Опыт изучения демографии населения эпохи неолита (по данным технологического изучения керамики) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. – М.: Наука, 1982. – С. 7–13.

*Материал поступил в редколлегию 13.03.12 г.,
в окончательном варианте – 06.06.12 г.*

УДК 930.26+551.796(571.56)

А.Д. Степанов¹, Я.В. Кузьмин², Г.В.Л. Ходжинс³, Э.Дж.Т. Джалл³¹Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета
ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия
E-mail: mae-ysu@mail.ru²Институт геологии и минералогии СО РАН
пр. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org³Лаборатория ускорительной масс-спектрометрии Национального научного фонда США,
Университет Аризоны (г. Тусон), США
NSF-Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA
E-mail: ghodgins@physics.arizona.edu; jull@u.arizona.edu

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРЯДА И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КЁРДЮГЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ЫМЫАХТАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЯКУТИЯ)*

В результате последних исследований Кёрдюгенского погребения позднего неолита в Якутии получена серия радиоуглеродных дат, которая подтвердила его принадлежность к ымыяхтахской культуре. Дается новая интерпретация особенностей погребального обряда. Рассматриваются вероятные причины нарушения погребения. Присутствие расчлененных костей второго человека, возможно, свидетельствует о практике человеческих жертвоприношений. Поднимается вопрос о времени возникновения и правомерности выделения таких социальных групп, как воины, в позднем неолите Северо-Восточной Азии в контексте наглядно представленной воинской дифференциации.

Ключевые слова: Кёрдюгенское погребение, ымыяхтахская культура, воин, щит, доспехи, обряд, огонь, жертвоприношение.

Введение

Поздненеолитическое погребение воина с доспехом и щитом из костяных пластин, относящееся к ымыяхтахской культуре, обнаружено А.Д. Степановым в ходе работ Заречного отряда археологической экспедиции Якутского государственного университета в 2004 г. в 9 км к северу от с. Чурапча Чурапчинского р-на Республики Саха (Якутия) [Алексеев и др., 2006]. При разведочной шурфовке сначала были найдены костяные прямоугольные пластины (как выяснилось позднее, части щита), лежавшие неглубоко от поверхности. При дальнейшей рас-

чистке обнажились пластины доспеха и фрагменты человеческих костей («верхнее скопление», костяк № 2). Эти останки создали впечатление, что древняя могила разрушена позднейшим погребением XIX в. По мере продолжения расчистки были обнаружены ряды пластин щита и лобная кость черепа у южной стенки раскопа. Только тогда стало ясно, что основное погребение (костяк № 1) находится в относительной сохранности.

Характерное развитие костей кёрдюгенского воина, их дефекты и повреждения определяют физически очень сильного человека с большой мышечной массой. Следы переломов левой ноги и компрессионных травм суставов рук и ног, видимо, в результате падения или прыжка с большой высоты [Чикишева, Поздняков, 2006] свидетельствуют о необычно экстре-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Национального научного фонда США (EAR04-48416).

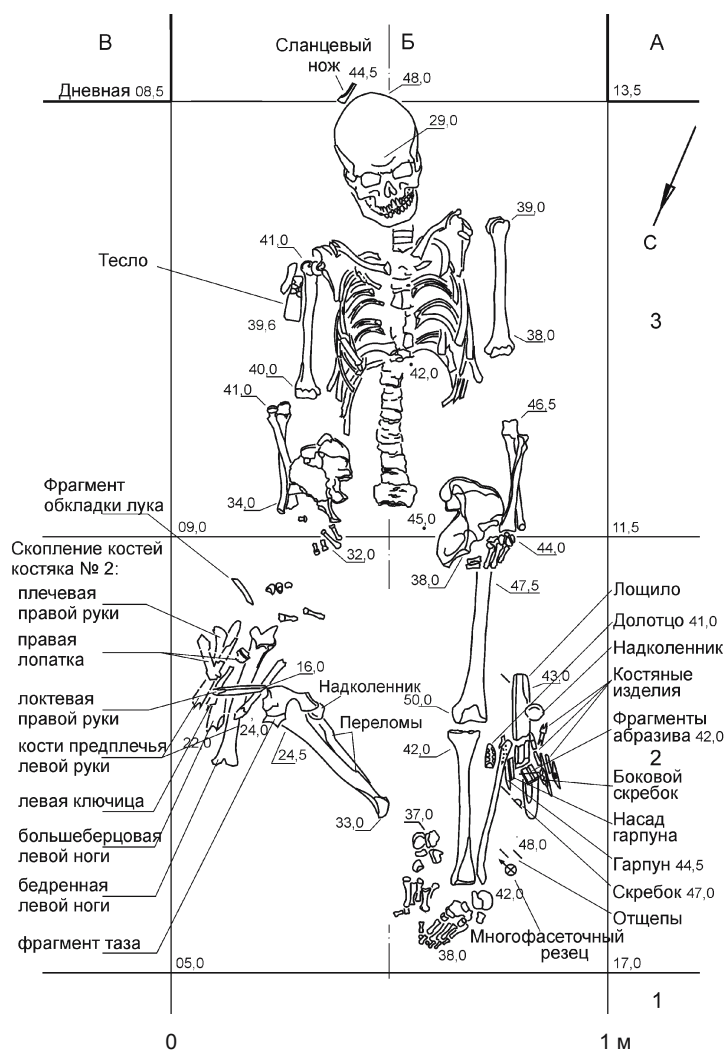

Рис. 2. План костяка № 1.

односторонне уплощенным насадом, фрагменты посредников-держателей (в т.ч. стерженек рыболовного крючка?) и изделие неясного назначения [Алексеев и др., 2006, рис. 10–12]. Часть инвентаря была уложена у левой ноги погребенного (рис. 2). Наконечники стрел и обкладки лука находились с правой стороны в районе бедра. В изголовье был найден шлифованный нож из сланца, у правой плечевой кости – сланцевое шлифованное тесло с массивным черешковым насадом.

Под черепом находилось небольшое пятно прокала грунта с немногочисленными угольками (рис. 3). При внимательном исследовании черепа обнаружилось, что слабые красновато-коричневые пятна на его поверхности являются следами обожженности, а не патиной, как представлялось ранее; это стало ясно при сравнении с явными следами обожженности на нижней челюсти. Видимо, погребенный был уложен головой в еще не потухший небольшой костер или, что вернее, огонь разожгли непосредственно под голо-

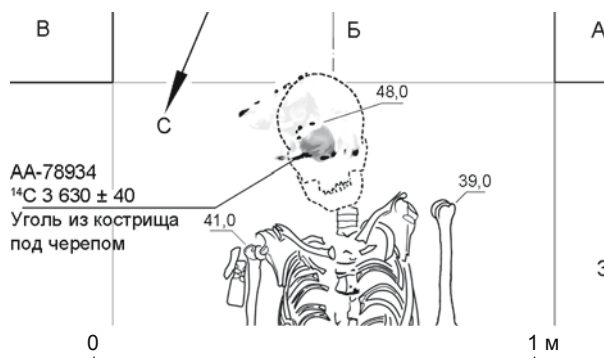

Рис. 3. Деталь погребения Кёрдюген: пятно прокала грунта с угольками под черепом.

вой покойника. Ранее предполагалось, что здесь имел место символический обряд очищения могилы до помещения в нее покойного [Там же, с. 49].

Радиоуглеродное датирование

В 2008 г. в Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны было получено шесть радиоуглеродных дат (см. *таблицу*). Все они, за исключением одной (АА-79317), близки между собой и согласуются с датами ымыяхтахских могильников Чучур-Муран (по углю) и Дириг-Юрях (по кости) – соответственно $3\,800 \pm 400$ (ЛЕ-1025) и $3\,840 \pm 50$ (ГИН-4794) л.н. [Федосеева, 1980, с. 81; 1988, с. 86], в целом подтверждая предварительную датировку Кёрдюгенского погребения. Дата $26\,780 \pm 680$ л.н. (АА-79317), полученная по небольшому фрагменту латной пластины, имевшей характерную мелкопористую структуру рога, указывает на то, что первобытные люди могли использовать при необходимости найденные кости более древних животных.

Погребальный инвентарь и представления о душах предметов

Снабжение погребальным инвентарем исходит из религиозных представлений о загробной жизни как продолжении земной [Штернберг, 1936, с. 330]. Ымыяхтахское погребение Кёрдюген, как, впрочем, и другие неолитические, отражает уже достаточно развитые в этом отношении религиозные взгляды, но здесь имеются интересные особенности.

Все костяные изделия, кроме, возможно, ложила и заостренного с двух концов предмета, давно сломанные или старые. Создается впечатление, что в могилу положили обломки уже ненужных в быту и на охоте предметов, что в целом противоречит традиционным представлениям о сопроводительных вещах, которые должны служить хозяину в стране мертвых сами

или своими освобожденными душами [Леви-Брюль, 1930, с. 249; Штернберг, 1933; Тайлор, 1989, с. 241–251; Иохельсон, 2005, с. 325]. Так, у гарпуна нет острия с бородкой; судя по отсутствию его обломка среди сопроводительного инвентаря и по излому, оружие было сломано давно, а не перед погребением. В таком же состоянии находятся и другие вещи. Например, стержневидное острие (бывшее когда-то наконечником стрелы) имеет вид старого затупленного орудия, использовавшегося, очевидно, в качестве шила.

У давно сломанной вещи, если следовать логике представлений некоторых народов Севера и Дальнего Востока, душа должна отсутствовать – вещь мертва, по крайней мере, до ее перерождения (починки, передельвания). Если такой предмет положить в могилу, то теряется лейтмотив, заключенный в самом ритуале порчи и повреждения (умерщвления) вещей, освобожденные души которых сопровождают покойного. В другом случае, когда вещи призваны сопровождать умершего в неизменном виде и исправном состоянии, сломанные или старые предметы равно могут оказаться бесполезными и для покойника.

В целом в Кёрдюгенском погребении не прослеживается последовательность во взгляде на сломанные вещи как на антитезную противоположность вещей мира живых и мира мертвых – «здесь мертвое – там живое, здесь поврежденное – там невредимое...» [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 108], – т.к. не все предметы выглядят сломанными. С.А. Федосеева, исследовавшая материалы Дириг-Юряхского могильника, особо отметила отсутствие намеренно сломанных предметов [1992, с. 92]. То есть, вероятно, согласно верованиям ымыяхтахцев, умершего должны были сопровождать сами вещи, а не их освобожденные души. Хотя утверждать это со всей определенностью не приходится, для освобождения души вещей их повреждение

Радиоуглеродные даты Кёрдюгенского погребения

Индекс лаборатории	Материал	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата (2 σ), лет до н.э.* ¹	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
АА-79323	Кость* ²	$3\,940 \pm 50$	2 570–2 290	–19,8
АА-79328	Кость* ³	$3\,635 \pm 50$	2 190–1 880	–21,3
АА-78934	Уголь* ⁴	$3\,630 \pm 40$	2 130–1 890	–22,9
АА-79316	Рог* ⁵	$3\,765 \pm 50$	2 330–1 980	–21,1
АА-79317	Рог* ⁵	$26\,780 \pm 680$	30 900–28 240	–21,5
АА-79782	Кость* ⁶	$3\,830 \pm 50$	2 460–2 140	–21,7

*¹Использована калибровочная программа Calib Rev 6.0.1; все интервалы округлены до 10 лет и объединены.

*²Дата получена по коллагену костяка № 1.

*³Дата получена по коллагену костяка № 2.

*⁴Образец из костра под черепом костяка № 1.

*⁵Образцы от пластин доспехов; дата получена по коллагену.

*⁶Образец от пластины щита; дата получена по обугленному коллагену.

не является обязательным, и не все народы придерживались данного ритуала. Анимистические представления о душах вещей имеют очень древние корни. Э.Б. Тайлор признает вполне обоснованным мнение американского писателя У. Альджера о том, что «обычай хоронить или сжигать предметы вместе с умершими людьми возник, вероятно, по крайней мере в некоторых случаях, из предположения, что каждая вещь имеет свою тень» [1989, с. 241–245].

Возможно, сломанные и старые костяные изделия наряду с кремневым инвентарем составляли содержимое «сумки охотника» или «походной сумки», положенной при погребении у левой ноги. В этом случае мы имеем едва ли не уникальное свидетельство столь бережного отношения к таким вещам в каменном веке, поскольку считается, что люди того времени старались не обременять себя ненужными предметами, когда любую вещь они могли изготовить из подручных материалов – камня и кости.

Любопытным является и присутствие ложила, причем оно не было изначально сломанным. Но в захоронении такого ранга более уместно наличие кинжала. Думается, ложила положили взамен оставленного для живых или вовсе отсутствовавшего кинжала, хотя, возможно, оно тоже было в составе содержимого «сумки». Интересно, что отщепы также находились в общем скоплении, т.е. они, очевидно, не несли здесь самостоятельной ритуальной и сакральной нагрузки, будучи просто частью вещей из «сумки».

Положение шлифованного ножа в изголовье может иметь отношение к костру – видимо, им подготавливались стружки, после чего нож был оставлен на месте. Косвенно на это указывает светло-серый цвет одной его стороны, свидетельствующий о кратковременном термическом воздействии.

Расположение тесла у правого плеча, а не в общем скоплении у ноги, очевидно, объясняется размещением избранных предметов (как, например, лука и стрел) с правой стороны. С этим орудием вообще может быть связана особая символика, т.к. тесла и топоры относятся к достаточно редким сопроводительным предметам в погребальных обрядах. Например, в Дириг-Юряхском могильнике отсутствуют каменные рубящие орудия, хотя предполагалось наличие металлических [Федосеева, 1992, с. 92]; нет их и в Чучур-Муранском могильнике [Федосеева, 1980, с. 61–86].

Особый интерес вызывает находившийся в ногах погребенного доспех. Его пластины располагались скоплениями в три-четыре слоя. В каждом скоплении пластины связаны друг с другом в один блок, являвшийся составной частью доспеха. Взаиморасположение этих блоков, как оказалось, не соответствует их последовательности в доспехе, что затрудняет его реконструкцию, которая далека от завершения. Скорее

всего, доспех был уложен в могилу в полуразобранном и, возможно, не полном состоянии. Истинные мотивы его разборки и помещения в ноги погребенного остаются пока неизвестными.

Роль огня в погребальном обряде

Интересно расположение т.н. очистительного костра. В первой публикации было высказано предположение об очищении могильной ямы огнем [Алексеев и др., 2006, с. 49]. Исследование черепа показало, что костер, видимо, еще горел, когда умершего клали в могилу, или, скорее всего, огонь разожгли непосредственно под его головой, предварительно подготовив буквально несколько веток, которые подожгли после того, как положили покойного. Костерок горел недолго и несильно – сожжение головы здесь было, собственно, условное.

Обозначенное сожжение головы, очевидно, не случайно и может быть одним из немногих указаний на существование у ымыхтахцев представлений о связи головы с душой или одной из душ человека, живущей в голове или волосах. Так, у тундровых юкагиров «головной» душой считалась *нуннинг* [Иохельсон, 2005, с. 232]; согласно верованиям якутов, главная из трех душ *ийэ-кут* входила в человека во время рождения через темя [Кулаковский, 1923, с. 62]. В целом подобные представления о нахождении души или одной из душ в голове, внедрении и выходе через нее (рот, нос, уши, темя) имеют весьма широкий ареал и, видимо, достаточно древние корни [Тайлор, 1989, с. 215–216; Иохельсон, 2005, с. 228–233; Гурвич, 1977, с. 220–221; Фрэзер, 2001, с. 244–246, 268–269]. Об особой значимости головы в представлениях древних свидетельствуют археологически зафиксированные обряды погребения черепов [Федосеева, 1968, с. 25–27; Окладников, 1955, с. 317–318; Матвеев, 1979, с. 28; Maringer, 1982; Keeley, 1996, p. 102; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010, с. 183, 185], а также небезызвестные охота за головами и культ черепов. Обряд с сожжением головы отмечен на Верхоленском могильнике (погребения 21, 25 по новой оцифровке), где головы погребенных были сожжены полностью, и даже с верхней частью туловища [Окладников, 1955, с. 319; 1978, с. 30, 39].

Использование огня в погребальной практике трактуется однозначно – он рассматривается в качестве «медиатора между небом и землей» [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008, с. 154]. Огонь непосредственно под головой погребенного, возможно, связывался с переходом души на небо к высшим духам или в страну мертвых. С.А. Токарев допускал, что имеется некоторая связь идеи небесного мира душ с практикой трупосожжения, хотя в целом был абсолютно не со-

гласен с положением, выдвинутым в начале XX в. известным английским этнологом-диффузионистом [Rivers, 1914, p. 550–580]: «...нельзя, конечно, согласиться с Риверсом, который... полагал, что вера в небесный мир душ породила обычай трупосожжения» [Токарев, 1990, с. 197].

Кроме того, огонь, вероятно, был призван очистить душу от злых духов, стать преградой на пути ее превращения в зловредного призрака. Другой причиной обезвредить покойника могла быть смерть от болезни. Считалось, что больной человек пожирается злыми духами, вселившимися в него вместо какой-нибудь похищенной ими души. Эти представления тоже достаточно универсальны и известны у различных народов [Богораз, 1939, с. 12–17; Антропова, 1976, с. 258; Попов, 1976, с. 34; Элиаде, 2002, с. 64; Иохельсон, 2005, с. 230].

Во всяком случае, в обряде с сожжением головы можно усматривать роль огня как очистительной и охранительной силы, а также как средства, транспортирующего душу в Верхний мир. Этот обряд указывает, по нашему мнению, на особый социальный статус покойного.

Погребальная ориентировка: река Лена – путь в страну мертвых

Ориентировка погребенного по линии ЮЮВ–ССЗ является параллельной не только озеру, но и р. Лене (ногами вниз по течению). Сопоставление реки с мифической дорогой в мир мертвых, находящийся в устье, бытует у многих сибирских народов [Штернберг, 1933; Анисимов, 1958, с. 58–61]. Считается, что попасть туда можно, спускаясь (либо сплавляясь) по реке. Ымыяхтахские погребенные ориентированы ногами вниз по течению, видимо, чтобы покойник не ошибся в направлении своего движения к устью реки.

Но р. Лена находится на удалении 125 км к востоку, а озерный сток в районе погребения, направленный в противоположную сторону (на юго-восток, в сторону речки Татта), остался проигнорированным. В этой связи очевидно, что у ымыяхтахцев основной была пространственная ориентация по сторонам света, где мир мертвых располагался на севере – в устье р. Лены. Соблюдавшаяся параллельность береговой линии, независимо от направления течения мелких речных стоков, свидетельствует о том, что именно р. Лена могла быть условной дорогой в страну мертвых.

Хотелось бы отметить, что Родинское погребение (относимое некоторыми исследователями к ымыяхтахским), где умерший был уложен головой на восток, ногами к р. Пантелеихе и в целом к р. Колыме [Кистенев, 1980, с. 79–87], не соответствует простран-

ственной ориентации ымыяхтахских погребений и, очевидно, не относится к таковым, сближаясь по этой характеристике с белькачинскими – Туой-Хая на р. Вилуе, Джикимда на р. Олекме и Онньёс на р. Амге, в которых погребенные тоже ориентированы ногами или головой (Онньёсское погребение) к реке.

Ориентирование могилы вдоль реки было обусловлено, видимо, семантическим значением реки как мифической дороги, связывающей мира и ведущей в мир мертвых, который находился на севере и ассоциировался с Нижним миром. Безусловно, в космологии ымыяхтахцев существовали представления не только о горизонтальной организации пространства, с идеей верха и низа – Верхнего, Среднего и Нижнего миров, о чем косвенно свидетельствует ымыяхтахская традиция ориентации погребенных головой вверх по течению реки, на юг, где должен находиться Верхний мир, и ногами вниз по течению, на север, где – Нижний мир; но и о вертикальной, на что указывают обряд ингумации, сопроводительный инвентарь, применение огня.

Нарушения погребения

Ряд костей (практически весь костяк № 2, лобная часть черепа костяка № 1), а также некоторые пластины щита и доспеха имеют следы воздушной эрозии и отличаются трещиноватой поверхностью с рыхлой структурой и характерным белесым цветом. Дата, полученная по костяку № 2, на 300–400 лет моложе, чем определенная по костяку № 1, но практически совпадает с датой по углю из-под черепа воина (см. *таблицу*). В целом данные радиоуглеродного датирования свидетельствуют о единовременном погребении. Тем не менее положение костяка № 2 и его фрагментированность, совместно с близким расположением могилы XIX в., заставляют связывать их с возможным нарушением древнего погребения.

Ранее предполагалось, что погребальный комплекс был нарушен грабителями. После внимательного камерального анализа всех материалов в нарушениях первоначального положения погребения усматриваются два момента. Первый – естественные смещения в ходе мерзлотных процессов, из-за чего наблюдается расползание пластин щита и костей погребенного, повреждение части костяных изделий, в т.ч. ложила, пластин щита и доспеха. Бугор мерзлотного пучения, образовавшийся под правой ногой погребенного, приподнял часть погребения, обнажив костяк № 2 [Алексеев и др., 2006, рис. 4]. Большинство этих костей имеют одностороннюю выветрелость. Их нижняя часть, обращенная к земле, осталась невыветрелой. Так, на нижней стороне бедренной кости костяка № 2 сохранились даже сле-

ды вен*. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу того, что выветренность данных костей не является результатом первичного воздушного захоронения.

Второй момент связан с нарушениями явно внешнего свойства.

1. Некоторые нарушения вызваны деятельностью полевых мышей или крыс, т.к. на пластинах щита и на лобной части черепа имеются следы погрызов и кислотного воздействия мочевины, вплоть до сквозных дыр. Кроме того, на пластинах доспеха и щита наблюдаются царапины, особенно глубокие на более мягких роговых пластинах доспеха. То есть смещение пластин могло быть результатом деятельности грызунов, а не грабителей; воздушная эрозия на черепе и пластинах щита могла образоваться в норных ходах.

2. Пластины правого края щита были обломаны при заложении погребальной ямы XIX в. (см. рис. 1). Многие другие пластины могли быть сломаны из-за неглубокого залегания погребения, т.е. в результате давления сверху. Как уже говорилось, вначале сложилось впечатление, что фрагменты костяка № 2 были повторно захоронены после случайного повреждения древнего погребения при закладке могилы XIX в. Но присутствие в «верхнем скоплении» аккуратно положенных кремневых наконечников стрел (рис. 4) говорит о том, что его появление не может быть связано с погребением XIX в. Кроме того, менталитет людей этого времени не позволил бы рыть могильную яму, извлекая кости другого, пусть даже древнего погребения.

3. Можно также допустить, что был совершен один из постпогребальных обрядов (обезвреживание), при которых кости извлекаются из могилы и перемещаются либо в нее подкладываются кости из других погребений, в т.ч. в целях вторичного захоронения. Подобная постпогребальная (или вторичная погребальная) практика известна с древних времен и имеет весьма широкое распространение [Матюшенко, Сеницина, 1988; Базалийский, 2006; Флёров, 2007]. К нарушениям, имеющим отношение к возможному постпогребальному обряду, можно отнести сломанные пластины щита, лежавшие над правым бедром погребенного. В этом месте, как оказалось, бедренная кость костяка № 1 отсутствует (находившаяся здесь бедренная кость с разрушенными эпифизами, первоначально отнесенная нами к костяку № 1, как выяснилось в ходе антропологического исследования, принадлежит костяку № 2) (см. рис. 2).

Особое внимание привлекает положение берцовой кости и костей стопы правой ноги. Его нельзя объяснить только действием мерзлотной деформации, в результате которого кости стопы были смещены вслед за

Рис. 4. Скопления костей костяка № 2 и наконечников стрел.

берцовой, т.к. слишком велика амплитуда смещения относительно других костей и предметов.

Таким образом, напрашивается предположение, что по каким-то причинам была удалена правая бедренная кость воина (костяк № 1) и подложены кости второго костяка. Подобный обряд совершался обычно после полного скелетирования погребенного. Однако все говорит о том, что бедро воина было изъято через несколько дней или недель после захоронения.

Наиболее вероятно, что кости правой ноги погребенного были изъяты и смещены в результате разорения могилы хищниками. Возможно, на это указывает отсутствие нескольких фаланг и костей правой кисти. Представляется, что бедро было изъято вскоре после погребения, когда еще сохранялись сухожильные связки или даже мышечная ткань, достаточно крупным и сильным хищником, сумевшим вытянуть его из-под земли. Зверь сдвинул, деформировал и даже разорвал мешавший ему щит, имевший, видимо, кожаную основу (правда, на пластинах не зафиксированы явные следы когтей и зубов). Об этом свидетельствует радиальное расположение пластин щита в месте повреждения (см. рис. 1). На вмешательство хищных животных указывают и следы клыков мелкого хищника (лисы?) на разбитом фрагменте таза костяка № 2. В любом случае, характер повреждений и смещений мало ассоциируется с действиями человека.

Одновременность погребения двух человек остается пока под вопросом, хотя все факты свидетельствуют об этом. Во всяком случае, если и был временной разрыв, то весьма небольшой.

По-видимому, в короткий срок после указанного нарушения могила была восстановлена, т.к. рядом с вновь собранными (или только что уложенными?) фрагментами костяка № 2 аккуратно, двумя скоплен-

*Нижней называется не вентральная сторона костей, а сторона, на которой они залежали в момент обнаружения.

ями (короткие отдельно от длинных), были собраны и/или уложены наконечники стрел, возможно лежавшие в колчане (см. рис. 4).

Социальный статус погребенного

Усиленный костяными пластинами щит и наборный панцирь из роговых пластин свидетельствуют о значительном развитии военного дела уже во второй половине III тыс. до н.э. Появление усиленного щита подразумевает бытование простого (кожаного), остатки которого не доходят до наших дней, а также существование воинов с более легким вооружением – без щита и доспехов (простые охотники). Примером воинской дифференциации может служить специализация воинов у эскимосов аляскинского Берингоморья, где воины в панцирях были структурной частью общего военного формирования [Malauné, 1974, p. 147; Шнирельман, 1994, с. 109].

Действительно, трудно представить, что тяжело-вооруженные воины (в доспехах и со щитами в рост человека, не обязательно усиленными костяными пластинами) были самодостаточным воинским подразделением. Вероятнее всего, они составляли особую, относительно немногочисленную группу, своего рода костяк и элиту ымыяхтахского родового войска. По мнению В.А. Шнирельмана, который ссылается на известного исследователя войны К. Оттербейна [Otterbein, 1970, p. 49–51], «защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об относительно регулярных вооруженных столкновениях. Кроме того, защитное вооружение в своей тенденции сопоставляется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов и т.д.» [Шнирельман, 1994, с. 36].

Согласно исследованиям К. Оттербейна, немногие общества с военной организацией имели возможность использовать щиты совместно с броней, т.к. ее изготовление было технологически трудоемким [Otterbein, 1970, p. 49–50]. В нашем случае и пластинчатый щит весьма сложное изделие: изготовление тонких пластин из костей ног лося (которых, кстати, требовалось немалое количество), буквально филигранная подгонка их друг к другу (чтобы не было щелей на стыках), наклеивание на кожаную основу, шлифование уже наклеенных пластин – все это требовало от мастера немалой квалификации.

Изготовление такого трудозатратного воинского снаряжения означает, что первобытные воины-охотники (или только их определенная часть – воины или даже мастера) были вынуждены уделять много времени подготовке к военным действиям и что вооруженные конфликты переросли из кратковременных и

эпизодических в частые и систематические, приобретая, видимо, характер непрекращающейся конфронтации, действительные мотивы которой остаются пока неизвестными. Хотя общие причины, как причины войн и военных конфликтов в целом, могут предполагаться [Свод..., 1986, с. 36–37; Шнирельман, 1994; Thorpe, 2003, p. 160]. О том, что военные столкновения в ымыяхтахском обществе не были редкостью, свидетельствуют наконечники стрел в некоторых костяках из Чучур-Муранского и Диринг-Юряхского могильников, костяные панцирные пластины на стоянках Бурулгино (р. Индигирка), Улахан-Сегеленях, слой VIII (р. Токко) [Федосеева, 1980, с. 81, 210, рис. 87; 1988, с. 87; Алексеев, 1996, с. 56].

На наш взгляд, полный боевой защитный комплект из щита и доспеха, расчлененные кости другого человека (жертвоприношение?) являются вполне красноречивым показателем того, что перед нами не ординарное погребение, а захоронение воина или вождя-военачальника эпохи позднего неолита (здесь подразумевается не племенной или верховный вождь, порожденный институтом вожества, а заслуженно-выборная должность в условиях родовой организации). Вряд ли человек, доживший до 40–50 лет, участвовавший в многочисленных сражениях, обладавший огромной физической силой и значительным военным опытом, имел статус простого охотника или рядового воина. Хотя для погребения вождя (даже выборного ранга) сопроводительный инвентарь весьма скромный – как уже говорилось, вещи из «походной сумки» выглядят старыми и бесполезными в быту. Это наводит на мысль о захоронении в походных условиях. Возможно, отсюда лишь обозначенное, а не полное сожжение головы (из-за недостатка времени?).

Человеческое жертвоприношение?

Одним из загадочных обстоятельств в Кёрдюгенском погребении является присутствие фрагментированных костей второго человека (костяк № 2), судя по фрагменту таза – мужского пола. Предполагается, что это кости одного человека, т.к. нет повторяющихся: лучевые и локтевые кости обеих рук, правая плечевая, правая лопатка и левая ключица, левые большеберцовая и бедренная, фрагмент таза и различные мелкие осколки. Все длинные кости без эпифизов; некоторые из них разбиты, другие – разрушены естественными факторами.

Нам представляется, что разрозненные кости «верхнего скопления», сложенные аккуратной кучкой (при этом не имеет значения – одновременно с основным погребением или чуть позже), являются собой акт ритуального принесения в жертву человека. Человеческие жертвоприношения относятся к исключительным и

имеющим особую силу, которая кроется в первобытных представлениях о священности крови как воплощения жизненной силы человека [Тайлор, 1989, с. 469; Каневский, 1998, с. 20, 21, 193; Элиаде, 2008, с. 19]. Мотивы могли быть разные: дарительные, просительные, искупительные, благодарственные и т.д. Следует отметить, что человеческие жертвоприношения более всего связаны с какими-то кризисными ситуациями, в т.ч. с военным временем [Зубов, 1997, с. 262].

Возможно, акт принесения жертвы сопровождался каннибализмом, хотя прямых указаний на это нет, за исключением отсутствия эпифизов. Ритуальный каннибализм основывается на первобытных представлениях о некоей жизненной силе, передающейся с человеческой плотью [Lumholtz, 1889, p. 272; Леви-Брюль, 1930, с. 22; Ксенофонов, 1992, с. 69–70; Каневский, 1998, с. 20–21, 193; Фрэнгер, 2001, с. 164–165]. В хосунных (героических) преданиях северных народов встречаются упоминания о вкушении победителями костного мозга побежденных [Ксенофонов, 1992, с. 236–237, 240–241, 248–249, 254–256; Гурвич, 1977, с. 152–153].

По мнению С.А. Токарева, человеческие жертвоприношения присущи «народам, достигшим относительно высокого уровня общественного развития, с отчетливой классовой структурой» [1990, с. 597]. Если следовать этому тезису, то принесенный в жертву мог быть рабом, хотя, скорее всего, он был военнопленным. Взятых в плен воинов, видимо, еще с ранних этапов человеческого развития, чаще всего пытали, избивали и/или убивали [Malaurie, 1974, p. 134–135; Otterbein, 2000; Нефёдкин, 2003, с. 177–178]. О принесении в жертву рабов и военнопленных, их расчленении и поедании в архаических обществах имеется немало свидетельств [Каневский, 1998; Пропп, 1998, с. 186–187; Шнирельман, 1994, с. 26; Lambert, 2002, p. 210, 212, 221].

Заключение

Кёрдюгенское двойное погребение не только представляется одним из уникальных памятников в сибирской археологии, но и поднимает ряд вопросов. Серия радиоуглеродных дат позволяет говорить о единовременности захоронения двух человек или весьма небольшом хронологическом разрыве. Присутствие расчлененных костей второго человека (возможно, военнопленного, принесенного в жертву) свидетельствует о высоком или особом социальном статусе погребенного – заслуженного воина либо военного вождя (одного из вождей). Подобное исключительное отношение при захоронении избранных или выдающихся членов коллектива отмечают исследователи австралийских аборигенов: «Погребение главарей,

влиятельных стариков, храбрых воинов обставлялось особо сложными ритуалами» [Токарев, 1990, с. 182]. Если это действительно был акт принесения в жертву пленника, то он должен быть связан с каким-то культом, ритуалом, что, возможно, предполагает существование социальной группы, причастной к нему. Вместе с тем совокупность материалов ымыяхтахской культуры в регионе пока не дает оснований для выделения какого-либо специализированного сообщества наподобие тайного или военного, которому могло быть приписано совершение подобного ритуала. Тем не менее данный факт создает своего рода прецедент к постановке вопроса.

Щит и доспехи, которые могли бы послужить живым членам коллектива, очевидно, считались личной собственностью (по социальному статусу?), т.е. эти вещи делались их хозяином или по его заказу и, несмотря на трудозатраты на их изготовление, должны были сопровождать покойного. Существование права собственности на предметы индивидуального пользования в среде ымыяхтахцев отметила еще С.А. Федосеева при исследовании Чучур-Муранского могильника [1980, с. 210]. Вероятно, Кёрдюгенское погребение свидетельствует о зачатках частной собственности, вызревающей на фоне усложнения общественного труда, его специализации, индивидуализации и, собственно, отчуждения на основе обмена. Сама дифференциация деятельности является той тенденцией, которая ведет к усложнению жизненных норм потестарного общества, порождая внутренние противоречия и конфликты, и в дальнейшем служит одной из причин его разложения.

Можно допустить, что в недрах ымыяхтахского общества (на определенном этапе – вероятно, с выходом на пик его развития) назрели некоторые черты трансэгалитарного уровня. И военные конфликты, наряду со значительным развитием военного дела (развитое вооружение, функциональная воинская дифференциация) и, возможно, закрытыми (тайными) ритуалами, т.е. с тем, что мы зафиксировали при исследовании Кёрдюгенского погребения, явились внешним выражением общественно-экономического развития. Другим свидетельством этой ступени эволюции ымыяхтахской культуры являются материалы Диринг-Юряхского могильника, который вполне можно причислить к разряду элитных. Указанные черты в полной мере отвечают некоторым социальным и экономическим критериям идентификации трансэгалитарных сообществ охотников-собирателей, предложенным канадскими учеными Д. Оуэнсом и Б. Хайденом [Owens, Hayden, 1997].

С открытием Кёрдюгенского погребения перед исследователями встает вопрос о времени возникновения и правомерности выделения таких социальных групп, как воины (однако не как дружинное форми-

рование), и об их специализированной дифференциации. Кроме того, наличие воинской специализации среди мужчин рода или племени поднимает вопрос о существовании в позднем неолите Северо-Восточной Азии различных организаций: мужских союзов (когда воинами являются все мужчины), возрастных групп (разделение и специализация воинов по возрастным категориям), военной знати (в условном ее значении как особой и заслуженной социальной или возрастной группы).

Вместе с тем следует признать, что социальный и особенно экономический контекст возникновения таких групп воинов в среде носителей ымыяхтахской культуры позднего неолита остается во многом неизвестным. Ясно одно: произошли какие-то изменения в социально-экономическом развитии общества, и они нашли выражение именно на военной тропе. В заключение хочется привести мнение известного исследователя религии и культуры М. Элиаде, с которым мы солидарны: «Если нельзя реконструировать... то надо, по крайней мере, найти аналогии, которые могут, хотя бы косвенно пролить... свет» [Элиаде, 2008, с. 18].

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шарборин А.К., Алексеева Л.Л.** Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 45–52.
- Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 236 с.
- Антропова В.В.** Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 254–267.
- Базалийский В.И.** «Неординарные» погребения в позднем мезолите – раннем неолите Байкальской Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 17–21.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Главсевморпуть, 1939. – Ч. 2: Религия. – 212 с.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленьеводов (к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Зубов А.Б.** История религий: Доисторические и внеисторические религии: курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с.
- Похельсон В.И.** Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: пер. с англ. изд. 1975 г. – Новосибирск: Наука, 2005. – 674 с.
- Каневский Л.К.** Канныализм. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 544 с.
- Кистенев С.П.** Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.
- Ксенофонов Г.В.** Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – 2-е изд. – Якутск: Нац. кн. изд-во, 1992. – Т. 1, кн. 2. – 318 с.
- Кулаковский А.Е.** Материалы для изучения верований якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1923. – 108 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.** Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.
- Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 364 с.
- Матвеев А.В.** Неолитическое погребение на Батурином острове // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 24–30.
- Матюшенко В.И., Синицина Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 135 с.
- Нефёдкин А.К.** Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2003. – 352 с.
- Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И.** Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 296 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 373 с. – (МИА; № 43).
- Окладников А.П.** Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.
- Попов А.А.** Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 31–43.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
- Свод этнографических понятий и терминов.** – М.: Наука, 1986. – Т. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – 239 с.
- Тайлор Э.Б.** Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
- Токарев С.А.** Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Федосеева С.А.** Древние культуры Верхнего Виллюя. – М.: Наука, 1968. – 172 с.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник (огроболение могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. – С. 79–98.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–105.

Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – М.: ТАУС, 2007. – 370 с.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – Т. 1. – 528 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологическое исследование ымыяхтахского воина из местности Кёрдюген // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 234–240.

Шнирельман В.А. У истоков войны и мира. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. – 176 с. – (Война и мир в ранней истории человечества / А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман: в 2 т.; т. 1).

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 584 с.

Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 224 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М.: Академический проект, 2008. – Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. – 622 с.

Keeley L.H. War before Civilization: The Myth of the Peaceful Savage. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 245 p.

Lambert P.M. The Archaeology of war: a North American perspective // J. of Archaeological Research. – 2002. – Vol. 10, N 3. – P. 207–241.

Lumholtz C. Among Cannibals: An Account of Four Years Travels in Australia and of Camp Life with the Aborigines Queensland. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1889. – 395 p.

Malaurie J. Raids et esclavage dans les sociétés autochtones du détroit de Behring // Inter-Nord. – 1974. – N 13/14. – P. 129–155.

Maringer J. Der menschliche Kopf/Schädel in Riten und Kult der vorgeschichtlichen Zeit // Anthropos. – 1982. – Bd. 77, N 5/6. – S. 703–740.

Otterbein K. The Evolution of War: a Cross-Cultural Study. – New Haven: HRAF Press, 1970. – 165 p.

Otterbein K. Killing of captured enemies: a cross-cultural study // Current Anthropology. – 2000. – Vol. 41, N 3. – P. 439–443.

Owens D.A., Hayden B. Prehistoric rites of passage: a comparative study of transegalitarian hunter-gatherers // J. of Anthropological Archaeology. – 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 121–161.

Rivers W.H.R. The History of Melanesian Society. – Cambridge: Cambridge University Press, 1914. – Vol. 2. – 610 p.

Thorpe I.J.N. Anthropology, archaeology, and the origin of warfare // World Archaeology. – 2003. – Vol. 35, N 1. – P. 145–165.

*Материал поступил в редколлегию 12.11.11 г.,
в окончательном варианте – 23.05.12 г.*

**В.И. Молодин¹, А.С. Пилипенко², А.А. Журавлев²,
Р.О. Трапезов², А.Г. Ромашенко²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

²Институт цитологии и генетики СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

ГЕНОФОНД мтДНК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В работе представлены результаты изучения серии образцов митохондриальной ДНК, полученных из костных материалов представителей восточного варианта пахомовской культуры из могильника Старый Сад в Барабинской лесостепи. Их сравнение с аналогичными данными по предшествующим популяциям региона позволило реконструировать процессы формирования генетического состава пахомовского населения с учетом археологического контекста. Выявлены компоненты генофонда, происхождение которых связано с автохтонным доандроновским населением Западно-Сибирской лесостепи и мигрантными андроновскими (и постандроновскими) группами. В статье приведена предварительная реконструкция этнокультурных взаимодействий в регионе в период миграции андроновского (федоровского) населения и формирования на его территории этнокультурных групп эпохи поздней бронзы, основанная на археологических и палеогенетических данных.

Ключевые слова: археология, палеогенетика, древняя ДНК, митохондриальная ДНК, пахомовская культура, этнокультурные взаимодействия, андроновская (федоровская) культура, миграции.

Введение

Многолетние исследования археологических памятников эпохи бронзы в Обь-Иртышской лесостепи позволили разработать схему историко-культурного развития [Молодин, 1983, 1985], которая совершенствуется по мере появления новых источников [Молодин, 2010]. Сегодня картина существования и взаимодействия культур в эпоху поздней бронзы на означенной территории выглядит мозаичной, а в переходное от бронзы к железу время – еще более сложной.

Очевидно, что здесь доминирующее место занимали носители ирменской культуры, мощнейшего для своего времени образования. Они обитали на огромных пространствах Западно-Сибирской лесостепи практически от Ачинско-Мариинской котловины

до левобережья Иртыша [Бобров, 1992; Молодин, 1985]. Носители ирменской культуры были автохтонным для региона населением, оказывавшим большое влияние на соседей и активно взаимодействовавшим с мигрантами. Северо-западную часть Обь-Иртышья занимали представители барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984] – пришлое с северо-запада население, испытывавшее влияние ирменцев [Молодин, Зах, 1985].

Еще в 1980-е гг. один из авторов данной работы обратил внимание на отдельные погребальные комплексы на территории Барабы, выделяющиеся по инвентарю (прежде всего керамике) и погребальному обряду как от ирменских, так и от сузгунских [Молодин, 1981]. Дальнейший анализ выявил антропологическую специфику людей, оставивших данные

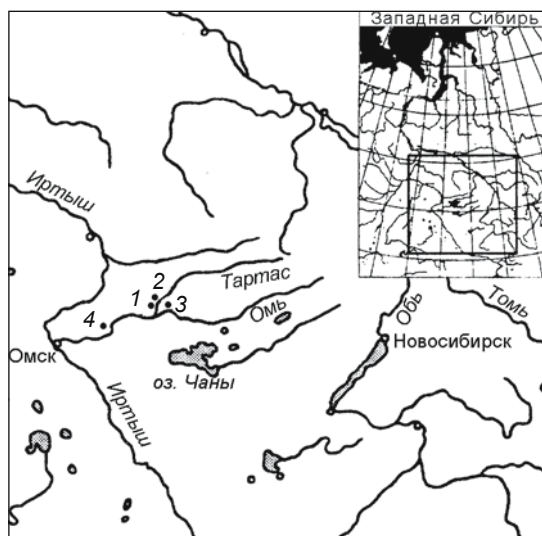

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников (некрополей) с проявлениями восточного варианта пахомовской культуры.
1 – Тартас-1; 2 – Старый Сад; 3 – Преображенка-3;
4 – Гришкина Заимка.

комплексы [Молодин, Чикишева, 1988]. Уже в момент открытия этих объектов была очевидна их связь с памятниками бегазы-дандыбаевской культуры в Центральном Казахстане, что подтверждало предположение М.Ф. Косарева и В.И. Матющенко о бегазы-дандыбаевском субстрате у носителей еловской культуры [Косарев, 1981, с. 28; Матющенко, 1974, с. 163]. Затем эти связи для более южных от Барабы районов Кулунды были прослежены в работе В.С. Удодова [1994].

Особенно важные материалы были получены при раскопках могильника Старый Сад в Барабе* (рис. 1). Они позволили предположить существование в Западной Барабе в период поздней бронзы особого культурного образования [Молодин, Нескоров, 1992]. По обломку бронзовых удил, обнаруженному на могильнике Старый Сад (рис. 2, 5), исследованный памятник был отнесен к финальной стадии бронзовой эпохи – переходному от бронзы к железу времени. Следовательно, могильник Старый Сад представляет заключительную стадию пахомовской культуры (но никак не начальную, как полагают некоторые исследователи [Костомаров, 2010, с. 22]).

Уже в 1980-х гг. было очевидно, что мы имеем дело с особым культурным образованием, хотя спе-

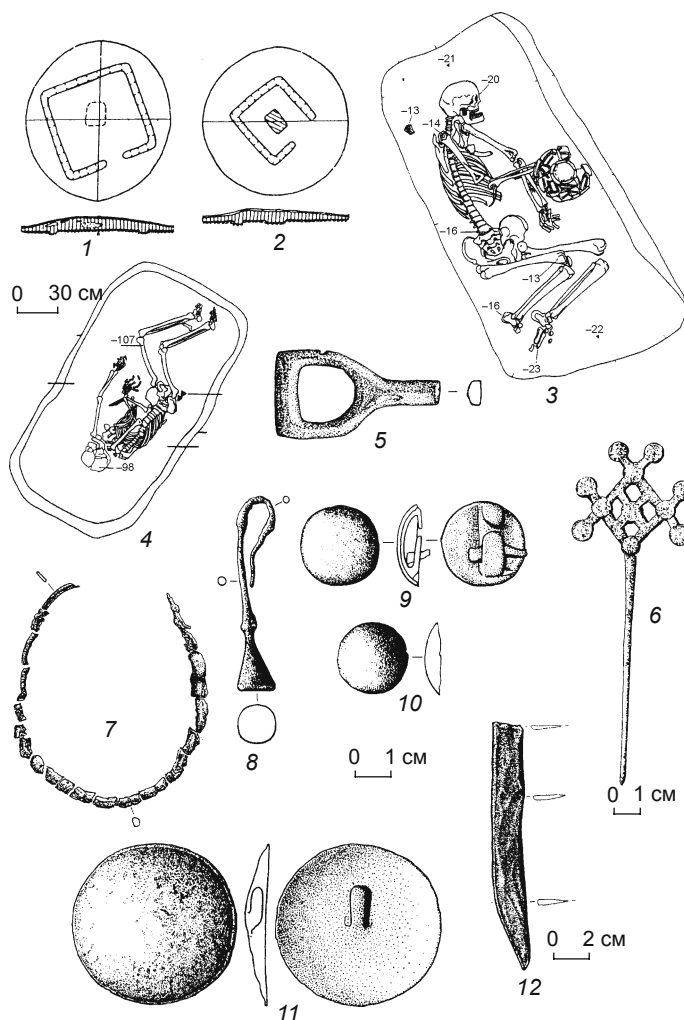

Рис. 2. Планы погребений (1–4) восточного варианта пахомовской культуры и найденный в них бронзовый инвентарь (5–12).
1, 2, 4–6, 12 – Старый Сад; 3, 7–11 – Гришкина Заимка.

циальная работа по его выявлению не проводилась. В 1987 г. О.Н. Корочковой была выделена пахомовская культура [1987], ареал которой укладывался в пределы Тоболо-Иртышья [Корочкова, 2010]. На сегодняшний день ясно, что серия памятников в Барабинской лесостепи, о которых речь шла выше, представляет восточную периферию ареала пахомовской культуры (см. рис. 1). Со всей определенностью можно сказать, что эта культура многокомпонентна. По-видимому, она сформировалась на основе собственно пахомовцев (западных), у которых чрезвычайно ошутим южный бегазы-дандыбаевский, а в основе андроновский (федоровский) компонент (он ошутим и в материалах из барабинских памятников) (рис. 3, 2–4, 7, 10). Кроме того, налицо влияние автохтонной ирменской культуры (рис. 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12), а также постоянное воздействие носителей сузгунской культуры с севера.

*Исследования были начаты в 1980-е гг. В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак, продолжены А.В. Нескоровым и завершены в 2011 г. В.И. Молодиным и Л.Н. Мыльниковой.

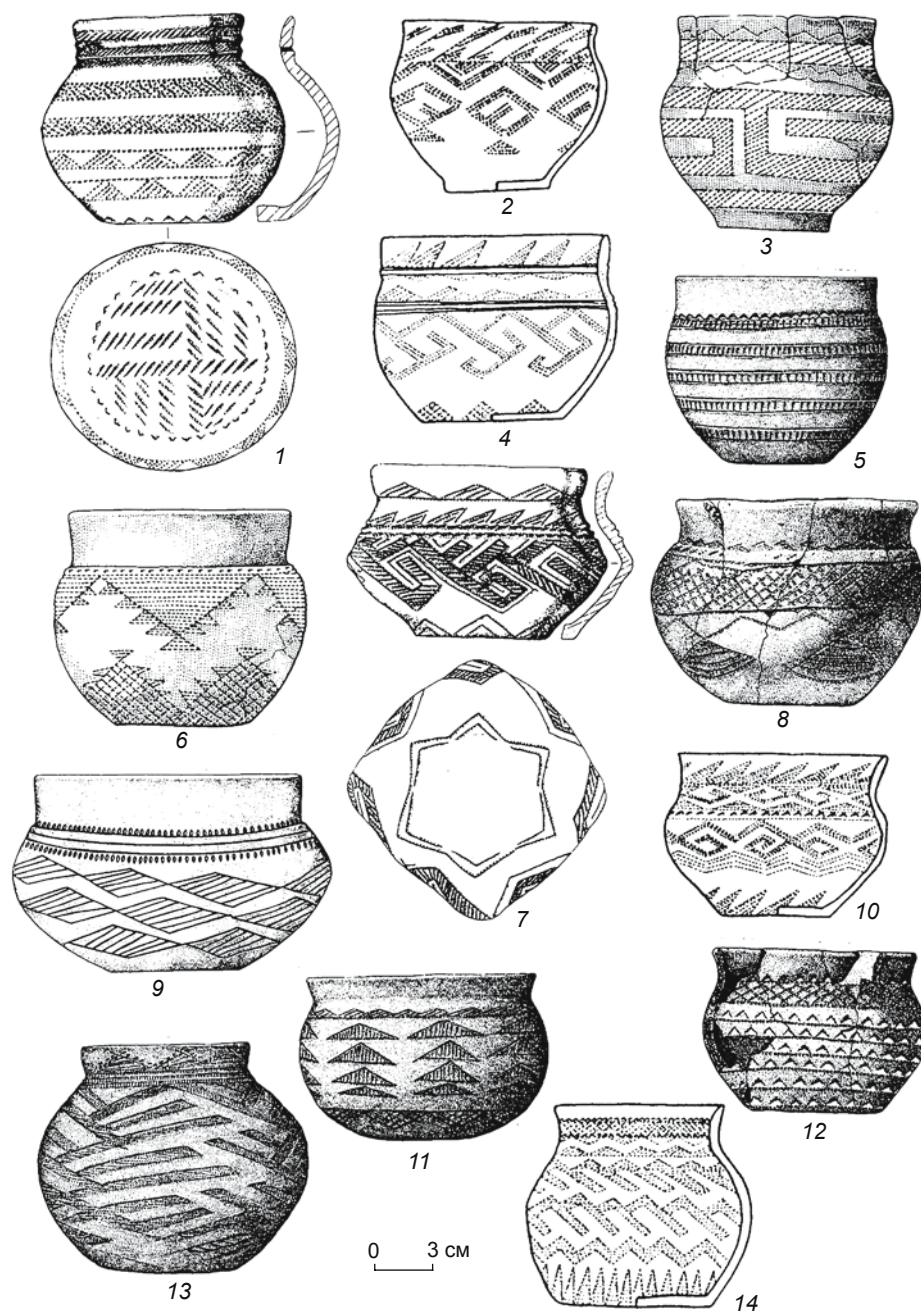

Рис. 3. Сосуды из могильников восточного варианта пахомовской культуры.
1–4, 6, 7, 10, 14 – Старый Сад; 5, 8, 11–13 – Гришкина Заимка; 9 – Преображенка-3.

На территории Барабы находится незначительная часть исследованных к настоящему моменту пахомовских памятников (см. рис. 1). Однако они (в первую очередь некрополь Старый Сад) содержат палеоантропологические материалы, которые в настоящее время являются, вероятно, наиболее представительными для пахомовского населения. В западной части ареала пахомовской культуры открыто и исследовано пока немного ее погребальных комплексов [Там же, с. 68–70].

Культурная и антропологическая специфика представителей восточного варианта пахомовской культуры, репрезентативность палеоантропологического материала делают в высшей степени актуальным изучение биологических характеристик носителей пахомовской культуры именно Барабинской лесостепи как традиционными методами физической антропологии, так и методами палеогенетики. В данной работе приводятся первые результаты исследования вариантов мтДНК представителей пахомовской

культуры, погребенных в могильнике Старый Сад в Барабинской лесостепи, а также их анализа с точки зрения механизмов формирования генетического состава обитателей Западно-Сибирской лесостепи финала эпохи бронзы. Кроме того, излагаются представления о некоторых популяционно-генетических процессах, обусловивших формирование самобытных культур региона в означенный период.

Материалы и методы

Палеоантропологические материалы. Выборка образцов костных тканей носителей пахомовской культуры для проведения исследования получена из палеоантропологической коллекции ИАЭТ СО РАН, сформированной из материалов раскопок могильника Старый Сад. Для проведения палеогенетических исследований были отобраны длинные кости конечностей (бедренные, большие берцовые или плечевые кости) 11 индивидов, скелеты которых характеризуются наилучшей макроскопической сохранностью.

Предварительная обработка палеоантропологического материала и экстракция ДНК. Были использованы методы, описанные в работах [Pilipenko et al., 2010; Пилипенко, Молодин, Ромащенко, 2011]. Поверхность образцов обрабатывали 7 % раствором гипохлорита натрия для разрушения возможных загрязнений современной ДНК, затем механически удаляли слой толщиной ~1–3 мм и облучали образец ультрафиолетом не менее 1 ч с каждой стороны. Из компактного вещества длинных костей конечностей высверливали костный порошок. Для выделения ДНК костный порошок в течение 48 ч выдерживали в лизирующем 5М гуанидинизотионинатном буфере [Pilipenko et al., 2010]. Выделение ДНК проводили методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом.

Анализ последовательности мтДНК. Амплификацию ГВС I мтДНК проводили двумя разными методами: амплификацию четырех коротких перекрывающихся фрагментов – с помощью однораундовой ПЦР [Haak et al., 2005], амплификацию одного длинного фрагмента – с помощью «вложенной» ПЦР (включала два раунда реакции) [Пилипенко и др., 2010]. Продукты амплификации фрагментов ГВС I клонировали в бактериальный вектор с помощью набора pGEM-T Easy Vector System Kit (Promega, США) и секвенировали 6–15 клонов для каждого фрагмента.

Определение последовательности нуклеотидов проводили с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, США) в соответствии с рекомендациями производителя. Продукты секвенирующей реакции анализировали на приборе

ABI Prism 3100 Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США) в Центре коллективного пользования автоматического секвенирования ДНК СО РАН (Новосибирск). Полученные последовательности сравнивали с уточненной Кембриджской референсной последовательностью мтДНК [Andrews et al., 1999]. Филогенетическую интерпретацию последовательностей проводили в соответствии с существующей классификацией структурных вариантов мтДНК [van Oven, Kayser, 2009]. Для проведения филогеографического анализа использовали собственную базу данных по структуре ГВС I мтДНК, включающую более 20 тыс. образцов из современных популяций Евразии, которая была сформирована по литературным источникам.

Меры против контаминации. Все работы с древним материалом были выполнены в лабораторных помещениях, предназначенных для работы с древней ДНК: они оборудованы независимой системой приточной вентиляции с функцией фильтрации воздуха, создающей градиент его давления от более чистых к менее чистым помещениям, а также системой облучения ультрафиолетом, ламинарными шкафами второго класса защиты и др. Персоналом лаборатории использовались комплекты спецодежды для чистых помещений, проводилась частая смена стерильных перчаток. Все рабочие поверхности и приборы регулярно обрабатывались раствором гипохлорита натрия (5 %) и облучались ультрафиолетом. Полную процедуру экстракции и амплификации параллельно проходили древние образцы и контроли чистоты системы (без добавления палеоматериала) для выявления возможного загрязнения используемых реактивов и оборудования. Для всех сотрудников палеогенетической лаборатории, имеющих доступ в чистые помещения, а также для специалистов-антропологов, занимавшихся анализом палеоантропологических остатков и отбором материалов для генетического исследования, с целью выявления возможной контаминации материалов определена последовательность ГВС I мтДНК.

Результаты и обсуждение

Достоверные результаты по определению последовательности ГВС I мтДНК были получены для 8 из 11 образцов. Высокий показатель успешного получения образцов ДНК, пригодных для анализа, обусловлен как относительно благоприятными для сохранности ДНК в костных остатках климатическими условиями Центральной Барабы (и месторасположением могильника Старый Сад), так и строгим отбором включенных в выборку образцов по степени сохранности костного материала.

Все исследованные образцы мтДНК различаются по последовательности ГВС I (см. таблицу). Структу-

**Структура и филогенетическое положение образцов мтДНК
представителей населения восточного варианта пахомовской культуры
из могильника Старый Сад в Барабинской лесостепи**

Образец	Погребальный комплекс	Гаплотип ГВС I мтДНК*	Гаплогруппа мтДНК
Sts1	Курган 65, погр. 2	223-298-325-327-362	C
Sts2	Курган 67, погр. 2	051-183AC-189-256	U2e
Sts4	Курган 83, погр. 1	126-294-296	T
Sts6	Курган 6, погр. 1, скелет 1	093-223-227AC-290-311-319	A10
Sts7	Курган 27, погр. 1	223-298-327	C
Sts9	Курган 59, погр. 1	256-270	U5a
Sts10	Курган 62, погр. 1, скелет 1	126-163-186-189-294	T1
Sts11	Курган 49, погр. 1	148-223-227AC-290-311-319	A10

*Нумерация позиций в мтДНК соответствует Кембиджской референсной последовательности мтДНК [Andrews et al., 1999] без 16000 (т.е. позиция 223 в данной таблице соответствует позиции 16223 в референсной последовательности). Буквами после номера позиции обозначены замены оснований только в случае трансверсии.

ра гаплотипов позволяет однозначно определить принадлежность вариантов мтДНК к пяти гаплогруппам: западно-евразийским U2e, U5a, T и восточно-евразийским C и A10. Смешанная структура генофонда, сочетающая группы мтДНК, которые типичны для населения западной и восточной частей Евразии, характерна для всех исследованных нами к настоящему времени древних популяций западно-сибирского лесостепного пояса [Пилипенко, 2010].

Наличие в нашем распоряжении обширной выборки образцов мтДНК представителей населения Барабинской лесостепи и сопредельных территорий различных периодов эпохи бронзы позволяет проводить их сравнительный анализ. Поэтому полученные данные по генофонду мтДНК пахомовского населения с учетом археологического контекста можно использовать для выяснения механизмов формирования генетического состава этой группы.

По имеющимся сведениям в составе генофонда мтДНК населения восточной периферии ареала пахомовской культуры выделяются две группы вариантов. Первая группа, представленная линиями западно-евразийских гаплогрупп U2e, U5a и восточно-евразийских A10 и C, сближает рассматриваемую популяцию с автохтонными группами населения региона эпохи неолита и доандроновской бронзы – носителями усть-тартасской, одиновской и кротовской культур. Так, гаплогруппы U2e и U5a составляли основу западно-евразийского компонента генофонда мтДНК перечисленных групп населения Барабы эпохи раннего металла, ранней бронзы и начала периода развитой бронзы, а гаплогруппа C в наибольшей степени представлена в восточно-евразийском компоненте их генофонда [Там же].

Следует подчеркнуть, что близость указанных компонентов генофонда пахомовского населения, представленного в антропологических материалах могильника Старый Сад, к ранним популяциям Барабы проявляется не только на уровне гаплогрупп или подгрупп мтДНК. Большинство конкретных структурных вариантов, выявленных в пахомовской выборке, присутствует и в генофонде ранних групп. Это вариант западно-евразийской гаплогруппы U2e с гаплотипом 051-183AC-189-256, который прослежен во всех исследованных нами группах населения Барабы от эпохи неолита до начала развитой бронзы, а также вариант гаплогруппы U5a с гаплотипом 256-270, обнаруженный в генофонде усть-тартасского населения Барабы эпохи раннего металла ([Там же], неопубликованные данные авторов). На уровне конкретных гаплотипов сложнее интерпретировать варианты гаплогруппы C в генофонде носителей пахомовской культуры. Корневой гаплотип 223-298-327 является типичным компонентом генофонда ранних групп населения Барабы, особенно усть-тартасского ([Там же], неопубликованные данные авторов). Однако, по данным филогеографии, этот вариант широко представлен в Сибири в настоящее время, как, вероятно, и в эпоху бронзы. Следовательно, использовать его в качестве маркера генетической преемственности между разновременными группами на локальной территории затруднительно. Гаплотип 223-298-325-327-362, по нашим данным, появляется в генофонде населения Барабы только в период миграции андроновского населения на фоне общего увеличения разнообразия линий гаплогруппы C. Филогенетически предшествующий ему вариант гаплогруппы C с гаплотипом 223-298-325-327 зафиксирован в генофонде

носителей кротовской культуры Барабы (могильник Сопка-2/4Б) [Там же]. Таким образом, этот вариант пока не может однозначно рассматриваться в качестве генетического маркера связи с доандроновским населением Барабы.

Особенно значимым признаком опосредованной генетической преемственности между представителями пахомовской культуры и доандроновским автохтонным населением региона является присутствие в выборке вариантов гаплогруппы A10, которая, по-видимому, сформировалась в генофондах населения лесостепной полосы Западной Сибири на местной основе и прошла длительную эволюцию на данной территории*. Таким образом, по большинству исследованных линий мтДНК пахомовское население, останки которого обнаружены в могильнике Старый Сад, близко к популяциям Центральной Барабы доандроновского периода эпохи бронзы, т.е. значительная его часть происходит от автохтонного доандроновского населения Западной Сибири.

Следует подчеркнуть, что на основании полученных нами данных преждевременно говорить об участии конкретных групп доандроновского населения (например, носителей кротовской культуры) в формировании генофонда барабинских пахомовцев. Нам пока не известен состав вариантов мтДНК в генофондах представителей других культур эпохи развитой и поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири, кроме кротовской. Не исключено, что варианты мтДНК, сближающие пахомовскую и кротовскую (а также одиновскую) группы населения Барабы, были характерны и для других доандроновских популяций Западной Сибири. Чтобы прояснить этот вопрос, необходимо провести масштабное исследование генофонда ранних групп населения, а также носителей культур эпохи поздней бронзы (ирменской, карасукской и др.) различных территорий Западной Сибири.

Вторым компонентом в исследованной серии образцов являются два варианта гаплогруппы Т. Линии гаплогруппы Т, по нашему мнению, могут рассматриваться как генетические маркеры миграции андроновского (федоровского) населения в Западную Сибирь. В выборке образцов мтДНК от доандроновской популяции варианты гаплогруппы Т не представлены. Вместе с тем линии этой гаплогруппы характерны для западно-евразийского компонента генофонда мтДНК андроновского населения региона [Молодин и др., 2011].

Таким образом, серия образцов мтДНК восточных пахомовцев является, как минимум, двухкомпонентной и отражает участие двух генетических субстратов в формировании андронидного населения Западной

Сибири – автохтонного доандроновского и пришлого андроновского. Возможно, андроновский (мигрантный) компонент в определенной степени является реликтовым, составлявшим доминант в популяции носителей бегазы-дандыбаевской культуры, и генетически и культурно продолжает линию развития андроновского (федоровского) населения центральной части его ареала.

В целом наши данные соответствуют общепринятым представлениям о формировании андронидных культур Западной Сибири [Косарев, 1981; Корочкова, 2010, 2011]. Очевидно, что на уровне материальной и духовной культуры этот процесс был многоступенчатым (многостадийным), а его характер и интенсивность в разных частях лесостепного пояса Западной Сибири имели особенности, что и обусловило появление разнообразных по своим чертам т.н. андронидных культурных групп.

Изменения в генетическом составе населения в некоторой степени коррелируют с трансформациями материальной культуры, возникавшими в ходе масштабного этнокультурного взаимодействия. В формировании структуры генофонда андронидного населения Западной Сибири можно условно выделить как минимум два этапа. Первый этап связан с массовым проникновением в регион представителей андроновской (федоровской) этнокультурной общности и их вступлением во взаимодействие с автохтонными группами населения. Ему, по-видимому, соответствуют памятники собственно андроновской культуры, а также комплексы, оставленные автохтонным (позднекротовским для Барабы) населением, уже испытывавшим, возможно, опосредованное влияние со стороны мигрантов с запада, близких к андроновским (федоровским), и памятники, отражающие процессы взаимного культурного влияния мигрантов и аборигенов, т.е. содержащие комплексы с признаками синкретизма культур [Молодин, 2011]. Ярким примером является могильник Тартас-1, отражающий процессы взаимодействия пришлого андроновского (федоровского) и аборигенного позднекротовского населения в Центральной Барабе [Там же]. На популяционно-генетическом уровне в этот период происходил обмен генетическим материалом (на разных территориях степень его интенсивности была различной) между группами мигрантов и аборигенов, т.е. генофонд местного населения региона обогащался новыми генетическими компонентами. При этом генетическое влияние автохтонного населения на мигрантов, по крайней мере по женской линии, которую отражает генофонд мтДНК, возможно, было очень значительным, что прослежено по материалам могильника Тартас-1 [Пилипенко, 2010; Молодин и др., 2010]. В материальной культуре постепенно усиливалась роль андроновских традиций [Молодин и др., 2010, 2011]. Этот этап формиро-

*Специальная работа по данной проблеме готовится к печати.

вания андронидного населения, по-видимому, был насыщен несколькими миграционными событиями, обусловившими появление в регионе различных генетических элементов из андроновской среды, которая не была генетически однородной. Результаты этнокультурного взаимодействия фиксируются не только археологическими материалами, но и данными физической антропологии: в андроновских сериях Западной Сибири выделяются компоненты, происхождение которых связано с влиянием аборигенного населения [Чикишева, Поздняков, 2003].

Второй этап формирования поздних андронидных групп, в частности пахомовского населения, характеризуется взаимодействием смешанных групп, образовавшихся в регионе на первом этапе генетических контактов мигрантов и аборигенов, с культурными образованиями бегазы-дандыбаевского типа (с уже видоизмененными, но отчетливо узнаваемыми андроновскими признаками) и с населением, генетически близким (или идентичным) к автохтонному, которое существовало в лесостепи до прихода андроновских групп, испытавшим в какой-то степени андроновское влияние. С генетической точки зрения это означает сохранение «баланса» пришлого андроновского по происхождению и автохтонного компонентов в генофонде населения, что подтверждают первые результаты исследования серии образцов мтДНК носителей восточного варианта пахомовской культуры из могильника Старый Сад.

Разумеется, отсутствие палеогенетических данных по носителям бегазы-дандыбаевской, собственно пахомовской, ирменской и других культур эпохи поздней бронзы региона существенно затрудняет интерпретацию полученных нами результатов. Однако анализ археологических материалов памятников восточного ареала пахомовской культуры (и ряда памятников ее метрополии [Корочкова, 2010]) выявил в них позднебронзовый компонент культур «карасукского типа» (по определению Н.Л. Членовой [1981, с. 17]), включающий как собственные, так и реликтовые андронидные элементы.

Полученные данные позволяют предположить, что в генофонде носителей культур эпохи поздней бронзы усилилась роль элементов, связанных с автохтонными доандроновскими группами. В исследованной серии среди двух обозначенных выше компонентов – аборигенного и «андроновского» – несколько преобладают аборигенные для Западно-Сибирской лесостепи варианты мтДНК. Доминирование автохтонных компонентов в женской части генофонда популяций ранее было прослежено по материалам памятника Тартас-1, отражающим непосредственные контакты аборигенного и пришлого населения.

Формирование каждой культуры эпохи поздней бронзы в регионе в реальности, безусловно, было бо-

лее сложным и многофакторным процессом, чем в предложенной нами модели. Каждая из вступавших во взаимодействие групп характеризовалась различными направлениями генетических контактов не только с северными популяциями, но и с другими соседними культурными группами, в т.ч. андронидными, представлявшими южное направление (бегазы-дандыбаевцы), что фиксируется по археологическим данным [Молодин, Нескоров, 1992]. Работа по реконструкции этих генетических взаимодействий осложняется ввиду сходства структуры генофонда культурных групп, испытавших влияние андроновцев или их потомков.

Необходимо отметить, что полученные нами палеогенетические результаты (как по носителям пахомовской культуры, так и по представителям предшествующих этнокультурных групп) включают только данные по составу линий мтДНК, которая наследуется по материнскому типу и, следовательно, в первую очередь отражает процессы формирования генетического состава женской части рассматриваемых популяций. Следует иметь в виду, что эти данные пока фрагментарны и характеризуют локальные группы населения. Для создания полной и объективной картины происходивших процессов и экспериментальной проверки высказанных в настоящей работе предположений необходимо проведение масштабных исследований с привлечением палеоантропологических серий всех основных групп – участников рассматриваемых процессов, а также изучение материалов по другим генетическим маркерам, прежде всего маркерам Y-хромосомы, отражающим генетическую историю мужской части популяций. Только с получением достаточного по объему и составу маркеров генетического материала возможно проведение более детального сопоставления накопленных обширных археологических данных по формированию культур эпохи поздней бронзы (в т.ч. пахомовской) с соответствующими популяционно-генетическими. Представленная статья является одним из первых примеров совместных поисков генетиков и археологов в этом направлении.

Список литературы

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южно-таежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралуриздат, 2010. – 103 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье:

факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2011. – 37 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 26 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Ч. 4: Еловско-ирменская культура. – 195 с. – (Из истории Сибири; вып. 12).

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1981. – Вып. 3: История и культура народов Сибири. – С. 15–17.

Молодин В.И. Бараба в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 36 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Миграция носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале истории. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011. – С. 58–69. – (Тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VII).

Молодин В.И., Зах М.А. Поселение Новочекино-1 – памятник ирменской культуры севера Барабинской лесостепи // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 71–75.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: сб. мат-лов конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Л., Нестерова М.С. Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Бара-

бинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Молодин В.И., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Миграция андроновского населения в Западную Сибирь: археологический, антропологический и палеогенетический аспекты. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – С. 249–250. – (Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда; т. 1).

Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2010. – 16 с.

Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Горный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавилонский журнал генетики и селекции. – 2011. – № 4. – С. 633–643.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 57–67.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западносибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1981. – Вып. III. – С. 17–21.

Andrews R.M., Kubacka I., Chinnery P.F., Lightowers R.N., Turnbull D.M., Howell N. Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA // Nature Genetics. – 1999. – Vol. 23. – P. 147.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2010. – Vol. 2, N 4. – P. 231–236.

van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive tree of global human mitochondrial DNA variation // Human Mutation. – 2009. – Vol. 30. – P. 386–394.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Vilems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // Science. – 2005. – Vol. 305. – P. 1016–1018.

Материал поступил в редколлегию 15.06.12 г.

УДК 903.5

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

МОГИЛЬНИК КОЗЛОВ МЫС-2 И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ РАННЕГО К ПОЗДНЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В ЗАУРАЛЬЕ*

В статье на материалах могильника Козлов Мыс-2 в подтаежном Притоболье и памятников заключительного этапа саргатской культуры рассматривается проблема датировки и длительности переходного периода от раннего железного века к позднему. По совокупности дат предложен вариант краткосрочной хронологии переходных памятников лесостепного и подтаежного Зауралья – в рамках первой половины IV в. н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, раннее средневековье, саргатская, кашинская, карымская, бакальская культуры, хронология.

Введение

Указанный в заглавии период в археологической летописи рассматриваемого региона является одним из наименее изученных, особенно на фоне довольно хорошо исследованных культур раннего железного века. Перед нами стоит целый блок проблем эпохи Великого переселения народов, ждущих своего разрешения. Например, когда произошла смена культур раннего железного века средневековыми? Речь идет в основном об исчезновении саргатской культуры, занимавшей все лесостепное, подтаежное и частично степное Тоболо-Иртышье почти тысячелетие. Ее верхний рубеж был обоснован как III–IV вв. не слишком большим набором фактов: данными датирования могильников Калачевки [Могильников, 1972, с. 68], Абатского-3 и Сидоровки [Могильников, 1992, с. 297; Матвеева, 1994, с. 100; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 82]. По древесине из Тютринского и Савиновского могильников заключительного этапа получены радиоуглеродные даты в интервале II–III вв. [Матвеева, 1993, с. 156, табл. 52]. Совместное

залегание резной саргатской, кашинской керамики и ярсалинской, туманской, орнаментированной фигурными и гребенчатыми штампами, на поселении Ипкуль позволило датировать его III–V вв. [Корякова, Морозов, Суханова, 1988, с. 126]. Л.И. Погодин определил верхнюю дату саргатских погребений III–IV вв. по основным видам оружия [1991, с. 24].

Есть предложения по удревнению нижней границы средневековой эпохи. А.А. Ковригин, оспаривая мою датировку могильника Абатского-3, как самого позднего памятника саргатской культуры, II–IV вв., настаивает на сужении рамок до II–III вв. [2007, с. 198], опираясь на даты предметов вооружения и воинского снаряжения, но не берет во внимание достаточно поздний диапазон бытования ряда бус, например поперечно-полосатых стрелковидных первой половины IV в. [Алексеева, 1978, табл. 27–72, с. 43], а, как известно, любой закрытый комплекс датируется по наиболее поздним вещам. Идея о завершении существования саргатской культуры во II или III в. н.э., как мне кажется, возникла под влиянием мнения С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова о размещении на Южном Урале, на азиатско-европейском пограничье гуннской орды уже во II–III вв. и активном участии ее в политических собы-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00329.

тиях в Предкавказье и Прикаспии в III в. Однако упомянутые авторы рассматривают гуннский культурогенез как длительный, происходивший в течение двух столетий, со второй половины II в. по вторую половину IV в., после чего кочевники оставили урало-казахстанские степи [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 25–26]. Их позиция не требует пересмотра датировки саргатской культуры даже при принятии тезиса о миграции значительной части ее носителей на запад вместе с гуннами.

В.А. Зах предлагает перенести обсуждаемый рубеж на I в. н.э. [2009, с. 76], основываясь на новых радиоуглеродных датах в диапазоне I–VI вв., полученных С.Г. Боталовым с соавторами для Большого Бакальского городища*. Это городище почти уничтожено, а незначительные материалы последних раскопок на напольной площадке за внешним рвом не отражают всех напластований уже исчезнувшего памятника [Боталов и др., 2008]. Кроме того, берется во внимание дата по ^{14}C случайного куска угля с городища Ласточкино Гнездо-1 и представляющаяся В.А. Заху возможной его синхронность с бакальской керамикой. Именно случайного, т.к. заявленных автором остатков средневековых башен и укреплений на публикуемых чертежах нет [Зах, 2009, с. 75; рис. 2, 3]**. Реально временной диапазон этого городища остается в границах III–IV вв. (согласно двум датам: СОАН-4259 – $1\,730 \pm 65$ л.н.; калиброванная – 240–400 гг. н.э.; СОАН-4301 – $1\,785 \pm 40$ л.н.; калиброванная – 130–330 гг. н.э.)***. Памятник имеет настолько тонкий слой, к тому же с находками разных эпох прямо под дерном, что считать его базовым не приходится. Однако существует весьма солидная серия в несколько десятков радиоуглеродных дат для финала саргатской культуры по Коловскому и Рафайловскому городищам, и она указывает на прекращение существования этих центров в IV в. [Матвеева и др., 2005, с. 58, 91; Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 152–153]. Причем важно, что никаких средневековых материалов на последнем нет.

Не ясен и вопрос о длительности переходного периода от раннего железного века к позднему. Еще недавно в качестве такого интервала почти всеми исследователями принимались IV–V вв. Наиболее ясно сформулировал представление о ситуации этого хронологического отрезка В.А. Могильников, который писал, что лесостепь пришла в запустение, а потом туда

продвинулись таежные племена, связанные по происхождению с кулайцами, а также группы носителей нижнеобской культуры, что как раз и демонстрируют материалы поселения Ипкуль XV и могильника Козлов Мыс-2 [1992, с. 311]. По мнению Л.Н. Коряковой, В.М. Морозова и Т.А. Сухановой, саргатское население лесостепи мигрировало на запад уже в первые века нашей эры, а в подтаежной зоне они дольше сохраняли свои традиции [1988, с. 127].

Еще недавно по переходному периоду от раннего железного века к средневековью в литературе имелись лишь данные по четырем погребениям Козловского могильника (Козлов Мыс-2)* [Чернецов, 1957] и поселению Ипкуль XV [Корякова, Морозов, Суханова, 1988]. Новые материалы с городищ Коловского [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008], Усть-Утяк [Кайдалов, Сечко, Колмогоров, 2010], Усть-Терсюкского [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008] дают основания связывать начало средневековья с формированием бакальской культуры, тем самым возвращаясь к первоначальной датировке ее первооткрывателем [Сальников, 1956]. Все слои данных памятников вмещают несколько типов находок (бакальский, кушнаренковский, карымский, юдинский), отражая переход к подвижной жизни с многократным посещением одних и тех же выгодных мест, но не дают четкой стратиграфии средневековых отложений. Поэтому основную информацию об интересующей нас эпохе следует искать в некрополях с удовлетворительной сохранностью скелетов и артефактов, таких как Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999], Устюг-1 [Матвеева, 2009], однако, общее число исследованных в них погребений пока не превышает 30.

Опорным памятником для изучения данной эпохи продолжает оставаться Козловский могильник, широко известный в научной археологической литературе по Западной Сибири и признанный одним из важнейших объектов для исследования культурогенеза уральских народов. Его материалы давно обсуждаются в дискуссии о рубеже археологических веков и формировании средневековых культур (см., напр.: [Могильников, 1987, с. 165, 167]). В могильнике на сегодня насчитывается 63 захоронения интересующего нас времени.

Обсуждение материалов

Могильник Козлов Мыс-2 был открыт В.Н. Чернецовым в 1952 г. на южном берегу Андреевского озера, которое вместе с другими проточными озерами соеди-

*Упомянутую датировку нельзя признать корректной, т.к. памятник содержит разнотипные материалы, в т.ч. и раннего железного века. Авторы публикуют гороховские, саргатские, кашинские сосуды, но почему-то относят их к средневековью [Боталов и др., 2008, рис. 4, 2; 6, 8; 8, 15; 10, 16].

**Трудно канавку глубиной 0,2 м признать рвом, а полосу прокала – остатками срубов [Зах, 2009, с. 75].

***Калибровка в программе OxCal.10 мая.

*Двойное наименование введено В.П. Чернецовым: опубликован как Козловский, а зарегистрирован в органах охраны памятников как Козлов Мыс-2.

Рис. 1. Расположение могильника Козлов Мыс-2.

няет бассейны рек Среднего Зауралья – Туры и Пышмы (рис. 1). Он состоял из зоны грунтовых погребений в наиболее возвышенной части Козлова мыса, вдающегося в водное зеркало по направлению к Большому Андреевскому острову, и 15 курганов диаметром 4–5 м и высотой 30–40 см вдоль пологой его западной части. Были и многочисленные мелкие холмы, которые посчитали естественными. В.Н. Чернецов исследовал 11 насыпей «колодцем», центральную часть мыса – сплошным раскопом [1952, 1955, 1956], также несколько погребений было открыто на стрелке мыса при изучении неолитической стоянки Козлов Мыс-1. В 1960 г. для уточнения площади могильника заложили траншею с восточной стороны [Зотова, 1960]. Исследователи сразу определили, что курганы и грунтовые могилы одновременные, ни одно погребение не нарушает других, поэтому дали сквозную нумерацию всем раскопанным ими 62 объектам.

Однако материалы памятника не были опубликованы, как мне кажется, из-за необъясненной их разнокультурности. Следует учитывать, что В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская являлись первопроходцами в исследовании таежных древностей Западной Сибири, а лесостепные культуры тогда еще оставались неизученными, в частности, представленные в некрополе саргатский, бакальский, кашинский комплексы на тот момент не были даже выделены. Поскольку памятник чрезвычайно разрушен и его территория частично уже застроена, мною проведены аварийные раскопки (рис. 2)*.

Могилы Козлова Мыса-2 делятся на ориентированные строго по линии С–Ю и расположенные под углом 45° к ней; а по наличию посуды определенного типа можно выделять позднесаргатскую, позднекашинскую, бакальскую, карымскую, кушнарниковскую

и смешанную группы (рис. 3). Раннесредневековые погребения находятся в широтных рядах, ориентированы меридионально, иногда с небольшими отклонениями к северо-западу или северо-востоку. Умершие были захоронены в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища, головой на север; глубина и форма могильных ям везде сходны (рис. 4). Однако в некоторых могилах (~16 ед.) никаких остатков скелета и вещей не сохранилось. Но их расположение в одних рядах с вышеописанными, с тем же интервалом, аналогичные размеры и ориентировка позволяют предполагать принадлежность этих погребений к тому же некрополю.

У всех захороненных в изголовье располагался маленький горшочек. В местах прижизненного ношения были бронзовые поясные пряжки с подвижным язычком, ременные наконечники, бусы, браслеты, гривны, пинцеты. В нескольких случаях обнаружен мех, прилипший к бронзовым предметам, что указывает на обычай захоронения в зимней одежде или совершения обряда зимой. Предметы вооружения, культовые вещи редки. Интересно, что большинство украшений происходит из детских и подростковых погребений, в которых они, видимо, играли роль оберегов и были помещены отдельно, завернутыми в ткань. Какое-то символическое значение имели галечки белого цвета, положенные в изголовье, а иногда и в ногах.

Часть сосудов располагалась не в могилах, а около них. В ряде случаев на уровне погребенной почвы были обнаружены зубы лошади, лежавшие в анатомическом порядке, – от разрушившихся голов, помещенных на перекрытии или около него. Отмечены скопления костей ног мелкого рогатого скота, копыта лошади. Заполнение почти всех ям содержало битую посуду, что, вероятно, являлось следами тризны у могилы. Кроме сосудов, в изголовье встречены кости крупного копытного животного, песка.

В некоторых могилах зафиксирована кремация каких-то органических остатков, но не человеческих, т.к. кости скелета там тоже присутствовали. Ее следы наблюдались в виде толстого слоя жирного угля (до 40 см толщиной) или как прокол грунта в одном из углов ямы (рис. 4, 3, 6). Сосуды в этих могилах были карымского типа, но встречен и один кушнарниковский (см. рис. 3, 10). Засыпка углями костра отмечена в трех случаях. Как вариация обряда (3 ед.) угольные с золой пятна были рядом с изголовьем, но в стороне (см. рис. 4, 7). В двух могилах такие кострища зафиксированы в изножье на древнем горизонте.

Интересно, что погребения с бакальскими и карымскими сосудами одинаково расположены на площади некрополя, не образуют групп. Захоронения с кушнарниковской керамикой сосредоточены в середине мыса, однако находятся в рядах среди бакальских могил.

*Работы выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-18196е «Организация экспедиции для завершения раскопок Козловского могильника – памятника эпохи Великого переселения народов в лесном Зауралье») и Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия администрации Тюменской области. Благодарю за сотрудничество работников ИПОС СО РАН.

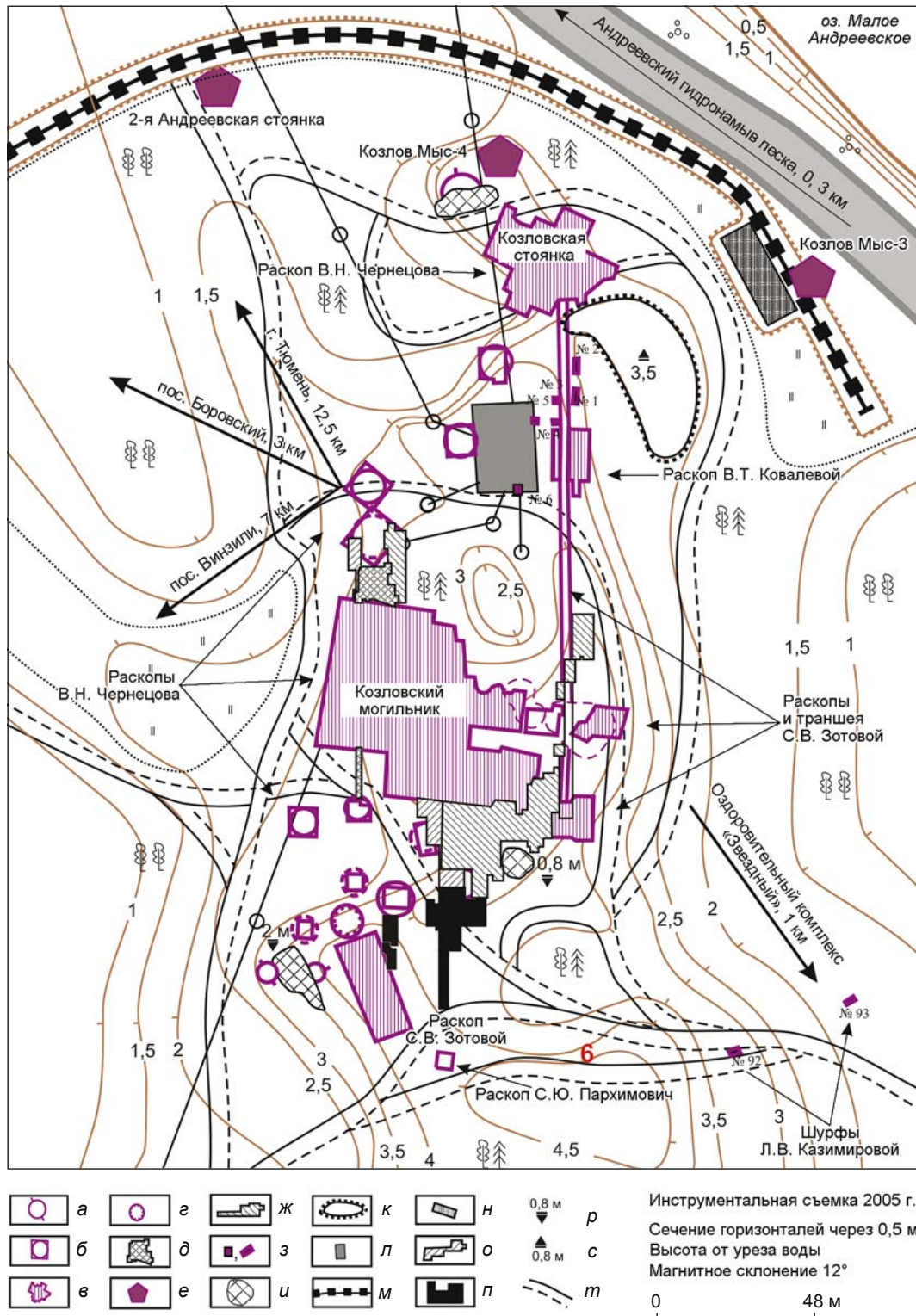

Рис. 2. План раскопов на Козловом мысу Андреевского озера.

а – курган; б – раскопаный курган; в – раскоп; г – раскоп (?); д – раскоп 2007 г.; е – памятник; ж – раскоп 2008 г.; з – шурф Уральской археологической экспедиции; и – разрушения; к – искусственная насыпь; л – трансформаторная подстанция; м – детская железная дорога; н – железнодорожная платформа; о – раскоп 2009 г.; п – раскоп 2010 г.; р – отметка глубины; с – отметка высоты; т – лесная дорога.

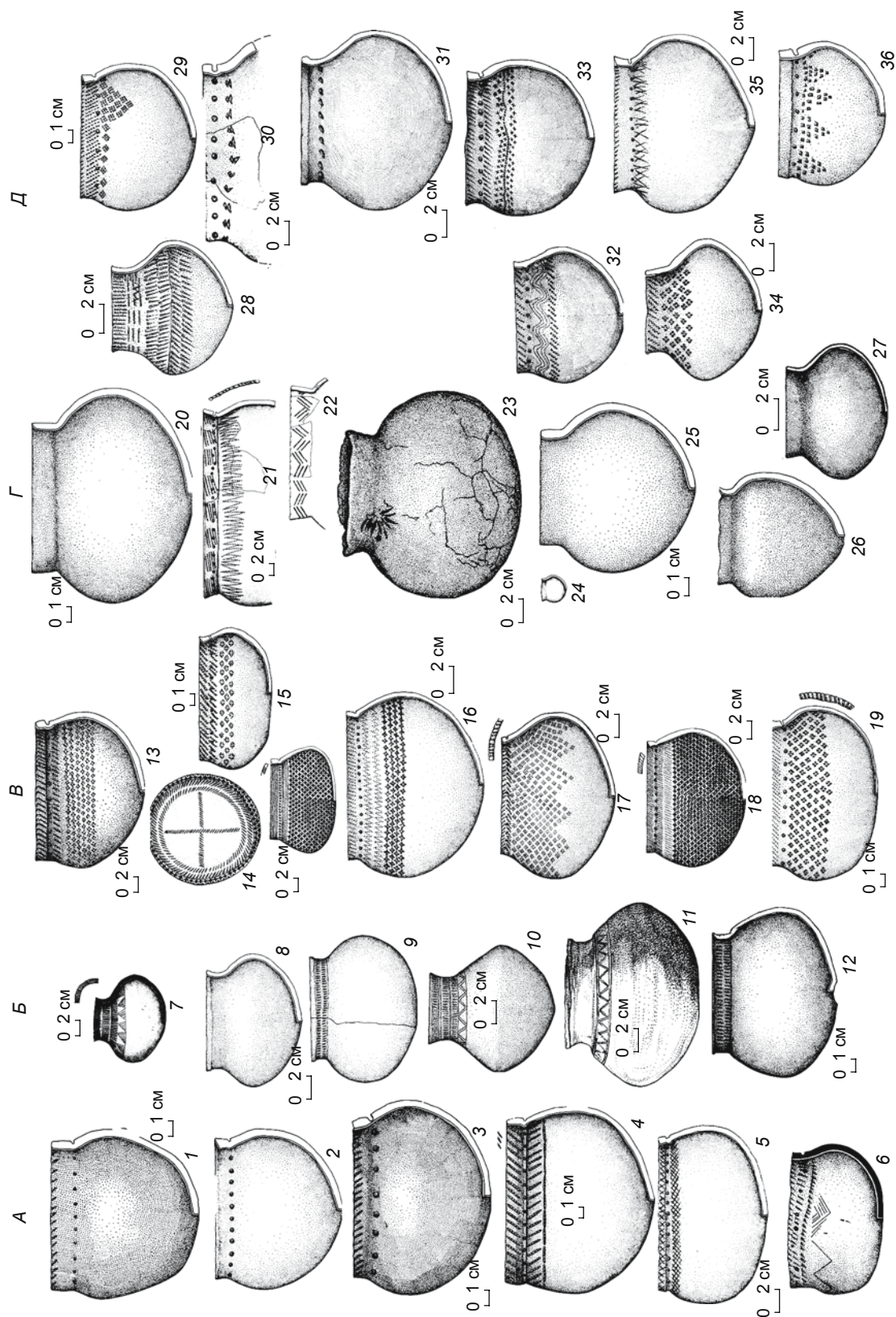

Рис. 3. Керамика.

А – бакальская; *Б* – «кушнаренковская»; *В* – карымская; *Г* – саргатско-кашинская; *Д* – смешанная.

1 – погр. 1; *2* – погр. 32; *3*, *32* – погр. 12а; *4* – погр. 14; *5* – погр. 31; *6* – погр. 67; *7* – погр. 63; *8* – погр. 40; *9* – погр. 41; *10* – погр. 47; *11* – погр. 81; *12* – погр. 9; *13* – погр. 48; *14* – погр. 19; *15* – погр. 11; *16* – погр. 33; *17* – погр. 42; *18* – погр. 23; *19* – погр. 54; *20* – погр. 13-3; *21*, *22*, *24*, *30* – погр. 36; *23*, *26* – погр. 16; *25*, *34* – погр. 34; *27* – погр. 20; *28* – погр. 26; *29* – погр. 44; *31* – погр. 5; *33* – погр. 21; *35* – погр. 53; *36* – погр. 27.

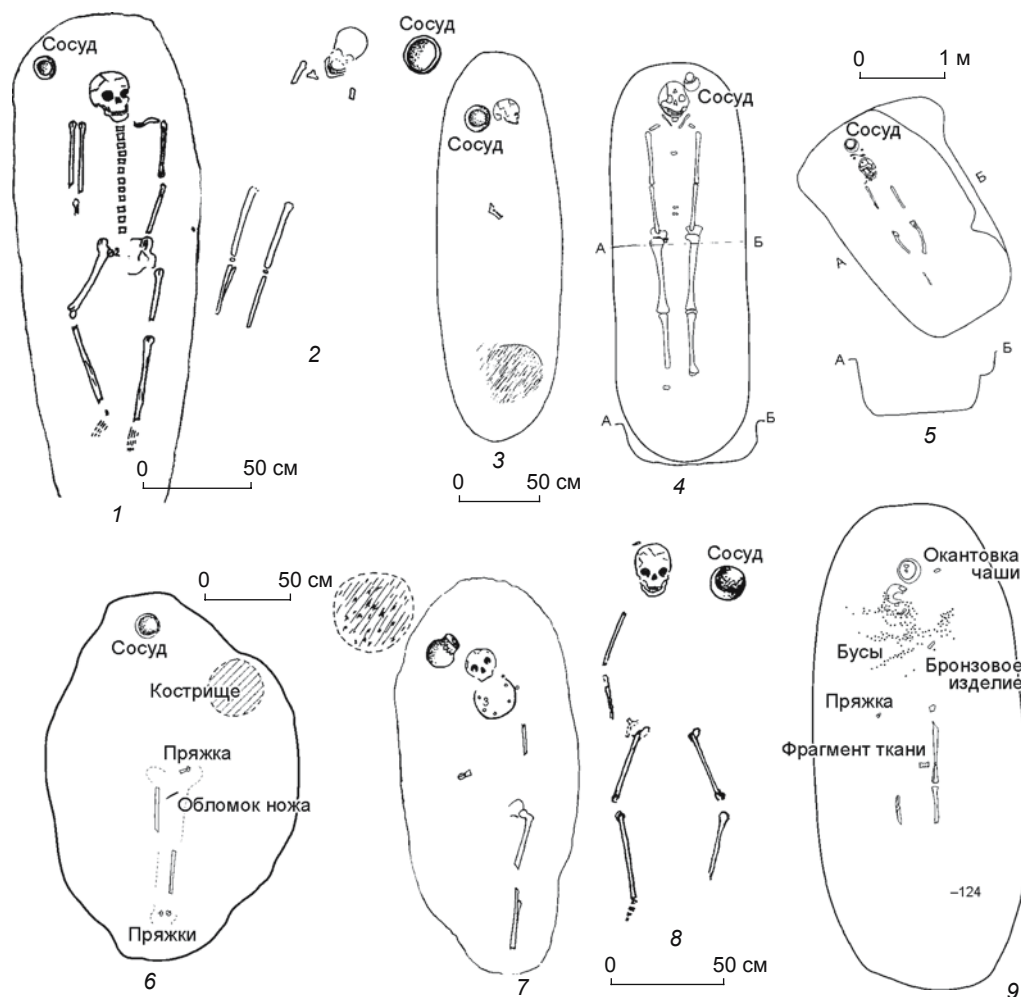

Рис. 4. Планы и разрезы могил с горшками разных типов.

1 – погр. 51; 2 – погр. 50; 3 – погр. 23; 4 – погр. 66; 5 – погр. 63; 6 – погр. 29; 7 – погр. 47; 8 – погр. 53; 9 – погр. 70.

Наиболее близок к Козловскому некрополь Устюг-1 на Тоболе, также сочетающий подкурганные и грунтовые погребения, образующие общие ряды [Матвеева, 2009]. Только частичные аналогии обнаруживаются на ряде могильников Приуралья, например Бродовском, где на площадках, ограниченных ровиками, возле могил имеются следы кострищ, черепа лошадей, битая керамика [Голдина Р.Д., 1986]. Близки по инвентарю к Козловскому Ипкульский [Чикунова, 2011] и Бирский [Мажитов, 1968] могильники.

Сосуды из могил сформованы и украшены в совершенно разной манере: горшки с резным узором, декором из насечек, отпечатков гребенчатого и рамчатого штампов, ямок, «жемчужин», решетки, залощенные кувшинчики и чаши с плотными линейными композициями из желобков и оттисков фигурных штампов. Их можно отнести к карымской, бакальской и кушнаренковской гончарным традициям.

Бакальская группа представлена 47 сосудами. Из них 40 бомбовидных слабопрофилированных горшоч-

ков, один сравнительно высокогорлый, один маленький кувшинчик, пять закрытых чаш. Все изготовлены из запесоченного теста с шамотом. Диаметр устья варьирует от 4 до 15 см, преобладающий 9–11 см. Горшочки – это явно посуда для питья индивидуального пользования. Из них 11 сосудинок без орнамента, остальные бедно декорированы рядом ямок, насечек по венчику или наклонных оттисков короткого и мелко-гребенчатого штампа, единичны решетка, семечковидные и треугольные наколы. Кроме горизонтальных линий, на плечиках и тулове встречаются зигзаг, «волна», «свисающие» треугольники (см. рис. 3, А). Закрытые чаши несут следы технической новации – они с воротничками, которые ранее не встречались на местной посуде. Размеры чаш невелики, диаметр устья от 8 до 15 см; вероятно, они предназначались для одной порции пищи.

Карымская керамика (23 экз.) названа так довольно условно, поскольку в комплексе наряду с закрытыми чашами присутствуют горшки, характерные

для лесостепи. Определяющим признаком является плотный нарядный декор из отпечатков гребенчатого штампа, а также ромбического в трех вариантах: с четырьмя, девятью вдавлениями, крестом внутри ромба (см. рис. 3, В). Диаметр устья чаш значительно больше, чем горшочков (соответственно 12–17 и 5–12 см). В коллекции есть один кувшинчик (из погр. 34) с раздутым туловом и узким невысоким горлом, украшенный отпечатками гребенки на шейке и ромбического четырехчленного штампа на плечиках.

В группу прочей керамики включены сосуды, находящие прямые аналогии в других культурах. Позднесаргатскими можно считать два горшка из погр. 16: на одном нарезками изображен пучок листьев, развернутый веером (см. рис. 3, 23), другой имеет небрежно сформованный слив. Два сосуда из погр. 36 определенно являются кашинскими по форме и орнаменту. У них резко отогнутая прямая шейка, слабо раздутое тулово, узор из оттисков крупного гребенчатого штампа в виде «столбиков», «деревьев», а также «шагающей гребенки» (см. рис. 3, 21, 22). Однако на средневековый возраст этой керамики указывает наличие ряда ямок на переходе от шейки к плечикам, что совершенно не характерно для декора сосудов раннего железного века, и присутствие в комплексе бакальской посуды. Горшочек из погр. 44 с разреженными оттисками крупной гребенки и незаконченной композицией из «свисающих» треугольников, нанесенных довольно крупным ромбическим девятизубым штампом, можно назвать бакальско-карымским (см. рис. 3, 29). В декоре сосудов из погр. 72 и 85 наблюдаются оронтурские («бахрома», воротничок, штамп «гусенички») [Могильников, 1987, табл. LXXXVI, 2] и юдинские (несколько горизонтальных линий на шейке) черты, вместе с тем бортик грубо насечен, что характерно для кашинской или бакальской керамики.

Три горшочка и два кувшинчика имеют кушнаренковские признаки: тщательно заглаженную поверхность, воротничок на венчике, декор из нанесенных тонким металлическим орнаментом вертикальных линий на четко выделенной шейке (см. рис. 3, Б) либо плечиках. Своеобразной чертой можно назвать прогиб днища по его центру на сосудах из погр. 9 и 81 (см. рис. 3, 11, 12). Наиболее похож на кушнаренковские высокогорлый кувшинчик из погр. 47, на котором вышеописанный узор разделен горизонтальными линиями и сдвоенным зигзагом (см. рис. 3, 10). Другой кувшинчик, из погр. 63 (см. рис. 3, 7), сочетает поясок треугольников, выполненных тонкой металлической гребенкой, на тулове с более крупными, но также вертикально нанесенными отпечатками другого гребенчатого штампа на венчике, что более свойственно бакальской орнаментальной традиции. Больше основания называться кушнаренковскими, чем описанные, имеют сосуды из Перейминского могильника, по-

скольку именно они являются высокогорлыми кувшинами [Чернецов, 1957, табл. XIV], а также лощеные, из тонко отмученного красноглиняного теста черепки из поселенческих слоев Коловского, Усть-Терсюкского и других городищ. Козловские экземпляры являются, скорее, подражанием какой-то среднеазиатской посуде, возможно, медной или серебряной, изготовленной чеканкой*.

Наконечники стрел – железные, черешковые, трехлопастные, с ромбическим пером и срезанными под тупым углом лопастями, линия преломления которых находится посередине пера (рис. 5, 1). Такие наконечники бытовали в степной и лесостепной зонах Евразии в I–IV вв. [Засецкая, 1983, с. 77].

Кинжалы – железные, обоюдоострые, с кольцевидным навершием (рис. 5, 10), у одного (из погр. 56) оно было бронзовое. Больше характерны для раннего железного века.

Обкладки ножен бронзовые: 1) маленькая прямоугольная, украшенная крупными гвоздиками со шляпками вдоль линии клинка посередине (рис. 5, 5), находит аналогии в материалах Тарасовского могильника [Голдина Р.Д., 2003, табл. 49, 15; 277, 8]; 2) крупная прямоугольно-ромбическая, с треугольным окончанием, прикреплялась к деревянному каркасу гвоздиками по периметру, декорирована выпуклинами вдоль края (рис. 5, 6). Близкий по пропорциям и исполнению предмет найден в Красноярском могильнике в Прикамье [Казанцева, 1988, рис. 2, 54].

Удила – железные, двусоставные, двукольчатые, псалии кольцевидные (рис. 5, 8, 9). Были распространены в широком хронологическом диапазоне.

Ножи – железные, черешковые, с прямой или горбатой спинкой, отличаются малыми размерами (рис. 5, 25–27). Обе разновидности были широко распространены в раннем железном веке и средневековье.

Пинцет – бронзовый с расширяющимися щипчиками (рис. 5, 28). Подобные предметы найдены в Сарапульском могильнике IV–V вв. [Арматинская, 1986, рис. 6, 6], Бродах [Голдина Р.Д., 1986, с. 67], на Верхнеутчанском городище VI–IX вв. [Голдина Р.Д., 2004, рис. 134, 9], они весьма характерны также для аланских и среднеазиатских памятников.

Пряжки подразделяются на семь типов; все, за исключением одной (тип 7), бронзовые.

1. Маленькие круглорамчатые и овальнорамчатые бесщитковые пряжки с подвижным язычком. Варианты основаны на детализации форм, предложенной А.К. Амброзом [1971]: 1а) с утолщенным спереди кольцом и язычком без прогиба (рис. 5, 13), В.Ю. Малашев пишет, что такие толстые прямые

*Устное сообщение Н.А. Мажитова о виденном им в фондах Национального музея Казахстана металлическом сосуде с «кушнаренковским» узором.

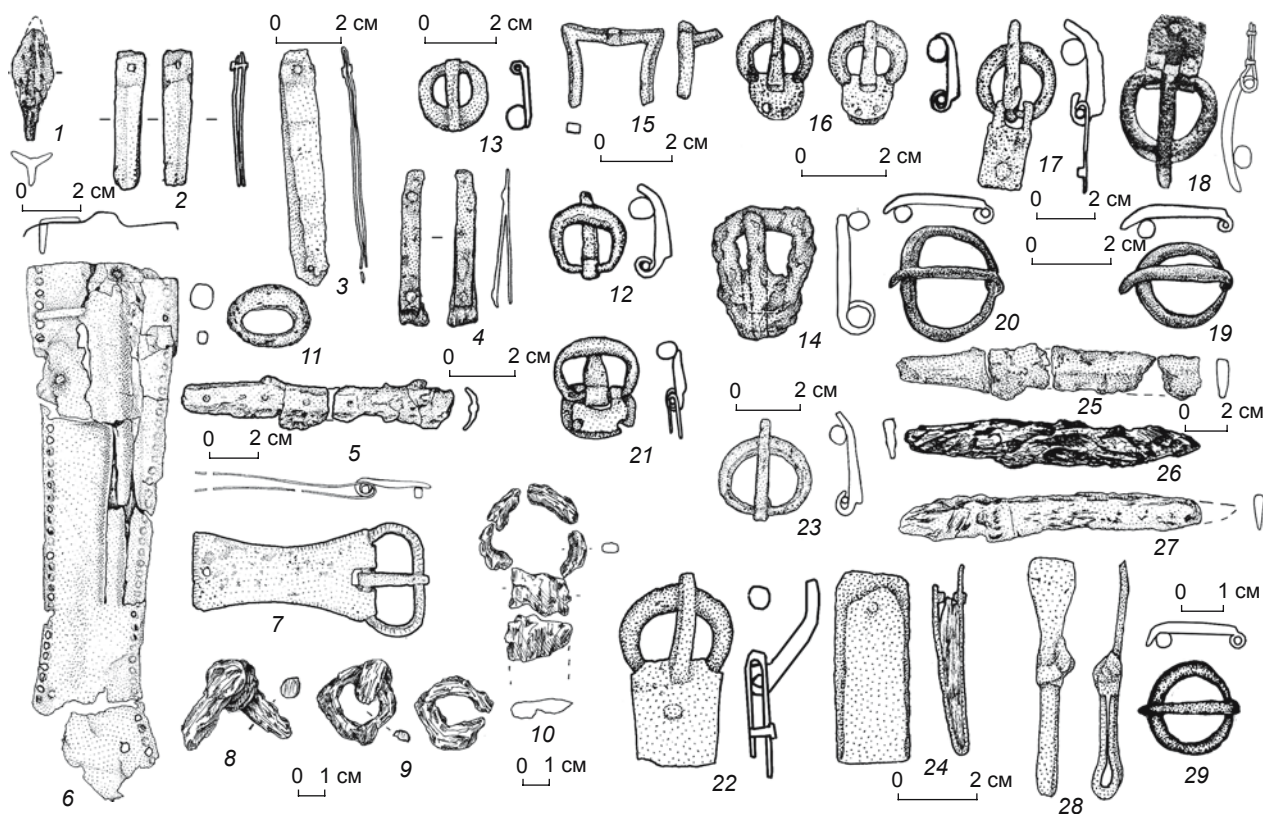

Рис. 5. Предметы быта и вооружения.

1, 2 – погр. 5; 3 – погр. 34; 4 – погр. 22; 5, 27 – погр. 11; 6, 14 – погр. 21; 7 – погр. 48; 8, 9 – погр. 41; 10 – погр. 53; 11 – погр. 27; 12, 17 – погр. 29; 13 – погр. 67; 15 – погр. 47; 16 – погр. 22; 18 – погр. 7; 19, 20, 25 – погр. 2; 21 – погр. 12а; 22, 24 – погр. 70; 23 – погр. 31; 26 – погр. 16; 28 – погр. 66; 29 – погр. 51.

язычки начинают встречаться с IV в. [2000, с. 209]; 16) с толстым хоботковым язычком, ступенчато срезанным сзади, и резко утолщенной передней частью кольца (рис. 5, 12, 23), датируются IV в. [Амброз, 1971, с. 102], по мнению В.Ю. Малашева, бытовали во второй и третьей третях этого столетия [2000, с. 209]; их аналоги найдены в гуннских памятниках [Засецкая, 1994, с. 93, рис. 19в, 36], позднесарматских захоронениях, погребальных комплексах джетысарской культуры, например, в погр. 76-2 и 314 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 123, 15, 19]; 1в) с менее утолщенным спереди кольцом и далеко выступающим хоботковым язычком, в месте крепления тонкие (рис. 5, 19, 20, 29), получили развитие в V в. [Амброз, 1971, с. 103].

2. Трапециевидная бесщитковая пряжка с неподвижным выступающим шпильком (рис. 5, 15). Подобные изделия характерны для конца раннего железного века, они есть в коллекции Тарасовского могильника [Голдина Р.Д., 2003, табл. 366, 1; 711, 17].

3. Круглорамчатые и овалнорамчатые пряжки с сегментированным круглым щитком и подвижным язычком (рис. 5, 16, 21). Они могут датироваться в рамках конца III – первой трети IV в. [Воронин, Ма-

лашев, 2006, с. 56]. Подобные пряжки найдены в Варнинском некрополе [Семенов, 1980, табл. X, 1], ранних памятниках джетысарской культуры, например в погр. 66 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 124, 26].

4. Овалнорамчатая пряжка с язычком и подвижным соединением с прямоугольным удлиненным щитком, зауженным посередине (рис. 5, 7). Аналоги известны в материалах погр. 92 Тарасовского могильника I–IV вв. [Голдина Р.Д., 2003, табл. 32, 7], мазунинских и неволинских памятников. В.Ю. Малашев считает мазунинские пряжки специфичными и датирует их не ранее V в. [2000, с. 205].

5. Круглорамчатые пряжки с прямоугольным щитком и выступающим язычком (рис. 5, 17, 18). Наиболее близкие им найдены в Прииртыше в могильнике Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 14, 2], в Приарале, например, в погребениях 27, 57 и 70 могильника Томпакасар [Левина, 1996, рис. 124, 3, 5, 6]. Ориентируясь на замечание А.К. Амброза, что у пряжек V в. кольца спереди утолщены не очень резко, хоботковые язычки далеко выступают вперед, этот тип можно отнести к данному времени. Аналогичный удлиненный щиток имеет пряжка из приуральского

Бирского могильника IV–VII вв., где экземпляры с прямоугольными щитками датированы VI в. [Амброз, 1980, рис. 7, 13]. Интересно, что они там коррелируют с сосудами с кушнаренковской орнаментацией.

6. Круглорамчатая пряжка с трапециевидным щитком и хоботковидным язычком, выступающим за рамку (рис. 5, 22). Подобные изделия известны по материалам «Золотого кладбища» в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 22, 212], мазунинским и азелинским древностям, которые, по мнению В.Ю. Малашева, следует относить к концу IV – началу V в. [2000, с. 204].

7. Железная бесщитковая яйцевидная в плане пряжка с подвижным язычком (рис. 5, 14). Сходные найдены в Варнинском некрополе [Семенов, 1980, табл. XI, 29, 30], погр. 165 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 121, 19]. Поскольку задняя часть рамки спрямленная, а язычок короткий и прямой, то, вероятно, данный экземпляр следует относить к концу III или началу IV в. [Малашев, 2000, с. 209].

Ременные наконечники – бронзовые сдвоенные полоски, закрепленные снаружи и изнутри на ремне

гвоздиками (рис. 5, 2, 3). Характерны для могильников Прикамья, известны в Приаралье [Голдина Р.Д., 2003, табл. 666, 1, 3; Левина, 1996, рис. 129, 48].

Гривны двух типов: 1) круглопроволочные с заостренными концами несомкнутые (1а) (рис. 6, 11, 14, 23) либо с замком в виде крючка (1б); 2) свернутые из бронзовой фольги (полые). Оба варианта первого типа находят аналогии в материалах неволинских и мазунинских могильников, например Тарасовского [Голдина Р.Д., 2003, табл. 67, 4–12; 78, 1, 6]. Гривна второго типа имеет расплюснутые концы с отверстиями для соединения веревочкой (рис. 6, 1), похожая найдена в Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. IV, 5].

Серьги – бронзовые, проволочные, в виде знака вопроса, восьмерковидные (рис. 6, 8, 9). Это широко распространенный тип украшений.

Перстень – сомкнутый, с ромбическим щитком (рис. 6, 10). Аналоги имеются в джетыасарских древностях [Левина, 1996, рис. 142, 4, 12].

Браслеты двух типов: 1) круглопроволочные; 2) составные из витой проволоки и бусин. Первый представлен двумя разновидностями: 1а) несомкнутые;

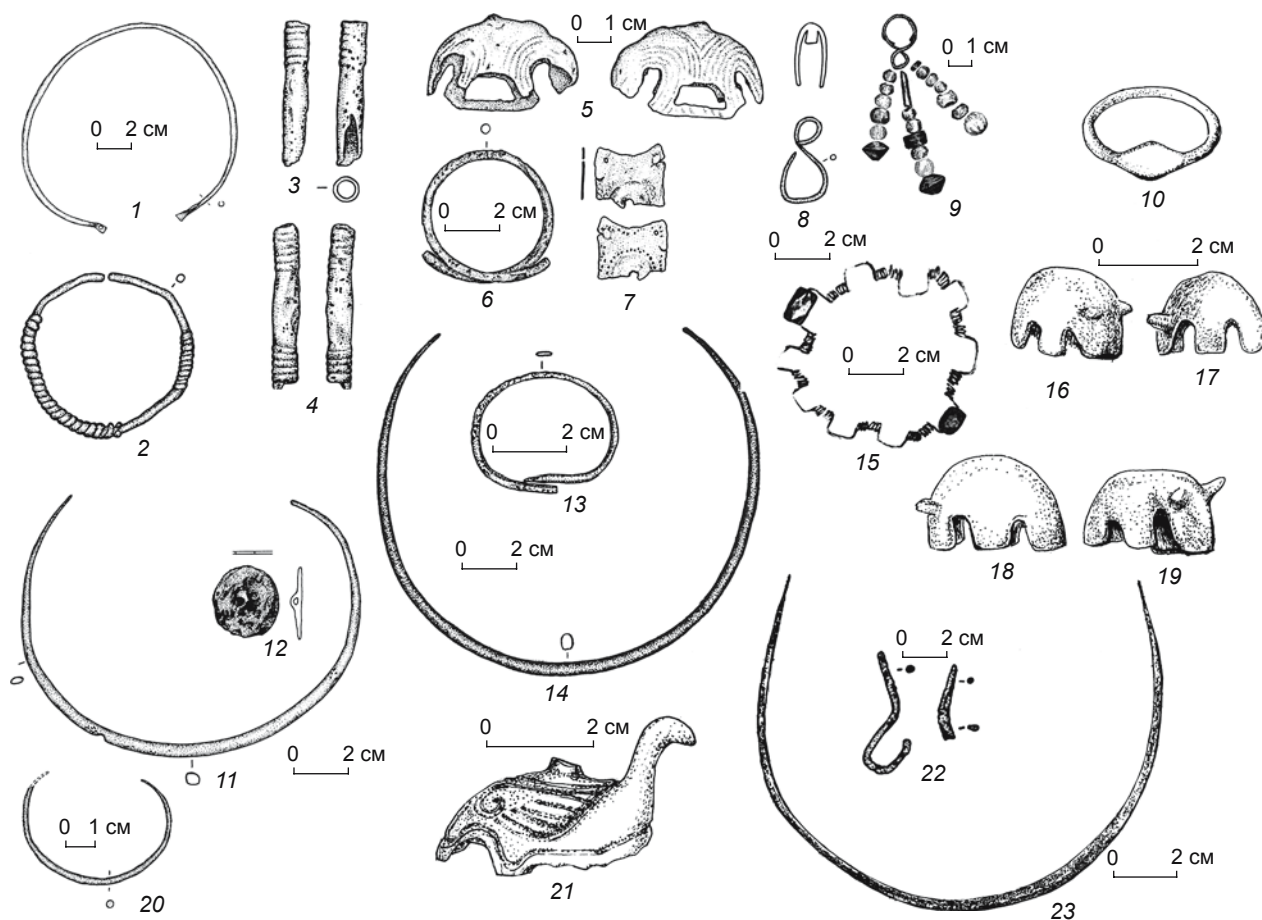

Рис. 6. Украшения.

1 – погр. 1; 2, 11, 13, 16–19 – погр. 12а; 3–5, 10, 21 – погр. 11; 6 – погр. 20; 8 – погр. 31; 9 – погр. 16; 7, 12, 15 – погр. 36; 14 – погр. 13-3; 20 – погр. 39; 22 – погр. 70; 23 – погр. 54.

ми браслетами, один из которых обвит спирально проволокой, а другой имеет заостренные концы (рис. 6, 2, 20); 16) с заходящими друг за друга концами (рис. 6, 6, 13). Такие украшения широко известны в Прикамье. Составной браслет представляет собой спирально закрученную тонкую плоскую прямоугольную в сечении бронзовую проволоку, на которую были нанизаны 15 пурпурных стеклянных 14-гранных уплощенных бусин (рис. 6, 15).

Бляшки бронзовые также двух типов: 1) прямоугольная, с отверстиями в центре и по углам для пришивания, с пуансонным узором (рис. 6, 7); 2) литая, круглая, с петелькой на обороте (рис. 6, 12). Подобные «пуговицы» украшали ремни поясной гарнитуры и уздечек, хорошо известны по материалам прикамских могильников, например Тарасовского [Голдина Р.Д., 2003, табл. 508, 2].

Полые подвески представлены в основном стилизованными фигурками стоящего медведя. Одна из них имеет рельефный литой шнуровой узор (рис. 6, 5), аналоги известны в Приуралье и Западной Сибири на рубеже раннего железного века и средневековья, например в Абатском-3 и Красноярском могильниках [Матвеева, 1994; Казанцева, 1988, рис. 3, 35]. Остальные фигурки гладкие (рис. 6, 16–19), подобные есть в коллекциях Памятного, Варнинского, Тарасовского могильников, но в отличие от них у козловских рельефно выделены уши. Подвески в виде уточки из белой бронзы с литым рельефом (рис. 6, 21) широко известны в прикамских древностях [Мажитов, 1977, с. 16; Голдина Р.Д., 2003, табл. 688, 5].

Пронизи – бронзовые цилиндрические трубочки с валиками на концах (рис. 6, 3, 4). Это широко распространенный тип украшений в финно-угорской среде, например, подобные найдены в Варнинском [Семенов, 1980, табл. VII, 48] и Тарасовском могильниках.

Бусы больше напоминают наборы раннего железного века, нежели средневековые, в которых бусины, как правило, крупнее и разнообразнее. Выделяются каменные, металлические и стеклянные, а также бисер. Сердоликовая бусина – бипирамидальная, 12-гранная (рис. 7, 6), сверление двустороннее. В Приуралье есть сходные по пропорциям [Левина, 1996, рис. 6, 2], Е.В. Голдина в тип Х1А7 выделила меньшую по размерам [2002]. Хрустальная прозрачная призматическая

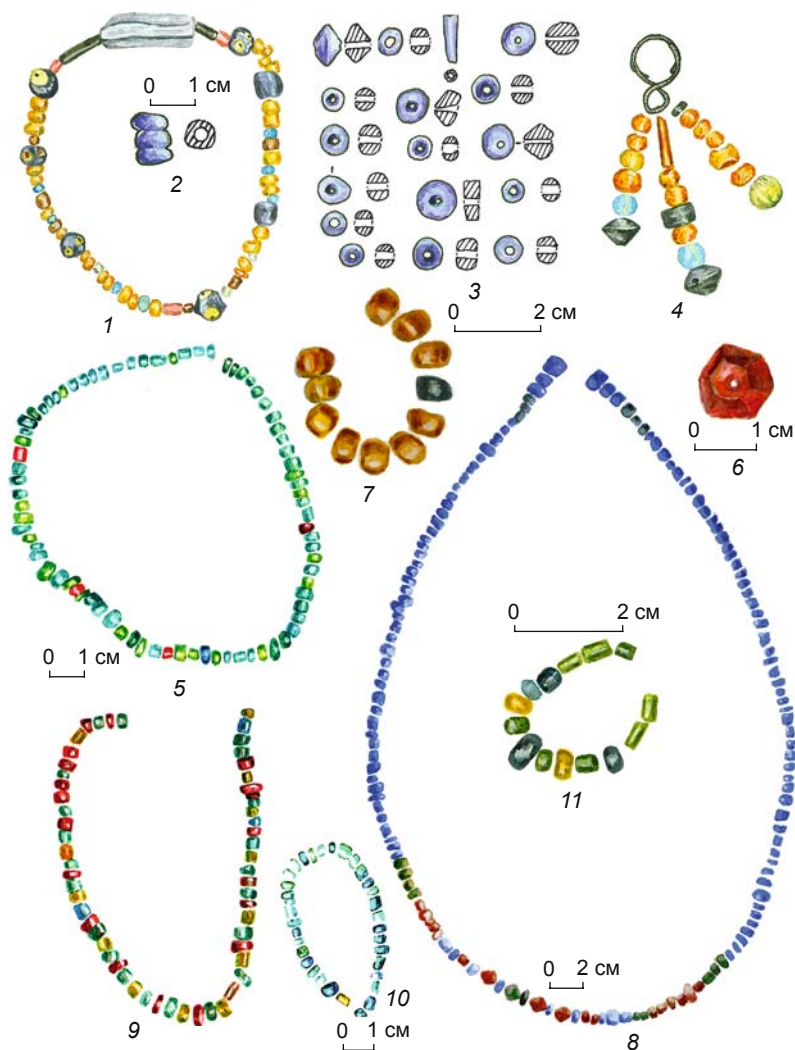

Рис. 7. Бусины.

1 – депаспортизированные (возможно, из погр. 9, 44 и 56, 57); 2 – погр. 10; 3, 4 – погр. 16; 5 – погр. 20; 6 – погр. 52; 7 – погр. 47; 8 – погр. 70; 9 – погр. 21; 10 – погр. 12а; 11 – погр. 45.

шестигранная пронизь (рис. 7, 1) находит аналогии на Северном Кавказе [Деопик, 1963, рис. 5, 33]. Бронзовые бусины – короткоцилиндрические и бочковидные, поперечно сжатые, крупные, сходны с тарасовскими в Приуралье [Голдина Р.Д., 2003, табл. 296, 17]. Стеклянных бусин в коллекции подавляющее большинство, их описание дано в табл. 1.

В.Н. Чернецов полагал, что время функционирования могильника Козлов Мыс-2 «едва ли выходит за пределы IV века», а по керамике его следует относить к карымскому этапу нижнеобской культуры в рамках IV–V вв. При сравнении с погребальными комплексами Западного Приуралья он видел наибольшее сходство с харинскими и считал оставившие их общины родственными [Чернецов, 1956, л. 9]. Для уточнения датировки погребений данные по инвентарю сведены в табл. 2.

Таблица 1. Классификация и хронология стеклянных бусин из могильника Козлов Мыс-2

Тип	Форма	Цвет	Размер, мм*	Аналогии	Дата	Рисунок
<i>Металлизированные</i>						
А	Бочковидные, поперечно скатые	Золотой	$D = 6, H = 3...4$	[Алексеева, 1978, с. 29, тип 1]	I–IV вв.	7, 7
Б	Бисер	»	$D = 2,0 \times 1,5$	[Там же, с. 30, тип 4]	I–IV вв.	–
Многоцветные						
А	Округлые и бочковидные	Черный с черными и красными глазками в желтых ободках	$D = 8...9$ $H = 6...9$	[Голдина Е.В., 2002, с. 85, тип IVБ31]	VI в.	7, 1
Б	Округлые	Желтого глухого стекла с синими разводами		[Там же, тип VB16 неволинских бус]	VIII в.	7, 4
<i>Одноцветные</i>						
А	Округлые	Голубого глухого стекла	$D = 6,5$			7, 4
Б	»	Синий	$D = 10,0$	[Там же, тип IVA59]	VI–VIII вв.	–
А	Бочковидные	Глухого и прозрачного голубого и зеленоватого-голубого стекла	$D = 3,3, H = 3,0$	[Голдина, Королева, 1983, с. 65, тип 42, 49; Абрамова, 1987, с. 173]	IV–VIII вв.	–
Б	»	Ярко-голубой	$D = 4,5, H = 2,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA8]		–
В	»	Оранжево-красный	$D = 6...8, H = 4...5$	[Там же, тип IB19]	VI–VIII вв.	
Г	»	Синий и голубой	$D = 6,5...8,0, H = 5...8$	[Там же, тип IVA16]	V–VIII вв.	7, 1, 3
Д	»	Темно-синий	$D = 7...8, H = 7...8$	[Там же, тип VIA3; Левина, 1996, с. 68, рис. 6, 40]	VI в.	7, 3
Е	Бочковидные поперечно скатые	Грязно-голубой	$D = 3,5...4,0, H = 2,5...3,0, H = 1,5$	[Абрамова, 1987, с. 173; Голдина Е.В., 2002, тип. IA1]	IV–VIII вв.	7, 1, 10
Ж	То же	Светло-голубой и голубой	$D = 4,5, H = 2...3; D = 4,0, H = 1,5...3,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA2; Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 11–13; 4а]	IV в.	7, 5
З	»	Желтый	$D = 4, H = 3,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA50 неволинских бус]	VII–VIII вв.	7, 9
И	»	Синий	$D = 4...5, H = 2...4; D = 3,5, H = 2,0$	[Там же, рис. 5, IA8; тип IA31]	Конец IV – VII в.	7, 3
А	Короткоцилиндрические	Глухого голубого и прозрачного зеленоватого-голубого стекла	$D = 4,5, H = 1,7...2,0$	[Мажитов, 1968, с. 12]	IV–VII вв.	7, 5
Б	»	Прозрачного и глухого голубого; глухого темно-синего стекла	$D = 3...5, H = 1,5...4,0; D = 4,5...5,0, H = 2...3$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA2; Мажитов, 1968, табл. 4, 11]	I–V вв.	–

В	»	Синий	$D = 2...7, H = 1,5...6,0$	[Мажитов, 1968, табл. 4а; Голдина Е.В., 2002, рис. 3/A30]	IV–VI вв.	–
Г	»	»	$D = 11,5, H = 4$	[Голдина Е.В., 2002, тип IVA1]	VI–VIII вв.	–
Д	»	Желтый	$D = 4, H = 2,5, H = 4$	[Там же, тип IA4]	IV–IX вв.	–
Е	»	Светло-зеленый	$D = 4, H = 2...3$	[Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 19, 20]	IV в.	7, 9, 11
А	Удлиненно-цилиндрические	Лимонный	$D = 3, H = 5$	[Там же, табл. 4, 10]	IV–VII вв.	7, 10
Б	То же	Черный и красный	$D = 3, H = 7, H = 14$	[Там же, табл. 4, 3; Левина, 1996, с. 224]	IV–VII вв.	7, 1
В	»	Белый	$D = 5,5, H = 2,5$	[Алексеева, 1978, с. 67; Голдина Е.В., 2002, рис. 3, XVA5]	I–V вв.	–
Г	»	Голубого прозрачного стекла	$D = 3,5, H = 5$	–	–	–
А	Усеченно-конические	Красный	$D = 2, H = 16$	[Алексеева, 1978, с. 65, тип 24]	I–IV вв.	–
Б	»	Синий	$D = 3, H = 14$	[Голдина Е.В., 2002, тип IVA28]	VI в.	–
А	Биконические	Голубой	$D = 5, H = 7$	[Алексеева, 1978, с. 69]	II в. до н.э. – III в. н.э.	–
Б	»	Красный	$D = 12, H = 10$	[Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 43]	IV в.	7, 8
А	Зонные	Фиолетовый	$D = 4,4, H = 2,5$	[Левина, 1996, с. 224]	IV–VII вв.	–
Б	»	Голубой	$D = 5...6, H = 2$	[Абрамова, 1987, с. 173]	II–III вв.	–
А	Многочастные	Синий	$D = 0,8, H = 1,2$	[Мажитов, 1968, табл. 4, 38]	–	7, 2
А	14-гранные уплощенные	Пурпурный	$13 \times 7 \times 5$	[Голдина Е.В., 2010, рис. 30, тип IA53]	Конец IV – V в.	6, 15
<i>Бисер</i>						
А	Короткоцилиндрический	Черный и красный	$D = 2,0...4,5, H = 1,5...2,5$	[Алексеева, 1978, с. 67; Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 1–3, 9]	I–V вв.	7, 8
Б	Зонный	Красный	$D = 3, H = 1,5$	[Абрамова, 1987, с. 173]	Нет свед.	–
В	Цилиндрический	Зеленовато-голубой и голубой	$D = 2,5...3,0, H = 2, H = 2,5$	[Алексеева, 1978, тип 166; Голдина, Королева, 1983, тип 49]	I–IV вв.	–
Г	»	Желтый	$D = 3, H = 2, H = 3, H = 4$	[Голдина Е.В., 2002, тип I A34]	IV–VI вв.	–
Д	»	Оливково-зеленый	$D = 2,5, H = 4,5...5,0$	[Там же, тип IA37]	VI в.	–
Е	»	Темно-синий	$D = 3,5$	[Абрамова, 1987, с. 173]	II–III вв.	–
Ж	Бочковидный поперечно сжатый	Синий	$D = 3,0...3,5, H = 1,5...2,0$	[Мажитов, 1968, табл. 4а]	IV–VII вв.	–

*D – диаметр, H – высота.

Таблица 2. Хронология предметов из могильника Козлов Мыс-2

№ погр.	Предметы	Век						№ погр.	Предметы	Век						
		II	III	IV	V	VI	VII			VIII	II	III	IV	V	VI	VII
1	Гривна, тип 2			×	×			20, 21, 45, 70	Бусины короткоцилиндрические, тип Б	×	×	×	×			
2, 51	Пряжки, тип 1в			×				21	Бусины бочковидные, тип 3			×	×	×		
5, 22, 34	Наконечники ремней	×	×	×	×	×		21	Пряжка, тип 7			×				
5, 27, 44	Наконечники стрел	×	×	×				21	Обладка ножен, тип 2		×	×	×			
2, 4, 6, 13-3, 27, 29, 31 61, 63, 67	Пряжки, тип 1		×	×	×			21	Бисер, тип Г			×	×	×		
10	Бусина многочастная	×	×	×	×	×		36	Браслет, тип 2		×		×			
11	Пронизи	×	×	×	×			36	Бляшка, тип 2				×			
11	Обладка ножен, тип 1	×	×	×				45,56	Бисер, тип Д		×	×	×	×		
11	Подвеска-уточка	×	×	×	×			45, 56	Бусины короткоцилиндрические, тип Д			×	×	×	×	×
11	Фигурка медведя рельефная		×	×	×			46	Бисер, тип В	×	×	×				
12а	Фигурки медведей гладкие		×	×	×			47, 56	Бусины золоченые, тип А	×	×	×				
1, 12а, 13-3, 36, 47, 54	Гривны, тип 1	×	×	×	×			48	Пряжка, тип 4				×			
12а	Перстень			×	×	×		5, 7, 29	Пряжка, тип 5			×	×			
12а, 20, 22, 39	Браслеты, тип 1	×	×	×	×			52	Бусина сердоликовая				×	×	×	
12а, 20, 22, 56	Пряжка, тип 3		×	×				53, 57	Кинжал с кольцевым навершием	×						
12а	Бусины удлиненно-цилиндрические, тип А			×	×	×		56	Бисер, тип Е	×						

12а, 70	Бусины короткоцилиндрические, тип А	×	×	×	×	×	×	×	×	×	Бусины зонные, тип Б	16, 56					×	×	
12а	Бусины бочковидные, тип А	×	×								Бусины удлиненно-цилиндрические, тип Б	16, 56	×					×	
12а	Бусина зонная, тип А										Бусины бочковидные, тип Д	16, 56		×				×	
12а, 47, 70	Бусины короткоцилиндрические, тип В										То же, тип Г	16, 56		×				×	
16	Бусины бочковидные, тип В										Бисер золоченый	56	×				×		
16	Бусины усеченно-конические, тип Б										Бусины многоцветные, типы А, Б	70					×		×
16	Бусины короткоцилиндрические, тип Г										Пинцет	45, 70					×		×
16	Бусины округлые, типы А, Б										Бусины бочковидные, тип И	20, 70					×		×
16	Бусины бочковидные, тип Г										То же, типы Е, Ж	70	×				×		
20, 21, 70	Бисер, тип А	×	×								Бусины короткоцилиндрические, тип Е	70		×			×		
20, 21, 70	Бисер, тип Б	×	×								Пряжка, тип 6	70		×			×		
20, 21, 45, 70	Бусины бочковидные, тип Е	×	×								Бусина удлиненно-цилиндрическая, тип В	70	×				×		
36	Бусины 14-гранные										Бусины бронзовые	81	×				×		
47	Пряжка, тип 2	×	×																

Примечание. Описание типа предмета см. в тексте, типа бусин – табл. 1.

Выводы

Таким образом, и сейчас, на значительно более широком круге источников, есть все основания принимать датировку В.Н. Чернецова и относить Козлов Мыс-2 к IV – началу V в. н.э. Однако не соглашусь с ним в культурной интерпретации могильника. Курганный обряд, культ коня, горшковидные и кувшиновидные формы, орнамент более чем половины коллекции керамики позволяют считать, что памятник отражает становление бакальской культуры в лесостепи. Она складывалась на основе саргатского и кашинского субстратных элементов и карымского суперстрата. Я полагаю, что смена археологических культур раннего железного века средневековыми в северной части лесостепи и подтаежной зоне происходила в начале IV в.

Большинство видов инвентаря могильника Козлов Мыс-2 находит аналогии в Приуралье и коррелирует с неволинскими, мазунинскими и полоумскими комплексами. Наличие курганных и грунтовых погребений, отделенных пространством в 15–17 м, как мне кажется, свидетельствует о том, что памятник состоит из разнокультурных захоронений одной полиэтнической (?) общности, в которой традиция пришельцев хоронить в грунтовых могилах сменилась обрядом погребения в курганах, который практиковало ранее автохтонное население.

Материалы могильника, датируемого IV – началом V в., содержат явные компоненты культур раннего железного века наряду со средневековыми. Это позволяет, по моему мнению, говорить о кратком переходном периоде, вероятно, в рамках первой половины IV в.

Список литературы

- Абрамова М.П.** Подкумский могильник. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – Ч. 2. – 120 с.
- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 2. – С. 96–123.
- Амброз А.К.** Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 3–56.
- Армагынская О.В.** Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Удм. гос. ун-т, 1986. – С. 26–46.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.** Гунно-сарматы Урало-Казхстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.
- Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.** Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы изучения бакальской культуры: мат-лы семинара. – Челябинск; Шадринск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. – С. 6–40.
- Воронин К.В., Малашев В.Ю.** Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. – М.: ИА РАН, 2006. – 152 с.
- Голдина Е.В.** О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 82–103.
- Голдина Е.В.** Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2010. – 264 с.
- Голдина Р.Д.** Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Удм. гос. ун-т, 1986. – С. 47–98.
- Голдина Р.Д.** Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2003. – Т. 1. – 318 с.; Т. 2. – 724 с.
- Голдина Р.Д.** Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – 422 с.
- Голдина Р.Д., Королева О.П.** Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1983. – С. 40–71.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.** «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. – СПб.: Фарн, 1994. – 172 с.
- Деоник В.Д.** Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 122–147. – (МИА; № 114).
- Засецкая И.П.** Классификация наконечников стрел гуннской эпохи // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 70–84.
- Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. – СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. – 224 с.
- Зах В.А.** Городище Ласточкино Гнездо-1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2009. – № 11. – С. 67–80.
- Зотова С.В.** Отчет о работе Андреевского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1960 году // Архив ИА РАН. Р-2145. 12 л.
- Казанцева О.А.** Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1988. – С. 44–65.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Колмогоров П.А.** Средневековый комплекс городища Усть-Утяк-1: интерпретация и хронология // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2010. – № 13. – С. 75–78.
- Ковригин А.А.** К датировке Абатского-3 могильника // XVII Урал. археол. совещ. – Сургут; Екатеринбург: Магеллан, 2007. – С. 194–198.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.** Поселение Ипкуль-XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 117–128.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приуралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.
- Мажитов Н.А.** Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 162 с.
- Мажитов Н.А.** Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 2000. – С. 194–217.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н.П. Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н.э. и формирование раннесредневековых общностей // Форум «Идель-Алтай». – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. – С. 150–152.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище: Археолого-палеоэкологическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2008. – 228 с. – (Древности Ингальской долины; вып. 2).

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 229 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 66–86.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.

Погодин Л.И. Проблемы хронологии саргатских памятников в связи с особенностями организации военного дела (по материалам Прииртышья) // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 20–24.

Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: ТриТ, 2008. – Вып. 2. – С. 85–113.

Сальников К.В. Исетские древние поселения // СА. – 1956. – № 25 – С. 189–214.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск: НИИ истории, языка и литературы УдмССР, 1980. – С. 5–106.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаяжном Прииртышье // Гуманитарное знание. – Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 160–186. – (Преемственность; вып. 3).

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 году // Архив ИА РАН. Р-891. 45 л.

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР в 1955 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1211. 9 л.

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР в 1956 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1739. 22 л.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Приобье // Тр. III Всерос. археол. съезда. – Великий Новгород; Старая Русса, 2011. – Т. 2. – С. 112–113.

*Материал поступил в редколлегию 06.10.11 г.,
в окончательном варианте – 14.05.12 г.*

УДК 903.6

Л.Н. Ермоленко¹, Ж.К. Курманкулов²¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru²Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК
ул. Достык, 44, Алматы, 050010, Казахстан
E-mail: kurmankulov@gmail.com

НОВОЕ ИЗВАЯНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ САРЫ-АРКИ*

Статья вводит в научный оборот изваяние сакского времени из Сары-Арки (Центральный Казахстан). Выявлены аналогии между его атрибутами и предметами вооружения в материалах культур раннего железного века евразийских степей. Охарактеризованы специфические черты изваяний сары-аркинской группы и признаки их иконографического сходства с восточно-европейской скифской скульптурой.

Ключевые слова: каменное изваяние, кинжал, чекан, ранний железный век, сакская эпоха, Сары-Арка.

Введение

Каменная антропоморфная скульптура – информативно-содержательная категория изобразительных археологических памятников. Исследователи могут извлечь из этого ценного источника данные для реконструкции не только мировоззренческих и иных аспектов жизни древних, видения человеком самого себя, но и процессов культурогенеза. Поэтому обнаружение новой разновидности таких памятников – значительное событие в ряду других археологических открытий. Во второй половине прошлого столетия были открыты изваяния скифского времени на западе урало-казахстанских степей [Гуцалов, Таиров, 2000], «сарматские» в Арало-Каспийском регионе [Ольховский, 2005, с. 131–151], чемурчешские в Синьцзяне [Ковалев, 2007], оригинальные изваяния близ Хаккари в Малой Азии [Леус, 2007]. В начале XXI в. в Сары-Арке (Казахский мелкосопочник) выявлена пока еще небольшая серия скульптур сакской эпохи [Ермолен-

ко, Курманкулов, 2011а, б]. Летом 2011 г. в урочище Сартоган (Терисакканский сельский округ в Улытауском р-не Карагандинской обл.), примерно в 3 км к северо-северо-западу от полевого стана Жантел, нами при участии М. Абдикаримова и Ш.М. Абдикаликова обследован обломок изваяния раннего железного века. Его иконография и набор атрибутов отражают не только своеобразие каменной антропоморфной скульптуры сары-аркинской группы, но и сходство с восточно-европейскими скифскими.

Описание изваяния

Рассматриваемое изваяние (далее – второе сартоганское) обнаружено в 2011 г. сотрудником музея Улытауского заповедника М. Абдикаримовым вместе с фрагментом другого (далее – первое сартоганское), доставленного в музей, где оно было документировано Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкуловым, которые ввели его в научный оборот [2011а, б]. Второе сартоганское изваяние лежало в 15 м к западо-северо-западу от каменно-земляного кургана диаметром 30 м, высотой 2 м, окруженного ровиком шириной до 3 м (рис. 1).

*Исследование выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект № 14.В37.21.0954).

Рис. 1. Изваяние, лежащее около кургана.

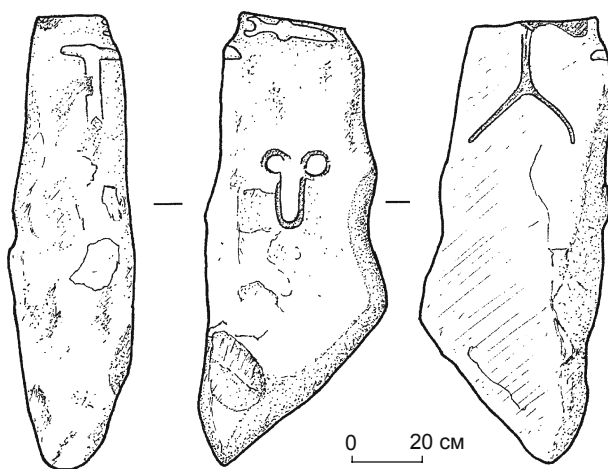

Рис. 2. Второе сартоганское изваяние.

Курган визуально определяется как памятник раннего железного века. Координаты находки: 49° 31' 24,9" с.ш., 67° 30' 46,2" в.д., высота 519 м над ур. м. По словам М. Абдикаримова, первое изваяние найдено возле этого же кургана.

Изваяние высечено из глыбы грязно-сиреневого мелкозернистого камня, сломано в поясном отделе, где уступами спереди и с боков оформлена талия. Сохранилась только нижняя часть памятника (рис. 2); верхнюю отыскать не удалось. Поверхность камня местами носит следы повреждений, в остальном можно заключить, что естественная форма глыбы была мало изменена резчиком. В профиль изваяние плавно расширяется к середине и сужается к скругленному основанию. Анфас очертания неровные и несимметричные: глыба расширяется книзу, в нижней трети скошена и заострена с правой стороны. Размеры уцелевшего фрагмента фигуры 130 × 30...50 × 20...35 см.

На изваянии воспроизведены предметы вооружения и телесные признаки. Оружие передано барельефом; оно представлено кинжалом и чеканом. Изоб-

ражение кинжала расположеноверху передней грани, прямо под линией слома и параллельно ей, почти горизонтально, с небольшим наклоном в сторону острия (рис. 3, а). Рукоятью он обращен к правому боку изваяния, где на выступе, соответствующем уровню подвздошной кости в человеческом скелете, высечен чекан (рис. 3, б). Его рукоять направлена вниз, а заостренный боевой конец – к передней грани фигуры.

Рис. 3. Изображения на втором сартоганском изваянии.
а – кинжал; б – чекан; в – фаллос; г – ягодицы.

Изображения телесных атрибутов выполнены желобком. На передней грани показаны гениталии (округлые тестикулы и U-образный фаллос) (рис. 3, в), на тыльной – перевернутая Y-образная фигура (рис. 3, з), по всей видимости намечающая разделительную линию ягодиц и внутренний абрис бедер.

Атрибуты изваяния и аналогии

Кинжал. Изображенное на изваянии оружие проанализировано на предмет уточнения датировки памятника. Однако прямых аналогов кинжала (рис. 4, 1) найти не удалось. Его рукоять имеет антенновидное (дуговидное, даже параболическое) навершие, широкое перекрестье, значительно выступающее за пределы основания клинка, слегка расширяющийся в средней части и сужающийся в последней трети клинок. Общая длина кинжала 27,5 см, рукояти с навершием и перекрестьем – 13,5 см (в т.ч. на навершие приходится 3,5 см, на перекрестье – 3 см), клинка – 14 см, ширина клинка 3 см. Длина перекрестья ок. 6 см, его края выдаются на 1,5 см. Следует отметить, что позиция кинжала предполагает подвеску, детали которой не переданы. Принимая во внимание четко оформленное острие, можно предположить, что кинжал показан без ножен.

Сравнение с археологическим материалом затруднено тем, что кинжал воспроизведен довольно схематично, особенно перекрестье (к тому же очертания его края, граничащего с разломом, нарушены). Перекрестье может быть определено как овальное. Копирование способом протирки показало, что оно не выступает углом в направлении рукояти, как бабочковидное или сердцевидное; на неповрежденном

крае не выражена угловатость, как у бабочковидного и брусковидного; со стороны клинка на нем четко не прослеживается выемка, как у почковидного. Несмотря на определенное сходство навершия сартоганского кинжала с серповидным и рожковидным навершиями клинков прохоровского типа, конфигурация и ширина его перекрестья, а также сочетание с чеканом могут быть основанием для сравнения со скифским оружием.

Частичную аналогию находим среди кинжалов с бабочковидным перекрестьем и параллельными лезвиями из погребений савроматского времени. Один из них – с серповидным навершием – найден в кург. 1 могильника Бесоба в Западном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1977, рис. 2, 8] (рис. 4, 3). М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов отметили архаичность его перекрестья по сравнению с прямыми («в виде планок») перекрестьями, обычными для кинжалов с серповидными навершиями [Там же, с. 113]. С учетом периода бытования последних, который авторы определяют V–III вв. до н.э., и времени действия могильника Бесоба (вторая половина VI – начало V в. до н.э.) кинжал датирован «не позднее начала V в. до н.э.» [Там же]. Несмотря на отличия в деталях, он близок рассматриваемому по пропорциям.

Еще один кинжал – с антенновидным (рожковидным) навершием эллиптических очертаний – происходит из погр. 1 кург. 3 могильника Приозерный в Палассовском р-не Волгоградской обл. [Кокуркина, 2007, рис. 2, 7] (рис. 4, 5). По мнению О.В. Кокуркиной, это захоронение, относящееся к первой хронологической группе диагональных погребений (конец VI – V в. до н.э.), «можно датировать V в. до н.э.» [Там же, с. 197]. Вместе с тем, обращаясь к работам А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова, автор констатирует сходство кинжала с аналогичными скифскими и савроматскими клинками VI–V вв. до н.э. [Там же, с. 196]. Приозерненский и сартоганский кинжалы, кроме всего прочего, разнятся пропорциями: первый имеет более длинный клинок и иное соотношение длины лезвия и острия.

Кинжал с антенновидным навершием, бабочковидным перекрестьем и рубчатой (с двумя продольными каннелюрами) рукоятью, найденный на Иссык-Куле, датируется С.С. Ивановым V–IV вв. до н.э. [2008, с. 41, рис. 1, б] (рис. 4, 4). По сравнению с сартоганским у него короткие «антенны-рожки» и иные пропорции (более вытянутый).

Перейдем к изобразительным аналогиям. Территориально наибо-

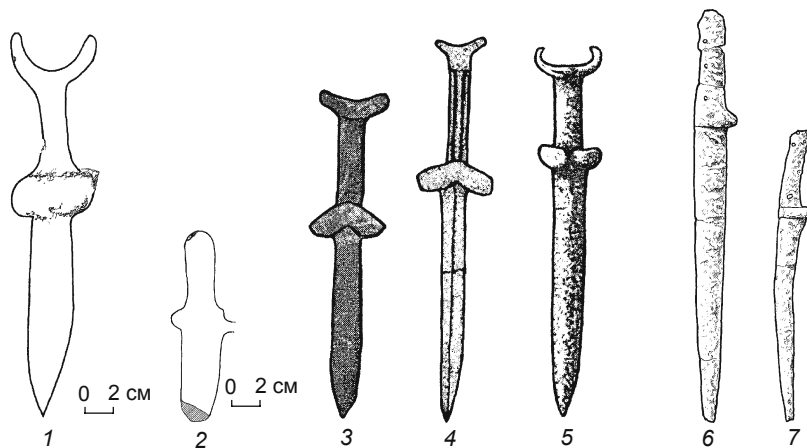

Рис. 4. Кинжалы, изображенные на первом и втором сартоганских изваяниях, и их аналогии.

1 – второе сартоганское изваяние; 2 – первое сартоганское изваяние; 3 – Бесоба (по: [Кадырбаев, Курманкулов, 1977, рис. 2, 8]); 4 – Иссык-Куль (по: [Иванов, 2008, с. 41, рис. 1, б]); 5 – Приозерный (по: [Кокуркина, 2007, рис. 2, 7]); 6 – Федоровка (по: [Мелюкова, 1964, табл. 19, 9]); 7 – Софиевка (по: [Там же, табл. 19, 10]).

лее близко к рассматриваемому изображению кинжала с антенновидным (серповидным?) навершием на изваянии из г. Степногорска [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 182]. Оружие показано на уровне пояса наклонно, рукоятью влево (с позиции изображенного персонажа). Перекрестье не отображено, но по пропорциям степногорский кинжал близок сартоганскому. В подписи к рисунку изваяния, определяемого авторами публикации как «сакское», значится дата – VI–V вв. до н.э.

Сартоганский кинжал необходимо сопоставить с клинковым оружием прохоровского типа, запечатленным на «сарматских» изваяниях Арало-Каспийского региона, датирующихся IV–II вв. до н.э. [Ольховский, 2005, с. 145]. Оно представлено однотипными мечами и кинжалами. Меч выбит на передней грани изваяния, кинжал – на боковой (за исключением редких случаев изображения пары кинжалов). Меч, направленный рукоятью к правой руке фигуры, показан ниже пояса в горизонтальном положении или с наклоном в сторону острия. Кинжал изображен на правом бедре вертикально, рукоятью вверх. В конструкции клинкового оружия, согласно В.С. Ольховскому, преобладают антенновидные и серповидные навершия (редки прямые, кольцевидные или когтевидные), узкие перекрестья – прямые, брусковидные [Там же, с. 144]. Мечи и кинжалы, как, впрочем, и иные атрибуты, воспроизведены в деталях. Во многом это объясняется свойствами легко поддающегося обработке исходного материала – известняка. Плоский облик многих «сарматских» изваяний, по мнению исследователей, также обусловлен природной плитовидной формой камня [Самашев и др., 2007, с. 211]. Клинковое оружие изображено в ножнах, нередко с бутеролями. На ножнах бывает воспроизведена грань [Там же, с. 248] или продольная рельефная полоска, по определению В.С. Ольховского, «нервюра клинка» [2005, с. 144]. Поскольку «нервюра» проходит и через бутероль, то, скорее всего, это элемент оформления ножен. Тщательно передана система подвески, однако не на всех изваяниях, положение оружия которых ее предполагает.

Хотя кинжал, запечатленный на первом сартоганском изваянии (рис. 4, 2), отличается от изображенного на втором, совместное нахождение этих изваяний *in situ* требует подробно рассмотреть его. Кинжал показан подвешенным к поясу на одном «ремешке» (длина 4 см, ширина 0,8 см), почти горизонтально, с небольшим наклоном к острию. Его общая (реконструируемая) длина ок. 13 см, рукояти – примерно 5 см, ширина перекрестья до 1,7 см, оно выдается с одной стороны на 0,8 см. Рукоять шириной ок. 2 см слегка сужается к перекрестью, а ее завершение скруглено. Окончание рельефа кинжала повреждено сколом, но при протирке выявляются округлые очертания. Эта деталь, наряду с «ремешком», может означать, что изображено оружие в ножнах. Обращает на себя вни-

мание односторонний выступ перекрестья, возможно свидетельствующий об однолезвийности клинка.

По мнению С.В. Махортых и С.А. Скорого, клинковое оружие скифского типа без навершия появляется в начале VII, возможно, в конце VIII в. до н.э. на Кавказе. Его распространение на запад и восток могло быть обусловлено активностью степных скифов или конвергентным развитием вооружения [Махортых, Скорый, 1986, с. 76]. Плохо сохранившийся кинжал без навершия, с перекрестьем, сходным с сердцевидным, найден в кург. 2 могильника Карсакбас в бывшей Тургайской обл. [Таиров, Боталов, 1996, с. 175, рис. 2, 8]. А.Д. Таиров и С.Г. Боталов отмечают, что по форме рукояти и перекрестья он близок к мечам и кинжалам без навершия, датируемым VI–V вв. до н.э. [Там же, с. 166].

С учетом предполагаемой однолезвийности клинкового оружия, воспроизведенного на первом сартоганском изваянии, аналогии находим в опубликованном А.И. Мелюковой своде скифского оружия среди семи однолезвийных мечей без навершия, три из которых датируются IV–III вв. до н.э. [1964, табл. 19]. Так, наблюдается сходство форм перекрестий сартоганского кинжала и меча начала IV в. до н.э. из кургана в урочище Круглик у с. Федоровка [Там же, табл. 19, 9] (рис. 4, б). Небольшой изгиб «ножен» на изваянии, кажется, соответствует вогнутости лезвия короткого меча из погребения у с. Софиевка [Там же, табл. 19, 10] (рис. 4, 7). (Кстати, А.И. Мелюкова отмечает также небольшую выпуклость спинки федоровского меча.) По поводу отнесения А.И. Мелюковой софиевского экземпляра (его длина 41 см) к мечам заметим: это не бесспорно, поскольку, согласно ее высказыванию, «кинжалы имели длину от 17 до 40 см», а большинство мечей – от 50 до 70 см [Там же, с. 46]. Вслед за В. Гинтерсом исследовательница считает, что однолезвийные мечи появляются у скифов «как результат влияния махайры на обычные скифские формы» [Там же, с. 60].

Подтверждение факту существования клинкового (не однолезвийного) оружия без навершия С.В. Махортых и С.А. Скорый находят в изобразительных памятниках: меч всадника на бляхе со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I [Махортых, Скорый, 1986, с. 76, рис. 2]. Относительно датировки таких блях нет единодушия: она колеблется в пределах V–III вв. до н.э. [Грязнов, 1961, с. 21, 25; Артамонов, 1971, с. 86; Махортых, Скорый, 1986, с. 76–77]. Более конкретную дату их создания (первая половина III в. до н.э.) обосновал М.И. Артамонов [1971, с. 90]. Между тем С.В. Махортых и С.А. Скорый считают, что у изображенного меча не прямое, а почковидное перекрестье и бляхи следует датировать более ранним временем [Махортых, Скорый, 1986, с. 77].

В предметном наборе известных науке «сарматских» изваяний однолезвийное оружие не встречено.

Чекан. Идентификация изображенного на втором сартоганском изваянии чекана (рис. 5, 1) с реальным оружием затруднена. Во-первых, воспроизведен лишь абрис. Во-вторых, форма чекана искажена вследствие того, что рельеф участка бойка (близ острия) пришелся на ребро монолита. На копии, сделанной способом протирки, видно: конец бойка загнут вверх – деталь, несообразная с функцией этого предмета наступательного вооружения.

Общая длина чекана 20,5 см, обушка – ок. 6, бойка – до 11 см (в т.ч. острия – примерно 2,5 см). Ширина клинка почти на всем протяжении 2,5 см, возле острия – ок. 3 см. Окончание обушка скруглено, при этом слегка скошено сверху вниз. Вверху между обушком и бойком имеется дуговидный выступ длиной 4,5 см, высотой ок. 0,5 см. Четкой границы между основанием чекана и рукоятью нет. Изображение рукояти частично разрушено, ее толщина, по-видимому, составляла ок. 4 см. Чекан, подобно кинжалу на этом же изваянии, показан висющим (на поясе) без воспроизведения деталей, характеризующих способ крепления.

Чекан, скорее всего, не проушной, иначе верхний конец рукояти, судя по алтайским проушным чеканам

с остатками рукоятей [Кубарев, 1987, рис. 33; 1991, рис. 18], а также изображениям оружия этого типа, например, в горах Кулжабасы [Самашев, 2011, рис. 17–19]*, должен был выдаваться сильнее. Выступ между бойком и обушком, возможно, передает верхний край втулки или выпуклый щиток над ней, хотя нижний край втулки не выделен.

Значительная ширина клинка позволяет допустить существование плоского прототипа, точнее, плоско-ромбического в сечении, т.к. треугольное острие плоского клинка, на наш взгляд, требует наличия ребра жесткости. С учетом этого в качестве аналога можно привести случайную находку с «территории савроматов» – бронзовый чекан из с. Красный Яр бывшего Самарского уезда [Смирнов, 1961, рис. 42, 1] (рис. 5, 3). К.Ф. Смирнов предположил его сибирское (тагарское) происхождение, указав на чуждость данного вида оружия савроматам [Там же, с. 74]. Согласно М.В. Горелику, чекан из Красного Яра датируется VI–V вв. до н.э. [1993, с. 273]. Он сходен с изображенным на изваянии по соотношению размеров бойка и обушка (примерно 2:1), очертаниям их окончаний, хотя у сартоганского заостренный конец короче.

Возможен и иной вариант реконструкции прототипа в связи с тем, что треугольный абрис острия на втором сартоганском изваянии напоминает граненый конец бойка массивных чеканов. Примером может служить бронзовый чекан из кург. 1 могильника Алыпкаш, который, по мнению А.Д. Таирова, датируется VII в. до н.э. и «не находит прямых аналогий ни в тагарских, ни в ананьинских памятниках» [2007, с. 147, рис. 47, 2] (рис. 5, 4). Все же он больше, чем красноварский, отличается от сартоганского, например, прямоугольным окончанием обушка, пропорциями (клинок несколько уже, боек длиннее), а также изогнутостью и огранкой бойка.

Изображенный на втором сартоганском изваянии чекан следует сопоставить с запечатленным на первом (рис. 5, 2). Его общая длина 11 см, обушка – 3, бойка – 7,2 см (в т.ч. острия – 2,5 см). Ширина обушка с прямоугольным окончанием до 1,8 см, бойка – 1,9–2,2 см (наименьшая около рукояти, наибольшая в месте перехода к острию). Рукоять длиной 11 см слегка расширяется к скругленному окончанию (толщина у основания чекана 1,0 см, на конце – 1,4 см). Чекан показан висющим на «ремешке» длиной 3,5 см, шириной 0,6–0,8 см. В отличие от второго изваяния, на первом он повернут острием к тыльной стороне фигуры.

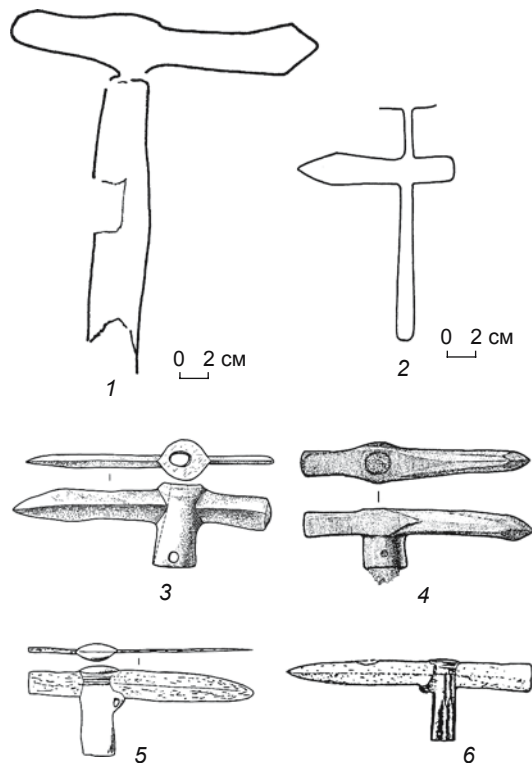

Рис. 5. Чеканы, изображенные на первом и втором сартоганских изваяниях, и их аналоги.

1 – второе сартоганское изваяние; 2 – первое сартоганское изваяние; 3 – Красный Яр (по: [Смирнов, 1961, рис. 42, 1]); 4 – Алыпкаш (по: [Таиров, 2007, с. 147, рис. 47, 2]); 5 – Тобол (по: [Членова, 1981, рис. 1, б]); 6 – Донецкая обл. (по: [Алексеев, 2003, рис. 4, 8]).

*3.С. Самашев на основании того, что вооружение одного из двух персонажей состояло из проушного клиновидного (?) чекана со скошенным обушком и небольшого щита прямоугольной формы, датировал батальную сцену петроглифов Кулжабасы V–III вв. до н.э. [2011, с. 61].

Ввиду уменьшенных размеров первого сартоганского изваяния и диспропорции изображенных на торсе кистей рук размеры атрибутов тоже вряд ли соответствуют действительным. При этом отметим, что чеканы, запечатленные на первом и втором изваяниях, близки по соотношению длины бойка и обушка, оба имеют треугольное острие (более длинное у первого) и расширение бойка при переходе к острию (менее выраженное у второго). Клинок чекана первого сартоганского изваяния значительно шире (если сопоставить с учетом пропорций). Как отмечалось в предварительной публикации, возможно, в данном случае воспроизведен биметаллический образец [Ермоленко, Курманкулов, 2011а, с. 254]. Так, обнаружено определенное сходство с двумя такими чеканами: с правого берега р. Тобола [Членова, 1981, рис. 1, 6] (рис. 5, 5) и из Донецкой обл. [Алексеев, 2003, рис. 4, 8] (рис. 5, 6). Оба имеют прямоугольное окончание обушка, симметричное острие, близкое соотношение длины обушка и бойка. Есть и различия: боек биметаллических чеканов не расширен при переходе к острию, на изображении нет петлевидной детали между основанием бойка и втулкой, а также продольной грани (ребра жесткости). А.Д. Таиров уточняет датировку биметаллических чеканов (первая половина VII в. до н.э.) и объясняет их распространение на Северном Кавказе, в Южном Приуралье, Восточном Приаралье, Западной Сибири связями с Прикамьем [2010, с. 102, 103].

Что касается изобразительных аналогий, то среди ударного оружия, запечатленного в скифской антропоморфной скульптуре, вряд ли можно обнаружить сколько-нибудь точное подобие сартоганских чеканов*, как и в числе «боевых топоров», рисунки которых приведены А.И. Мелюковой в своде скифского оружия [1964, табл. 21]. Все же важен факт распро-

странности этого атрибута в иконографии скифских изваяний. Предметы вооружения ударного действия (топоры, секиры, клевцы) входят в предметный репертуар ранней (VII–VI и VI–V вв. до н.э.) хронологической группы скифской скульптуры и являются ее индикаторами [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 71]. Идентичный способ ношения оружия такого рода (на правом боку, «рукоятью вниз, острием вперед») запечатлен на скифских и втором сартоганском изваяниях [Там же]. Обратная направленность острия на первом сартоганском изваянии соответствует положению «топора или клевца», изображенного на скифской скульптуре третьей четверти VI в. до н.э. из Куцеволовки [Там же, ил. 45, 78].

Среди атрибутов «сарматских» изваяний IV–II вв. до н.э. ударное оружие не представлено. Как узкий чекан можно определить Т-образный предмет, изображенный на скульптуре из Карамунке [Ольховский, 2005, ил. 150]. Он расположен рукоятью вверх в правой части передней грани. Конец рукояти достигает пояса. Чеканом и поясом ограничивается набор предметов, воспроизведенных на данном изваянии с отбитой головой.

Таким образом, попытки соотнести атрибуты второго сартоганского изваяния с археологическим материалом (вещественным и изобразительным) из евразийских памятников раннего железного века, с одной стороны, продемонстрировали своеобразие высеченных на нем кинжала и чекана, с другой – позволили обнаружить определенное сходство изображенных предметов вооружения с находками VI–V вв. до н.э. Частичные аналогии с оружием подобного вида, воспроизведенным на первом сартоганском изваянии, имеют более широкие хронологические рамки – от VII до IV–III вв. до н.э. Однако такое расхождение дат не согласуется с указанными выше условиями обнаружения этих изваяний. Поскольку оба лежали возле одного кургана, они первоначально могли входить в состав одного археологического комплекса, быть одновременно и однокультурными.

Возможно, поиск более точных аналогий осложняется обстоятельством, отмеченным А.Ю. Алексеевым для скифских изваяний: изображения акинаков на них не соответствуют полностью реальным образцам ввиду отсутствия «дополнительных деталей», например, стилизованных изображений глаз в основании антенновидных наверший [1991, с. 275]*. Атрибуты большинства скифских изваяний, изготовленных из песчаника, как и сартоганских, также созданных из мелкозернистого камня, как правило, воспроизведены обобщенно.

*Ранее нами было указано на некоторое сходство очертаний чекана, изображенного на первом сартоганском изваянии, и высеченного на скифской скульптуре из Кожемяк (конец VI – начало V в. до н.э.) ударного оружия, которое определяется В.С. Ольховским как «боевой топор или клевец» [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 21, ил. 20, 33; Ермоленко, Курманкулов, 2011а, с. 254]. Однако в работе В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова на рисунке в сводной таблице ударного оружия боек у этого топора/клевец скошен [1994, табл. 16, 33], так же как на профильном изображении изваяния, а на виде анфас он выглядит симметрично заостренным [Там же, ил. 20, 33]. К сожалению, у нас нет возможности сверить рисунок с оригиналом. Однако, зная, какое значение придавал В.С. Ольховский созданию точных прорисовок [2000, с. 254], можно предположить, что такое несоответствие объясняется перспективным искажением барельефной детали, выполненной на поверхности объемной фигуры. Форма чекана на профильном рисунке первого сартоганского изваяния и отдельной копии, сделанной способом протирки, отличается по указанной причине.

*Добавим, что железные акинаки бывают значительно видоизменены коррозией, их навершия не всегда сохраняются, к тому же кованые изделия так или иначе отличаются друг от друга.

**Своеобразные атрибуты изваяний
раннего железного века из Сары-Арки
и проблема сходства
со скифской скульптурой**

Второе сартоганское изваяние, на наш взгляд, может быть включено в сары-аркинскую группу скульптур раннего железного века. Набор изображенных на нем предметов вооружения такой же, как на первом. В свою очередь, положение рук первого сартоганского изваяния (преувеличенно большие кисти с расставленными пальцами прижаты одна к груди, другая к животу) аналогично (хотя и зеркально) позиции рук изваяния из урочища Айбас-Дарасы [Ермоленко, Курманкулов, 2011б, рис. 1, 3, 4]. Эта деталь иконографии и видовой состав изображенного оружия находят аналогии в скифской скульптуре [Там же, с. 158].

Судя по кинжалу с антенновидным навершием, общность со вторым сартоганским изваянием проявляет степногорское. Наличие у последнего прически – изображения пучка волос на макушке («чуб», «оселедец», «айдар») – подтверждает наше предположение о принадлежности к данной группе скульптур раннего железного века обломка изваяния с «чубом» из Карагандинского музея [Там же, рис. 1, 1]. На нем также акцентированы крупные уши почковидной формы, переданные замкнутым валиком.

В музее Улытауского заповедника экспонируется еще одно, тоже обломанное по пояс, изваяние с «чубом», которое было привезено в 2004 г. Ж.К. Курманкуловым из пос. Егинды Улытауского р-на. Оно было найдено при вспашке поля, где именно, уточнить не удалось. Это изваяние обнаруживает сходство со вторым сартоганским по цвету и структуре камня, а также форме сечения в месте разлома.

Егиндинское изваяние представляет собой изображение головы человека. Слитным Т-образным барельефом переданы брови и нос. Форма головы и абрис лица создают впечатление, что лицо показано в обрамлении глубокого головного убора, наподобие капюшона (рис. 6, а). Однако с этим явно не соотносятся большие уши, которые стилизованы скобовидными валиками (рис. 6, б)*. На голове барельефом изображен «чуб» «колбообразных» очертаний: от округлой, слегка выступающей на макушке плоскости к затылку отходит сужающаяся барельефная полоса (рис. 6, в). Симметричное расположение пучка волос на голове является особенностью иконографии егиндинского изваяния, тогда как у карагандинского и степногорского «чуб» изогнут и

уложен соответственно на правую и левую сторону. Совокупность таких признаков скульптурного изображения из Егинды, как прямая прядь волос, уши и своеобразный способ оформления лица и головы, вызывающий ассоциацию с головным убором, имеет соответствие в иконографии скифских изваяний из Куцеволовки (Причерноморье, третья четверть VI в. до н.э.) и Манычской (Северный Кавказ, конец VII – третья четверть VI в. до н.э.) [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 45, 78; 89, 154] Сочетание подобных элементов на них трактуется исследователями как «шлем кубанского типа» [Там же, с. 27, 39, 67]*. Заметим, что и Т-образное изображение бровей и носа егиндинского изваяния находит аналогии в скифской скульптуре [Там же, ил. 9, 12; 22, 38; 42, 75].

На передней и левой боковой гранях егиндинского изваяния под выемкой, разделяющей голову и торс, высечен валик, который разомкнут под подбородком и сужается к окончанию, расположенному ниже левого уха. На стыке передней и правой боковой граней он изгибается книзу, а на самой правой грани почти не прослеживается из-за скола. Что этот валик передает, сказать сложно. Вероятно, не гривну, поскольку он не только разомкнут спереди, но и не показан сзади**. Хотя В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов трактовали как гривну несомкнутый на передней и тыльной сторонах шеи валик на скифском изваянии IV в. до н.э. из Крыма [Там же, ил. 64, 107].

Кроме перечисленных выше черт иконографического сходства сары-аркинских изваяний со скифскими, нами ранее отмечались и другие. Это значительная ширина боковых граней, характерный профиль головы: плоское лицо, округло моделированные макушка и затылок [Ермоленко, Курманкулов, 2011б, с. 156, 158].

Второе сартоганское изваяние дало новый материал для сравнения со скифской скульптурой – совокупность реалий. Напомним, что в его иконографии соединены оружейные (кинжал и чекан) и телесные (фаллос и ягодицы) атрибуты. Подобное сочетание встречается только на скифских изваяниях (вместо чекана – свойственные им разновидности ударного оружия). В Причерноморье это скульптурные изображения из Кожемяк (конец VI – начало V в. до н.э.) и Нововасильевки (первая треть V в. до н.э.), на Северном Кавказе – из Прохладного (первая половина VI в. до н.э.), возможно, из Бесскорбной (вторая половина VI в. до н.э.) [Ольховский, Евдокимов, 1994,

*Не исключено, что «уши» и «чуб» куцеволовского и манычского изваяний – имитация, декоративная деталь головного убора.

**Вряд ли это изображение ключиц, которые, судя по известным нам произведениям древнего искусства, не акцентировались.

*Таким образом, у всех трех сары-аркинских изваяний с «чубом» показаны крупные уши. На степногорском изваянии, судя по опубликованному рисунку, они кольцевидные.

Рис. 6. Изваяние из пос. Егинды.

ил. 20, 33; 10, 15; 85, 147; 72, 120]. На некоторых таких изваяниях из Причерноморья ягодицы намечены выступом на тыльной грани [Там же, ил. 41, 74; 46, 79]. На ряде скифских скульптур встречается неполный набор указанных атрибутов [Там же, ил. 14, 20; 53, 90; 69, 117]. Сходным образом стилизованы фаллос и тестикулы на изваянии с «топором или секирой» из Сибиоары (первая половина VI в. до н.э.) [Там же, ил. 1, 1] и на втором сартоганском.

На «сарматских» скульптурах Арало-Каспийского региона фаллос и ягодицы не изображались. Воспроизведение этих телесных признаков отмечено С.Ю. Гуцаловым и А.Д. Таиловым на более ранних, по сравнению с «сарматскими», изваяниях западной части урало-казахстанских степей – из Кашкантау (конец VI – первая половина V в. до н.э.) и Ильинки [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 239; Таиров, Гуцалов, 2001, рис. 1, 2, 4]. По их мнению, кашкантауское изваяние с изображением фаллоса* обнаруживает «следы влияния скифской изобразительной традиции» [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 247]. В.С. Ольховский отнес его в числе семи поволжско-южноуральских памятников к группе «скифоидных» [2005, с. 141–142].

Заключение

Второе сартоганское изваяниеполнило недавно выделенную группу скульптур раннего железного века из Сары-Арки. Пока их всего шесть: четыре обнаружены в долинах горного массива Улытау (урочища Сартоган и Айбас-Дарасы, пос. Егинды), одно – око-

ло г. Степногорска, еще одно непаспортизованное хранится в музее г. Караганды. За исключением степногорского, сары-аркинские изваяния раннего железного века не сохранились целиком, но даже их обломки обладают признаками, нехарактерными для многочисленной средневековой скульптуры.

Изваяния раннего железного века из Сары-Арки отличаются от древнетюркской и кыпчакской скульптуры казахстанских степей не только иконографией и предметным репертуаром (по терминологии В.С. Ольховского), но и материалом. Если средневековые преимущественно высечены из розового средне- и крупнозернистого камня, то для изготовления изваяний раннего железного века использовался мелкозернистый камень грязно-сиреневого или коричневого цвета. Своеобразен их абрис: у всех широкие боковые грани, а у степногорского и карагандинского – вогнутый или плоский профиль лица, контрастирующий с объемной моделировкой головы.

По причине парциальности скульптур нельзя судить об иконографии в целом, только о ее элементах и их сочетании. У двух изваяний (первое сартоганское и айбас-дарасинское) зафиксирована одинаковая, но зеркальная позиция рук, кисти с расставленными пальцами гипертрофированы, одна из них прижата к груди, другая – к животу. Положение рук степногорской скульптуры неясно (сведены на животе?). Возможно, изваяния, представленные обломком верхней части (карагандинское и егиндинское), изначально были погрудными изображениями.

Реалии сары-аркинской скульптуры раннего железного века специфичны. Оригинальный атрибут – «чуб» – отмечен на трех изваяниях: карагандинском, егиндинском и степногорском. Своеобразны формы оружия – чеканов с широким профилем, соотношение бойка и обушка которых составляет примерно 2:1; кинжалов

*В.С. Ольховский ставил под сомнение достоверность передачи этой детали из-за «схематизма прорисовки» [2005, с. 142].

с антенновидным навершием (один из них с широким овальным перекрестьем), клинкового оружия без навершия на рукояти, по-видимому однолезвийного.

Аналогии между изображенным на изваяниях и реальным оружием в археологических материалах частичные, но в совокупности с данными иконографии, демонстрирующими близость к скифским изваяниям (причерноморским и северокавказским), они позволяют отнести сары-аркинскую группу к сакскому времени. Культурную принадлежность этих изваяний, ввиду своеобразия их реалий, пока не представляется возможным установить. Можно лишь констатировать известный факт: в сакскую эпоху территория Улытау, где найдены *in situ* сары-аркинские изваяния, входила в ареал тасмолинской культуры [Восточная Сары-Арка..., 2004, с. 219].

Список литературы

- Акишев К.А., Хабдулина М.К.** Древности Астаны: городище Бозок. – Астана: Евраз. нац. ун-т, 2011. – 260 с.
- Алексеев А.Ю.** Этнод об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР. Ленингр. науч.-исслед. археол. объединение, 1991. – С. 271–280.
- Алексеев А.Ю.** Хронография европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Артамонов М.И.** Композиции с ландшафтом в скифосибирском искусстве // СА. – 1971. – № 1. – С. 82–92.
- Восточная Сары-Арка:** Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – 564 с.
- Горелик М.В.** Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993. – 349 с.: ил.
- Грязнов М.П.** Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – 1961. – Вып. 3. – С. 7–31.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 226–251.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Изваяние раннего железного века из музея Улугтауского заповедника (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения – 2011: мат-лы Междунар. археол. конф., Астана, 20–22 апреля 2011 г. – Астана: Евраз. нац. ун-т, 2011а. – С. 253–256.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири: К 80-летию Я.А. Шера. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2011б. – С. 156–161.
- Иванов С.С.** Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 37–41.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – С. 103–115.
- Ковалев А.А.** Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 25–76.
- Кокуркина О.В.** Территория и время бытования ранних диагональных погребений // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2007. – № 2. – С. 195–210.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Леус П.М.** Каменные стелы из Хаккари (Турция) и некоторые параллели к ним // Археологические вести. – 2007. – Вып. 14. – С. 56–61.
- Махортых С.В., Скорый С.А.** Мечі та кинджали скифського часу без наверхів // Археологія. – 1986. – № 56. – С. 72–78.
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 91 с. – (САИ; вып. Д 1–4).
- Ольховский В.С.** Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 252–276.
- Ольховский В.С.** Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.: 156 ил.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.** Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. – М.: ИА РАН; Ин-т археологии АН Украины, 1994. – 188 с.
- Самашев З.** Об одной батальной сцене петроглифов раннего железного века из Кушабасы в Жетысу // Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «III Оразбаевские чтения». 29–30 апреля 2011 г. – Алматы, 2011. – С. 55–74.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.** Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы: Актауский гос. ун-т им. Ш. Есенова, 2007. – 400 с.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 162 с. – (МИА; № 101).
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – 274 с.: ил.
- Таиров А.Д.** Биметаллический чекан из Южного Зауралья // Челябинский гуманитарий. – 2010. – № 4 (13). – С. 101–108.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.** Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 164–175.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю.** О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 161–168.
- Членова Н.Л.** Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 4–42.

Материал поступил в редколлегию 02.03.12 г.,
в окончательном варианте – 07.06.12 г.

УДК 903.2

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН
 Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия
 E-mail: ivkovtun@mail.ru

«КОННОГОЛОВЫЕ» ЖЕЗЛЫ И КУЛЬТ КОНСКОЙ ГОЛОВЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

Статья посвящена семантике жезлов со скульптурным изображением головы коня. Они найдены в степном и лесостепном Обь-Иртышье и датируются началом – первой половиной II тыс. до н.э. Выделяются стилистически ранние и поздние изделия. Проводятся параллели с сибирскими этнографическими материалами и мифологическими сюжетами индоевропейских народов. Для интерпретации жезлов привлекаются индоарийские смысловые планы ведийской мифологической традиции. Предполагается причастность семантического ряда «конноголовых» каменных жезлов и бронзового сейминско-турбинского навершия к мировоззренческой доктрине носителей индоарийских диалектов.

Ключевые слова: жезл, Обь-Иртышье, индоарии, Ригведа, конноголовый, мифология.

Жезлы и навершия

Каменные жезлы со скульптурным изображением головы лошади найдены на Алтае, в Восточном Казахстане и Омской области (рис. 1, 1–4). Еще один своеобразный экземпляр обнаружен в Челябинской области (рис. 1, 5). За исключением шипуновского комплекса, местонахождения подобных изделий не пересекаются с ареалом жезлов с изображением головы барана-аргали, а также в виде змеи или рыбы [Ковтун, 2009, с. 401–403, 407–408].

Рассматриваемые жезлы связаны с изобразительными традициями степных культур Северо-Западной Азии переходного времени от ранней к развитой бронзе. При аргументации сейминско-турбинской принадлежности некоторых из них отмечалось сходство экстерьера лошади, запечатленной на этих изделиях и на ножах из Сеймы, Ростовки, Елунина I и Усть-Муты. Затем перечень параллелей дополнили северо- и центрально-азиатские петроглифы (рис. 2, 6–13), скульптурка на булавке из Зардча-Халифа и изображение на бактрийском «церемониальном топоре» [Кузьмина, 1994, с. 264] или «секире» [Савинов, 2000, с. 180–181,

рис. 3, 6, 9, 11, 12] (рис. 2, 2). Но по изобразительным параметрам и экстерьеру последнее сопоставимо лишь с изображениями на жезлах из Омской обл. и с р. Бухтармы под г. Усть-Каменогорском (см. рис. 1, 3, 4). Их объединяет нависающая над лбом «челка», отсутствующая на жезлах из Шипунова V и Семипалатинской обл. (см. рис. 1, 1, 2). Стилистически близкое изображение лошади с «челкой» имеется на маргианской цилиндрической печати, которой орнаментирован сосуд из Таип-депе-1 [Масимов, 1981, с. 143–147, рис. 12; Сарияниди, 1986, с. 41, 43, рис. 8, 14] (см. рис. 2, 1). И.С. Масимов полагает, что здесь запечатлен лев. Но на этом сосуде есть изображение льва с другой цилиндрической печати, существенно отличающееся от рассматриваемого [Масимов, 1981, с. 144–147, рис. 10–12; Сарияниди, 1986, с. 43, рис. 8, 13, 14]. Поэтому нет оснований считать последнее изображением льва. Аналоги оттискам на сосуде из Таип-депе-1 известны в материалах поселения Телл-Римака (Месопотамия), они датированы среднеассирийским периодом – 1 300–1 000 гг. до н.э. [Масимов, 1981, с. 149]. К близкому времени следует отнести и изображение лошади с нависающей «челкой» на этом сосуде.

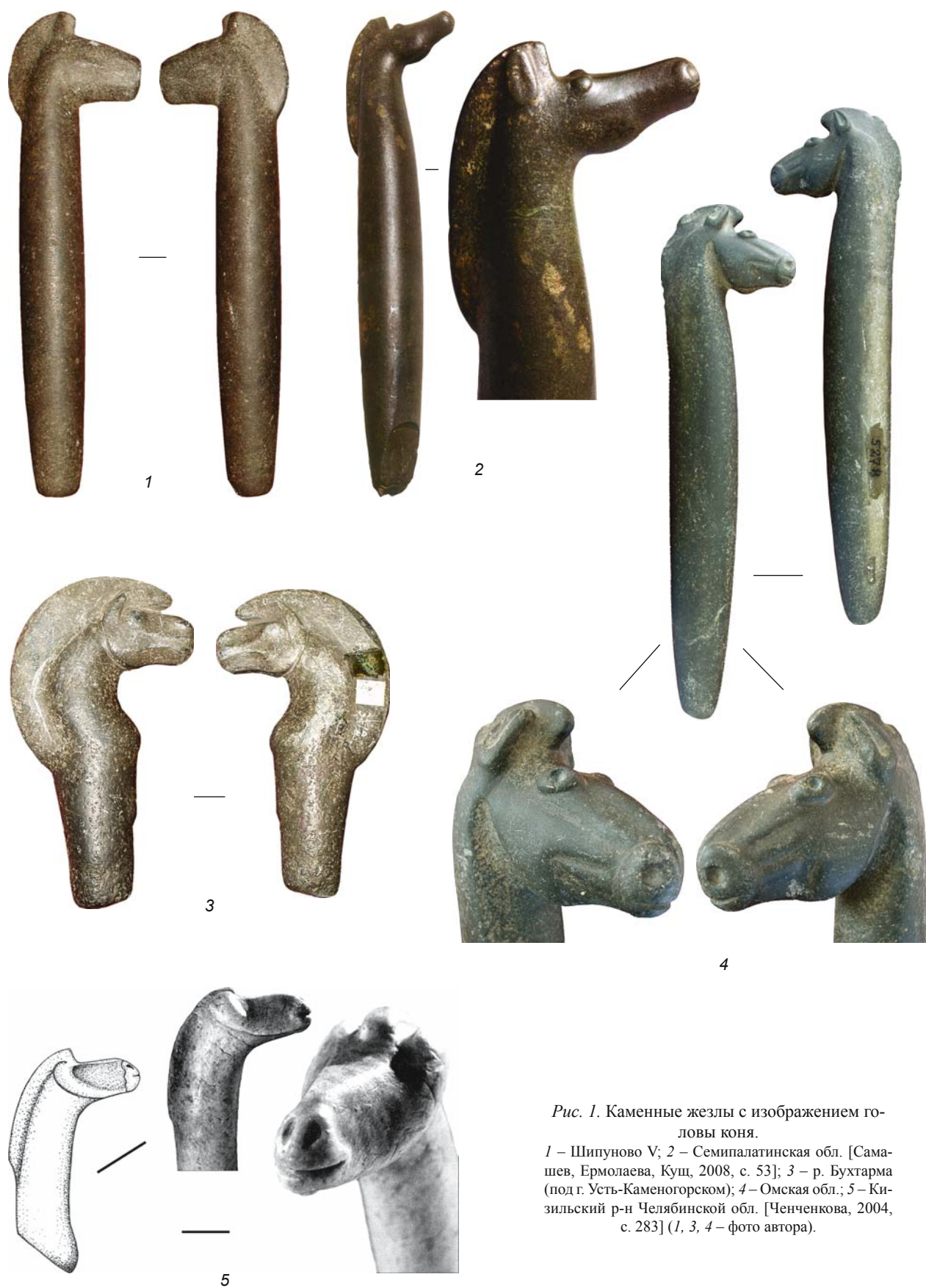

Рис. 1. Каменные жезлы с изображением головы коня.

1 – Шипуново V; 2 – Семипалатинская обл. [Самашев, Ермолаева, Куц, 2008, с. 53]; 3 – р. Бухтарма (под г. Усть-Каменогорском); 4 – Омская обл.; 5 – Кизильский р-н Челябинской обл. [Ченченкова, 2004, с. 283] (1, 3, 4 – фото автора).

Рис. 2. Изображения коня на изделиях и петроглифах эпохи бронзы.

1 – Маргиана [Сарианиди, 1986, с. 43, рис. 14]; 2 – Бактрия [Кузьмина, 1994, с. 264]; 3 – Мыншункур [Ковтун, 2008, с. 96, рис. 1, 1]; 4 – с. Чарышское [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 51, рис. 1, 2]; 5 – г. Шемонаиха (фото С.П. Грушина); 6 – Байконур Б [Новожинов, 2002, с. 69, табл. 2, 5.1]; 7 – Сагыр I [Самашев, 1992, с. 21, рис. 11]; 8, 10 – Мойнак [Там же, с. 40, рис. 46; с. 44, 45, рис. 51, 52]; 9 – Читыхысский чаатас [Миклашевич, 2007, с. 54, рис. 2, 6]; 11 – Саймалы-Таш [Миклашевич, 2010, с. 137, табл. I, 7]; 12 – Цагаан-Салаа I [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 169, рис. 89]; 13 – Цагаан-Гол [Jacobson-Tepfer, Kubarev, Tseveendorj, 2007, p. 103, fig. 1]; 14 – юго-запад Тувы [Чугунов, 1997, рис. 13].

Сравнение изображений лошади с выраженной «челкой» на жезлах с петроглифами и металлопластикой эпохи поздней бронзы (см. рис. 2, 3–13) свидетельствует о хронологической тенденции в стилизации образа. Чем длиннее, объемнее и вычурнее «челка», тем вероятнее более позднее время создания изображения. Это удостоверяют хронологически показательные постсейминские кинжалы из г. Шемонаихи и с. Чарышского со скульптурками лошадей с нависающими над мордами «челками» (см. рис. 2, 4, 5). Финал такой стилизации олицетворяет скульптурная группа на рукояти раннескифского кинжала из

Юго-Западной Тувы (см. рис. 2, 14). «Слившиеся» с ухом удлиненные «челки» обеих лошадей декоративно гипертрофированы. Они демонстрируют вырождение подобной манеры изображения удлинено-нависающей «челки» лошади. Поэтому жезлы из Омской обл. и с р. Бухтармы, на которых показана нависающая «челка», стилистически позднее экземпляры из Шипунова V и Семипалатинской обл. без этой детали. Отмечая особенности шипуновского жезла, Ю.Ф. Кирюшин также констатирует, что он «выглядит явно древнее всех остальных» [2002, с. 56, 89].

Между сейминско-турбинской металлопластикой и жезлами с изображением головы лошади существуют неоспоримые иконографические различия. На сейминском и ростовкинском навершиях уши или выступают над гривой, или прижаты к голове и обращены назад. На каменных жезлах они не выступают над гривой и либо перпендикулярны морде (см. рис. 1, 1, 2), либо обращены вперед (см. рис. 1, 3, 4). Последний прием сочетается с нависающей «челкой» и, вероятно, также является индикатором хронологически поздней иконографической манеры. Кроме того, гривы лошадей у скульптурок из Сеймы и Ростовки, а также из Елунина I и Усть-Муты отделаны поперечным рельефом. На жезлах ничего подобного нет, хотя техника их изготовления позволяла это сделать. Очевидно, причина имеющихся иконографических различий в неодинаковости содержания образов.

Происходящее из разрушенного сейминско-турбинского комплекса в окрестностях г. Омска бронзовое навершие в виде головы коня сопоставимо с рассматриваемыми каменными жезлами [Молодин, Нескоров, 2010, с. 68–69, рис. 18, 19] (рис. 3, 1). Но концептуально и конструктивно эти изделия далеко не одно и то же. Их ключевое различие состоит не в форме и не в материале, а в наличии втулки у омского экземпляра. По этому признаку он сравним с функционально и хронологически близким «конноголовым» навершием из Гонур-Депе (рис. 3, 2). Вероят-

но, втульчатые навершия в виде головы коня имеют собственную «генеалогическую» линию, безотносительно к каменным «конноголовым» жезлам и стилистике самих бронзовых изделий. Гораздо позднее ее проявления зафиксированы в составе тагарских древностей (рис. 3, 3).

Компаративистика и мифология

В эпоху бронзы сюжеты с образом коня в Северо-Западной Азии имели исключительно индоевропейские истоки. Версия тохарской (или прототохарской) миграции, связываемой с появлением афанасьевской культуры, вероятно, может претендовать на одно из возможных объяснений раннего пласта подобных представлений. Но «конноголовые» жезлы Северо-Западной Азии трудно соотнести как с афанасьевскими древностями, так и с передвижениями тохаров (прототохаров) на восток. Этому препятствует и отсутствие афанасьевских изображений лошади, тяглого-транспортную функцию которой у афанасьевцев, вероятно, выполняли быки. Связать «конноголовые» жезлы из степного и лесостепного Обь-Иртышья с протяженной тохарской миграцией невозможно ввиду сравнительной компактности их ареала.

По мнению Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, одновременно с тохарами, но уже на запад по восточному пути (через Среднюю Азию и Поволжье в Ев-

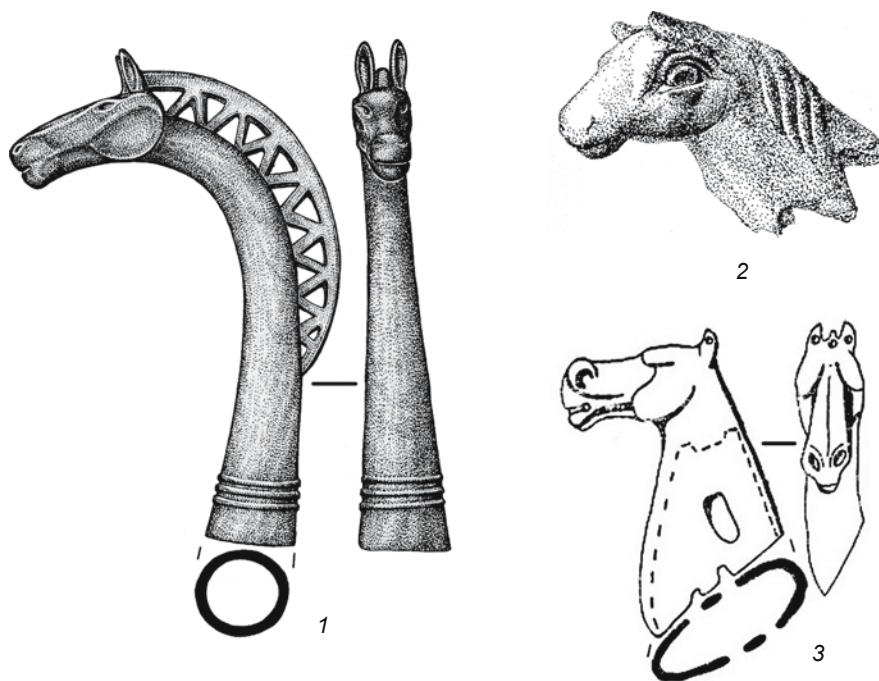

Рис. 3. Втульчатые навершия в виде головы коня.

1 – окрестности г. Омска [Молодин, Нескоров, 2010, с. 69, рис. 19]; 2 – Гонур-Депе [Аванесова, 2011, с. 113, рис. I, 8];

3 – Кызыл-куль, кург. 1, раскопки А.В. Адрианова [Членова, 1967, табл. 25, 5, 5а].

ропу) продвигались носители «древнеевропейских» (кельто-италийских, иллирийских, германских, балтийских, славянских) диалектов [1984, с. 938–939]. Из этих диалектов енисейскими языками заимствовано общеенисейское название кобылы, мерина, а «под влиянием индоевропейских культурных традиций у алтайских народов в древности возникает жертвоприношение коня, связываемое с культом бога Неба» [Там же, с. 939]. Е.Е. Кузьмина и Я.А. Шер также указывают, что образ коня и связанные с ним сюжеты в Северо-Западной Азии имеют исключительно индоевропейские истоки [Кузьмина, 1977, с. 36–37; Шер, 1993, с. 17]. Но источником данных заимствований, согласно гипотезе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, могли быть только «древнеевропейские» диалекты. Название лошади в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках, по мнению Е.Е. Кузьминой, восходит к той же индоевропейской [Кузьмина, 1977, с. 37], а точнее, «древнеевропейской» основе. При этом исследователями обосновываются лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими, из которых первые заимствовали термины типа **mork^[h]* – «конь» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 939]. О.Н. Трубачёв предлагал иную этимологию: «Кельто-германская изоглосса одного из названий лошади – **markos*, **markā* также лишена приписываемых ей неиндоевропейских ассоциаций (с монгольским, локализуемым в древности в Забайкалье, т.е. в немыслимой дали от индоевропейского, во всяком случае – от индоевропейских языков Европы). Более оправданно видеть и здесь древнюю инновацию европейского очага коневодства... Ср. царское имя *Thia-marcus* у агафирсов, явно включающее упомянутый конский термин, ср., с другим суффиксом, др.-инд. вед. *márya* – «жеребец» [2003, с. 159].

Появление за Уралом одомашненной лошади и мифологических сюжетов с образом коня могло быть следствием только исторически заметного процесса. Следующий за тохарским масштабный миграционный поток в Северо-Западной Азии связан с носителями индоарийских и древнеиранских диалектов. Но до этого в результате взаимодействия древнеиндоиранского диалекта с ближневосточными языками в них проникла сатемная форма индоиранского названия лошади (др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-*): шум. *si.si*, аккад. *sisū*, угар. *ssw*, др.-евр. *sūs* и др. Данное обстоятельство «свидетельствует об исключительной древности обособления древнеиндоиранского диалекта из греко-армяно-арийской общности» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 872–876, 914] и, вероятно, косвенно об индоиранских истоках коневодства в Волго-Уральском регионе и в Северо-Западной Азии. Поэтому, возможно, круг индоевропейских языков, на которых говорили создатели «конноголовых» жезлов, сужается до носителей индоиранских диалектов. Сле-

довательно, при интерпретации смыслового значения этих жезлов обоснованно обращение к источникам, представляющим индоиранский/индоарийский мифологический пласт.

Небезынтересны и вероятные дериваты указанных представлений, сохранившиеся у индоевропейских и сибирских народов. При описании обряда захоронения у аринцев и тубинцев Д.Г. Мессершмидт отметил особенность погребения воина: «Лучшую его лошадь закалывали, сдирали с нее шкуру с головой и помещали на палку, которую устанавливали на могиле». Схожий ритуал описывается и у «барабинцев» (из дневника Д.Г. Мессершмидта от 17 марта и 26 декабря 1721 г. в переводе З.Д. Титовой [2003]). У якутов кангаласский князец Мазары пользовался изображением лошади как знаменем [Бахрушин, 1987, с. 194]. При обращении к верхним злым духам якутские шаманы водружали на установленную листовенницу или кол череп лошади либо изображение мифического крылатого животного с лошадиной головой [Новик, 2004, с. 26]. Некоторые группы сибирских татар выставляли в качестве оберегов конские черепа [Очерки..., 1994, с. 353]. Бурятскими шаманами ««конь» – то есть шест с лошадиной головой – используется в экстатических танцах» [Элиаде, 2000, с. 433]. Обряд «оживления» таких тростей имел целью «превратить их в живых коней» [Прокофьева, 1981, с. 52], на которых шаман будет путешествовать в страну духов [Хангалов, 2004, с. 130, 136]. Возможно, этот обряд восходит к традиции изготовления «конноголовых» жезлов со схожей мифоритуальной функцией. П.П. Славнин привел примеры из якутской и шорской этнографии о замене шаманского бубна на палку с изображением головы лошади или ее атрибутами [1949, с. 125].

Перечисленные случаи главным образом связаны не с конем, а с его головой. Соответственно, и парциальность скульптурных изображений предполагает обращение только к тем сюжетам, где фигурирует конская голова в качестве самостоятельного персонажа, а не по принципу уподобления части целому. Рассматривая украинские сказки о «кобылячьей голове», Е.М. Мелетинский полагал, что «это чрезвычайно архаичный магический фетиш, скорее всего тотемистического происхождения. Культ коня и конского черепа, в котором якобы воплощен могущественный дух, играл существенную роль в первобытных обрядах различных народов. Сказка о кобылячьей голове первоначально, несомненно, изображала “посвящение”, приобретение духа-помощника» [2005, с. 167]. Магические способности «кобылячьей головы» описаны в русских сказках и в литовском предании о дыре в болоте, заткнутой большой конской головой. В.Ф. Миллер сопоставил этот сюжет с индийским названием входа в преисподнюю: «*vadavāmukha*» или «*vadavāvahtṛa*» – «кобыля пасть» [1876, с. 197–198].

В восточно-славянской сказке «кобылячья голова» представляется амбивалентным и пограничным персонажем. Первое требование «кобылячьей головы» к героиням заключается в открытии двери и пересаживании через порог. Разъединяющий и связующий мотив двери/порога – ключевой в интерпретации образа. Выполнившая просьбу девушка облагодетельствована, а проигнорировавшая – съедена [Народные русские сказки..., 1984, с. 119–120; Мелетинский, 2005, с. 167]. Функциональность «кобылячьей головы» связывается с образом хранительницы входа в царство мертвых [Бараг, Новиков, 1984, с. 462], олицетворяющего мотив соединения/разграничения реального и потустороннего миров.

Следы почитания индоевропейскими народами конской головы представлены в архаической римской обрядовой практике и в римских легендах, греческих «трапезах мертвых»; они сохранились у белорусов в Полесье, в аварском погребальном обряде и т.д. [Иванов, 1989, с. 79, 80, 83, 84]. В упомянутых «трапезах мертвых» – древнегреческих поминках – пиршество происходило перед головой лошади, что запечатлено на погребальных барельефах [Штернберг, 1916, с. 183]. На этих античных некродипах умерший представлялся пирующим в окружении семьи и прислуги, тут же присутствовали изображения конской головы и змеи [Фрейденберг, 1997, с. 62]. Е.Е. Кузьмина видит в них представление «о способности коня, особенно его головы, возродить человека» [1977, с. 42], а О.М. Фрейденберг полагает, что уже «давно вскрыта семантика змеи и коня как подземного начала» [1997, с. 62].

В римском обряде *Equus October*, отождествленном Ж. Дюмезилем с ашвамедхой, вокруг головы жертвенного коня разыгрывалось ритуальное состязание между двумя группами, стремившимися завладеть ею и унести либо в *Rēgia* – «дом царя», либо в *Torris Mamilia* – «Мамилиеву башню» [Иванов, 1974, с. 103–104]. Там голову коня украшали венком и прикрепляли к стене [Кузьмина, 1977, с. 38].

Конский череп и ритуал

На могильнике Бике I (долина Катунь) рядом с насыпью афанасьевского кургана в специальных ямах с каменной выкладкой, в кострище с фрагментами керамики найдены три конских черепа [Кубарев, 2004, с. 13]. Другое древнейшее свидетельство особого отношения к голове или черепу коня у народов Северо-Западной Азии представлено в позднеэнеолитическом святилище Савин на р. Тоболе, где превалируют сосновоостровский и аятский комплексы. Здесь насчитывается 19 случаев нахождения костей черепа и конечностей жертвенной лошади у ям от столбов во рвах

или канавах [Потёмкина, 1995, с. 146; 2001, с. 175, 220]. Ритуальные и символические захоронения конских голов (черепов) зафиксированы у синташтинцев и в раннеандоновских погребениях Северо-Западной Азии [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 235; Кузьмина, 1994, с. 166; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 159, 160, 162, 163, 170; и др.]. Вероятно, одновременно им находка из Гонур-Депе, где недалеко от царского некрополя в помещении 149 (раскоп 9) на высоте 35 см от пола обнаружили череп лошади [Сарианиди, Дубова, 2008, с. 150]. На окуневском могильнике Сыда V конский череп найден в безынвентарном ящике, а обломок еще одного – в ограде кург. 4 [Грязнов, Комарова, 2006, с. 56–58, 72]. Фрагменты челюстей лошади обнаружены в могиле Ростовки [Матющенко, Синицына, 1988, с. 23]. На андроновском могильнике Сухое озеро I в разрисованном квадратами каменном ящике с двумя погребенными также найден обломок конского черепа [Максименков, 1978, с. 30].

В карасукское время культ головы или черепа коня фиксируется в отдельных комплексах Монголии и Кузнецкой котловины. На одном из западно-монгольских жертвенников с двумя оленными камнями почти под каждым из сотен мелких каменных курганчиков с общей оградкой имелся «комплект» из черепа и копыт лошади [Новгородова, 1989, с. 202]. На северо-западной оконечности Кузнецкой котловины на ирменских могильниках Титово I, Журавлево-4 и Танай VII с каменными статуарными сооружениями над мужскими могилами зафиксированы манипуляции с конскими головами или черепами. В центре насыпи кург. 1 Титова I на глубине 0,3 м найден череп лошади [Савинов, Бобров, 1978, с. 50]. На могильнике Журавлево-4 под насыпью кург. 10 обнаружены надмогильные каменные обелиски высотой 0,8–1,0 м, а рядом в неглубокой яме – девять конских черепов, ориентированных на юго-запад (пять) и северо-восток (четыре) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 37–39]. Полагаю, так олицетворялся восход солнца на северо-востоке во время летнего солнцестояния и его закат на юго-западе в момент зимнего солнцеворота. Подобная мифокалендарная символизация, вероятно, восходит к юго-западной ориентировке коней (могильники Нуртай, Ащису), а позднее и людей в андроновских погребениях. В кург. 7 Таная VII найдены обелиски в трех захоронениях и яма с пятью конскими черепами [Бобров, Горяев, 1998, с. 182, рис. 1, 4; с. 184; Михайлов, 2001, с. 194]. В кург. 14 этого могильника обнаружили яму, примыкавшую к неординарному погребению и содержащую 52 (!) конских черепа с проломленными лобными костями, а также длинные кости двух лошадей [Бобров, Горяев, 1998, с. 183–184]. В восточной части зафиксировано бревно [Бобров, Мыльникова, Горя-

ев, 1997, с. 145], напоминающее жертвенный столб-«коновязь». Это уникальный случай, т.к. в культурах эпохи бронзы Северо-Западной Азии неизвестны примеры подобных конских гетакомб. Масштабы танайского акта грандиозного конского жертвоприношения, сопровождавшего погребенного ирменца, сопоставимы с описанным Геродотом поминальным ритуалом скифов, которые через год после захоронения царя умерщвляли на его могиле 50 юношей и 50 коней [Геродот, IV. 72]. Яма, подобно ориентации конских черепов на могильнике Журавлёво-4, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Примечательно, что и жертвенный конь в ашвамедхе идет на северо-восток: «Затем они отпускают его (коня. – И.К.) к северо-востоку... северо-восток – это область как богов, так и человека» [Satapatha-Brahmana, XIII. 4. 2. 15].

Голова коня и индоарийская традиция

В ведийской ашвамедхе передняя часть коня, его голова, «посвящается богу огня Агни, отождествляется с утренней зарей, соотносится с одним из трех видов благополучия (*tejas* 'духовная энергия'), одной из частей трехчастного космоса и с одной из трех цариц» [Иванов, 1989, с. 81]. Содержание данной аллегории раскрывается и в главной упанишаде: «Ом! Поистине, утренняя заря – это голова жертвенного коня, солнце – его глаз, ветер – его дыхание, его раскрытая пасть – это огонь Вайшванара» [Упанишады, I. 1. 1]. Вайшванара – «вездесущий», «вселенский» – эпитет огня и бога огня Агни, голова же – важнейшая часть тела, подобно тому, как заря – важнейшая часть дня [Сыркин, 1992, с. 162]. Сам Агни нередко принимает облик коня, везущего жертву к богам [Елизаренкова, 1989а, с. 501].

Для смыслового ряда «конноголовых» жезлов симптоматично уподобление Мировому дереву привязанного к жертвенному столбу ведийского коня. Название такого столба – *asvayūṛā*-, означающее «конский столп» или «конь-столп» [Иванов, 1974, с. 101]. Олицетворяя жертвенного коня, «ритуальный столб (*asvayūṛā*-) функционально отождествляется с 'Мировым деревом': др.-инд. *asvatthá*-, буквально: 'дерево коня'» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 549], в значении «лошадиная стоянка» [Топоров, 2010, с. 220–221] или «конь-дерево». Это означало идентичность ритуальных образов жертвенного коня и Мирового дерева [Иванов, 1974, с. 95, 115]. Стилизованным изобразительным воплощением подобной мировоззренческой доктрины, как и идеи конского жертвоприношения, мог быть каменный «конноголовый» жезл. Косвенно это подтверждается расположением такого жезла в погребении могильника Шипуново V, где он стоял вертикально наверху вниз

[Кирюшин, Иванов, 2001, с. 43], как жертвенный столб с умерщвленным конем головой книзу.

Фаллический облик «конноголовых» жезлов соотносится с участницей ритуала царского жертвоприношения. К передней части жертвенного коня, к его голове, причастна главная из трех (четырех) цариц – старшая жена царя, умащивающая, украшающая и размечающая золотой иглой эту часть жертвы [Иванов, 1974, с. 95–96] (иначе ср.: [Шомахмадов, 2007, с. 45]). Именно она ложилась рядом с умерщвленным животным, изображая ритуальные совокупление и брак царицы с конем [Иванов, 1974, с. 98], замещавшим царя, который в результате обряда и включенной в него инаугурации обретал царственность [Васильков, 1988, с. 109; Шомахмадов, 2007, с. 46–47]. Следовательно, фаллическая форма жезла могла символизировать ритуально-ролевую функцию участницы описанного эпизода обряда.

Однако ключевое смысловое значение «конноголовых» жезлов сводится к инсигнии власти и атрибуту инаугурации. Этой версии сопутствует сюжетная семантика изделий. Индоарийский сюжет повествует о легендарном древнем риши или полубоге Дадхьянче Атхарване, которому Индра пригрозил лишением головы в случае передачи божественной «медовой» мудрости. Ашвины заменили Дадхьянчу голову на конскую, и риши передал им эту мудрость. Когда же Индра лишил ослушавшегося его Дадхьянча конской головы, Ашвины вернули ему его собственную голову [Миллер, 1876, с. 195–215; Macdonell, 1897, р. 141–142; Иванов, 1989, с. 81; Елизаренкова, 1989б, с. 591; Сыркин, 1992, с. 184–185].

Известна и поздняя версия ведийского сюжета о Дадхьянче комментатора Саяны (XIV в.). Со смертью риши асуры наводнили землю, и Индра уже не мог с ними справиться. Узнав, что Дадхьянч на небе, Индра стал искать хоть что-нибудь от него на земле. Нашли конский череп, с помощью которого Дадхьянч выдал Ашвинам тайну меда Тваштара, т.е. сомы. Его костями Индра разбил асуров [Елизаренкова, 1989б, с. 592]. В индоарийской/индоиранской мифологии вообще и в ведийской в частности немало сюжетов, затрагивающих конскую тематику. Но, пожалуй, это единственный в Ригведе сюжетно обыгранный мотив ключевой роли конской головы, кардинально влияющей на исход событий. Поэтому симптоматичнее не его позднейшие истолкования, а самый архаичный содержательный план, вобравший древнюю традицию устного повествования. В трех гимнах упоминается об уловке Ашвинов и поступке Дадхьянча:

О два мужа, об этом вашем грозном чуде я оповещаю,
Как гром о дожде, чтобы получить награду:
Вам выдал, что такое мед.

[Ригведа, I. 116. 12]

Дадхьянчу, о Ашвины, сыну Атхарвана,
Вы приделали конскую голову.
Он, благочестивый, выдал вам [тайну про] мед
Тваштара, что был сокрыт от вас, о удивительные.
[Ригведа, I. 117. 22]

А та пчела прошептала вам связанное с медом.
В опьянении сомой сын Ушидчи громко говорит:
«Вы хотите расположить мысль Дадхьянча».
Тогда конская голова вам поведала.
[Ригведа, I. 119. 9]

Аналогичная история содержится и в Брихадараньяке Упанишаде:

Поистине, вот мед, который Дадхьянч Атхарвана передал ашвинам. Видя это, риши сказал:
«О страшном деянии, совершенном ради вашей
выгоды, герои,
Я возвещу, как гром [возвещает] о дожде.
Ведь этот мед Дадхьянч Атхарвана
Передал вам [с помощью] лошадиной головы».
Поистине, вот мед, который Дадхьянч Атхарвана передал ашвинам. Видя это, риши сказал:
«Ашвины, Атхарвану Дадхьянчу
Вы поставили лошадиную голову.
Выполняя обещание, он передал вам мед
Тваштара, чтобы вы, страшные, держали его в тайне».
[Брихадараньяка Упанишада, II. 5. 16, 17]

В другом же ведийском гимне сообщается о победоносном финале истории:

Индра костями Дадхьянча
Беспрепятственно убил
Девяносто девять врагов.

Ища голову коня,
Которая была спрятана в горах,
Он нашел ее у Шарьяनावата.
[Ригведа, I. 84. 13, 14]

Ключевой мотив всех отрывков сводится к конской голове, обладающей необыкновенной, сопоставимой с божественной силой, открывающей сокровенное знание и приносящей своему обладателю могущество и благоденствие. Олицетворением подобных необыкновенных качеств конноголового мифологического персонажа представляются каменные жезлы с изображением головы коня. Небезынтересно и «буквальное» смысловое соответствие бронзового втульчатого навершия из окрестностей г. Омска, как и его аналогов (см. рис. 3), мотиву замены головы: «подобно» голове Дадхьянча это «конноголовое» навершие могло быть снято с древка и заменено на другое, и наоборот.

Схожая интерпретация ваджры содержится и в позднейшей версии мифа об изготовлении оружия Индры, из костей скелета Дадхичи – Дадхьянча [Невелева, 1975, с. 64; Мифы..., 1994, с. 347]. Боги получают кости добровольно пожертвовавшего собой

Дадхичи, из которых Тваштри и делает ваджру для убийства Вритры [Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва), гл. 98]. Очевидно сюжетное соответствие данного мифа и ведийских упоминаний об убийстве Индрой костями Дадхьянча своих врагов, о поисках конской головы мудреца [Ригведа, I. 84. 13, 14]. Это мотив единой субстанции: кости, череп или кости черепа Дадхьянча как инструмент уничтожения противников Индры и как материал для ваджры – орудия творящего универсум и универсального оружия божества. Таким образом, созвучие мифопоэтических значений и изобразительных воплощений идеи «конноголового» вместилища сокровенной мудрости и мирозозидающей силы позволяет усматривать в «конноголовых» жезлах прообраз и символический субститут ваджры.

К ранним ведийским мотивам относится и связь Дадхьянча с Дадхикрой – мифическим победоносным боевым конем и конем победителя дасью, царя племени пуру Трасадасью [Мифы..., 1994, с. 347], рожденного в результате конского жертвоприношения Семерым риши – Большой Медведице [Ригведа, IV. 42. 8, 9; Елизаренкова, 1989б, с. 748–749]. Пуру – одно из двух древнейших индоарийских племен, первые мигранты, воспетые и высокочтимые в эпосе [Лелеков, 1982, с. 152]. Ведийские пуру проживали на берегах Сарасвати [Эрман, 1980, с. 45], прообразом которой является Волга (см., напр.: [Редеи, 1997, с. 150, 153; Членова, 1984, с. 96]). Поэтому принадлежащий их царю легендарный конь и связанная с ним необыкновенная конская голова мудреца восходят к архаике индоарийской мифологии. Закономерно и скульптурное воплощение образа чудесного боевого коня царя на атрибуте социального лидера, удостоверяющем его высокий статус и необыкновенную силу. Вероятно, семантический ряд «конноголовых» жезлов включал и символизацию архаичных представлений, восходящих к прототипам и Дадхьянча, и Дадхикры.

В качестве оружия громовержца ваджра часто уподобляется молнии [Элиаде, 1999, с. 90], еще в XIX в. сопоставлявшейся с образом Дадхьянча–Дадхичи (см.: [Миллер, 1876, с. 212–215; Macdonell, 1897, p. 141–142; Мифы..., 1994, с. 347; и др.]). Свидетельство подобного олицетворения содержится в Махабхарате:

Огонь, которым проникнуто все, что движется и неподвижно, произошел из воды; гром, сокрушающий данавов, был создан из костей [мудреца] Дадхичи.

[Махабхарата. Адипарва. Книга первая, гл. 127]

Олицетворение Дадхьянчем молнии обуславливается его ролью оружия Индры, а производность имени конноголового риши, как и легендарного коня Дадхикры, от *dādhi* – «кислое молоко» – связывается с поверьем о влиянии грозы на свертывание, т.е. скисание, молока [Macdonell, 1897, p. 142; Мифы...,

1994, с. 347]. Данная идея впервые высказана если не А.Э. Макдонеллом, то незадолго до него: «...предположение, что Дадхьянч изначально представлял огонь в виде молнии, не кажется неправдоподобным. Голова коня может означать его скорость, голос, когда он говорит, – гром, его кости – удар молнии... Имя также указывает на эффект свертывания молока от грозы» [Macdonell, 1897, p. 142]. В.Ф. Миллер отрицал уподобление головы Дадхьянча молнии, считая конскую голову тождественной месяцу, а «молочное» имя Дадхьянча указанием на его связь с Млечным Путем [1876, с. 204–213]. Но эта идея не нашла подтверждений и сторонников. Поэтому в приведенном смысловом ряду чудесная конская голова Дадхьянча обоснованно уподобляется молнии – ваджре Индры, прообраз которой усматривается в каменных «конно-головых» жезлах.

Заключение

Перечисленные смысловые значения ваджры предшествовали ее осмыслению как орудия и оружия верховного божества – топора, палицы или молота, отождествление с которыми скорее связано уже с протоиранским субстратом индоиранской общности. В.И. Абаев соотносит термин «ваджра» только с протоиранскими заимствованиями в финно-угорских языках: фин. *wasara*, эст. *vasar* – «молот», морд. *usər* – «топор», соответствующие авестийскому *vazra* – «палица» [1981, с. 86]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов также указывают, что данное понятие заимствовано финно-угорскими языками из раннеиранского [1984, с. 928]. К. Редери относит фин. *vasara* к финно-пермским заимствованиям (*wašara* – «топор, молоток») от праиндоиранского или, как и В.И. Абаев, от праиранского *vāzra*, упоминая и др.-инд. *vājrah* [1997, с. 147, 154] (см. также: [Барроу, 1976, с. 28]).

Инвариантный остаток предшествующего, более архаичного смыслового значения ваджры сохранился в Ригведе. Индоарийское понятие о ваджре восходит к «конноголовой» инсигнии социального и сакрального лидера, уподоблявшейся магическому атрибуту, функционально сравнимому с бубном или с «конной» тростью (у бурят) шамана. Вероятно, на этой стадии и сформировалось представление о причастности конской головы к средоточию сверхъестественного знания и осуществлению божественного промысла. Олицетворением и субститутом подобной принадлежности верховного божества являлась «конноголовая» ваджра в руках персоны с высоким социальным статусом, облеченной не только полномочиями вождя, но и жреческими прерогативами. Б.Л. Огибенин пришел к выводу, что «положение ваджры легко сопоставимо с положением жертвенного столпа; ваджре также при-

носят жертву» [1968, с. 63] (см. также: [Ригведа, VIII. 100. 9]). Подобным отождествлением разворачивается семантический план ваджры как образа Мирового дерева = жертвенного столпа с привязанным = принесенным ему в жертву конем. Изобразительное уподобление перечисленных значений могло воплощаться и в «конноголовых» жезлах, символизировавших космогонический аспект этой идеи и связанный с ней ритуальный сценарий.

Список литературы

- Абаев В.И.** Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М.: Наука, 1981. – С. 84–89.
- Аванесова Н.А.** Анималистические находки эпохи бронзы Зеравшанской долины // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011. – Вып. 25. – С. 111–120.
- Бараг Л.Г., Новиков Н.В.** Примечания // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 432–505.
- Барроу Т.** Санскрит. – М.: Прогресс, 1976. – 411 с.
- Бахрушин С.В.** [Хозяйство и общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.] // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). – М.: Наука, 1987. – С. 177–196.
- Бобров В.В., Горяев В.С.** Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 182–186.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С.** Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 144–149.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.
- Васильков Я.В.** Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Наука, 1988. – С. 83–127.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984. – 1328 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казакстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.
- Геродот.** История / пер. Г.А. Стратановского: в 9 кн. – М.: Ладомир; Аст, 1999. – 752 с.

- Грязнов М.П., Комарова М.Н.** Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. – С. 53–72.
- Елизаренкова Т.Я.** «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989а. – С. 426–543.
- Елизаренкова Т.Я.** Примечания // Ригведа: Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989б. – С. 544–757.
- Иванов Вяч. В.** Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* – конь (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М.: Наука, 1974. – С. 75–138.
- Иванов Вяч. В.** Ритуальное сожжение конского черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 79–87.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е.** Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 43–52.
- Киришин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П.** Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 45–53.
- Ковтун И.В.** Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2008. – № 4/4 (61). – С. 95–101.
- Ковтун И.В.** Каменные жезлы с фигурным зооморфным навершием эпохи бронзы Северо-Западной и Центральной Азии // *Nomina Eurasica* us у врат искусства. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 401–412.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.** Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры в Волго-Уралье (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 156–207.
- Кубарев В.Д.** Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – № 12. – С. 12–27.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Кузьмина Е.Е.** Распространение коневодства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1977. – С. 28–52.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.
- Телеков Л.А.** Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия: Историко-культурные связи. – М.: Наука, 1982. – С. 149–163.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.
- Масимов И.С.** Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. – 1981. – № 2. – С. 132–150.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.
- Махабхарата:** Адипарва. Книга первая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 738 с.
- Махабхарата:** Книга третья. Лесная (Араньякапарва). – М.: Наука, 1987. – 799 с.
- Мелетинский Е.М.** Герой волшебной сказки: Происхождение образа. – М.; СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. – 240 с.
- Миклашевич Е.А.** Из «истории жизни» одного изваяния // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 51–55.
- Миклашевич Е.А.** Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 135–144.
- Миллер В.** Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. – М.: [Тип. Ф.Б. Миллера], 1876. – Т. 1: Асвины-Диоскуры. – 356 с.
- Мифы народов мира:** энцикл.: в 2 т. – 2-е изд. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 1. – 671 с.
- Михайлов Ю.И.** Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 363 с.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.** Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщикства XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 58–71.
- Народные русские сказки** А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 511 с.
- Невелова С.Л.** Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). – М.: Наука, 1975. – 118 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Новик Е.С.** Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2004. – 304 с.
- Новожинов В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: ИА МОН РК, 2002. – 125 с.
- Огибенин Б.Л.** Структура мифологических текстов «Ригведы»: (Ведийская космогония). – М.: Наука, 1968. – 115 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.** – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и мир потусторонний. – 475 с.
- Потёмкина Т.М.** О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в урало-западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 1. – С. 144–154.
- Потёмкина Т.М.** Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 166–256.

- Прокофьева Е.Д.** Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 42–68.
- Реден К.** Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988–1996 гг. – М.: Индрик, 1997. – С. 141–155.
- Ригведа:** Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – 767 с.
- Ригведа:** Мандалы V–VIII. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1999. – 743 с.
- Савинов Д.Г.** Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник: спец. вып. – Омск, 2000. – С. 179–187.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Титовский могильник: (К вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 47–62.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Самашев З., Ермолаева А., Куш Г.** Древние сокровища Казахского Алтая. – Алматы: Өнер, 2008. – 200 с.
- Сарианиди В.И.** Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. – 1986. – № 2. – С. 34–46.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А.** Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур-Депе) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 149–152.
- Славнин П.П.** Каменный жезл с головкой коня // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 125–126.
- Сыркин А.Я.** Комментарии // Упанишады: в 3 кн. – М.: Наука; Ладомир, 1992. – Кн. 1: Брихадараньяка Упанишад. – С. 161–226.
- Титова З.Д.** Путешествие по указу Петра I: Из дневника Д.Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири 1721–1725 гг. // Ист. архив. – 2003. – № 2. – С. 21–40.
- Топоров В.Н.** «Мировое дерево»: Опыт семиотической интерпретации // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – С. 210–262.
- Трубачёв О.Н.** Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 489 с.
- Упанишады:** в 3 кн. – М.: Наука; Ладомир, 1992. – Кн. 1: Брихадараньяка Упанишад. – 239 с.
- Фрейденберг О.М.** Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
- Хангалов М.Н.** О теломытии шамана // Хангалов М.Н. Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Уде: Республ. тип., 2004. – Т. 2. – С. 126–143.
- Ченченкова О.П.** Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
- Членова Н.Л.** Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. – 1984. – № 1. – С. 88–103.
- Чугунов К.В.** Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 81–86.
- Шер Я.А.** «Господин коней» на берегу Енисея // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 6. – С. 17–22.
- Шомахмадов С.Х.** Учение о царской власти: (Теории имперского правления в буддизме). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2007. – 272 с.
- Штернберг Л.Я.** Античный культ близнецов при свете этнографии // Сб. МАЭ. – 1916. – Т. 3. – С. 133–189.
- Элиаде М.** Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
- Элиаде М.** Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев: София, 2000. – 480 с.
- Эрман В.Г.** Очерк истории ведийской литературы. – М.: Наука, 1980. – 231 с.
- Macdonell A.A.** Vedic mythology. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – 189 p.
- Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du nord-ouest haut Tsagaan Gol. – P.: De Boccard, 2006. – 444 p. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 7).
- The Satapatha-Brāhmaṇa:** According to the text of the Mādhyandina school. Part V. Books XI, XII, XIII, XIV / transl. by J. Eggeling. – Oxford: At the Clarendon Press, 1900. – 596 + 8 p. – (The sacred books of the East / transl. by various oriental scholars and ed. by F. Max Müller; vol. 44).

*Материал поступил в редколлегия 18.04.12 г.,
в окончательном варианте – 20.04.12 г.*

УДК 903.23'12.02 (571.56)

В.М. Дьяконов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия
E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru

КЕРАМИКА УЛАХАН-СЕГЕЛЕННЯХСКОЙ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЯКУТИИ

В статье описывается керамика бронзового века, декорированная «жемчужинами» в сочетании с вдавлениями и штампами, которая является основным индикаторным признаком памятников выделяемой нами улахан-сегеленяхской культуры, распространившейся на территории Южной, Юго-Западной и Западной Якутии, вплоть до центральных ее областей, во II тыс. до н.э. Она по ряду параметров (технология изготовления, форма сосудов, орнамент и др.) отличается от усть-мильской и имеет черты керамики как материнской ымыяхтахской культуры, так и пришлого населения. Распространение улахан-сегеленяхской культуры в Якутии, судя по всему, не было всеобъемлющим, но охватывало значительную таежную территорию бассейнов Алдана, Олёкмы, Вилюя и средней Лены. Основу пришлого компонента составляли, по-видимому, глазковские племена, проникавшие сюда через верховья этих рек.

Ключевые слова: Якутия, бронзовый век, улахан-сегеленяхская культура, керамика, сосуд, орнамент, «жемчужины», штампы, вдавления.

Введение

В отличие от неолита, эпоха бронзы представляется сегодня недостаточно полно изученной страницей древней истории Якутии, хотя ей посвящены соответствующие разделы и главы в обобщающих монографиях, освещающих открытые здесь археологические культуры [Окладников, 1949, 1955; Федосеева, 1968; Архипов, 1989; Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991; Алексеев, 1996]. С 1960-х гг. на этой обширной территории была известна только одна культура, целиком относящаяся к бронзовому веку, – усть-мильская, выделенная С.А. Федосеевой и Ю.А. Мочановым сперва на Алдане, а затем и в других районах [Федосеева, 1970а, б, 1974; Мочанов, Федосеева, 1976, с. 524]. Ей посвящена монография В.И. Эртюкова [1990], который объединил весь накопленный до 1980-х гг. включительно материал по бронзовому веку Якутии.

До недавних пор считалось, что ымыяхтахскую культуру позднего неолита в регионе почти повсе-

местно сменила именно усть-мильская, хотя отнесение первой из них к определенному историческому периоду остается дискуссионным. Ымыяхтахская культура зародилась в финале неолита, а ее носители на позднем этапе культурного развития заимствовали бронзовые предметы у соседей [Федосеева, 1980, с. 215; Мочанов и др., 1983, с. 18]. Позже потомки ымыяхтахцев сами освоили металлургию бронзы [Хлобыстин, 1998, с. 175; Эверстов, 1999а, с. 53; Кирьяк, 2005, с. 11]. Исследователи относили ымыяхтахскую культуру как к позднему неолиту [Федосеева, 1980, с. 215; Алексеев, 1996, с. 55], так и к бронзовому веку [Хлобыстин, 1987].

В разное время археологи пытались выделить в бронзовом веке Якутии ранний и поздний этапы [Окладников, 1955; Эртюков, 1990], а также особую стадию энеолита [Зыков, 1978, с. 37–38]. Основной исследователь ымыяхтахской культуры С.А. Федосеева в последнее время характеризует ее как переходный этап от неолита к эпохе бронзы [1999, с. 58–59; Мочанов, Федосеева, 2001, с. 32; 2002, с. 28]. По наше-

му мнению, она была изначально по сути поздненеолитической, но затем в результате миграционных процессов стала трансформироваться в ряд культур бронзового века [Дьяконов, 2007, 2008, 2009; Алексеев, Дьяконов, 2009]. Работы С.И. Эверстова на нижней Индигирке и полученные в ходе их радиоуглеродные даты убедительно показывают, что потомки ымыяхтахцев в Заполярье сосуществовали с носителями культур бронзового и железного веков, не изменяя при этом свою традиционную материальную и духовную культуру, хотя у них уже было развитое бронзолитейное производство [1998, 1999а, б, 2006]. Усть-мильские же памятники на севере единичны. В заполярных районах Якутии и на сопредельных территориях, по-видимому, на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. существовала выделяемая нами сугуннахская пережиточно-ымыяхтахская культура бронзового века [Алексеев, Дьяконов, 2009; Дьяконов, 2009].

Маркирующим элементом и основным материалом для выделения усть-мильской культуры бронзового века была своеобразная керамика, резко отличающаяся от керамики предшествующих и более поздних культур, представленная преимущественно гладкостенными сосудами с налепными валиками [Эртюков, 1990, с. 85, 111]. Каменный и костяной инвентарь на усть-мильских памятниках немногочислен и невыразителен [Алексеев, 1996, с. 70]. Нужно также подчеркнуть, что отнесение к конкретным культурам бронзового века писаниц, а также единичных бронзовых изделий, найденных на территории Якутии, проблематично и на современном уровне знаний однозначно не решается. Единичные погребения, датируемые некоторыми исследователями эпохой бронзы и даже причисляемые конкретно к усть-мильской культуре, зачастую плохо документированы или хронологизированы не вполне аргументированно [Там же, с. 72; Дьяконов, 2010]. Помимо эталонной для усть-мильского комплекса валиковой керамики, исследователи включали туда как отдельный тип (XIV по типологической таблице В.И. Эртюкова) посуду, украшенную «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов, хотя она в общих чертах резко отличается от характерной усть-мильской [Эртюков, 1980, 1990, 1992; Алексеев, 1996]. При этом В.И. Эртюков указывал, что «керамика с “жемчужинами” до сих пор не зафиксирована в чистых слоях эпохи бронзы и поэтому ее отнесение к усть-мильской культуре пока условно» [1980, с. 94]. По мнению С.А. Федосеевой, посуда, орнаментированная «жемчужинами», могла проникнуть к ымыяхтахцам вместе с сейминско-турбинскими бронзовыми изделиями [1980, с. 205]. Она также указывала на возможность того, что в отдельных районах к западу от Лены на смену ымыяхтахской культуре вместо усть-мильской (или наряду с ней) могла прийти куль-

тура, для которой характерна керамика с зубчатыми отпечатками [Там же, с. 211].

По мнению В.И. Эртюкова, носители традиции украшать керамику оттисками гребенчатого штампа и «жемчужинами» проникли на территорию Якутии из районов Прибайкалья, скорее всего, через верховья Лены и Вилюя в середине – конце II тыс. до н.э. [1990, с. 112]. Предполагалось также, что их миграции были немногочисленными, а степень влияния на становление усть-мильской культуры неопределенна. Вместе с тем В.И. Эртюков связывал появление некоторых бронзовых изделий, таких как мурьинский кельт, хатынгнахский и сюльдюкарский ножи, именно с носителями данных керамических традиций [Там же], хотя как проявление отдельного культурного комплекса или даже варианта культуры это не постулировалось.

Таким образом, до недавнего времени считалось, что эпоха бронзы в Якутии представлена единой усть-мильской культурой, которая была распространена по всей ее территории и даже в сопредельных районах [Там же, с. 111]. По нашим нынешним представлениям, в регионе в бронзовом веке существовали как минимум три культуры: улахан-сегеленняхская, усть-мильская и сугуннахская [Алексеев, Дьяконов, 2009; Дьяконов, 2009, с. 19]. Наиболее яркий признак первой из них – своеобразная керамика с «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов. Отдельному рассмотрению такой керамики, найденной в Якутии, был посвящен наш доклад на II Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», проходившей в г. Иркутске 3–7 мая 2011 г. [Дьяконов, 2011]. Цель предлагаемой статьи – продолжение разработки этой научной проблематики. Памятники и комплексы с такой керамикой относятся к выделяемой нами улахан-сегеленняхской культуре. Другие компоненты этой культуры (каменный и костяной инвентарь, хозяйственная и обрядово-ритуальная деятельность ее носителей и др.) и их специфику еще предстоит определить, проанализировать и осмыслить, поэтому в данной статье вопросы, связанные с ними, не рассматриваются. Попутно анализируются только хронология и ареал культуры – территория, на которой была распространена такая керамика.

Описание керамики улахан-сегеленняхской культуры

В Якутии керамика, декорированная «жемчужинами» в сочетании с оттисками штампов и вдавлениями, найдена на средней Лене, Олёкме, Алдане и Вилюе (рис. 1). Она отнесена к улахан-сегеленняхской культуре, получившей наименование по названию мно-

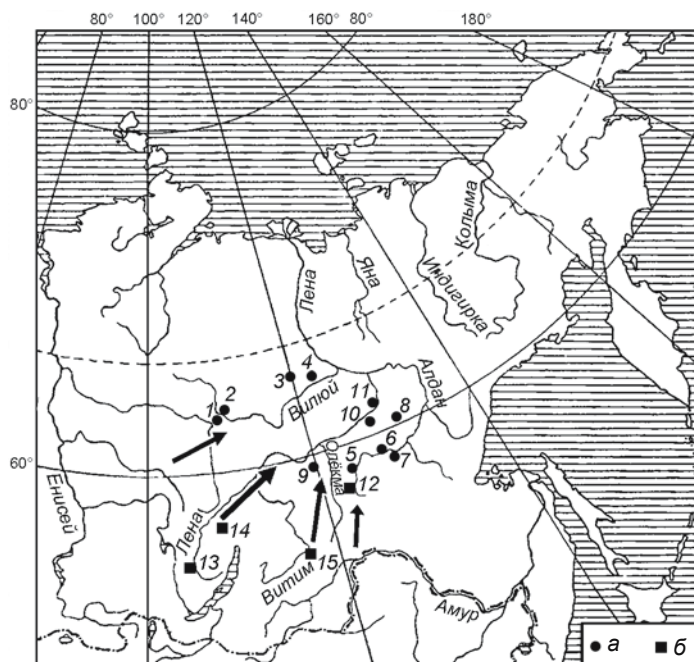

Рис. 1. Месторасположение памятников улахан-сегеленнянской культуры (а) и предположительно связанных с ней (б).

1 – Усть-Чиркуо I; 2 – Улахан-Эдьек I, II; 3 – Сыангда; 4 – Хоту-Туулаах; 5 – Усть-Чуга II; 6 – Сумнагин II; 7 – Угино I; 8 – Тангха I; 9 – Улахан-Сегеленнях; 10 – Хонгсуор; 11 – Немоюгюцэ; 12 – Алдакай I; 13 – Усть-Чикаль-туй-1; 14 – Усть-Миня-1; 15 – Усть-Каренга-12, -14, -16. Стрелками показано направление предполагаемых миграций населения, участвовавшего в сложении улахан-сегеленнянской культуры.

гослояного памятника Улахан-Сегеленнях* (бассейн Олёкмы, р. Токко), где в культурном слое VII, датированном бронзовым веком, она впервые зафиксирована в четких стратиграфических условиях [Кириллин, 1996; Алексеев, 1996]. Помимо керамики, каменного

*Этимология топонима сама по себе весьма интересна. Стоянка находится на правом приустьевом мысу левого притока р. Токко, по-якутски называемого Улахан Сёгёлённэх. По информации выдающегося якутского ученого-энциклопедиста первой половины XX в. Г.В. Ксенофонтова, старинное слово «сёгёлён» обозначает скрученные для ночлега хвоистые лиственничные ветки, на которые ложились и накрывались такими же ветками [Ксенофонов, 1992, с. 233]. «Нёёх»/«нээх» – аффикс обладания [Лео́нтьев, Новикова, 1989, с. 46; Багдары́н Сюлбэ, 2004, с. 8]. Прилагательное «улахан» переводится с якутского как «большой, крупный, главный и т.д.». Таким образом, гидроним Улахан Сёгёлённэх (русифицированная форма Улахан-Сегеленнях) переводится приблизительно как «большая речка с лиственничным лапником для ночлега». В то же время автор фундаментального «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарский, помимо первой, приводит вторую трактовку слова «сёгёлён» – «удача на охоте или в промысле» [1959, стб. 2299]. В этом понимании Улахан Сёгёлённэх – удачная для охоты и промысла пушного зверя местность.

и костяного инвентаря, а также костей животных и рыб, здесь найдено 20 фрагментов льячки, что указывает на возможное наличие бронзолитейного производства [Алексеев, 1996, с. 71]. По органическим остаткам из слоя VII получены радиоуглеродные даты $3\,570 \pm 140$ (ИМ-1011) и $3\,120 \pm 120$ (ИМ-1009) л.н. [Там же, с. 69]. В нашей работе, посвященной радиоуглеродной хронологии культур неолита и бронзового века Якутии, был ошибочно указан калиброванный интервал первой даты ($\pm 2\sigma$) 2600–1750 гг. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 31, 35, 38], вследствие чего удревнена нижняя граница и растянуты ориентировочные рамки улахан-сегеленнянской культуры – $2\,175 \pm 425 \dots 1\,350 \pm 350$ лет до н.э. (продолжительность ок. 830 (?) лет). Действительный калиброванный интервал даты ИМ-1011 ($\pm 2\sigma$) 2300–1500 гг. до н.э. и, соответственно, предполагаемый период существования культуры $1\,900 \pm 400 \dots 1\,350 \pm 350$ лет до н.э., что составляет не менее 550 лет.

В культурном слое VII стоянки Улахан-Сегеленнях (рис. 1, 9) обнаружены фрагменты шести керамических сосудов, форму пяти из которых удалось полностью восстановить*. Вся реконструированная керамика круглодонная, открытого типа, с выделенной горловиной (рис. 2, 14, 18, 22, 23). Следы ленточно-кольцевого налёпа на изломах черепков не прослежены. Посуда изготовлена, скорее всего, вручную методом выдавливания емкости из кома глины и последующим выколачиванием стенок ударно-прессующим инструментом с одновременным прикладыванием с внутренней стороны гладкого камня-наковаленки. Такая технология, как считает С.А. Воробьев [1999, с. 69–71], специально занимавшийся (в т.ч. в полевых условиях на стоянке Улахан-Сегеленнях) экспериментальным моделированием сосудов, могла применяться на территории Якутии начиная с раннего неолита и заканчивая средневековьем. В общем весь технологический процесс, по его мнению [Там же, с. 71], сводился к созданию полости из кома глины при помощи рук и лопатки-колотушки с наковаленкой, установке тальникового кольца на устье будущего сосуда, увеличению объема емкости за счет формовки и уплотнения стенок, моделированию руками и выколачиванию лопаткой, срезанию кольца с устья, обработке поверхности и нанесению орнамента. Это значит, что в основе процесса формовки лежала скульптурная лепка методом выколачивания. Версия же изготовления посуды на шаблоне отклонена нами

*Реставрация керамики и описание ее морфологических характеристик выполнены А.С. Кириллиным.

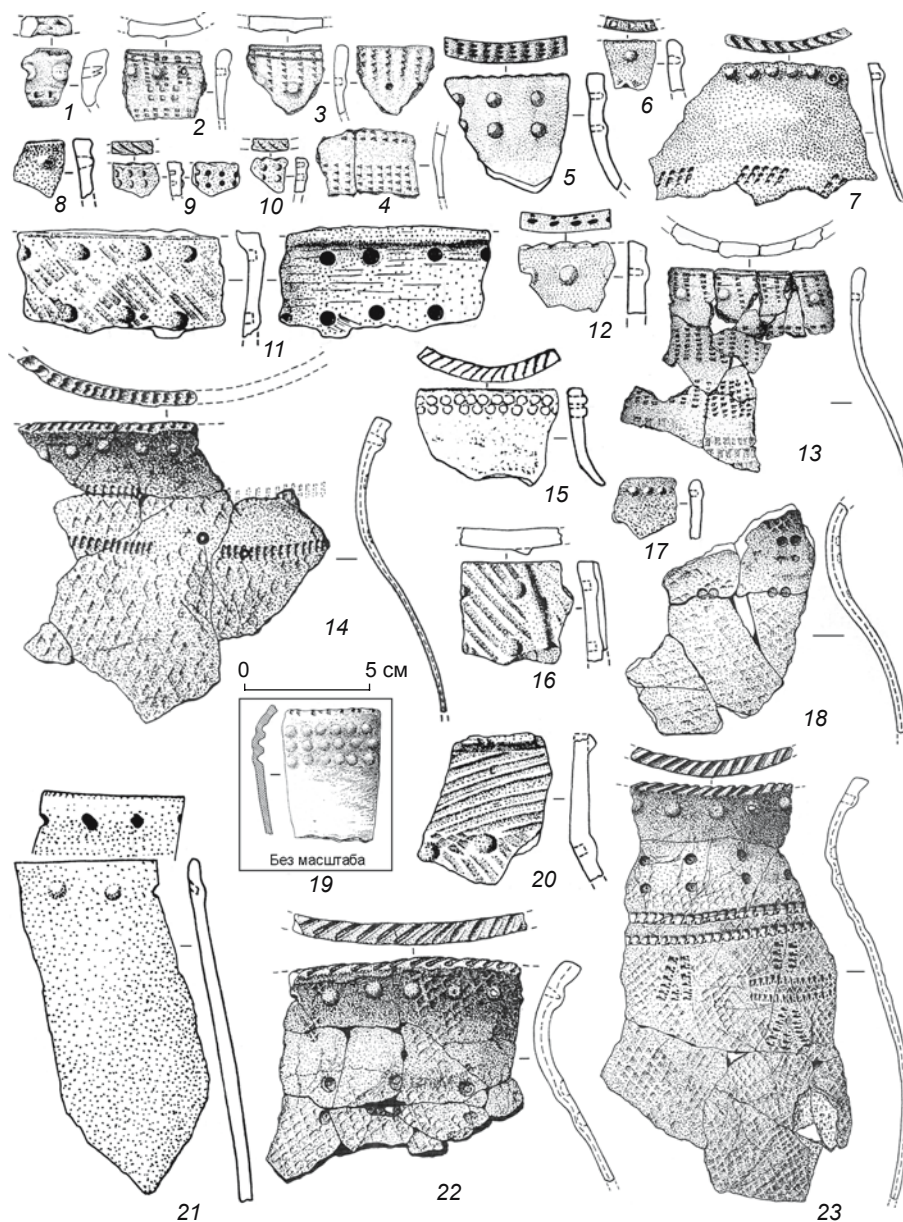

Рис. 2. Керамика улахан-сегеленняхской культуры.

1 – Немюгюнцы; 2–4, 13 – Усть-Чуга II; 5 – Улахан-Эдьек II; 6 – Тангха I; 7 – Угино I; 8, 11, 16, 19–21 – Усть-Чиркуо I; 9 – Хоту-Туулаах; 10 – Сыангда; 12 – Улахан-Эдьек I; 14, 18, 22, 23 – Улахан-Сегеленнях; 15 – Хонгсуор; 17 – Сумнагин II. 1 – неопубликованный материал Н.П. Прокопьева; 2–4, 13 – [Воробьев, 2007, табл. 28, 7, 10, 11; 29, 1]; 5, 12 – [Антипина, 1980, табл. I, 15, 20]; 6 – [Козлов, 1980, табл. II, 16]; 7, 17 – [Эртыков, 1980, табл. II, 28, 29]; 8–11, 16, 20, 21 – [Мочанов и др., 1991, табл. 1, 9; 7, 5; 25, 3, 12, 15; 84, 2; 92, 6]; 14, 18, 22, 23 – [Алексеев, 1996, табл. 40–42]; 15 – [Эртыков, 1990, табл. 14, 3]; 19 – [Федосеева, 1968, рис. 14, 6].

ввиду того, что эта технология имеет крайне ограниченные возможности морфологического варьирования [Жушиховская, Понкратова, 2000, с. 131], в то время как улахан-сегеленняхская керамика отличается именно усложненной профилировкой.

Для изготовления посуды применялись лопаточки-колотушки с вафельным рельефом. На пяти сосудах зафиксированы оттиски с ромбическими ячейками, на одном – с квадратными. Размеры ячеек варьируют

от $0,5 \times 0,5$ до $1,0 \times 1,0$ см. Вся керамика двухслойная, по-видимому, за счет послойной формовки, когда на почти готовый сосуд наклепывались дополнительные пласты (лоскуты) глиняного теста, которые также тщательно выколачивались лопаточкой. Высота сосудов приблизительно 20–30 см. Толщина стенок 0,2–0,8 см, в среднем 0,3–0,5 см. Стенки тулова тоньше, чем венчика и днища. В глиняном тесте визуально определяются включения песка, травы и шерсти.

Следует отметить, что примесь шерсти и растительных компонентов в большей степени характерна для ымыяхтахской керамики, но встречается также в усть-мильской, хотя и гораздо реже, являясь результатом влияния ымыяхтахской гончарной традиции [Дьяконов, 2001; Дьяконов, Эртюков, 2001].

Четыре сосуда имеют древние следы починки. На стенках сохранились остатки черного вещества, скорее всего, березового вара. В слое найдены соединенные варом фрагменты керамики. Таким образом, удалось воссоздать способ починки керамических сосудов в бронзовом веке: образовавшуюся трещину заделывали горячей вареной смолой, затем накладывали снаружи и изнутри полоски вара шириной 1,5 см и дополнительно укрепляли стяжкой, для чего по обеим сторонам трещины просверливали отверстия.

Орнамент на керамике отличается большой выразительностью и сложностью [Алексеев, 1996, с. 69–70, 72, 77, 79, 139–140, табл. 40–42]. Бортики (верхние поверхности венчиков) сосудов украшены косыми (наклон вправо) гладкими вдавлениями, отпечатками двузубчатого полукруглого штампа. Венчики декорировали выдавленными изнутри «жемчужинами», которые образуют непрерывные горизонтальные пояса. Сразу под ними на шейке ряды круглых вдавлений, оттисков зубчатого (двузубчатого и фигурно-зубчатого) штампа. Выделяются орнаментальные композиции, состоящие из нескольких элементов. Первый – это пояс «жемчужин», он присутствует во всех композициях. Второй элемент состоит из одного или двух

рядов круглых вдавлений. На одном сосуде вдавления в поясе сдвоены. Третий элемент – две параллельные горизонтальные полосы из оттисков зубчатых штампов, прерывающиеся или сплошные. Четвертый – стилизованные антропоморфные фаллические фигуры, выполненные фигурно-зубчатым штампом (рис. 3).

Нами уже отмечалось ранее, что антропоморфные изображения на керамике появляются на территории Якутии именно во II тыс. до н.э. [Дьяконов, 2002] с приходом сюда населения, знакомого с металлом и имевшего навыки изготовления медных и бронзовых изделий. Тенденция распространения символических антропоморфных изображений характерна для искусства бронзового века Прибайкалья. По-видимому, в том числе и оттуда в Якутию проникли племена, давшие импульс к сложению здесь новой культуры эпохи бронзы. По техническому и стилистическому исполнению, а также манере изображения (например, наличие рук в виде двух горизонтальных линий, рогатых голов, имитация кругового хороводного танца) антропоморфные фигуры на керамике из слоя VII стоянки Улахан-Сегеленнях обнаруживают некоторое сходство с изображениями на отдельных сосудах бронзового века Прибайкалья [Алексеев, 1996, с. 72–73; Горюнова, Новиков, 2009].

В бассейне Алдана посуда, украшенная «жемчужинами», встречена на стоянках Усть-Чуга II, Сумнагин II, Угино I, Тангха I (р. Амга). В четких стратиграфических условиях улахан-сегеленняхская керамика выявлена в культурном слое II стоянки Усть-Чуга II [Воробьев, 2007] (см. рис. 1, 5). Здесь обнаружены фрагменты по крайней мере семи сосудов. Три из них украшены выдавленными изнутри «жемчужинами». Первый представлен восемью фрагментами венчика и привенчиковой части (см. рис. 2, 3, 4). Это тонкостенный сосуд, декорированный по меньшей мере тремя горизонтальными поясами из вертикальных оттисков шестизубчатого штампа, двумя продавленными поверх первого пояса линиями (след технологической обмотки?) и одним рядом «жемчужин» под ним. Вертикальные оттиски того же штампа нанесены и на внутреннюю поверхность венчиков [Там же, с. 23–24, 107, 109, табл. 28, 7, 10; 30, 2, 4]. Второй сосуд выделяется по фрагменту венчика (см. рис. 2, 2). Он орнаментирован как минимум двумя поясами из вертикальных оттисков семизубчатого штампа, соединенными «перемычкой» из шести прямоугольных вдавлений зубчатого штампа (три в ширину, два в высоту), и одним рядом «жемчужин» в зоне верхнего пояса [Там же, с. 24–25, 107, 109, табл. 28, 11; 30, 3]. Третий сосуд определен по 35 фрагментам вафельной керамики (см. рис. 2, 13). Он украшен тремя поясами из вертикальных оттисков семизубчатого штампа, небрежно продавленной (аналогично первому сосуду) поверх первого линиями и одним рядом «жемчужин» в

Рис. 3. Сосуд из культурного горизонта VII стоянки Улахан-Сегеленнях, украшенный стилизованными антропоморфными фигурами.

зоне этого пояса [Там же, с. 26, 108–109, табл. 29, 1; 30, 6]. В глиняном тесте сосудов обнаружены песок и зерна кварца [Там же, с. 24, 27, 29].

С.А. Воробьев, рассматривая культурную принадлежность керамики из слоя II стоянки Усть-Чуга II, пишет: «... вместе с тем, совокупность перечисленных признаков (тонкостенность сосудов, горизонтальная поясность декора, наличие «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа, вафельного технического орнамента на стенках. – В. Д.) сближает керамический комплекс... не с “чистым” комплексом усть-мильской культуры, а с юго-западной зоной ее распространения. Наиболее близка в этом отношении керамика стоянки Алдакай I на р. Амедици (левый приток верхнего Алдана) и Улахан-Сегеленнях на р. Токко (левый приток р. Чара). Ареал распространения керамики с совокупностью вышеперечисленных орнаментальных и морфологических признаков распространяется и далее на запад – в пределы верхнего Витима, Забайкалья и Прибайкалья» [Там же, с. 30–31]. Из этого видно, что исследователь, по-видимому, определял здесь локальный вариант культуры бронзового века, затрудняясь отнести комплекс стоянки к усть-мильской культуре. По углю из очага в слое II стоянки Усть-Чуга II определена дата $3\ 145 \pm 75$ л.н. (СОАН-6687), калиброванный интервал которой для $\pm 2\sigma$ 1610–1210 гг. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 36]. Она согласуется с радиоуглеродными датами, полученными для культурного слоя VII памятника Улахан-Сегеленнях.

На алданской стоянке Сумнагин II (см. рис. 1, 6) найден фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 17) с одним рядом «жемчужин» [Эртюков, 1980, с. 92, табл. II, 28; 1990, с. 39, 130; табл. 17, 1]. На многослойном памятнике Угино I (см. рис. 1, 7) в культурном слое I, датированном ранним железным веком [Мочанов и др., 1983, с. 38], обнаружен фрагмент венчика гладкостенного сосуда (см. рис. 2, 7), украшенного рядом «жемчужин», ниже которого (в привенчиковой зоне) имелся как минимум один пояс из сгруппированных по пять косых (наклон вправо) оттисков трехзубчатого штампа. Бортик орнаментирован косыми (наклон влево) вдавлениями гладкой лопатки [Эртюков, 1980, с. 92, табл. II, 29; 1990, с. 40, 127, табл. 14, 2; Мочанов и др., 1983, с. 205, табл. 103, 8]. Исследователями отмечается, что культурные слои I (ранний железный век) и II (усть-мильская культура эпохи бронзы) этого памятника нарушены пахотой и современными постройками [Мочанов и др., 1983, с. 38; Эртюков, 1990, с. 40], поэтому здесь возможно смешение культурных остатков.

На амгинской стоянке Тангха I (см. рис. 1, 8) зафиксирован фрагмент венчика вафельного сосуда (см. рис. 2, 6), орнаментированного рядом «жемчужин» [Козлов, 1980, с. 57, табл. II, 16; Мочанов и др., 1983, с. 367, табл. 262, 20]. Судя по иллюстрациям, бортик

был украшен полуовальными вдавлениями типа горизонтально вытянутого овала со срезанной левой частью. Примечательно, что аналогичное оформление бортика встречено здесь на типично ымыяхтахских по облику вафельных сосудах [Козлов, 1980, с. 57, табл. II, 10, 25, 31; Мочанов и др., 1983, с. 367, табл. 262, 25, 30, 31]. Этот факт, на наш взгляд, также подтверждает раннее происхождение улахан-сегеленняхского комплекса и его формирование на ымыяхтахской основе.

В среднеленском бассейне керамика с «жемчужинами» выявлена на стоянках Хонгсуор и Немюгюнцы (см. рис. 1, 10, 11). На первой (р. Буотома, правый приток Лены) найден фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 15), украшенного двумя рядами близко расположенных «жемчужин». Бортик оформлен косыми (наклон вправо) вдавлениями [Эртюков, 1990, с. 70, 127, табл. 14, 3]. В неопубликованных материалах Н.П. Прокопьева со стоянки Немюгюнцы, обнаруженной в ленской долине Эркээни (приблизительно в 50 км южнее г. Якутска) на пашне у сельской больницы, есть мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 1), орнаментированного по меньшей мере одним рядом «жемчужин», ниже которого сохранились неясные оттиски зубчатого штампа.

Керамика с «жемчужинами» встречена на ряде вилюйских стоянок: Улахан-Эдьек I, II, Усть-Чиркуо I, Сыангда (Тюнг), Хоту-Туулаах. На памятнике Улахан-Эдьек I (см. рис. 1, 2) обнаружен обломок венчика с утолщенным, скошенным наружу бортиком (см. рис. 2, 12), который украшен оттисками двузубчатого (судя по рисункам, в середине бортика вдавления овальные, у внутреннего края – точечные) штампа. Сразу под бортиком расположен ряд «жемчужин» [Антипина, 1980, с. 41–42, табл. I, 15; Эртюков, 1990, с. 57, 127, табл. 14, 8; Мочанов и др., 1991, с. 104, табл. 29, 1]. На стоянке Улахан-Эдьек II (см. рис. 1, 2) найден фрагмент венчика (см. рис. 2, 5), украшенного двумя горизонтальными рядами «жемчужин», по бортику – прямыми параллельными оттисками трехзубчатого штампа [Антипина, 1980, с. 42, табл. I, 20; Эртюков, 1990, с. 57, 127, табл. 14, 6; Мочанов и др., 1991, с. 104, табл. 29, 3].

Комплекс керамики с «жемчужинами», состоящий из шести сосудов, отмечен на стоянке Усть-Чиркуо I (см. рис. 1, 1). В коллекции из подъемных сборов, проведенных на бечевнике р. Вилюй у памятника, зафиксированы фрагменты, по-видимому, трех сосудов, оформленных рубчатой лопаточкой. Первый представлен обломком венчика (см. рис. 2, 11) с отогнутым внутрь бортиком, украшенного двумя горизонтальными рядами «жемчужин» [Мочанов и др., 1991, с. 100, табл. 25, 3]. Второй определяется по фрагменту венчика (см. рис. 2, 20), декорированного по бортику наlepным (?) валиком, рассеченным сгруппированными по две косыми (наклон влево) насечками. Ниже про-

слеживается горизонтальный ряд «жемчужин» [Там же, с. 100, табл. 25, 12]. Третий сосуд выделяется по обломку венчика (см. рис. 2, 16), украшенного наlepным (?) валиком, идущим от бортика вниз на тулово, и двумя горизонтальными рядами «жемчужин» [Там же, табл. 25, 15]. При раскопках, проведенных на стоянке Усть-Чиркуо I в 1962–1963 гг. С.А. Федосеевой, в нижнем слое найден фрагмент венчика (см. рис. 2, 19), орнаментированного, судя по рисунку, тремя горизонтальными рядами близко расположенных «жемчужин», по внешнему краю бортика – прямыми вдавлениями лопатки [Федосеева, 1968, с. 54, 110, рис. 14, 6]. Исследовательница относила этот слой к развитому неолиту [Там же, с. 137]. При последующих работах на стоянке, ее стратиграфия была уточнена и скорректирована. В первом культурном слое, датируемом эпохой палеометалла, был обнаружен мелкий фрагмент венчика (см. рис. 2, 8) с прямым бортиком и «жемчужиной» [Мочанов и др., 1991, с. 76, табл. 1, 9], а во втором (ымыяхтахская культура позднего неолита) – обломок венчика гладкостенного (?) сосуда (см. рис. 2, 21) с округлым бортиком и одним горизонтальным рядом «жемчужин» сразу под ним [Там же, с. 82, табл. 7, 5].

На стоянке Сыангда (р. Тюнг, левый приток Вилюя) в шурфе найдено девять черепков гладкостенной керамики, в т.ч. мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 10), украшенного по меньшей мере двумя горизонтальными рядами «жемчужин». Его бортик оформлен косыми (наклон влево) оттисками трехзубчатого миндалевидного штампа [Там же, с. 49, 158, табл. 84, 2]. Этот памятник – самый северный в Якутии (см. рис. 1, 3), на котором зафиксирована керамика с такой орнаментацией.

На озерной стоянке Хоту-Туулаах (см. рис. 1, 4) обнаружен мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 9), украшенного как минимум двумя горизонтальными рядами «жемчужин». Бортик орнаментирован косыми (наклон влево) вдавлениями [Там же, с. 166, табл. 92, 6].

Перечисленными находками исчерпываются опубликованные на сегодняшний день в археологии Якутии данные о керамике со специфическим элементом орнамента – «жемчужинами», хотя, возможно, это еще не полный список.

Круг ближайших аналогий

Керамическая посуда, украшенная «жемчужинами», была широко распространена в конце неолита и бронзовом веке в Забайкалье, Прибайкалье, Приангарье, а также Западной Сибири. Ближайшие аналогии улахан-сегеленняхской керамики прослеживаются в Прибайкалье. В частности, указывается, что ряды «жемчу-

жин» и линии, выполненные протягиванием палочки с периодическими нажимами, считаются наиболее характерными элементами орнамента на глазковских сосудах [Хлобыстин, 1987, с. 332]. По информации В.В. Краснощёкова и А.В. Тетенькина, рубчатая и гладкостенная керамика, декорированная «жемчужинами», найдена на стоянках Усть-Чикальтуй-1 (культурный слой I) в верховьях Лены южнее с. Жигалова и Усть-Миня-1 (культурный слой I) в бассейне р. Киренга (правый приток Лены) на севере Иркутской обл. (см. рис. 1, 13, 14). Территориально близкими, а возможно и входящими в ареал улахан-сегеленняхской культуры, являются также комплексы витимских стоянок Усть-Каренга-12, -14, -16 (везде культурный слой I) (см. рис. 1, 15), содержащие вафельную керамику с отогнутым наружу венчиком, украшенную ямочным орнаментом, «жемчужинами» и штампами (устные сообщения А.В. Тетенькина и В.М. Ветрова). Радиоуглеродные даты $3\ 250 \pm 40$ (ЛЕ-2649) и $3\ 670 \pm 40$ (ЛЕ-2650) л.н., полученные на этих местонахождениях [Ветров, Самуилова, 1990, с. 123], в целом аналогичны датам южно-якутских памятников улахан-сегеленняхской культуры. А.Н. Алексеев отмечал, что «по основным показателям сосуда с Олёкмы и Витима идентичны», а «Витим, стыковая зона Приамурья, Забайкалья и Якутии, был, надо полагать, одним из путей, по которому в Якутию проникла традиция нанесения “жемчужин” на стенки сосудов» [1996, с. 77].

На поселении Алдакай I (см. рис. 1, 12), находящемся на р. Амедичи в бассейне верхнего Алдана, обнаружена керамика, в которой сочетаются черты ымыяхтахской (круглодонность, вафельный декор) и синхронных ей культур Забайкалья и Прибайкалья (налепные валики, рассеченные многозубчатым штампом, вдавления-каннелюры и др.) [Воробьев, 2003, с. 62–63]. Данный керамический комплекс, возможно, не является «чистым» улахан-сегеленняхским, т.к. выдавленные изнутри сосуда «жемчужины», как яркий определяющий признак керамики этой культуры, здесь не выявлены, хотя на одном фрагменте венчика у бортика прослежен округлый налеп, имитирующий «жемчужину» [Там же, с. 58, 62, рис. 9, 13]. Кроме того, в алдакайской коллекции отмечены сосуды, орнаментированные валиками, что не характерно для улахан-сегеленняхской посуды. С.А. Воробьев относит данный памятник к эпохе бронзы, исходя в основном из полученной для дна жилища радиоуглеродной даты $3\ 185 \pm 65$ л.н. (СОАН-4730) [Там же, с. 46, 62]. При этом автор указывает, что, хотя основной компонент комплекса имеет автохтонные черты, включать его в число «чистых» усть-милских преждевременно [Там же, с. 64]. В материалах памятника Алдакай I, помимо местных корней и заметного влияния культур позднего неолита и бронзового века Прибайкалья и Забайкалья, явно прослежи-

вается связь с вознесеновской поздненеолитической культурой Приамурья. Наглядным примером могут служить наконечники стрел с четырехгранным жалом, оформленным своеобразными имитационными сколами типа резцовых [Там же, с. 48–50]. Аналогичный прием оформления наконечников отмечен на нижнеамурских поселениях позднего неолита Кабачи, Кольчем-3, Малая Гавань, Гончарка-1 [Шевкомуд, 2004, с. 54, 85–86, 113, табл. 36, 7; 64–I, 6, 7]. Вместе с тем археологические материалы вознесеновской культуры [Медведев, 2005, с. 253–259] существенно отличаются от алдакайских.

Комплексы с керамикой, украшенной «жемчужинами», объединяемые в самостоятельную большебухтинскую культуру, обнаружены на ряде памятников Северо-Восточного Приамурья и Сахалина, отдельные находки зафиксированы на материковом побережье Татарского пролива [Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52, 66, табл. 10]. Радиоуглеродные даты, полученные в основном по пищевому нагару на сосудах с поселений Голый Мыс-1 и Большая Бухта-1, показывают, что эта культура существовала в пределах середины – второй половины I тыс. до н.э. [Шевкомуд, 2008, с. 168], а вероятнее всего, в VII–IV вв. до н.э. [Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52]. Большебухтинские гончарные изделия представлены круглодонными тонкостенными сосудами, украшенными рядами «жемчужин» и композициями в технике отступающей лопаточки. Керамику сопровождает неолитоидный каменный инвентарь [Шевкомуд, 2008, с. 164, 168, табл. 5, 3, 4]. Происхождение большебухтинской культуры связывается исследователями с влиянием восточно-сибирских культур и даже неолита и бронзового века Якутии [Там же, с. 169; Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52].

Выводы

Характерными особенностями керамики улахан-сегеленняхской культуры являются следующие:

1. Формовка сосудов проводилась методом выдавливания емкости из кома глины руками и выколачиванием стенок ударно-прессующим инструментом с одновременным прикладыванием с внутренней стороны гладкого камня-наковаленки (в некоторых случаях с послойным наращиванием тонких глиняных пластов). Найдена однослойная и двухслойная керамика. Похожая технология изготовления прослеживается по материалам археологических памятников Якутии от раннего неолита до средневековья.

2. Сосуды имеют преимущественно усложненную профилировку – с горловиной либо выраженным устьем и округлым дном. Горшки такой формы лишь изредка встречаются в поздненеолитических комплексах Якутии [Федосеева, 1980, табл. 2; Воробьев, 1999,

с. 75, рис. 2], а также на памятниках усть-мильской культуры, в которой не являются преобладающими [Эртюков, 1990, табл. 24; 1992, рис. 2].

3. Состав теста улахан-сегеленняхской керамики изучен только по материалам некоторых памятников, поэтому нет оснований для широких выводов, тем более что петрографический анализ не проводился. Визуально в черепках отдельных сосудов определены песок, дресва (зерна кварца), шерсть и растительные остатки. Такой состав больше всего характерен для ымыяхтахской керамики, поэтому наличие органических примесей в тесте указывает на генетическую связь улахан-сегеленняхской культуры с ымыяхтахской, что, впрочем, отмечается и для других культур бронзового века Якутии (усть-мильской и сугуннахской).

4. Найдены сосуды как с техническим декором (вафельные и, в меньшей мере, рубчатые), так и без него (гладкостенные). Наличие вафельных, рубчатых и гладкостенных сосудов характерно для ымыяхтахских памятников [Федосеева, 1980], а также комплексов раннего железного века Якутии [Константинов, 1978]. Это отмечается и для глазковской культуры [Хлобыстин, 1987, с. 331]. Классическая же усть-мильская керамика гладкостенная.

5. В декоре улахан-сегеленняхских сосудов, помимо простых, встречаются сложные композиции из горизонтальных рядов округлых вдавлений, орнаментальных полос, выполненных зубчатыми и фигурными штампами, в т.ч. и антропоморфных изображений, имитирующих круговой хороводный танец. Обязательно наличие в зоне венчика от одного до трех горизонтальных рядов «жемчужин», выдавленных изнутри. Бортики почти всегда украшены вдавлениями и оттисками штампов. Характерно почти полное отсутствие налепного орнамента, являющегося основным отличительным признаком усть-мильской керамики, а также прочерченных узоров, из которых состоит подавляющее большинство композиций на ымыяхтахской посуде.

Обобщая выводы, можно констатировать, что во II тыс. до н.э. в Южной, Юго-Западной и Западной Якутии, вплоть до центральных ее областей, распространилась улахан-сегеленняхская культура. Ее основным индикаторным признаком является керамика, украшенная «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов. Она имеет черты керамики как материнской ымыяхтахской культуры, так и пришло-го населения [Дьяконов, 2007, 2008, 2009, 2011; Алексеев, Дьяконов, 2009]. Улахан-сегеленняхские сосуды изготавливались техникой выколачивания, они круглодонные, имеют усложненную профилировку, стенки средней толщины. Характерна вафельная керамика, но встречается также рубчатая и гладкостенная. Улахан-сегеленняхская посуда по ряду признаков резко

отличается от усть-мильской и ымыяхтахской. Основу пришлого компонента среди улахан-сегеленныхцев составляли, по-видимому, глазковские племена, проникшие на территорию Якутии через верховья Лены, Вилюя, Олёкмы и Алдана. По имеющимся радиоуглеродным датам предварительно определяются календарные рамки существования улахан-сегеленныхской культуры – $1\,900 \pm 400 \dots 1\,350 \pm 350$ лет до н.э., это не менее 550 лет. Ее распространение, судя по всему, не было сплошным и всеобъемлющим, но охватывало обширную таежную территорию Южной, Юго-Западной и Западной Якутии.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е.** Археология Якутии (эпоха палеометаллов и средневековья): учеб. пособие. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1991. – 111 с.
- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М.** Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 26–40.
- Антипина Н.В.** Новые археологические памятники Верхнего Вилюя // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 41–45.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 192 с.
- Багдарыын Сүлбэ.** Топонимика Якутии: науч.-попул. очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.
- Ветров В.М., Самуилова О.В.** Новое направление в археологии Верхнего Витима (эпоха палеометалла) // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археол. студ. конф., 29–31 марта 1990 г. / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 122–124.
- Воробьев С.А.** Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы ее технологии // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 64–86.
- Воробьев С.А.** Алдакай I – поселение эпохи бронзы в Южной Якутии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 44–65.
- Воробьев С.А.** Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Чуга II в полевой сезон 2006 года. Нерюнгри, 2007. 144 с. // Архив ОПИ ИА РАН.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 76–82.
- Дерюгин В.А., Лосан Е.М.** Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / отв. ред. И.Я. Шевкомуд. – Хабаровск: Хабар. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – С. 47–73.
- Дьяконов В.М.** К вопросу о составе керамики усть-мильской культуры Якутии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 33–35.
- Дьяконов В.М.** Антропоморфные изображения на керамике бронзового века Якутии // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / под ред. Ю.Ф. Киришина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 36–39.
- Дьяконов В.М.** Многолинейность развития культур бронзового века Якутии // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 62–67.
- Дьяконов В.М.** К проблеме перехода от позднего неолита к бронзовому веку в археологии Якутии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. – 2008. – № 37 (80). – С. 104–108.
- Дьяконов В.М.** Поздний неолит Центральной Якутии (по материалам памятников долины Туймаада): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2009. – 22 с.
- Дьяконов В.М.** Погребение Нелегер – памятник усть-мильской культуры и вопросы хронологии погребальных комплексов бронзового века Якутии // VI Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. – С. 110–113.
- Дьяконов В.М.** Керамика улахан-сегеленныхского типа в бронзовом веке Якутии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.) / под ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 163–170.
- Дьяконов В.М., Эртюков И.В.** Анализ орнамента и состава керамики бронзового века Якутии // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: (мат-лы XLI РАЭСК. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.) / под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 210–212.
- Жушиховская И.С., Понкратова И.Ю.** Сырьевая база, климат и традиции древнего гончарства (по материалам культур Восточной и Северо-Восточной Азии) // Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 103–149.
- Зыков И.Е.** Новые данные о времени перехода от неолита к бронзовому веку в Якутии // Идейно-политическое воспитание молодежи в свете решений XXV съезда КПСС. – Якутск: [б.и.], 1978. – С. 36–38.
- Кириллин А.С.** Многослойная стоянка Улахан Сегеленных на реке Токко // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 246–251.
- Кирияк (Дикова) М.А.** Каменный век Чукотки (новые материалы). – Магадан: Кордис, 2005. – 254 с.
- Козлов В.И.** Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 55–61.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.

Ксенофонт Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. кн. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. – Т. 1, кн. 2. – 320 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–267.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 515–539.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Ноосфера и археология // Наука и техника в Якутии. – 2001. – № 1. – С. 28–33.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внутропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: докл. для Междунар. Сев. археол. конгр. (г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.). – Якутск: Полярный круг, 2002. – 60 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии: Бассейны Вилюя, Анабара и Оленёка. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Окладников А.П. История Якутии. – Якутск: [Якут. гос. тип.], 1949. – Т. 1. – 436 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 430 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2, вып. 5–9. – Стб. 1280–2508.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: Кн. изд-во, 1970а. – С. 128–142.

Федосеева С.А. Эпоха бронзы на Алдане (по материалам многослойной стоянки Белькачи I) // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970б. – Вып. 3. – С. 303–313.

Федосеева С.А. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история Юго-Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 146–158.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Федосеева С.А. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества: Очерки по дописьменной истории Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: Литограф, 1999. – 132 с.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–350.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии / под ред. В.В. Питулько, В.Я. Шумкина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

Шевкомуд И.Я. Большебухтинская культура в Нижнем Приамурье // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2008. – Вып. 5. – С. 158–170.

Эверстов С.И. Этническая идентификация ымыяхтахских памятников Нижней Индигирки // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: мат-лы Междунар. науч. конф. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 206–210.

Эверстов С.И. Сугуннах – новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999а. – С. 40–54.

Эверстов С.И. Изображения на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999б. – С. 54–64.

Эверстов С.И. Пионеры бронзолитейного производства Якутии (в свете новых археологических открытий) // IV Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 83–87.

Эртюков В.И. Основные типы керамики бронзового века Алдана // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 88–94.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования в Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 144–160.

*Материал поступил в редколлегию 21.12.11 г.,
в окончательном варианте – 04.05.12 г.*

УДК 903.2

С.В. Полин¹, Е.Г. Карнаух²¹Институт археологии Национальной академии наук Украины
пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина
E-mail: polin-arheo@ukr.net²Дочернее предприятие Охранная археологическая служба Украины «Лукоморье»
Института археологии Национальной академии наук Украины
пл. Коммунаров, 1, Николаев, 54000, Украина
E-mail: dezz14@mail.ru

СКИФСКИЙ КУРГАН IV В. ДО Н.Э. У СЕЛА КРЕМЕНЕВКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

В статье даются анализ и интерпретация курганного комплекса IV в. до н.э., расположенного у с. Кременевка (Донецкая обл., Украина) в Северо-Восточном Приазовье. Определяются точные типы амфор, уточняется дата комплекса – в пределах третьей четверти IV в. до н.э. По стратиграфическим данным полностью реконструирован и описан уникальный для степей Северного Причерноморья погребальный обряд.

Ключевые слова: Северное Приазовье, курганы, тризна, скифы, амфоры, бронзовый литой котел, пластинчатый конский налобник, IV в. н.э.

В 1977 г. Донецкая экспедиция ИА АН УССР под руководством С.Н. Братченко исследовала группу курганов у с. Кременевка Володарского р-на Донецкой обл. Украины (рис. 1, А). Здесь среди объектов эпохи бронзы были раскопаны курган скифского времени № 5 и объект с остатками тризны того же периода – кург. № 7. Материалы раскопок не введены в научный оборот*. Впрочем, в научной литературе высказывались мнения, основанные на ошибочных определениях большинства амфор, которые приведены в отчете о раскопках, например, о том, что кург. № 5 представляет собой святилище IV в. до н.э., а кург. № 7 – святилище, функционировавшее на протяжении скифо-сарматского времени от IV в. до н.э. до I в. н.э. [Шепко, Швецов, 1998, с. 118; Шепко, 1999, с. 33; 2000, с. 101; Болтрик, 2007, с. 47].

По данным отчета [Братченко и др., 1977], с. 15–17, 25–27], кург. № 5 и 7 находились на пологом склоне степного плато в 200 м к востоку от основной группы курганов у с. Кременевка, вытянутых неровной цепоч-

кой на водораздельном гребне в направлении северо-запад – юго-восток (рис. 1, Б). Курганы плотно примыкали лапами друг к другу: кург. № 7 находился на расстоянии всего 5 м к западу от кург. № 5. Раскопки обоих объектов начинались с прокладки с помощью бульдозера траншей глубиной до материка, которые проходили через центр. Когда под насыпями обнаружались своеобразные мощные каменные конструкции, исследование курганов стало проводиться вручную, с тщательной фиксацией. Найденные в обоих курганах фрагменты амфор были неверно определены типологически и также неправильно датированы, что дало основание рассматривать объекты обособленно друг от друга и датировать по-разному. В действительности объекты № 5 и 7 планиграфически составляют единый комплекс скифского времени и относятся, как установлено анализом находок, к одному времени. Собственно курганом являлся объект № 5, а объект № 7 назван курганом условно, это было место проведения тризны.

Кург. № 5. Высота 1,75 м от древнего горизонта. Насыпь овальной формы, в поперечном сечении 32 и 26 м (рис. 2). Вершина кургана уплощена, южный

*Предварительную информацию о памятнике см.: [Полин, Карнаух, 2010, с. 33].

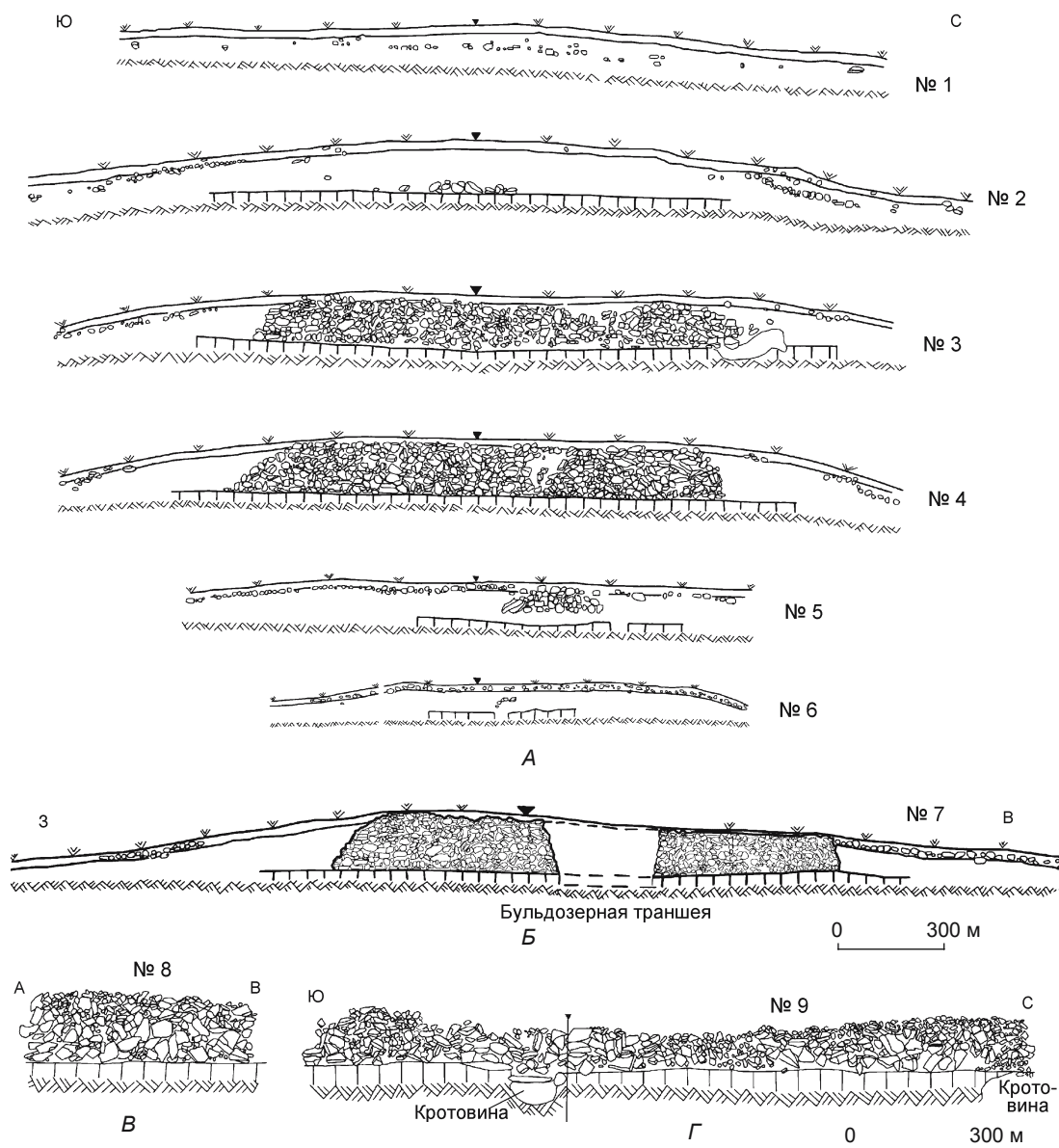

Рис. 3. Стратиграфические разрезы кург. № 5.

А – по линии север – юг, вид с востока; В – по линии восток – запад (реконструкция), вид с юга; В – фас каменной платформы, уч. А–В в разрезе 2, вид с запада; Г – фас восточной дуги платформы, вид с востока.

склон пологий. В северо-западной части – грабительский ход. В стратиграфическом разрезе центральной бровки прослежены: погребенная почва мощностью 0,3 м с уровня древнего горизонта в 1,75 м от «0»*, материковый суглинок с уровня 2 м от «0», дерновый слой на поверхности объекта толщиной 0,15 м. В центре кургана обнаружена установленная на древней дневной поверхности каменная конструкция в виде сплошной, сложенной из камней платформы с крутыми склонами. Высота платформы 1,5 м, длина по ли-

нии север – юг 14 м. С боков к ней примыкала гумусированная насыпь. Видимая линия древнего горизонта четко прослеживалась под каменной конструкцией и за ее пределами на 2 м (рис. 3).

Под каменной конструкцией погребений обнаружено не было. По-видимому, кург. № 5 является кенотафом, не содержащим захоронения. В древнем горизонте в 5–6 м к юго-востоку от «0» найдены фрагменты двух амфор (1*) – ими, вероятно, от-

*Условная точка в центре кургана на его поверхности, от которой велись замеры глубин и расстояний.

*Здесь и далее цифры, выделенные жирным шрифтом, соответствуют порядковым номерам вещей, обнаруженных в комплексе.

мечено место символического погребения, рядом с которым происходила поминальная тризна. Над погребением была сооружена каменная платформа овальной формы размерами 17×14 м в основании, вытянутая по линии северо-восток – юго-запад. В разрезе она имела вид низкого широкого усеченного конуса с наклоненной к востоку плоской вершиной шириной 13–15 м. Высота ее в самой высокой точке в западной части достигала 1,75 м, в восточной – 1,0 м. Вершина платформы разрушена в ходе регулярной вспашки, вероятно, не более чем на 0,2–0,3 м. Высота ее в древности, по-видимому, не превышала 2 м. Бока платформы очень крутые – угол наклона 40–80°. Конструкция представляла собой сооружение из гранитных камней с грунтовым заполнением между ними. Камни уложены достаточно плотно и аккуратно. Грунт между камнями конструкции появился несомненно в результате фильтрации атмосферных осадков сквозь грунтовую часть насыпи кургана. По краю конструкции уложены массивные камни размерами 0,9×0,6×0,4 м. Большая их часть имела острые грани: камень, вероятно, был выломан в карьере накануне строительства платформы.

Прилегающая к каменному сооружению грунтовая насыпь появилась практически сразу после завершения строительства платформы. На это указывают прежде всего очень большая крутизна склонов каменной платформы (местами до 80°), а также малочисленность мелких камней на древнем горизонте у ее подножия. Если бы создание каменной платформы и перекрывшей ее грунтовой насыпи, подпиравшей стены, разделял промежуток времени, края платформы несомненно обвалились бы в результате естественного разрушения и стали пологими. Грунтовая насыпь в поперечнике составляла ок. 22–25 м. Несомненно, первоначально слой грунта (судя по наклону сохранившихся по краям остатков каменного панциря толщиной не более 0,5 м) покрывал и вершину каменной платформы. Грунт для сооружения насыпи брался по краям кург. № 5; такой вывод можно сделать с учетом отсутствия древней почвы далее 2 м от каменной платформы и довольно значительного понижения уровня материка в полах кургана (рис. 3, А, профили № 2–4), а также рядом с ним – в разрезах соседнего кург. № 7 отсутствует уровень древней почвы, полностью выбраны черноземный грунт и материк на глубину до 0,5–0,6 м (рис. 4, разрезы № 1, 2). Поверхность земляной насыпи кург. № 5 была покрыта сплошным панцирем шириной до 25 м из мелких гранитных камней, остатки которого сохранились в полах кургана. В центре панцирь разрушен вспашкой, о чем свидетельствуют находившиеся в дерновом слое небольшие камни.

В древности высота всей конструкции кург. № 5 не превышала 2,5 м при диаметре ок. 25,0 м. По завер-

шении его сооружения около западной полы кургана была совершена поминальная тризна, объект с ее остатками при раскопках был назван курганом № 7.

Курган № 7. Отправление тризны сопровождалось подсыпкой слоя гумусированного грунта толщиной до 1 м с восточной стороны кург. № 5, в месте выемки грунта, который использовался при сооружении насыпи; в нем и были обнаружены различные поминальные приношения. Зафиксированная на момент раскопок высота насыпи кург. № 7 достигала 0,7 м от уровня окружающего поля, диаметр – ок. 25–30 м. На распаханной поверхности встречались отдельные обломки амфор и камни. В разрезах прослежены пахотный слой, в нем и под ним по краям насыпи находились остатки разрушенного вспашкой каменного панциря, а также материковый суглинок с уровня 0,9 м от «0». Линия древнего горизонта не отмечена. В центральной части кургана в разрезах заметна ровная выемка в материке глубиной до 0,5–0,6 м (рис. 4).

В грунте насыпи, в основном в центральной части, найдены остатки тризны: кости и зубы животных, фрагменты девяти амфор (2–10); обломки одной чернолаковой миски (11); мелкий фрагмент венчика другого тонкостенного чернолакового сосуда миниатюрных размеров, не позволяющий восстановить форму; обломки лепного кувшина (12); бронзовое зеркало (13); железная подпружная пряжка (14); фрагмент каменного оселка (15); бронзовый литой котелок (16); бронзовый конский пластинчатый налобник (17). После завершения тризны курган покрыли слоем мелких камней (диаметр 15 м по внешнему краю); его остатки мощностью 1,5–2,0 м сохранились в полах кургана, а центральная часть панциря разрушена регулярной распашкой.

Проведем анализ находок из курганов.

Курган № 5. 1. Фрагменты ручки и венчика красноглиняной амфоры (рис. 5, 11) по размерам, морфологии и составу теста относятся к амфорам, которые надежно датируются серединой первой – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 161]. Еще один фрагмент представляет амфору из неустановленного центра. Такая же почти целая амфора № 5 найдена в кург. № 7 (рис. 5, 3). Аналогичные амфоры, надежно датирующиеся по многочисленным клеймам концом второй четверти IV в. до н.э., представлены в месте тризны рядом с кург. № 32 около г. Орджоникидзе на Днепропетровщине [Полин, в печати]. Таким образом, по этим амфорам кург. № 5 можно датировать ок. второй – третьей четверти IV в. до н.э., а с уточнением по комплексу находок из кург. № 7 – ок. середины IV столетия.

Курган № 7. Содержал достаточно обширный набор разнообразных вещей, которые позволяют точно определить дату и культурную принадлежность па-

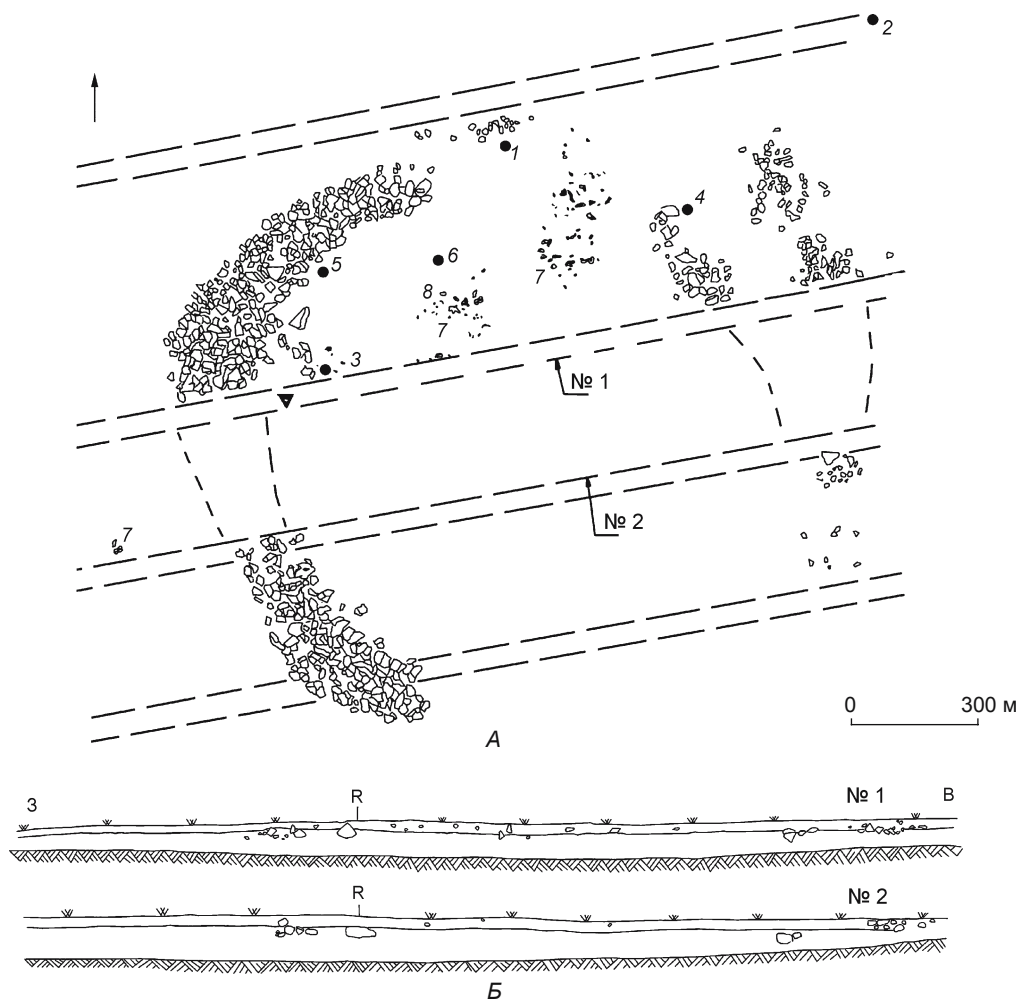

Рис. 4. План (А) и стратиграфические разрезы (Б) кург. № 7.

1 – фрагменты бронзового предмета; 2 – бронзовый пластинчатый конский налобник; 3 – чернолаковая чаша; 4 – каменный оселок; 5 – бронзовое зеркало; 6 – бронзовый котел; 7 – керамика; 8 – кости животных.

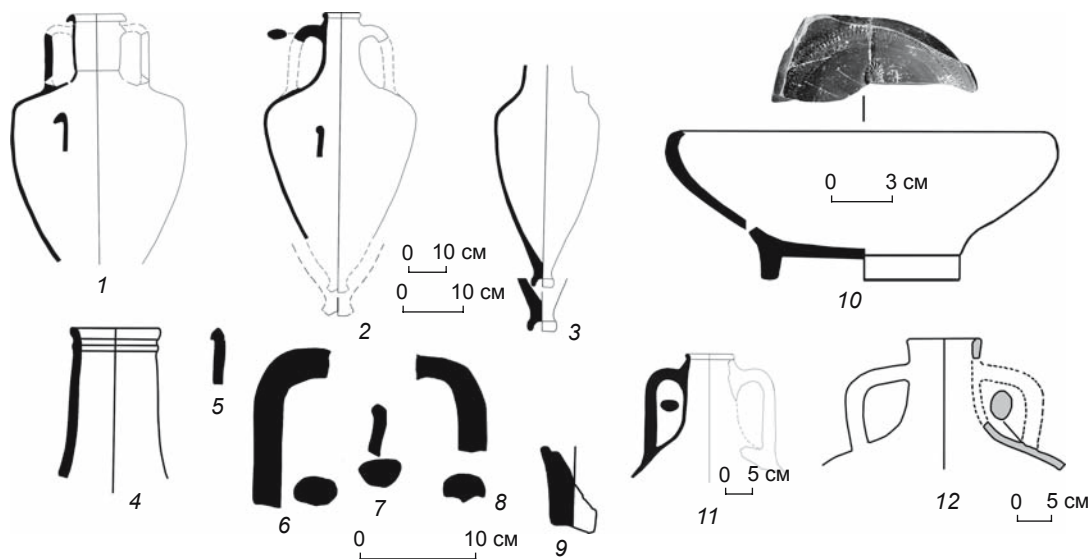

Рис. 5. Находки из кург. № 5 (11) и 7 (1-10, 12) у с. Кременевка.

1-9, 11 – фрагменты красноглиняных амфор; 10 – чернолаковая миска; 12 – лепной кувшин.

мятника. В отчете и тезисных публикациях найденные здесь сосуды были определены и датированы очень приблизительно, в основном совершенно неверно, иногда с погрешностью до эпохи. В действительности в кургане обнаружены три амфоры из Гераклеи (2–4), амфора типа Солоха I (5), две псевдохерсонесские амфоры (6, 7), амфора, изготовленная в неустановленном центре (8), амфора типа Муригиоль (9) и три ручки амфоры из еще одного неустановленного центра (10).

2. Амфора № 1 – гераклейская пифоидная*. Форма сосуда восстановлена из найденных фрагментов на 90 %. Отсутствуют донышко и средние части ручек, а также часть горловины, на которых у гераклейских амфор обычно ставилось клеймо. Высота реставрированной части 54 см, максимальный диаметр тулова 35,5, диаметр венчика 9, высота верхней части от максимального диаметра до обреза венчика 25, реконструируемая общая высота 66,5 см. Амфора по морфологии соответствует типу I-3 или I-4 либо типу I-A-3 гераклейских пифоидных амфор по С.Ю. Монахову (рис. 5, 2), изготавливавшихся с конца V в. до н.э. до 330-х гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 142, табл. 87, 2, 3, 8; 88, 5, 8; 89, 4; 92, 5]. Большая серия аналогичных амфор с клеймами ΑΨΟΓΟ, ΕΠΙ ΘΕΛΩΡΟ | ΦΙΛΙΣΚΟΣ и ΦΙΛΙ[Σ] | ΚΟ[Υ] обнаружена в огромном амфорном комплексе 340–330 гг. до н.э. среди остатков тризны рядом с Александропольским курганом (Нижнее Поднепровье) [Полин, 2010, с. 273, рис. 3, 4–9].

3, 4. Амфоры № 2 и 3 – гераклейские, конические (рис. 5, 7, 9). Представлены значительно меньшим количеством фрагментов. Отдельные обломки венчика, ручек характерной длины, реберных частей тулова, цилиндрических ножек позволяют представить лишь общую форму сосудов без детальной характеристики. Согласно разработкам С.Ю. Монахова, конические амфоры относятся к типу II гераклейских амфор, представленному несколькими разновидностями. Сосуды изготавливались в конце 370-х гг. – второй четверти III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 134–139].

5. Амфора № 4 – большая пифоидная, типа Солоха I, с развитым грибовидным венцом. Придонная часть и ножка отсутствуют. Амфора восстановлена на высоту 64 см. Максимальный диаметр тулова 44 см, диаметр венчика 15,5 см. Реконструируется большой пифоидный сосуд высотой не менее 75 см (рис. 5, 1). Период бытования таких амфор, которые делали во многих центрах, ограничивается второй – третьей четвертью IV в. до н.э. [Там же, с. 102–104; Мозолевский, Полин, 2005, с. 324–327]. Амфора № 4 имеет необычно тонкие для сосудов таких габаритов

круглые в сечении ручки диаметром 2 см, идентичные ручкам знаменитой серебряной амфоры того же типа из Чертомлыка [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 266]. Сходство со знаменитой амфорой усиливает углубленная горизонтальная черта в основании горловины. Если для металлической амфоры 2-сантиметровые ручки не создают проблем для нормального использования сосуда, то для керамического изделия такие ручки не приемлемы, амфора может эксплуатироваться в основном в качестве декоративной. Ввиду малого размера основания глиняная ручка на кремневой амфоре № 4 в нижней части прилеплена к плечу не традиционным способом – широким пальцевым вдавлением, а придавлена ногтем, поэтому это основание, представленное мелким обломком, выглядит раздвоенным. Исследователи кургана определили ручку как двуствольную. С учетом данной характеристики были сделаны далеко идущие выводы как в хронологическом, так и культурном плане*.

6, 7. Амфоры № 6 и 7 – красноглиняные, псевдохерсонесские, представлены фрагментами ручки и венчика, а также полноразмерной ручки с фрагментом венчика и выходом на тулово в нижней части. Реконструируется горловина одного сосуда. Диаметр венчика 11,7 см, высота ручки 13, ширина ручки в сечении 3,6 см (рис. 5, 5, 6). По размерам, морфологии и составу теста изделия относятся к амфорам, которые недавно считались изготовленными в Пантикапее или принадлежащими к раннему типу амфор Херсонеса, а ныне определяются как продукция неустановленных центров в Пропонтиде или Северной Эгее и надежно датируются в пределах середины первой – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 161].

8. Амфора № 5 из неустановленного центра. Аналогична одной из амфор, найденной в кург. № 5. По имеющимся фрагментам восстанавливается большая часть сосуда от пятки до нижней части горловины на высоту 57 см с максимальным диаметром тулова 27 см. Отсутствует верхняя часть горловины и ручки. Полная высота сосуда составляла ок. 65 см (см. рис. 5, 3). Шесть аналогичных амфор, среди которых также нет ни одного полного образца, найдены среди остатков поминальной тризны у кург. № 32 около г. Орджоникидзе; они датируются концом второй четверти IV в. до н.э. [Полин, в печати]. Это некрупные амфоры с узким веретенообразным туловом на высокой тонкой цилиндрической ножке, со слегка расширенной

*В отчете определена как херсонесская сероглиняная амфора с коричневым ангобом.

*«Двуствольность» ручки – не основание для безоговорочного отнесения амфоры к позднеэллинистическому или раннеримскому времени. Двуствольные ручки появляются на некоторых амфорах в архаический период, но лишь в позднеэллинистический период они приобретают массовое распространение и становятся временным признаком.

пяткой и со слабо выраженной выемкой снизу. Тесто амфор светло-терракотовое, с большим количеством мелкого песка и изобилием блесков слюды, а также с отдельными мелкими включениями толченого кварца и пироксена. По профилировке ножки данного сосуда напоминают ножки некоторых амфор Пепарета (см., напр.: [Монахов, 2003, табл. 69, 1; 70, 2]), однако небольшие размеры кременевских амфор, а также их цвет, абсолютно чуждый для изделий Пепарета, и состав теста исключают даже отдаленную связь.

9. Амфора № 6 – типа Муригиоль. Найдены фрагменты одной, возможно, двух амфор данного типа (имеются три мелких фрагмента стенок иной окраски). Представлены обломки венчика и горла с характерными двумя узкими тонкими декоративными выступами-валиками под венчиком (см. рис. 5, 4). Амфоры типа Муригиоль С.Ю. Монахов относит к продукции неустановленного центра круга Фасоса и отмечает их морфологическое сходство с гераклейской и фасосской тарой IV в. до н.э. До последнего времени амфоры типа Муригиоль в Северном Причерноморье были известны лишь в комплексах первой половины IV в. до н.э. [Там же, с. 79–80, табл. 55, 4–8]. В 2004–2009 гг. более 30 амфор типа Муригиоль найдены среди остатков тризны в Александропольском кургане, датирующихся не позднее 340–330 гг. [Полин, 2010, с. 281–282, рис. 11, 1–5]. Они являются самыми поздними среди себе подобных в Северном Причерноморье и свидетельствуют о бытовании до начала третьей четверти IV в. до н.э. Амфоры типа Муригиоль третьей четверти IV в. до н.э., в отличие от амфор первой половины IV в. до н.э., несколько больше по размерам и емкости, а также не имеют валикообразных выступов под венчиком. Наличие таких валиков под венчиком на амфоре (или амфорах) типа Муригиоль из Кременевки, вероятно, позволяет датировать изделие в пределах первой половины IV в. до н.э., не позднее середины столетия.

10. Амфора № 7 – продукция еще одного неустановленного центра. Представлена тремя короткими ручками длиной 9 см, две из которых с характерным профилем – линзовидным, с выступающим ребром по всей длине с одной стороны, на третьей ручке такое ребро не выражено вовсе. Тесто грубое, с включениями песка и пироксена. Определить центр изготовления трудно (см. рис. 5, 8). Ручки, подобные двум описанным, имеются на большом трехручном фасосском пифосе из Толстой Могилы, у них ребра сделаны в целях усиления прочности ручек для нормального использования столь большой и тяжеловесной амфоры [Мозолевский, 1979, с. 66, рис. 51]. В Северном Причерноморье были найдены четыре трехручные амфоры – в Толстой Могиле, на Елизаветовском городище [Брашинский, 1980, с. 33, табл. XXIII, 10], в кург. № 66 у с. Бобрица [Бобринский, 1901, 129–130]

и кургане Курджипс [Алексеев, 1987, с. 30–31; Галанина, 1980, с. 32, 117, № 140]. Все они являются продукцией различных греческих центров, sporadически выпускавших такие амфоры на протяжении IV в. до н.э. [Мозолевский, Полин, 2005, с. 363]. Если амфора № 7 из Кременевки отнесена нами к трехручным правильно, то коллекция последних обогатилась уникальной находкой, датирующейся не позднее середины IV в. до н.э., хотя ничего определенного нельзя сказать ни о центре изготовления, ни о форме и размерах самой амфоры.

В целом набор амфор из Кременевки можно датировать примерно серединой IV в. до н.э.

11. Фрагменты аттической чернолаковой миски диаметром 19,4 см, высотой 7,2 см (см. рис. 5, 10). Лак хорошего качества. Внутри на доньшке – штампованный орнамент из нескольких пальметок (сохранилась одна), расположенных по кругу и окруженных широким кольцом мелких насечек. Нижняя поверхность доньшка покрыта лаком. Подобные миски по материалам Афинской Агоры датируются от первой до конца третьей четверти IV в. до н.э., в основном третьей четвертью [Sparkes, Talcott, 1970, № 826, 828, 832, 835–842]. С учетом временного определения кременевского амфорного комплекса предпочтительной представляется дата не позднее середины столетия.

12. Лепной кувшин крупных размеров*. Тесто плотное, с примесью крупного песка и толченого кварца. Поверхность хорошо заглажена, местами подлощена. Внешняя поверхность красновато-коричневого цвета, окраска неровная, внутренняя – черная. Малочисленность сохранившихся фрагментов позволяет лишь приблизительно реконструировать верхнюю часть сосуда от венчика до плеча, которая представляет кувшин с высоким цилиндрическим горлом и широкими покатыми плечами. Сохранились следы крепления одной ручки. Возможно, их было две. Диаметр венчика 11,5 см, высота горловины ок. 14, диаметр тулова 35–40 см (см. рис. 5, 12). Ближайшие аналоги – лепные кувшины из Днепро-Донской лесостепи, датирующиеся V–IV вв. до н.э. [Медведев, 2006, с. 28, рис. 3, 6; Пеляшенко, Гречко, 2011, рис. 1, 10–13; 2, 9, 10].

13. Бронзовое зеркало – литое, круглое, с утолщением по краю. В нижней части сохранились следы крепления железными заклепками деревянной или костяной ручки, утраченной к моменту обнаружения зеркала. Диаметр диска 14,5 см, толщина – 0,12 см (рис. 6, 1). Относится к одному из массовых типов скифских зеркал. По данным Т.М. Кузнецовой на 1980 г., известно 39 подобных зеркал с ручками, которые были утрачены (6-я группа класса II), из комп-

*В отчете определен как гончарный красноглиняный кувшин.

Рис. 6. Находки из кург. № 7 у с. Кременевка.

1 – бронзовое зеркало; 2 – каменный оселок; 3 – железная подпружная пряжка; 4 – бронзовый котел.

лексов, датированных VI – рубежом IV–III вв. до н.э. [1987, с. 43]. За последующие десятилетия количество подобных находок значительно возросло.

14. Подпружная железная прямоугольная пряжка, деформированная и разломанная. Короткая часть рамки практически полностью обломана и утрачена. Размеры 3,5×2,5 см (рис. 6, 3). Подобные пряжки на одной из коротких сторон имеют загнутый заостренный или прямой вертикальный шип с грибовидной шляпкой на конце. Прямоугольные подпружные пряжки использовались в Скифии во второй – третьей четверти IV в. до н.э.

15. Фрагмент оселка неправильной формы – изготовлен из песчаника. Размеры 9×3 см (рис. 6, 2). Бесформенный, толщина и размеры свидетельствуют о его использовании в качестве абразива, в отличие от погребальных оселков, по-видимому, выполнявших функцию амулетов [Грязнов, 1961, с. 142; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 107–108].

16. Миниатюрный бронзовый котелок с полусферическим гладким туловом и двумя вертикальными ручками с тремя выступами сверху, на высоком полорюмковидном поддоне. Общая высота котелка 16,5 см, диаметр 17 см (рис. 6, 4; 7). Поддон был прилит к корпусу снизу. Его наружные края соединены с нижней частью корпуса и расклепаны по горячему металлу по его поверхности (рис. 7, 4). Пролив металла осуществлялся сквозь технологическое отверстие в нижней части корпуса внутрь поддона, где был расклепан «накрест». Таким образом было обеспечено надежное и абсолютно жесткое соединение корпуса с поддоном (рис. 7, 2, 3). Вызывает удивление низкое качество котелка. Сам металл местами сохранил ненормальную пористость (рис. 7, 1), вероятно, после изготовления изделие не было обработано должным образом, поверхность не зачеканена. В стенках имеются отверстия – результат недолива металла или сохранения воздушных пузырей (рис. 7, 2). Видны следы небрежного ремонта по устранению этого брака (см. рис. 6, 4). Судя по расклепанным изнутри проливам металла заплаток, отверстия были невелики, но по размерам расклепанные заплатки снаружи в несколько раз превышают внутренние.

Рис. 7. Бронзовый котел (детали) из кург. № 7 у с. Кременевка.

Подобные миниатюрные котлы нечасто встречаются в Скифии. Известны всего ок. 15 котелков, близких как по высоте (менее 30 см), так и по диаметру. Все они обнаружены в курганах V–IV вв. до н.э. преимущественно на восточной половине Скифии, к востоку от Днепра*. Аналогичной формы котелок с гладким туловом и двумя вертикальными ручками с одним выступом сверху близких размеров (высота 24,5 см, диаметр 22 см) найден в кург. № 12 группы «Рясные могилы» у г. Шахтерск Донецкой обл. Находка относится к V в. до н.э. [Кравец, 1993, с. 162, рис. 2; Косяненко, Флеров, 1978, с. 201].

17. Особый интерес представляет обнаруженный в кург. № 7 большой бронзовый пластинчатый конский налобник весьма специфической формы – с длинными вогнутыми боковыми сторонами и расши-

ренными закругленными окончаниями внизу иверху (рис. 8). Налобник, видимо, в процессе отправления тризны был согнут по длинной и поперечной осям. При этом были обломаны и утрачены (или не найдены при раскопках) более 1/3 верхней части налобника, а также уголки нижнего окончания. Приблизительно посередине сделаны отверстия крепления петли, находившейся на оборотной стороне, также не сохранившейся. Вдоль краев со всех сторон налобник украшен двумя узкими полосками орнамента, выполненного точечными (игольчатыми) ударами пуансона, между которыми проходит более широкая полоса из двух пересекающихся волнистых линий. Точечный орнамент нанесен с обеих сторон: с лицевой – одинарными линиями, с оборотной – двоянными. На оборотной стороне в овалах, образованных пересечениями волнистых линий, выбиты также слабые выпуклины. Длина сохранившейся части 22,7 см, ширина посередине 9,2 см. Реконструируемые длина 36,7 см, ширина окончаний 20–21 см.

Кременевский налобник относится к серии больших конских пластинчатых налобников, представленных двумя типами. В Северном Причерноморье подобные налобники с верхней частью в виде большого круга (тип I по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко) найдены грабителями в кургане около Никополя [Ханенко Б.Н., Ханенко В.Н., 1907, табл. III, № 417]. Ранее этот комплекс относили к VII–VI вв. до н.э., поскольку аналогичные налобники как будто были найдены в Келермесских курганах [Мурзин, Черненко, 1980, с. 156]. Однако в конце XX – начале XXI в. Л.К. Галанина, Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко установили, что аналоги относятся не к Келермесским курганам, а к материалам раскопок Д.Г. Шульца курганов у ст. Новосвободной (ст. Царская) [Отчет... за 1904 г., 1907, с. 129–130, рис. 236, 237; Манцевич, 1958, с. 459–462, рис. 1, 16; Галанина, 1997, с. 24–30; Лимберис, Марченко, 2005, с. 165–166], среди которых были налобники типов I и II. По комплексам из могильников Прикубанья налобники с большой круглой верхней частью (тип I по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко) датируются в пределах IV в. до н.э.* Налобники типа II по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, аналогичные кременевской находке, обнаружены на Северном Кавказе в погр. № 45 Ханкальского могильника IV в. до н.э. [Виноградов, 1972, с. 129] и вне

*Маленькие котелки найдены в Северном Причерноморье в Гаймановой Могиле [Бидзиля, с. 46], кург. № 13 у с. Великая Знаменка [Отрошенко и др., с. 16], кург. № 6 у с. Каменная Балка [Гребенников, 2008, с. 46–47, 52, рис. 13, 4], кургане около Бельского городища [Гринченко, 1925, с. 17, рис. на с. 10], погр. № 9 кург. № 1 у г. Каменка-Днепровская [Отрошенко и др., с. 60а, табл. XX, 5; XXI, 5; Koczoński, 1996, s. 171, 227, III. 19], Толстой Могиле [Мозолевский, 1979, с. 66, кат. 124, рис. 50], погр. № 1 кург. № 19 у с. Купьеваха [Бойко, Берестнев, 2001, с. 12, рис. 10, 2], кургане у с. Тишки [Ильинская, 1968, с. 62, 200, табл. LV, 5], кургане у с. Крячковка [Сидоренко, 1964, с. 193, рис. 4], кург. № 4 и 16 у с. Дуровка [Пузикова, 2001, с. 186, рис. 20, 1], у с. Колузаево (случайная находка) [Косяненко, Флеров, 1978, с. 194, 197, 202, рис. 3, 4; Демиденко, 2008, с. 23, 112, кат. 146, рис. 11, 122], кург. № 6 у хутора Вертячий [Там же, с. 17, 88, кат. 23, рис. 48, 1; 142], кург. № 15 могильника Золотая Балка [Кубышев, Дорофеев, Полин, 1982, с. 176, табл. 16].

В литературе встречается информация со ссылкой на В.И. Гошкевича об обнаружении маленького бронзового котелка в кургане у с. Великая Андрусовка [Петренко, 1967, с. 25; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 161, с. 310; Бойко, Берестнев, 2001, с. 12]. В.И. Гошкевич среди вещей, найденных в 1876 г. в этом кургане, назвал «желтой меди котелок на ножке». В результате нескольких перепродаж в 1890 г. «котелок» попал в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК). В сообщении о его поступлении в ИАК приведен рисунок изделия в ¼ натуральной величины, согласно которому высота котла должна составлять 24 см, диаметр 22 см [Гошкевич, 1903, с. 7, рис. 17–24; Отчет... за 1890 г., 1893, с. 115, рис. 64; Отчет... за 1895 г., 1897, с. 80]. А.П. Манцевич опубликовала свой рисунок этого котла [1961, с. 149, примеч. 22, рис. 12], масштаб на котором свидетельствует о значительно больших размерах изделия. В результате проверки, которую по нашей просьбе провел А.Ю. Алексеев, выяснилось, что высота котла из Андрусовки (инв. № Дн 1890 2/1) 45,5 см, диаметр ок. 33 см. Это абсолютно полноценный котел среднего размера, самого распространенного у скифов. Никакого маленького «котелка» из Андрусовки не существует. Благодарим А.Ю. Алексеева за любезно предоставленную информацию.

*В 1994 г. большой бронзовый налобник типа I был обнаружен в позднескифском погребении II в. до н.э. у с. Чистенькое в Крыму; он находился вместе с пластинчатым налобником с крючком позднескифского времени [Зайцев, Колтухов, 2004, с. 243–244, 247, 249, рис. 5]. Как считает А.В. Симоненко, налобник типа I попал в столь позднее погребение через 250 лет после того, как был изготовлен [2001, с. 93; 2010, с. 198].

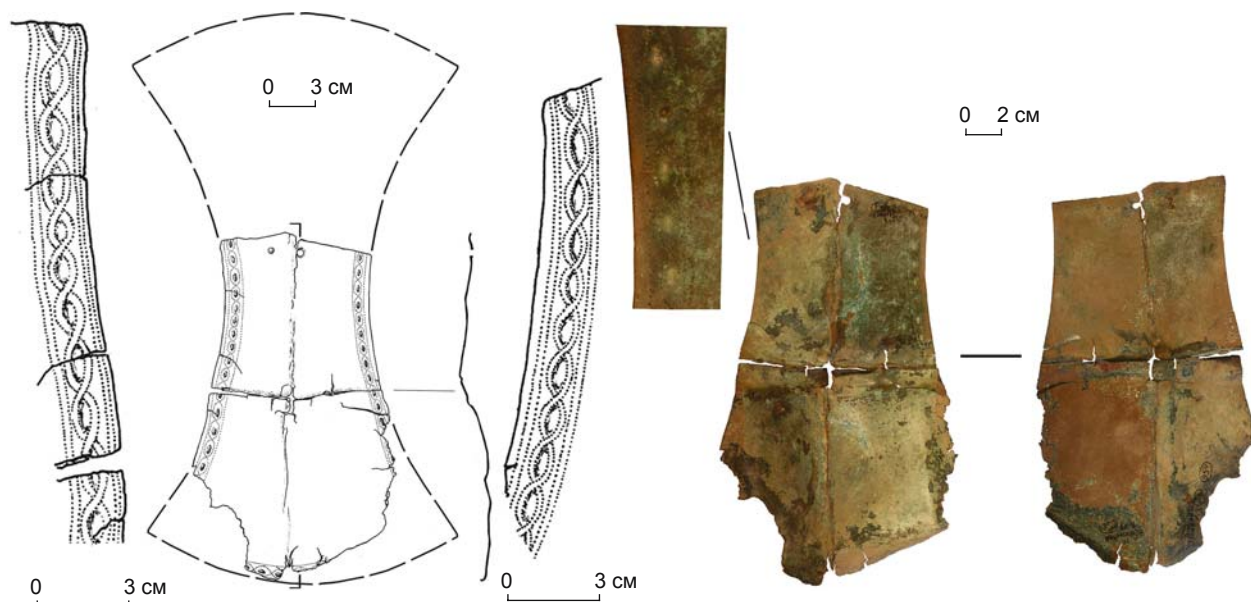

Рис. 8. Бронзовый конский налобник из кург. № 7 у с. Кременевка.

комплекса на Прикубанском могильнике. По общей дате последнего дата налобников – также в пределах IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 166]. Находка из Кременевки подтверждает и уточняет датировку В.Б. Виноградова, Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко больших пластинчатых налобников типа II – ок. середины IV в. до н.э. Также серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. датируется своеобразный вариант налобника типа II (серебряный, с прямыми основаниями и угловатыми выемками по бокам) из Центральной гробницы Хоминой Могила [Мозолевский, 1973, с. 220, рис. 30; Мозолевский, Полин, 2005, с. 390].

В ареал налобников типа II входят не только Северное Причерноморье и Кавказ. Такие налобники обнаружены также в Южном Зауралье; эти находки ошибочно, на основании устаревших датировок, были отнесены к периоду архаики [Таиров, 2004, с. 3, рис. 6, 54, 55; Лимберис, Марченко, 2005, с. 163]. Налобники типа II из серебра зафиксированы в составе конского снаряжения во Фракии в курганах у с. Розовец (Рахманлий) и Панагюрище, относящихся ко второй половине IV в. до н.э. [Ancient Gold..., 1998, p. 172]. Первоначально они были интерпретированы как рукояти больших греческих щитов [Огненова, 1952, с. 61–63, образец 17, 19; Манцевич, 1958, с. 462], но позднее

совершенно правомерно признаны конскими налобниками [Мурзин, Черненко, 1980, с. 158]. Обширная география находок налобников типа II – от Южного Зауралья до Фракии – при достаточно узкой датировке просто поражает.

В заключение следует отметить, что конструкция кург. № 5 у с. Кременевка является уникальной для Причерноморской Скифии. Некоторое сходство она имеет лишь с конструкцией первичной насыпи кургана у с. Дудчаны на нижнем Днепре, исследованного Г.Л. Евдокимовым в 1981 г. Здесь над первичным в кургане захоронением была сооружена насыпь из кусков дерна высотой 1,8 м, диаметром 12 м и перекрыта каменным куполом толщиной 1–2 м с плоской вершиной и крутыми боковыми стенами, сложенным из плит известняка. Высота купола достигала 3 м, диаметр 15 м [Фридман, 1987, с. 159, рис. 2]. Других подобных сооружений в Причерноморской Скифии нет. Создание каменных платформ, составлявших ядро насыпи, достаточно широко практиковалось на востоке, в глубинах Центральной Азии, например в Туве, где исследованы знаменитые Аржан-1 и -2, а также малые курганы подобного типа [Грязнов, 1980, с. 9; Грач, 1980, с. 29–30; Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010, с. 15–17, Abb. 18–22].

Рис. 9. Профиль кург. № 5 и № 7 у с. Кременевка. Реконструкция.

Материалы кург. № 7 в Кременевке представляют скифскую тризну, которая проводилась около кург. № 5 (рис. 9), и существенно дополняют серию пока слабо изученных остатков тризн, проходивших рядом со скифскими курганами (Гайманова, Желтокаменная, Толстая, Бабина, Водяная, Двугорбая, Чмырева и Плоская могилы и др. [Ольховский, 1991, с. 131; Болтрик, Савовский, 1991, с. 98, 103, рис. 4, 1–19; Браун, 1906, с. 114, рис. 70, 72; Болтрик, Фіалко, 1996; Мозолевский, Полин, 2005, с. 287; Полин, 2009, с. 138; 2011, с. 213–214]). Объект со следами тризны полностью исследован только около Александропольского кургана [Полин, Дараган, с. 2008, с. 152–155; 2010, с. 194–197, рис. 6; Полин, 2010, с. 267–270, рис. 1, 2]. Согласно материалам кург. № 7, по завершении тризны ее следы покрыли слоем камней. В этом проявляется сходство с Александропольским курганом: здесь после окончания обряда вокруг остатков тризны соорудили кольцевой околочурганый вал высотой ок. 1 м.

Кременевский комплекс представляет большой интерес и потому, что дополняет пока еще немногочисленную и малоизученную группу памятников на восточной окраине Скифии, в междуречье Молочной и Дона. Эта группа включает Бердянский курган, Передериеву и Двугорбую могилы, курганы под Ногайском и у с. Владимировка (Северное Причерноморье), исследованные Н.И. Веселовским, курганы около хутора Шевченко и др., а также некрополи на Беглицкой косе близ Таганрога и на Елизаветовском городище* на нижнем Дону [Брашинский, 1980; Прохорова, 1997; Яценко, 1958; Черненко, 1970; Привалова, Зарайская, Привалов, 1982; Моруженко, 1992; Зарайская, 1992; Зарайская, Привалов, 1992; Болтрик, Фіалко, Черденченко, 1994; Мурзин, Фіалко, 1998а, б; Полин, Ковальов, Черденченко, 2000; Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009]. В целом этот регион остается наименее изученным во всей Причерноморской Скифии [Черненко и др., 1986, с. 55–56], и появление каждой новой публикации скифских материалов из него представляется очень важным.

Список литературы

Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степней древностей IV в. до н.э. // СА. – 1987. – № 3. – С. 28–39.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. – Киев: Наук. думка. 1991. – 411 с.

Бидзиля В.И. Отчет о работе Северороговской экспедиции ИА АН УССР за 1969–1970 гг. Раскопки Гаймановой Могилы // НА ИА НАНУ. Ф. № 1969-70/37.

*История исследования некрополя у Елизаветовского городища насчитывает 100 лет, однако памятник остается мало известным.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – СПб., 1901. – Т. 3. – 180 с.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Харьков: РА-Каравелла, 2001. – 144 с.

Болтрик Ю.И. Культові споруди степової Скіфії // МА-ГІСТЕРІУМ. Археологічні студії. – Київ, 2007. – № 27. – С. 47–57.

Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии. – Киев: Наук. думка, 1991. – С. 98–107.

Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фіалко О.С. Импортный бронзовый сосуд зі Східної могили Бердяньського кургану // Археологія. – 2009. – № 1. – С. 40–51.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Повернення до Чмиревої Могилы // Музейні читання: тези доповідей наукової конференції Музею історичних коштовностей України. Грудень 1994 р. – Київ: Друк. ППК ПК, 1996. – С. 30–32.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е., Черденченко Н.Н. Бердянский курган // РА. – 1994. – № 3. – С. 140–156.

Братченко С.Н., Кротова А.А., Швецов М.Л., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф., Смирнов А.М., Самойленко В.Г., Шкарбан А.С. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г. (курганы у с. Кременевка и Волонтеровка у г. Жданова (Мариуполь) и у с. Баранниковка Беловодского района Ворошиловградской (Луганской) области // НА ИА НАН Украины. Ф. № 1977/12.

Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губ. // Изв. Имп. Археол. комиссии. – 1906. – № 19. – С. 81–116.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. – Л.: Наука, 1980. – 268 с.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. – 388 с.

Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. – Л.: Искусство, 1980. – 128 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи – М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – 269 с. – (Степные народы Евразии; т. 1).

Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. – Херсонь: [Тип. «Юга» (В.И. Гошкевича)], 1903. – 176 с., II, XX табл.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). – Николаев: Иллион, 2008. – 191 с.

Гринченко В. Зі старої культури // Знання. – 1925. – № 2/3. – С. 10–11.

Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1961. – С. 139–144.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). – М.: URSS, 2008. – 225 с.

Зайцев Ю.А., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном

Крым // Боспорские исследования. – Симферополь, 2004. – Вып. VII. – С. 242–259.

Зарайская Н.П. Погребение раннего железного века на р. Кринке // Донец. археол. сб. – Донецк, 1992. – Вып. 1. – С. 89–98.

Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники шевченковского могильника // Донец. археол. сб. – Донецк, 1992. – Вып. 2. – С. 118–159.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). – Киев: Наук. думка, 1968. – 203 с., LXIII табл.

Ковпащенко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. – Киев: Наук. думка, 1989. – 336 с.

Косяненко В.М., Флеров В.С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. – 1978. – № 1. – С. 192–205.

Кравец Д.П. Скифское святилище на Кринке // Донец. археол. сб. – 1993. – Вып. 3. – С. 162–167.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Полин С.В. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1982 г. // НА ИА НАНУ. Ф. № 1982/4.

Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. // СА. – 1987. – № 1. – С. 35–47.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластинчатые налбники из Прикубанья // Четвертая Кубан. археол. конф.: тез. и докл. – Краснодар, 2005. – С. 162–167.

Маневич А.П. Бронзовые пластины из Прикубанья // Исследования в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. – София: Издание на Българската академия на науките, 1958. – С. 459–468.

Маневич А.П. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа (Котел из кургана Солоха) // Исследования по археологии СССР. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1961. – С. 145–150.

Медведев А.П. О новом аспекте проблемы будинов и меланхленов (в свете последних публикаций могильников скифского времени на Северском Донце) // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава, 2006. – № 1. – С. 21–33.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. – Киев: Наук. думка, 1973. – С. 187–234.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – Київ: Наук. думка, 1979. – 248 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). – Киев: Стило, 2005. – 599 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. – М.: Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 352 с.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов н/Д: Медиа-полис, 2009. – С. 148–161.

Моруженко А.А. Скифский курган Передерієва Могила // Археологія. – 1992. – № 4. – С. 67–75.

Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Архитектура Бердянского кургана // Археологія. – 1998а. – № 2. – С. 82–92.

Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Зброя з Бердянского кургана // Археологія. – 1998б. – № 3. – С. 103–112.

Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 155–168.

Огненова Л. Опыт за реконструкция на два щита от Тракия // Известия на археологический институт. – София, 1952. – Т. XVIII. – С. 61–80.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 254 с., табл. XXIV.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г. – СПб.: [Тип. Гл. упр. удѣловъ], 1893. – 186 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895 г. – СПб.: [Тип. Гл. упр. удѣловъ], 1897. – 201 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1904 г. – СПб.: [Тип. Гл. упр. удѣловъ], 1907. – 185 с.

Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я., Константи-неску Л.Ф., Нор Е.В., Покляцкий О.В., Савовский И.П. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ. Ф. № 1984/10.

Пеляшенко К.Ю., Гречко Д.С. Лепные кувшины Днепро-Донской лесостепи // РА. – 2011. – № 1. – С. 68–80.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. – М.: Наука, 1967. – 104 с. – (САИ, Д 1-4).

Полин С.В. Датировка Гаймановой Могила // Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова) // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2009. – Т. XV. – С. 136–141.

Полин С.В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Античный мир и археология. – 2010. – Вып. 14. – С. 262–307.

Полин С.В. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Методика полевых археологических исследований. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. – М.: Гриф и К, 2011. – С. 206–222.

Полин С.В. Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии (в печати).

Полин С., Дараган М. Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006 г.) // Revista Arheologica. N 1. – 2008. – [Vol.] IV, 2. – S. 146–163.

Полин С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – 2010. – Вып. 1. – С. 191–209.

Полин С.В., Карнаух Е.Г. Скифские святилища IV в. до н.э. у с. Кременевка в Северо-Восточном Приазовье // Проблемы истории и археологии Украины: мат-лы VII Междунар. научн. конф. 28–29 окт. 2010 г. – Харьков, 2010. – С. 33.

Полін С.В., Ковальов М.В., Чередніченко М.М. Про датування Бердянского кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. – 2000. – № 1. – С. 94–112.

Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 148–178.

Прохорова Т.А. Некрополь на Беглицкой косе // Таганрог. – Таганрог: б.и., 1997. – С. 18–32.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. – М.: Индрик, 2001. – 272 с.

Сидоренко Г.О. Скифский курган на р. Удай // Археология. – 1964. – Т. XVI. – С. 191–194.

Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до нашей эры // Нижне-волж. археол. сб. – Волгоград, 2001. – Вып. 4. – С. 92–106.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 3–21.

Фридман М.И. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 159–170.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.Н. Древности Приднепровья. – Киев, 1907. – Вып. VI. – 11 с., табл. III.

Черненко Є.В. Скифські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. – 1970. – Т. 23. – С. 176–181.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1986. – 367 с.

Шепко Л.Г. Скифские памятники Северо-Восточного Приазовья // Проблемы истории и археологии Украины: тез. докл. конф. 21–23 окт. 1999 г. – Харьков, 1999. – С. 33–34.

Шепко Л.Г. Культовые скифо-сарматские комплексы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины

и смежных территорий. – Донецк: Донец. нан. ун-т, 2000. – С. 101–102.

Шепко Л., Швецов М. Скифо-сарматские комплексы в бассейне реки Калки в Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. 22–26 ноября 1998 г.: тез. докл. VII Дон. археол. конф. – Ростов-н/Д, 1998. – С. 117–119.

Яценко И.В. Скифские погребения близ Ногайска // ВДИ. – 1958. – № 1. – С. 157–165.

Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. – N.Y.: Harry N. Abrams Inc. Publishers, 1998. – 255 p.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. – Mainz am/Rh.: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S., 153 Taf.

Koczownicy Ukrainy: Katalog wystawy. – Katowice: Drukarnia Archidiecezjalna w Katowicach, 1996. – 243 s.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. – 183 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C. – Princeton, New Jersey: J.J. Augustin, Glückstadt, 1970. – 472 p. – (The Athenian Agora; vol. XII, pt.I/II).

*Материал поступил в редколлегию 09.02.12 г.,
в окончательном варианте – 15.03.12 г.*

УДК 903.01

П.В. Волков, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: volkov100@yandex.ru
 novikov@archaeology.nsc.ru

ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЕРДОЛИКОВОГО КАБОШОНА ИЗ МОГИЛЬНИКА ТАШАРА-КАРЬЕР-2 (ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИОБЬЕ)

Статья представляет собой первую публикацию, посвященную изучению технологии изготовления уникальной находки – сердоликового кабошона (печатки) с арабской надписью X в. н.э. из могильника басандайской культуры XI–XII вв. н.э. Ташара-Карьер-2. Это первый памятник средневековой арабской эпиграфики, обнаруженный на территории южно-таежного Приобья. На основе трасологического анализа реконструируются технологические приемы и этапы создания данного произведения глиптики. Установлено, что кабошон является импортным изделием для указанной территории.

Ключевые слова: южно-таежное Приобье, X–XII вв. н.э., курганный могильник, погребальный обряд, басандайская культура, глиптика, арабская эпиграфика, технология камнерезного искусства.

В последних веках I тыс. н.э., а наиболее интенсивно на рубеже I и II тыс. н.э. происходила массовая миграция тюркоязычного населения в лесостепное и южно-таежное Приобье. Эта территория контакта тайги с лесостепью «пронизана» р. Обью – водной артерией, которая связывала различные ландшафтные зоны Западной Сибири и была мощным природным «катализатором» культурогенетических процессов [Павлинская, 2007, с. 38; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 4]. С V в. н.э. в лесостепном и южном Приобье получила распространение верхнеобская культура, в которую постепенно проникали отдельные элементы сротскинской культуры, а затем в регионе появились ее носители [Троицкая, Новиков, 1998]. В результате в начале II тыс. н.э. в регионе сложилась эклектичная этнокультурная картина с «постверхнеобскими», «постсротскинскими» и басандайскими культурными чертами.

Одним из опорных памятников для изучения басандайской культуры является курганный могильник Ташара-Карьер-2, расположенный на правом берегу Оби (южно-таежная зона) на территории Мошковско-

го р-на Новосибирской обл. Он исследовался в 1998–2000 гг. А.В. Новиковым, и, хотя материалы памятника введены в научный оборот [Новиков, 1998а, б; 2000; 2011а, б; Савинов, Новиков, Росляков, 2008; Новиков, Тишкин, 2010; Троицкая, Новиков, 2004, с. 114–117, 121, рис. 47, 48], некоторые находки требуют отдельного освещения. Исключительный интерес представляет уникальный образец средневековой глиптики – сердоликовый кабошон из погребения в кург. № 2 могильника Ташара-Карьер-2 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 277, 296, рис. 14].

Археологический контекст находки и дата погребения

Сердоликовый кабошон был обнаружен в погребении кург. № 2 могильника Ташара-Карьер-2. Этот курган обладает уникальным набором погребально-поминальных характеристик и рассматривается нами в ряду «нетипичных» объектов некрополя [Новиков, 2011а, б]. Известно, что в погребально-поминальной обрядности

носителей басандайской культуры значительная роль отводилась лошади. Ее разрозненные кости найдены в насыпях многих курганов могильника, но только в насыпи кург. № 2 обнаружен набор предметов конской упряжи. Данный признак погребально-поминальной обрядности нечасто фиксируется и в других могильниках южно-таежного Приобья начала II тыс. н.э. [Зинченко, 2010]. Следует отметить, что захоронение женщины 35–40 лет [Поздняков, 2008] в этом кургане отличается от остальных и набором сопроводительного инвентаря [Новиков, 2011а, б; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 277–278, 294–296, рис. 10–15]. Погребение было разграблено, однако в нем обнаружено максимальное для данного памятника количество эксклюзивных артефактов. Таким образом, по совокупности признаков погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря погребение в кург. № 2 выделяется в серии женских захоронений некрополя.

Погребение в кург. № 2 датировано по обнаруженному в нем бронзовому зеркалу. Эта находка уже неоднократно публиковалась [Новиков, 1998б; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 278, 295, рис. 13; Новиков, Тишкин, 2010], поэтому здесь мы не будем останавливаться на ее описании. Предмет относится к типу т.н. виноградных зеркал, широко известных в Китае, Японии и Корее. Зеркала с оформлением в виде виноградных листьев появились в ханьское время, но стали популярными в танскую эпоху (VII–X вв. н.э.). В этот период они получили наиболее широкое распространение. Выделяется несколько вариантов «виноградных» зеркал. Находка из могильника Ташара-Карьер-2 представляет вариант с виноградной лозой на внешнем поле и с двумя фениксами в центральной части, который в Китае датируется временем династии Сун (XI–XII вв. н.э.), в Корее – периодом Корё (918–1392 гг.). Аналоги такого зеркала найдены в различных регионах Сибири [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 66]. Один из них хранится в Государственном Музее искусства народов Востока. Интересно, что сразу два подобных зеркала обнаружены в Басандайском курганном могильнике (кург. № 25, погр. № 2; кург. № 54, погр. № 2) [Плетнева, 1997, с. 90–97]. Впервые такие находки были опубликованы А.В. Маракуевым [Басандайка, 1947, с. 167–174], однако им, как справедливо отмечает Л.М. Плетнева, был неточно описан орнамент на зеркалах и дана более ранняя дата [1997, с. 91]. Таким образом, с учетом даты зеркала погребение в кург. № 2 могильника Ташара-Карьер-2 следует отнести ко времени не ранее X в. н.э.

Описание кабошона и дата надписи

Находка, о которой пойдет речь, представляет собой простой, высокий, одинарный (с плоским под-

овальным основанием и выпуклым верхом) кабошон, предназначенный для вставки в оправу (рис. 1). Максимальные размеры плоского подовального основания 13,8×9 мм, максимальная высота 8,14 мм. По определению канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик, кабошон выполнен из сердолика. На боковой поверхности кабошона сохранился участок агатового полосчатого строения. Следует отметить также некоторую, затрудняющую обработку, трещиноватость и характерную естественную поверхность камня (рис. 2). На выпуклой поверхности кабошона арабской вязью выгравировано имя, причем надпись выполнена в зеркальном отображении. По мнению д-ра ист. наук О.Г. Большакова, арабская надпись *Ал-Хасан ибн Мухаммад* сделана, возможно, в IX в., но, скорее всего, в X в. Таким образом, дата надписи на кабошоне не противоречит дате погребения, в котором был обнаружен предмет.

Технология изготовления кабошона

Трасологическое изучение артефакта производилось на основе данных экспериментально-технологических исследований и с помощью бинокля МБС-10 с боковым освещением наблюдаемого объекта и дискретным рабочим режимом увеличения в 16–56 крат. При детальном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения в 19–95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. Микрофотографирование производилось при специальном освещении камерой Pentax WR-43.

Микроскопический анализ проводился по методике трасологических исследований, основанной на разработках С.А. Семенова и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkova, 1999], и с учетом опыта экспериментально-трасологического и технологического изучения археологических коллекций Северной Азии [Волков, 1999, 2010]. Для сравнительного анализа признаков производства и изношенности артефакта использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

В ходе трасологического анализа артефакта была выделена серия следов обработки камня и определена последовательность этапов работы по созданию ювелирного украшения. Обработка камня началась, очевидно, со шлифовки основания кабошона (рис. 3), которая производилась, вероятно, вручную на твердой плоской поверхности, а не на вращающемся круге. О таком способе формирования основания кабошона свидетельствуют отчетливые параллельные линейные следы на его поверхности. Криволинейного изгиба траектории микротрасс – следствия работы на шлифовальном круге – не замечено. Вторым этапом работы,

Рис. 1. Гравировка на поверхности изделия.

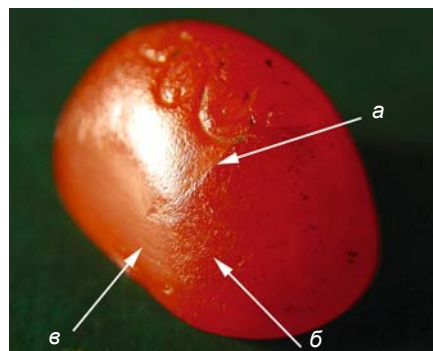

Рис. 2. Внутренняя трещина (а) в камне, его естественная (б) и обработанная (в) поверхность.

Рис. 3. Следы формообразующей шлифовки и характер полировки основания кабошона.

Рис. 4. Характерная «неправильность овала» кабошона и фаска основания.

вероятно, было формирование фаски основания кабошона. Она тщательно проработана по всему периметру изделия (рис. 4), что свидетельствует о намерении мастера вставить кабошон в оправу. Шлифовка производилась на том же абразиве, который использовался при формировании основания артефакта.

Камень обрабатывался на плоском, неподвижном и относительно крупнозернистом неоднородном абразиве и, очевидно, вручную, на что указывают неравномерные по глубине и ориентации линейные следы на фаске кабошона (рис. 5).

Мастер изменил естественную форму камня, поскольку, вероятно, на части поверхности заготовки имелся дефект или в этом месте по форме камень не слишком напоминал кабошон. При обработке данной зоны мастер практически стесал поверхность крупнозернистым абразивным инструментом (рис. 6). После относительно грубой шлифовки данный участок камня обрабатывался сравнительно мелкозернистым абразивом уже на мягкой, эластичной основе. Следы такого рода воздействия имеются только в одной зоне поверхности артефакта (рис. 7).

На следующей стадии была произведена, вероятно, самая ответственная операция – выгравирована надпись. При нанесении гравировки на поверхность камня мастер всегда сталкивается с весьма характер-

Рис. 5. Следы обработки фаски крупнозернистым абразивом.

ной проблемой – его необходимо надежно и неподвижно удерживать. Известно несколько способов закрепления малоразмерных заготовок. Ювелиры часто используют различного рода клеящие средства, фиксирующие изделие в гнездах, временных «оправах», специальных «держателях». Следы органических смол или иных вязких органических клеящих материалов в микрорельефе исследуемого кабошона при специальном микроскопическом исследовании не прослежены. Вероятно, в ходе шлифовки и полировки кабошон удерживался мастером в сравнительно мягких, вероятно деревянных, зажимах.

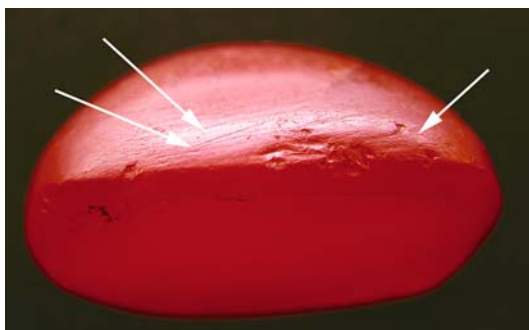

Рис. 6. Результат обработки боковины изделия и линейные следы воздействия крупнозернистого абразива.

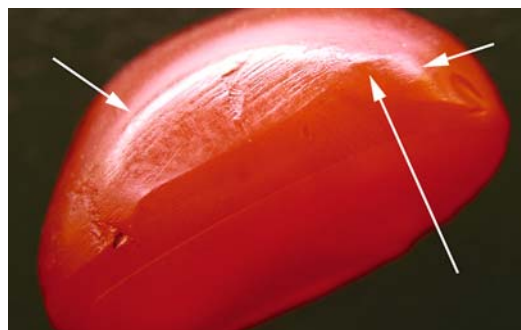

Рис. 7. Следы доводки поверхности изделия на мягком абразиве.

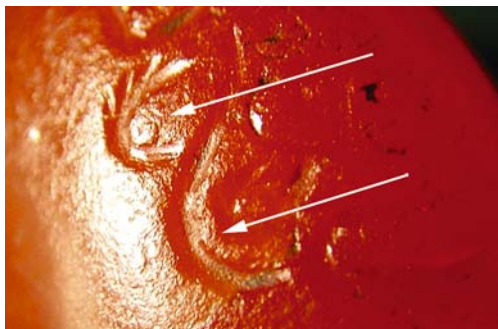

Рис. 8. Два варианта рабочего прохода режущего инструмента на криволинейном участке прорезанного канала.

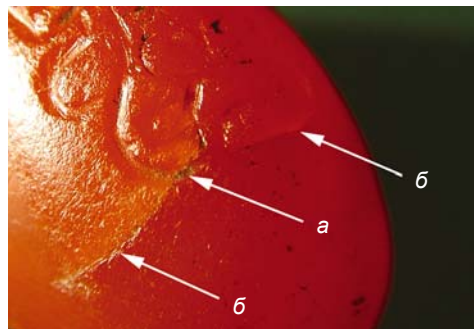

Рис. 9. Поворот канала (а) приходится на трещину (б) в камне.

Рис. 10. Общий вид кабошона.

Трасологический анализ позволил установить, что надпись на артефакте выполнена резцом [Волков, 1999, с 18]. Этот инструмент оставляет специфические следы, не имеющие сходства со следами расчленяющего обрабатываемый материал резчика [Там же] или вращающегося бора.

Гравировка выполнена, очевидно, алмазом, который мог быть запаян или зачеканен в металлическую оправу-муфту режущего инструмента [Там же, с. 19]. Следы использования резца представляют собой отчетливые траектории. Криволинейные участки проработаны уверенно. Признаки напряжения руки мастера, характерного для таких операций, отсутствуют. Отмечено два варианта рабочего прохода режущего

инструмента на криволинейном участке прорезанного канала (рис. 8). Резец здесь двигался как однонаправленно, так и возвратно-поступательно.

Вероятность использования корундового (обладающего более высокой твердостью, чем у кварца-халцедона) резца крайне мала. Камень обрабатывался, вероятно, более высококачественным инструментом.

Изучение деталей гравировки позволяет говорить о том, что с помощью резца ювелир смог с легкостью преодолеть весьма серьезные трудности обработки камня. При рабочем прохождении резчика и тем более резца через трещину в относительно хрупком обрабатываемом материале всегда возникает опасность заметного выкрашивания и даже разрушения изделия. Однако на изучаемом нами артефакте следов подобной нежелательной деформации нет (рис. 9). В качестве резца при нанесении на кабошон гравировки мог быть использован только алмаз. Резьба на камне выполнена на весьма высоком качественном уровне.

На заключительном этапе работы производилась окончательная полировка изделия на влажном, во избежание чрезмерного нагревания и растрескивания камня, мягком материале типа фетра или войлока. Причем воздействию такого рода абразива подверглись все участки кабошона. В результате характерный «зеркальный блеск» приобрела вся поверхность теперь уже поистине драгоценного камня (рис. 10).

Следы, выявленные на изучаемом артефакте в ходе технологического анализа, позволяют говорить о весьма характерной обработке. Перечисленные признаки использованных древним мастером приемов работы с камнем свидетельствуют о высоком уровне развития ювелирного мастерства.

Заключение

Обсуждаемый в работе сердоликовый кабошон является первым памятником арабской эпиграфики начала II тыс. н.э., обнаруженным на территории Западной Сибири. Имя Ал-Хасан ибн Мухаммад, выгравированное на кабошоне, безусловно, имеет самое непосредственное отношение к исламу (религиоведческий и исторический анализ находки – тема специальной работы). Мы не рассматриваем кабошон с выгравированной надписью как свидетельство наличия письменности (тем более арабской) у носителей басандайских культурных традиций и тем более как доказательство проникновения ислама в южно-таежную зону Западной Сибири в X–XII вв. Необоснованно также связывать появление в южно-таежном Приобье кабошона с гравировкой с непосредственным пребыванием в Сибири его первого владельца. Наиболее вероятно, что данный артефакт оказался на данной территории в результате обмена (возможно, многоэтапного), хотя и вскоре после своего изготовления. С учетом дат надписи на кабошоне и зеркала время перемещения изделия из места изготовления в южно-таежное Приобье заняло не более века.

Вопрос о том, из какого региона кабошон мог попасть в Сибирь, требует специального исследования. Пока выскажем предварительные соображения. В IX–X вв. н.э. ислам активно распространялся в различных регионах Евразии. Среди исламизированных регионов оказались Средняя Азия и Волжская Булгария (922 г.). Одним из мест изготовления кабошона можно считать Волжскую Булгарию, поскольку она, с одной стороны, широко известна своим высокоразвитым ювелирным производством, а с другой – в зону ее культурного влияния входила и Западная Сибирь (здесь обнаружены многочисленные изделия из металла, выполненные булгарскими мастерами). Возраст, относительно небольшие размеры и высокое качество изделия позволяют охарактеризовать его как выдающийся результат труда ювелира эпохи средневековья.

Список литературы

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – [Б.м.], 1947. – 219 с. – (Тр. Том. гос. ун-та).

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Волков П.В. Эксперимент в археологии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 324 с.

Зинченко А.С. Погребения с конской амуницией в Томском Приобье в эпоху развитого средневековья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: мат-лы докл. V (L) Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск, 2010. – С. 316–318.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975. – 170 с.; 109 ил.

Новиков А.В. Могильник начала II тыс. н.э. близ с. Ташара // Сибирские татары: мат-лы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 14–18 декабря 1998 г. – Омск, 1998а. – С. 50–51.

Новиков А.В. Новый памятник начала II тыс. н.э. в южнотаежном Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой итог. сессии Ин-та археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 1998б. – Т. IV. – С. 326–329.

Новиков А.В. Погребальная обрядность могильника Ташара-Карьер-2 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011а. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 183–199.

Новиков А.В. Погребальная обрядность могильника басандайской культуры Ташара-Карьер-2 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.: М.; Великий Новгород, 2011б. – Т. II. – С. 250–251.

Новиков А.В. Работы Приобского отряда // АО 1998 года. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 322–324.

Новиков А.В., Тишкин А.А. Зеркало из памятника Ташара-Карьер-2 (Новосибирское Приобье) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 79–83.

Павлинская Л.Р. Реки Сибири // Реки и народы Сибири. – СПб.: Наука, 2007. – С. 18–55.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.

Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н.э. // Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 340–402.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 150 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. – 136 с.

Korobkova G.F. Narzędzia w pradziejach. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. – 168 p.

Материал поступил в редколлегию 09.04.12 г.

УДК 904

**А.С. Якимов¹, А.И. Кайдалов², Е.А. Сечко²,
К.Е. Пустовойтов³, Я.В. Кузяков⁴**

¹Институт криосферы Земли СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия
E-mail: Yakimov_Artem@mail.ru

²Курганский областной краеведческий музей
ул. Пушкина, 137, Курган, 640000, Россия
E-mail: Alex_kaidalov@mail.ru

³Университет Хоенхайм, Германия
Emil-Wolff-Str., 27, Stuttgart, 70593, Germany
E-mail: Konstantin.Pustovoytov@uni-hohenheim.de

⁴Университет Геттингена
Büsgenweg, 2, Goettingen, 37077, Germany
E-mail: kuzyakov@gwdg.de

ПОЧВЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО (IV–VI вв. н.э.) ГОРОДИЩА СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ И ИХ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ*

Исследованы погребенная раннесредневекового времени (IV–VI вв. н.э.) и фоновая почвы городища Усть-Утяк-1, расположенного в лесостепной зоне Среднего Притоболья. Установлено, что их различия не выходят за ранг почвенного типа. За последние 1 300–1 500 лет тренд развития лесостепных черноземов был направлен в сторону аридности, в результате чего черноземы выщелоченные эволюционировали в типичные. Сравнительный анализ морфологического строения и химических свойств изученных почв дает основание считать, что в IV–VI вв. н.э. природные условия отличались большей увлажненностью и теплообеспеченностью по сравнению с настоящим временем. Судя по историко-археологическим данным, с этим периодом совпадает расцвет бакальской культуры, которая пришла в упадок с его окончанием.

Ключевые слова: погребенная почва, динамика и эволюция природных условий, этнокультурные взаимодействия, бакальская культура, Среднее Притоболье.

Введение

Изучение состояния окружающей среды прошлых эпох являлось одной из приоритетных задач естественных наук на всем протяжении их исторического развития. Исследователями были обнаружены различные природные образования, способные со-

хранять палеоинформацию. К таким объектам относятся погребенные почвы под археологическими памятниками (фортификационные сооружения, курганные насыпи, культурные слои). Известно, что они способны сохранять следы изменения природных условий в виде свойств и признаков почвенного профиля [Александровский, 1996; Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б., 1994; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006; Величко, Морозова, 1985; Геннадиев, 1990; Дёмкин, Иванов, 1985; Иванов, 1984; Рысков, Дёмкин, 1997; Хохлова, Олейник, Ковалевская, 2000]. Будучи погребенной под насыпью археологическо-

*Работа выполнена при поддержке грантов Президента РФ (МК-54.2008.5 и НШ-5582.2012.5), в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Р-16.9).

го памятника, почва в значительной мере исключается из дальнейшего почвообразовательного процесса, оставаясь длительное время в состоянии на момент своей «консервации». В то же время почвы способны сохранять объекты непедогенного происхождения, которые можно использовать как основу для проведения реконструкций древней природной среды (споры и пыльца растений [Пыльцевой анализ, 1950], фитолиты [Гольева, 1997], минеральные новообразования [Maher, Alekseev, Alekseeva, 2003], фаунистические остатки [Маркова, 2000]). В хронологическом отношении большинство сохранившихся погребенных почв археологических памятников Северной Евразии охватывают период в 5 тыс. лет, когда у древнего населения появились курганный погребальный обряд и первые градостроительные традиции [Брашинский, 1979; Раевский, 1985]. В последние годы интерес к исследованиям этих почв привел к созданию нового междисциплинарного научного направления – археологического почвоведения, методические основы которого изложены в ряде научных публикаций [Александровский, 1983; Дергачёва, 1997; Дёмкин, 1997; Иванов, 1992; Holliday, 1989; Vreeken, 1975]. Оно располагает обширным методическим аппаратом, включающим методы не только почвоведения, но и физики, химии, биологии, минералогии и других наук. Комплексный подход к изучению палеопочв археологических памятников позволил получить новые данные о строении, функционировании, генезисе, динамике, эволюции почв и почвенного покрова в различных регионах мира, охватывающие вторую половину голоцена. Они позволяют реконструировать природные условия прошлых эпох, а также изучать взаимодействия между природой и древними обществами. В территориальном отношении отмечается неоднородность по степени изученности регионов, перспективных для археологического почвоведения. Наряду с хорошо изученными районами (центр Русской равнины [Александровский, 1983; Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б., 1994], Нижнее Поволжье [Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006; Дёмкин, Иванов, 1985; Иванов, 1984, 1992; Demkin et al., 2004, 2006], Южный Урал [Рысков, Дёмкин, 1997; Хохлова, Олейник, Ковалевская, 2000]) существуют слабоизученные. Одним из таких регионов является Среднее Притоболье, где палеопочвенные исследования проводятся относительно недавно и охватывают отдельные памятники и археологические микрорайоны [Валдайских, 2007; Махонина, Валдайских, 2008; Якимов и др., 2007]. Имеющаяся информация о состоянии почв и природной среды в разные исторические эпохи не одинакова. Одним из слабоосвещенных периодов является раннее средневековье, известное своими сложными куль-

турно-историческими событиями [Боталов, 2009]. В настоящей работе приводятся результаты сравнительного исследования раннесредневековых (IV–VI вв. н.э.) погребенных и современных почв Среднего Притоболья и их палеогеографическая интерпретация на примере городища Усть–Утяк-1.

Район, объекты и методы исследований

Исследуемая территория расположена в юго-западной части Западно-Сибирской аккумулятивной равнины и находится в пределах лесостепной природной зоны (рис. 1). Климат региона континентальный, среднегодовая температура воздуха $1,3^{\circ}\text{C}$, количество осадков 330 мм. Коэффициент увлажнения, по Н.Н. Иванову, 0,6 [Агроклиматические ресурсы..., 1977].

Объектами исследования являлись погребенная почва IV–VI вв. н.э. под фортификационным валом городища Усть–Утяк-1 и экспонированная почва. Обе приурочены к высокой террасе р. Тобола, имеющей абсолютную высоту 160 м и уклон 50° [Егоров, Кривонос, 1995]. Городище Усть–Утяк-1 находится на территории Кетовского р-на Курганской обл. в 22 км к югу от г. Кургана (координаты: $55^{\circ}16'$ с.ш. и $65^{\circ}19'$ в.д.). Памятник расположен компактно и имеет относительную высоту над уровнем воды р. Утяк (правый приток Тобола) 18 м (рис. 2, 3). Его общая площадь 1 840 м². По археологическим данным, городище имеет двухслойное строение: нижний слой датируется X–VIII вв. до н.э. (переходное время от бронзового к железному веку), а верхний – IV–VI вв. н.э. (раннее средневековье) [Кайдалов, Сечко, 2008]. Фортификационная система, сооружение которой относится к раннесредневековому периоду существования городища (IV–VI вв. н.э.), представлена валом высотой до 1,5 м с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны. Окончания вала резко переходят в крутые склоны террасы. Внутреннее пространство

Рис. 1. Район исследования.

Рис. 2. Общий вид городища Усть-Утяк-1.

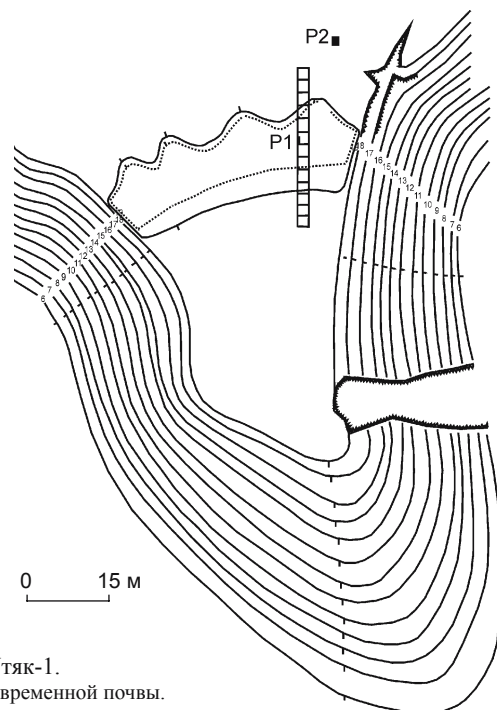

Рис. 3. Схема городища Усть-Утяк-1.

P1 – разрез погребенной почвы; P2 – разрез современной почвы.

памятника составляет 1 200 м². Ров, въезд в городище, жилищные впадины визуальнo не фиксируются [Кайдалов, Шилов, Маслюженко, 2003].

Основным методом исследования послужил почвенно-археологический [Дёмкин, 1997; Дергачёва, 1997]. В образцах, взятых из генетических горизонтов, были определены главные химические показатели (содержание органического вещества, легкорастворимых солей, анионно-катионный состав, значение pH). Анализы выполнены в аккредитованной лаборатории экологических исследований химического факультета Тюменского государственного университета.

Возраст фортификационного вала определен методом радиоуглеродного датирования (по ¹⁴C) древес-

ного угля из оборонительной конструкции [Епимахов, 2008], а также органического материала из верхней части гумусового горизонта погребенной почвы. Анализы выполнены в лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии СО РАН (индекс СОАН) и радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН (индекс ИГАН) (табл. 1). Получено пять дат по углю, из которых резко выделяются две: заведомо удревленнная (СОАН-7054) и омоложенная (СОАН-7057). Остальные сравнительно равномерно распределены в интервале со II по V в. включительно. Дата по органическому материалу из верхней части гумусового горизонта погребенной

Таблица 1. Радиоуглеродные даты материала из фортификационного вала городища Усть-Утяк-1

№ анализа	Материал	Конвенционное значение, л.н.	Калиброванное значение, гг. н.э.	
			68,2 %	95,4 %
СОАН-6965	Уголь	1 590 ± 65	400 (68,2 %) – 550	330 (95,4 %) – 610
СОАН-7054	»	1 905 ± 45	20 (66,5 %) – 140 190 (1,7 %) – 210	180 (95,4 %) – 230
СОАН-7055	»	1 695 ± 45	250 (13,4 %) – 290 320 (54,8 %) – 410	230 (95,4 %) – 440
СОАН-7057	»	930 ± 45	1030 (68,2 %) – 1160	1020 (95,4 %) – 1210
СОАН-7058	»	1 720 ± 75	230 (68,2 %) – 410	120 (91,2 %) – 470 480 (4,2 %) – 540
ИГАН-3790	Гумусовый горизонт погребенной почвы	1 240 ± 80	687 (82,6 %) – 831 836 (17,4 %) – 869	

почвы относится к VII–VIII вв. Таким образом, полученные результаты позволяют достоверно датировать городище IV–VI вв. н.э.

Морфологическое строение, химические свойства погребенной и современной почв

Погребенная почва. В течение полевых сезонов 2007 и 2008 гг. проводились комплексные исследования фортификационного вала городища Усть-Утяк-1. Поперечной траншеей была вскрыта его насыпь с погребенной под ней почвой (рис. 4), которая определена нами как чернозем выщелоченный [Классификация..., 1977]. Почвенный разрез, заложенный в центральной части западной бровки траншеи (см. рис. 3), выявил пять стратиграфических уровней (табл. 2): 1) современная почва (0–50 см; здесь и далее глубина от современной поверхности); 2) первый культурный слой с остатками оборонительной конструкции (54–80 см); 3) второй культурный слой (90–128 см); 4) третий культурный слой (155–200 см); 5) погребенная почва (200–265 см).

Наибольший интерес представляет сохранившаяся погребенная почва. В ее строении выделяются два горизонта: гумусовый [A1] и иллювиально-натриевый [Bna]. Первый (200–227 см) представляет собой светло-серую очень плотную супесь комковатой

структуры с включением минеральных зерен кварца и вертикальными трещинами. Второй (227–265 см) имеет неоднородное строение и подразделяется на три подгоризонта: [B1na] (227–244 см) – темно-коричневый бесструктурный песок с включениями минеральных зерен разной размерности, осложнен вертикальными трещинами и кротовинами, очень плотный; [B2na] (244–255 см) – светло-серая супесь плитчатой структуры, очень плотный, отмечаются вертикальные трещины; [B3na] (255–265 см) – светло-желтый рыхлый бесструктурный песок. Почвообразующая порода [C] (265–270 см) сложена белесым бесструктурным песком. Ниже залегает ожелезненная песчанисто-щебнистая масса [D] (270–280 см), неоднородная по цвету (чередование желтовато-красных и голубовато-серых фрагментов), тяжело-суглинистого гранулометрического состава, глыбистой структуры, с карбонатами в виде натечков и «журавчиков», реагирующих с 10%-й соляной кислотой (HCl). В горизонтах [Bna] и [C] встречаются редкие новообразования карбонатов – натечки, слабо реагирующие с 10%-й соляной кислотой.

В погребенной почве содержание органического вещества понижается с глубиной от 1,4 до менее 0,5 % (табл. 3), при этом в гор. [B2na] отмечается небольшое повышение. Нами была проведена реконструкция исходного содержания гумуса в органогенном горизонте по предложенной С.В. Губиным методике [1984]. Считается, что его диагенетические потери

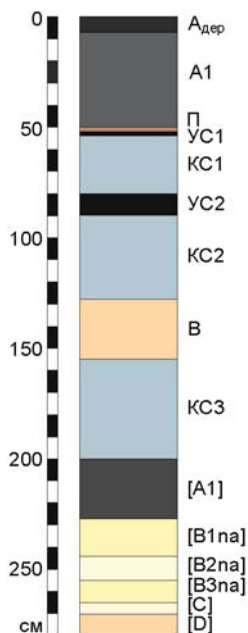

Рис. 4. Стратиграфия фортификационного вала и погребенной почвы.

A_{дер} – дерновый горизонт; A1 – гумусовый; П – прокал; УС1, 2 – углистые слои; КС1, 2, 3 – культурные слои; В – выкид; B1na, B2na, B3na – подгоризонты иллювиально-натриевого горизонта; С – почвообразующая порода; D – ожелезненная песчанисто-щебнистая масса. В квадратных скобках обозначения горизонтов погребенной почвы.

Таблица 2. Морфологическое строение погребенной и современной почв археологического памятника Усть-Утяк-1

Горизонт*	Глубина, см	Цвет	Гранулометрический состав	Структура	Плотность
<i>Фортификационный вал</i>					
A _{дер}	0–7	Темно-серый	Супесь	Мелкокомковатая	Рыхлый
A1	7–50	»	»	Комковатая	»
П	50–52	Красно-коричневый	»	Мелкокомковатая	Уплотненный
УС1	52–54	–	–	–	–
КС1	54–80	Серый	Супесь	–	Плотный
УС2	80–90	–	–	–	–
КС2	90–128	Серый	Супесь	Комковатая	Рыхлый
В	128–155	Желто-коричневый	»	»	Уплотненный
КС3	155–200	Серый	»	»	Плотный
<i>Чернозем выщелоченный</i>					
[A1]	200–227	Светло-серый	Супесь	Комковатая	Очень плотный
[B1na]	227–244	Коричнево-желтый	Песок	Бесструктурный	» »
[B2na]	244–255	Светло-серый	Супесь	Плитчатая	» »
[B3na]	255–265	Светло-желтый	Песок	Бесструктурный	Рыхлый
[C]	265–270	Белесый	»	»	»
[D]	270–280	Желтовато-красный, голубовато-серый	Тяжелый суглинок	Глыбистая	Плотный
<i>Чернозем типичный</i>					
A _{дер}	0–7	Темно-серый	Супесь	Мелкокомковатая	»
A1	7–35	»	»	Плитчатая	»
Bfe	35–60	Красновато-коричневый	»	Призматическая	Очень плотный
Bca	60–80	Желто-коричневый	»	Комковато-призматическая	Плотный
C	80–95	Белесый	Песок	Бесструктурный	Уплотненный
D	95–100	Желтовато-красный, голубовато-серый	Тяжелый суглинок	Глыбистая	Плотный

*Усл. обозн. см. рис. 4, 5.

в гор. A1 средневековых почв составляют как минимум 50 %. Учитывая легкий гранулометрический состав погребенной почвы, мы допустили потери органического вещества на уровне 70 %. Реконструированное содержание гумуса составило ок. 2,4 %. Основные анионы (Cl^- , SO_4^{2-} , HCO_3^{2-}) и катионы (Ca^{2+} , Mg^{2+}) равномерно распределены по профилю, их концентрации невысокие. В то же время наблюдается повышенное содержание натрия. Горизонт [Bna] характеризуется высокой концентрацией катионов Na^{2+} , варьирующей от 1,5 до 4,1 ммоль/100 г почвы. Реакция водной вытяжки постоянна по профилю, значение pH 6,9–7,3.

Современная почва. В 10 м к северо-востоку от фортификационного вала был заложен разрез фоновой почвы (см. рис. 3). Установлено, что современные почвы в окрестностях памятника относятся к чернозему типичному (рис. 5). Дерновый горизонт (A_{дер}) мощностью 7 см сложен темно-серой супесью мелкокомковатой структуры (см. табл. 2). В нем наблюдается повышенная концентрация корней древесной, травянистой растительности и плохо разложившегося органического материала. A_{дер} плавно переходит в гумусовый горизонт (A1), залегающий на глубине от 7 до 35 см. Он представляет собой темно-серую супесь плитчатой структуры с вклю-

Таблица 3. Химические свойства погребенной и современной почв археологического памятника Усть-Утяк-1

Горизонт (см)	С _{орг.} (исх.)	Сумма солей	HCO ₃ ²⁻	Cl ⁻	SO ₄ ²⁻	Ca ²⁺	Mg ²⁺	Na ²⁺	pH (вод.)
	%		ммоль/100 г почвы						
Фортификационный вал									
A _{дер} (0–7)	5,0	< 0,1	0,11	0,15	4,27	< 0,5	< 0,5	< 1	7,4
A1 (7–50)	2,6	< 0,1	0,15	0,14	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 1	7,6
П (50–52)	4,5	< 0,1	0,16	0,17	0,60	< 0,5	< 0,5	< 1	7,7
KC1 (54–80)	2,1	< 0,1	0,19	0,16	1,95	< 0,5	< 0,5	< 1	7,8
KC2 (90–128)	1,7	< 0,1	< 0,1	0,16	0,93	< 0,5	< 0,5	< 1	6,6
B (128–155)	< 0,5	< 0,1	0,15	0,18	< 0,5	< 0,5	< 0,5	2,51	7,4
KC3 (155–200)	1,5	< 0,1	0,10	0,15	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 1	7,0
Чернозем выщелоченный									
[A1] (200–227)	1,4	< 0,1	0,15	0,15	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 1	7,3
[B1na] (227–244)	< 0,5	< 0,1	0,10	0,14	< 0,5	< 0,5	< 0,5	3,08	7,0
[B2na] (244–255)	0,7	< 0,1	0,11	0,16	< 0,5	< 0,5	< 0,5	4,07	6,9
[B3na] (255–265)	< 0,5	< 0,1	< 0,1	0,17	< 0,5	< 0,5	< 0,5	1,45	7,0
Чернозем типичный									
A _{дер} (0–7)	12,1	0,2	0,21	0,17	0,58	< 0,5	< 0,5	< 1	7,1
A1 (7–35)	2,9	< 0,1	0,10	0,15	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 1	6,5
Bfe (35–60)	1,3	< 0,1	0,26	0,17	< 0,5	< 0,5	< 0,5	1,14	7,7
Bca (60–80)	1,2	< 0,1	1,45	0,16	< 0,5	< 0,5	< 0,5	2,16	7,6
C (80–95)	< 0,5	< 0,1	0,20	0,14	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 1	7,8
D (95–100)	0,6	< 0,1	0,35	0,14	6,74	10,0	1,09	11,71	8,0

чениями зерен железистого песчаника и марганца, осложнен вертикальными трещинами, по которым распространяются корни травянистой растительности. Органогенная часть профиля подстилается иллювиально-железистым горизонтом – Bfe (35–60 см). Это красновато-коричневая супесь призматической структуры. На глубине 44–56 см вскрыт конгломерат железистого песчаника, имеющий пластинчатую структуру с концентрической ориентацией вокруг плотного ядра. Горизонт осложнен норами землеройных животных. С глубины 60 см отмечается бурная реакция материала с 10%-й соляной кислотой. С этого уровня выделяется иллювиально-карбонатный горизонт (Bca), который имеет мощность

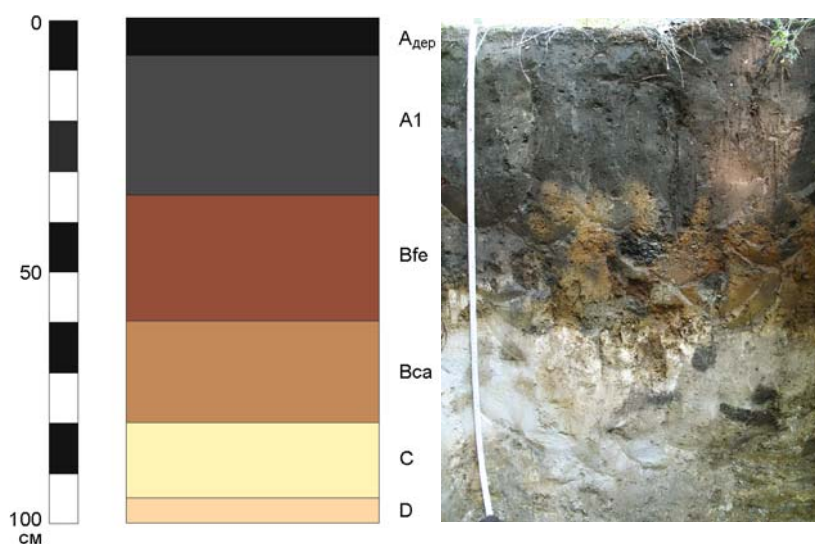

Рис. 5. Строение современной почвы.

A_{дер} – дерновый горизонт; A1 – гумусовый; Bfe – иллювиально-железистый; Bca – иллювиально-карбонатный горизонт; C – почвообразующая порода; D – ожеженная песчанисто-щебнистая масса.

20 см. Он представляет собой желто-коричневую супесь комковато-призматической структуры с новообразованиями карбонатов в виде мучнистых пятен, примазок, зерен, «журавчиков». Иллювиальная часть почвенного профиля граничит с почвообразующей породой (горизонт С, 80–95 см), которая сложена белесым бесструктурным песком. Ниже залегает ожелезненная песчанисто-щебнистая масса (горизонт D), состоящая из тяжелосуглинистого материала неоднородного по цвету (чередование желтовато-красных и голубовато-серых фрагментов), глыбистой структуры, с новообразованиями карбонатов в виде примазок, натеков, «журавчиков».

Содержание органического вещества в почве понижается с глубиной с 12,1 до менее 0,5 %, при этом в ожелезненной песчанисто-щебнистой массе оно слегка повышается (табл. 3). В целом почвенный профиль рассолен, легкорастворимых солей менее 0,1 %, за исключением гор. A_{дер}, где их 0,2 %. Особо следует обратить внимание на распределение основных анионов и катионов. Содержание бикарбонат-ионов с глубиной колеблется, максимум (1,5 ммоль/100 г почвы) наблюдается в гор. Bca, в остальных варьирует от 0,10 до 0,35. Количество ионов хлора с глубиной равномерно уменьшается с 0,2 до 0,1 ммоль/100 г почвы. Содержание сульфат-ионов незначительно снижается в гор. A1 и остается неизменным (0,5 ммоль/100 г почвы) до гор. D, где отмечается резкое повышение до 6,7 ммоль/100 г почвы. Катионы кальция и магния равномерно распределены по профилю, за исключением гор. D, где их концентрация возрастает соответственно до 10 и 1,1 ммоль/100 г почвы. Содержание катионов натрия незначительно повышается в горизонтах Bfe и Bca, затем в почвообразующей породе снижается до уровня в верхней части профиля (A_{дер} и A1) (< 1 ммоль/100 г почвы) и резко возрастает в гор. D (1,7 ммоль/100 г почвы). Значение pH с глубиной увеличивается от 6,5 до 8,9.

Таблица 4. Радиоуглеродные даты материала из карбонатных новообразований реликтовых горизонтов

Горизонт	Глубина, см	Вид новообразования	Дата, тыс. л.н.
<i>Погребенный чернозем выщелоченный</i>			
[D]	270–280	Кутана	7 265 ± 60
	270–280	«Журавчик»	4 455 ± 60
<i>Современный чернозем типичный</i>			
Bfe	35–60	Кутана	12 350 ± 185
	35–60	«Журавчик»	2 650 ± 40

Сравнительный анализ морфологического строения и химических свойств погребенной и современной почв выявил ряд сходных особенностей и различий. Изученные почвы различаются на уровне подтипа. Погребенный чернозем в сравнении с современной почвой менее структурирован и в то же время более уплотнен, окраска горизонтов отличается осветлением общего тона. Гранулометрический состав изученных почв песчано-супесчаный, причем почвенные профили подстилаются тяжелосуглинисто-глинистой ожелезненной песчанисто-щебнистой массой (гор. D). В погребенной почве встречаются редкие новообразования карбонатов в иллювиально-натриевом горизонте (Bna), тогда как в фоновой почве на глубине 60–80 см выделяется горизонт карбонатной аккумуляции (Bca). Новообразования карбонатов представлены примазками, натеками, «журавчиками», мучнистыми пятнами. Морфология изученных почв свидетельствует об их полигенетичности. Так, подстилающая порода в обоих случаях характеризуется высокой степенью ожелезнения и хорошо выраженными окислительно-восстановительными свойствами. В современной почве сохранился нетипичный реликтовый горизонт – Bfe, который осложнил общее строение профиля. Кроме того, в горизонтах Bfe и [D] обнаружены карбонатные новообразования (кутаны и «журавчики»), расположенные на поверхности ожелезненных образований, имеющих вторичное происхождение. Их абсолютный возраст был определен радиоуглеродным методом в Университете г. Упсала, Швеция (табл. 4).

Полученные результаты позволяют говорить о гидроморфной (болотной) стадии развития почвенного покрова, предшествовавшей современному почвообразованию. Эта стадия закончилась не позднее раннего голоцена, после чего установился устойчивый аридный тренд природных условий в районе исследования. Содержание органического вещества по профилям изученных почв с глубиной уменьшается, но количественные показатели различаются. Так, в гумусовом горизонте погребенной почвы оно составляло не менее 2,4 % (реконструированное значение), тогда как в современной – 2,9 %. Ниже по профилю палеопочвы гумуса менее 1 %, а в современном черноземе более 1 %, и только в горизонтах С и D его концентрация снижается до 0,5–0,6 %. Изученные почвы рассолены, содержание легкорастворимых солей составляет менее 0,1 %. Распределение по профилю анионов и катионов неодинаковое. В погребенной почве основные анионы (HCO_3^{2-} , Cl, SO_4^{2-}) распределены равномерно, их концентрация незначительно понижается лишь в нижней части. В современной почве равномерное распределение имеют только анионы хлора. Концентрация бикарбонат-ионов повышается с глубиной, достигая мак-

симула в гор. Вса (1,5 ммоль/100 г почвы), после чего вновь снижается. Содержание сульфат-ионов с глубиной уменьшается, при этом в гор. D отмечается резкое увеличение до 6,7 ммоль/100 г почвы. Катионы кальция и магния распределены одинаково по профилям изучаемых почв, в то же время концентрация катионов натрия с глубиной возрастает. В современном черноземе в гор. D отмечено существенное увеличение содержания основных катионов (Ca^{2+} , Mg^{2+} и Na^{2+}), а также анионов сульфатной группы. Погребенный чернозем имеет меньшую величину pH по сравнению с современной почвой.

Реконструкция природных условий

Для территории лесостепного Зауралья большинство исследователей определяют раннее средневековье с IV по первую половину X в. н.э. [Конников, 2007]. На сегодняшний день для этого региона, и в частности Среднего Притоболья, имеются немногочисленные данные о состоянии окружающей среды в указанный период. Согласно результатам палинологических исследований Тоболо-Ишимского междуречья [Рябогина, 2008], в начале раннего средневековья (IV в. н.э.) преобладали умеренно прохладные и влажные природные условия. Середина эпохи (IV–VII вв. н.э.) характеризуется наибольшей увлажненностью при аналогичном термическом режиме. В конце ранне-средневекового периода (VII–X вв. н.э.) отмечается снижение увлажнения, а также кратковременное потепление.

Анализ литературных материалов позволил установить, что в рассматриваемое время на сопредельных территориях Западной Сибири также происходили изменения окружающей среды в сторону оптимизации. На Барабинской низменности (лесостепная зона) отмечаются увеличение среднегодовой нормы осадков на 20–50 мм/год и незначительное похолодание [Волкова, Бахарева, Левина, 1989]. В степях Северного Казахстана при умеренном похолодании атмосферное увлажнение было выше на 50–100 мм/год, причем его значения характеризуются большей амплитудой, что может быть связано с усилением континентальности климата [Иванов, 2006], к этому же времени относится распространение здесь сосновых боров [Кременецкий, Тарасов, Черкинский, 1994]. Выявлено, что в направлении в глубь Евразии влажные природные условия постепенно сменяются засушливыми. Так, в сухих степях Центральной Монголии отмечается аридизация климата в рассматриваемое историческое время [Виппер и др., 1989].

Анализ изученных почв показал, что в IV–VI вв. н.э. в районе городища Усть-Утяк-1 преобла-

дали более влажные природные условия, характерные для северной лесостепи. По всей видимости, максимум увлажнения пришелся на этот период, о чем свидетельствует состояние погребенной почвы (высокая степень выщелоченности, рассоленности). Наш вывод хорошо согласуется с палинологическими данными, полученными на археологических памятниках Тоболо-Ишимского междуречья [Рябогина, 2008]. Палеопочвенные исследования и анализ литературы позволили установить, что гумидный период был непродолжительным и, вероятно, составлял ок. 100–150 лет. Тем не менее он нашел отражение в эволюции почвенного покрова на подтиповом уровне. Высокая скорость и интенсивность почвенных процессов может быть объяснена региональными природными особенностями (преобладающий легкий гранулометрический состав почв, микроклимат). В районе археологического памятника Усть-Утяк-1 за последние 1 300–1 500 лет черноземы выщелоченные эволюционировали в типичные, что свидетельствует об общем аридном тренде природных условий лесостепной зоны Среднего Притоболья в это время.

Гумидный, умеренно прохладный период IV–VI вв. н.э. хорошо коррелирует с этнокультурными процессами в регионе. На это время приходится расцвет бакальской культуры, появление укрепленных поселений с хорошей фортификацией, рост контактов с соседними народами [Боталов и др., 2008]. Ухудшение природных условий во второй половине VI в. н.э. совпадает с началом упадка бакальской культуры. Следовательно, изменение природной обстановки явилось одним из значимых факторов (наряду с политическими, социально-экономическими), оказавших влияние на жизнь раннесредневекового населения лесостепей Среднего Притоболья и предопределивших дальнейший ход его развития.

Заключение

Проведенные комплексные почвенно-археологические исследования городища Усть-Утяк-1 и его окрестностей, а также анализ литературы по палеогеографии Среднего Притоболья позволили изучить состояние почв и природных условий в IV–VI вв. н.э. и сопоставить их с современными. Установлено, что за последние 1 300–1 500 лет зональные почвы претерпели изменения на подтиповом уровне. Произошла эволюция черноземов выщелоченных в типичные, что явилось отражением изменившейся природной обстановки. Морфологическое строение и химические свойства палеопочвы указывают на ее развитие в более влажных природных условиях по сравнению с настоящим временем. Наши выводы хорошо согласуются с данными спорово-пыльцевого анализа [Рябогина, 2008]

о гумидном периоде в первой половине раннесредневековой эпохи (IV–VII вв. н.э.). Мы предполагаем, что он продолжался не более 100–150 лет и привел к заметным изменениям окружающей среды.

Таким образом, в IV–VI вв. н.э. на территории Среднего Притоболья (в районе городища Усть-Утяк-1) установилась благоприятная природная обстановка, проявившаяся в увеличении среднегодовой нормы атмосферных осадков и оптимизации ландшафтов. В почвенном покрове доминировали черноземы выщелоченные. По всей видимости, после VI в. н.э. развитие окружающей среды характеризовалось тенденцией к аридизации, которая в дальнейшем привела к эволюции зональных почв на подтиповом уровне. В настоящее время в почвенном покрове преобладают черноземы типичные, которые развивались в более засушливых природных условиях.

И в заключение отметим, что оптимизация окружающей среды отразилась на развитии раннесредневековых обществ. Так, расцвет бакальской культуры совпадает с благоприятным гидротермическим периодом в лесостепях Среднего Притоболья в раннем средневековье.

Список литературы

- Агроклиматические ресурсы** Курганской области. – Л.: Гидрометеиздат, 1977. – 140 с.
- Александровский А.Л.** Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. – М.: Наука, 1983. – 152 с.
- Александровский А.Л.** Отражение природной среды в почве // Почвоведение. – 1996. – № 3. – С. 277–287.
- Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б.** Палеочерноземы средней лесостепи в позднем голоцене // Почвоведение. – 1994. – № 3. – С. 14–24.
- Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А.** Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы, IV–II тыс. до н.э. – М.: Наука, 2006. – 210 с.
- Боталов С.Г.** Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2009. – 672 с.
- Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.** Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы Бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2008. – С. 6–44.
- Брашинский И.Б.** В поисках скифских сокровищ. – Л.: Наука, 1979. – 144 с.
- Валдайских В.В.** Экологические особенности формирования почв на местах древних антропогенных нарушений (на примере лесостепной зоны Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
- Величко А.А., Морозова Т.Д.** Эволюция почвообразования в палеогеографическом освещении // Почвоведение. – 1985. – № 11. – С. 76–86.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.П., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 160–167.
- Волкова В.С., Бахарева В.А., Левина Т.П.** Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 90–95.
- Геннадиев А.Н.** Почвы и время: модели развития. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 232 с.
- Гольева А.А.** Биоморфный анализ как составная часть генетико-морфологического исследования почвы // Почвоведение. – 1997. – № 9. – С. 1045–1055.
- Губин С.В.** Диагенез почв сухих степей, погребенных под искусственными насыпями // Почвоведение. – 1984. – № 6. – С. 5–13.
- Дергачёва М.И.** Археологическое почвоведение. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 226 с.
- Дёмкин В.А.** Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 213 с.
- Дёмкин В.А., Иванов И.В.** Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. – Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1985. – 165 с.
- Егоров В.П., Кривонос Л.А.** Почвы Курганской области: учеб. пособие. – Курган: Зауралье, 1995. – 176 с.
- Елимахов А.В.** Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2008. – С. 41–44.
- Иванов И.В.** Изменение почв и природных условий степной зоны СССР в голоцене. – Препр. – Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1984. – 30 с.
- Иванов И.В.** Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М.: Наука, 1992. – 144 с.
- Иванов И.В.** Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса севера Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. – М.: Наука, 2006. – С. 7–34.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А.** Предварительные итоги исследования городища Усть-Утяк 1 в 2008 г. // VI Зырянские чтения. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. – С. 21–23.
- Кайдалов А.И., Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.** Аварийные исследования Усть-Утякского городища («Змеиная горка») в Кетовском районе Курганской области // Материалы международного (XVI Уральского) археологического совещания. – Пермь, 2003. – С. 115–117.
- Классификация и диагностика почв СССР.** – М.: Колос, 1977. – 224 с.
- Конников Б.А.** Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 466 с.
- Кременецкий К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е.** История островных боров Казахстана в голоцене // Ботан. журн. – 1994. – Т. 79, № 3. – С. 13–30.
- Маркова А.К.** Позднеплейстоценовая и голоценовая фауна мелких млекопитающих из местонахождений верховьев Дона // Изв. Акад. наук. Сер. геогр. – 2000. – № 2. – С. 84–89.
- Махонина Г.И., Валдайских В.В.** Заключение по почвенным исследованиям археологических памятников // Ко-

ловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – Прил. 1. – С. 201–207. – (Древности Ингальской долины: археолого-палеоэкологические исследования; вып. 2).

Пыльцевой анализ / А.Н. Гладкова, В.П. Гричук, Е.Д. Заклинская, В.В. Зауер, Н.Д. Радзевич, С.Р. Самойлович, М.А. Седова, Н.К. Стельмак; под. ред. И.М. Покровской. – М.: Госгеолтехиздат, 1950. – 571 с.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985. – 255 с.

Рысков Я.Г., Дёмкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). – Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 168 с.

Рябогина Н.Е. Ландшафты и климат в Тоболо-Ишимском междуречье в голоцене // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 6–59.

Хохлова О.С., Олейник С.А., Ковалевская И.С. Отличия диагенетических и эпигенетических типоморфных карбонатных аккумуляций в голоценовых погребенных почвах черноземной зоны // Почвоведение. – 2000. – № 1. – С. 28–37.

Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Дёмкина Т.С., Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н.э. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 8. – С. 206–225.

Demkin V.A., Demkina T.S., Borisov A.V., Yakimov A.S., Sergatskov I.V. Transformation of Soils and Environmental Conditions in the Semidesert Low Volga Region within the Past 4000 Years // Eurasian Soil Science. – 2004. – Vol. 37, N 3. – P. 230–241.

Demkin V.A., Yakimov A.S., Alekseev A.O., Kashirskaya N.N., El'tsov M.V. Paleosol and Paleoenvironmental Conditions in the Lower Volga Steppes during the Golden Horde Period (13th – 14th Centuries AD) // Eurasian Soil Science. – 2006. – Vol. 39, N 2. – P. 115–126.

Holliday V.T. Paleopedology in archaeology // Paleopedology. Catena supplement. – 1989. – Vol. 16. – P. 187–206.

Maher B.A., Alekseev A.O., Alekseeva T.V. Magnetic mineralogy of soils across the Russian steppe: climatic dependence of pedogenic magnetite formation // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2003. – Vol. 201, N 3/4. – P. 321–341.

Vreken W.G. Principal kinds of chronosequence and their significance in soil history // J. of Soil Science. – 1975. – Vol. 26, N 4. – P. 378–394.

*Материал поступил в редколлегию 28.07.11 г.,
в окончательном варианте – 23.11.11 г.*

СИБИРСКО-ЮЖНОАЗИАТСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ И МИФОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ*

Согласно мифу о происхождении человека, записанному у народов Восточной Европы и Сибири, творец поставил собаку стеречь фигуры людей, а противник творца подкупил сторожа и сделал людей уязвимыми для болезней. Творец наказал собаку, заставив служить человеку. Тексты, записанные в Индии (главным образом у народов мунда), у дардов Гиндукуша и у абхазов, похожи на североевразийские, но в них собака не предала, а защитила человека, уничтожить которого пытались лошади. В монгольской (точнее, ойратской) версии вместо лошади выступает корова, в остальном монгольский вариант близок к абхазским. Образ лошади, вызывающий негативные ассоциации, характерен для мифов населения Европы и Средней Азии. Источником сходных сюжетов в Евразии был миф о происхождении человека, распространенный у индоевропейцев эпохи бронзы. В фольклоре Южной Азии и европейско-сибирской зоны есть и другие параллели, в частности миф о нырлящике за землей. Их анализ позволяет реконструировать древнюю мифологию обитателей евразийских степей.

Ключевые слова: индоевропейцы, народы мунда, мифология Евразии, миф о происхождении человека, миф о нырлящике за землей.

Обилие ярких археологических материалов по культурам евразийских степей в III–I тыс. до н.э. контрастирует с отсутствием сведений о мифологии носителей этих культур. Греческие источники скупы. Трудно сказать, какие мотивы, получившие отражение в «Авесте», связаны происхождением с зоной степей, а какие – с югом Средней Азии [Bryant, 2001, с. 132–133]. Традиции тюркских народов степного пояса Евразии почти не содержат повествований о происхождении мира

и человека. Мифология дотюркского времени в ходе продвижения волн кочевников с востока на запад была утрачена, а собственно тюркская под влиянием ислама тоже почти исчезла. На основе анализа изображений фабулу мифов восстановить не удастся. Реконструировать сюжеты мифов степной зоны можно лишь одним способом – выявить древние заимствования в традициях тех регионов, население которых некогда находилось в контакте с обитателями степей.

*Работа выполнена на базе электронного Каталога фольклорно-мифологических мотивов и поддержана программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Каталог доступен на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, карты распространения мотивов и их английские определения на сайте: <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>. Я признателен за помощь в работе многим друзьям и коллегам, особенно Я.В. Василькову, В.Ю. Крюковой, И.И. Пейросу и Н.А. Янчевской.

Антропогонический сюжет человек, собака и лошадь

В фольклоре народов Восточной Европы и Сибири существуют мотивы, которые вызывают ассоциации то ли с христианством, то ли с зороастризмом, но не находят аналогий в канонических текстах этих религий. Такие мотивы, в частности, содержит рассказ о сотворении человека.

Распространенный вариант таков. Создав тела людей и оставив собаку охранять их, творец отлучился. Антагонист подкупает сторожа шубой, подходит к фигурам людей и плюет на них, из-за чего люди теперь подвержены болезням и смерти. Вернувшийся творец выворачивает тела наизнанку, дабы нечистоты остались внутри, а собаку наказывает: теперь она обязана служить человеку и питаться отбросами.

В подобной форме миф записан у русских центральных и северных губерний Европейской России, украинцев, удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, манси, ненцев, западных эвенков, различных групп якутов, русскоязычных метисов Русского Устья, кумандинцев, тубаларов, хакасов, тофаларов, бурят*. Этот сюжет был, вероятно, и в фольклоре литовцев, хотя пересказ в источнике фрагментарен. Некоторые варианты сохраняют ядро сюжета, но различаются в деталях. Так, у коми речь идет об охраняемом собакой и оплеванном антагонистом Омёлем ребенке, а мотивы ухода творца за душой для человека и выворачивания им наизнанку тел отсутствуют. Мотив выворачивания вообще совместим лишь с вариантами, в которых сам творец оживляет людей. Там же, где душу в них вкладывает антагонист или где речь идет не об одушевлении фигур, а о придании им прочности, этот мотив не встречается. Его нет у хантов, большинства ненцев и эвенков, монголов, алтайцев, шорцев, негидальцев и эвенов. У западных эвенков есть не только стандартная версия, но и отличные от нее [Василевич, 1959, с. 175, 178]. Согласно одной из последних, к фигурам людей антагонист Харги пропускают некие «работники» творца Хэвэки. В другой версии «помощником» Хэвэки является ворон, которого творец наказывает так же, как в других вариантах собаку, – повелевает питаться отбросами.

На территории Казахстана сюжет не зафиксирован, но есть запись, сделанная у «сибирских киргизов». Черт напустил мороз, собака спряталась, и черт оплевал человека. Вернувшийся творец не наказывает сторожа, а признает, что без теплой одежды собака не могла исполнить свои обязанности, поэтому он сам, а не антагонист, одаривает ее шкуркой [Ивановский, 1891,

с. 250]. «Оправдание» собаки отличает эту версию от обычных сибирских.

Больше всего отступает от основной схемы орочский текст, представляющий восточную периферию зоны распространения и ареально оторванный от других. В нем сама собака, накормив (и тем самым оживив) человека вопреки указанию творца, оказывается его антагонистом. В результате люди утратили твердую кожу, сохранившуюся только в виде ногтей на пальцах. Текст южных селькупов оставляет впечатление полузабытого и искаженного: лоз (черт) заставляет собаку поменять свою кожу, которая была, как у человека ногти, на нынешнюю, о судьбе самого человека ничего не говорится.

При очевидности связи некоторых текстов с христианской апокрифической традицией не ясно, откуда взялись соответствующие мотивы. Имена протагонистов в сибирских и волжско-пермских версиях не заимствованы от русских, это местные мифологические персонажи. Главное же, что с гипотезой развития сюжета из «авраамической» мифологии не согласуются южно-евразийские варианты того же сюжета. В них нет следов дуалистического мировоззрения, роль антагониста не сопоставима с ролью творца, а сам антагонист обычно выступает в образе лошади (рис. 1).

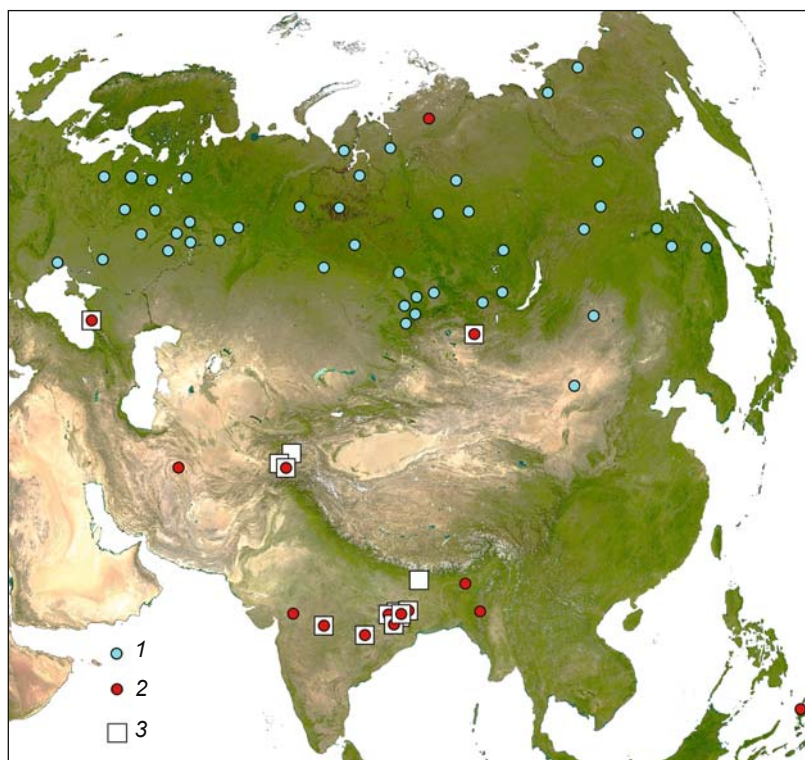

Рис. 1. Карта-схема распространения северного и южного варианта мифа о творении человека.

1 – сторож (обычно собака) не может защитить от антагониста созданные творцом тела людей; 2 – сторож (обычно собака) успешно прогоняет антагониста, пытавшегося уничтожить творение бога; 3 – антагонистом является лошадь или корова (у монголов).

*Я опускаю ссылки на источники европейско-сибирских текстов, поскольку они указаны в моей статье [Березкин, 2006б].

Данные версии зафиксированы у народов, говорящих на языках различных семей (рис. 2). Ваханцы говорят на одном из памирских языков, относящихся к восточно-иранским. Калаши и кхо Восточного Гиндукуша говорят на индоарийских языках дардской ветви (возможно, равноудаленной от иранской и индоарийской). Язык ораонов, живущих в Индии на территории штатов Бихар, Джарханд и соседних, относится к северной ветви дравидских языков, язык гондов – к центрально-дравидский, распространен в Мадхья-Прадеш, Чхаттисгархе и Ориссе. Лимбу, качари (по языку близки к бодо) и мизо (они же лушей, хами, куми) живут в пригималайских районах Непала, Северо-Восточной Индии и сопредельных районов Бирмы и говорят на тибето-бирманских языках. Барела-бхила в Гуджарате и Мадхья-Прадеш говорят на бхили – языке индо-арийской семьи. Кхаси – австроазиаты по языку, живущие в штате Мегхалая на северо-востоке Индии. Остальные южно-азиатские группы, которым известен сюжет, – мундаязычные, обитающие в восточном и центральном районах Индии (собственно мунда, или мундари, корку, санталы, бирджья, бирхор, хариа).

Почти все варианты, записанные на территории Индии и Непала, были исследованы немецким индологом Д. Каппом [Карр, 1977]. Дополнительные ма-

териалы собрал японский лингвист Т. Осада [Osada, 2010]. За пределами их внимания осталась лишь версия качари [Soppitt, 1885, p. 32]. Больше всего записей сделано среди ораонов (десять версий), мундари (шесть), санталов и корку (по три версии).

Типичный вариант таков. Бог лепит из глины фигуры мужчины и женщины и оставляет сохнуть. Лошадь или две лошади, нередко крылатые, разбивают фигуры. Творец создает собаку или двух собак, которые отгоняют нападающих. Лошадь наказана – она лишается крыльев, отныне ее удел – служить человеку и подвергаться побоям. Стремление лошади помешать созданию человека связано с ее опасением, что человек ее запряжет. В одном из текстов корку деревья пытаются уничтожить фигуры людей, поскольку боятся, что человек станет их рубить.

Сходный с индийскими вариант записан у дардов. До создания человека мир населяли лошади. Растоптать сделанное из глины тело Адама им помешала собака, с тех пор охраняющая человека. Пупок на нашем теле – след от удара копытом [Йеттмар, 1986, с. 444].

К основной группе примыкают тексты, в которых сторож не упомянут вовсе или является (у мундари) не собакой, а тигром или пауком. У дардов [Там же, с. 359] и у мундаязычных групп подобные варианты существуют наряду с типичными. У ваханцев и лим-

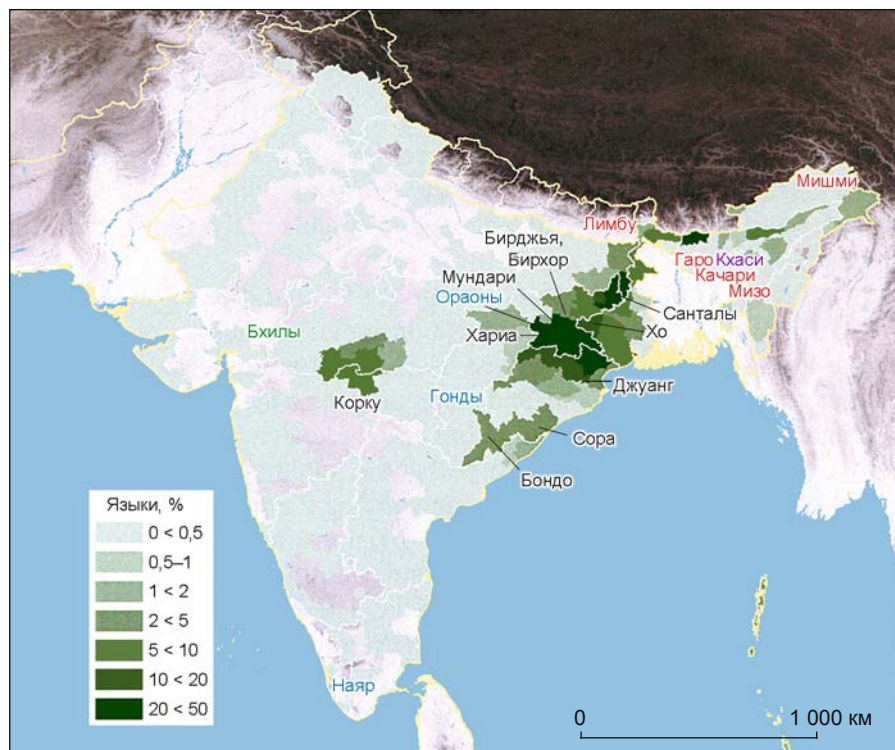

Рис. 2. Карта-схема современного распространения языков мунда в Индии и районов обитания некоторых дравидских (синий шрифт) и тибето-бирманских (красный шрифт) групп, а также кхаси (фиолетовый шрифт) и бхиллов (зеленый шрифт).

бу полные тексты (со сторожем-собакой) не известны. У ваханцев говорится о том, что бог создал человека красивым, но лошадь от зависти лягнула недоделанную фигуру, поэтому люди всегда имеют какой-нибудь телесный изъян. В наказание Бог обязал лошадь служить человеку*. В мифе лимбу Нива-Бума сделал фигуру первого человека из золота, но монстр в образе лошади уничтожил ее из зависти к совершенству творения. За это Нива-Бума велел лошади передвигаться не на двух ногах, как раньше, а на четырех и быть выучным животным. Людей же творец вылепил из золы и птичьего помета [Hermanns, 1954, p. 10–11]. У мизо, качари и кхаси антагонистами, которые пытаются уничтожить фигуры людей, выступают змея, некий злой дух или братья творца [Kapp, 1977, S. 50; Shakespeare, 1909, p. 399; Soppitt, 1885, p. 32]. В этих текстах роль собак-защитников та же, что и в большинстве других. В пределах Индии наиболее отличной и территориально удаленной от остальных является традиция барела-бхилала, в которой фигуры людей лепит богиня, уничтожить их пытается «небесная царица орлов», убивает эту царицу мужской персонаж, а души в людей вкладывает верховный бог-творец [Kapp, 1977, S. 46].

Отметим «позднюю зороастрийскую легенду» [Литвинский, Седов, 1984, с. 166]. Создав первочеловека Гайомарда, Ормузд поручил семи мудрецам охранять его от Ахримана, но те не справились с задачей. Тогда Ормузд поставил сторожем пса Zargīnoš («желтые уши»), и с тех пор этот пес охраняет от демонов идущие в иной мир души. В «Авесте» такого сюжета нет, но это не исключает возможности его раннего бытования в устной традиции.

Как видно из приведенных примеров, между вариантами сюжета на севере и на юге Евразии есть систематические различия. В вариантах, бытующих в Восточной Европе и Сибири, собака не справилась с поставленной задачей, а на юге Евразии – она успешно защитила человеческие фигуры. В северных вариантах не только повествуется о создании человека, но и объясняется, почему он болеет и смертен, а в южных эта тема отсутствует. Тем не менее сходство северных и южных версий достаточно велико, чтобы исключить возможность случайного совпадения. Нигде больше подобных повествований нет. Лишь один текст степных оджибва в Канаде немного напоминает евразийские. Висекечак делает человеческую фигуру из камня и отходит полюбоваться на нее. Медведь трется о фигуру, она падает и разбивается. Висекечак делает новую из глины, поэтому люди слабы [Simms, 1906, p. 338–339]. Сходство с евразийскими текстами здесь случайно, поскольку у оджибва для

сюжета существенно не наличие определенного персонажа-антагониста, а противопоставление прочного и непрочного материалов, с которыми ассоциируется человек. Именно эта особенность типична для мифов о происхождении смерти, записанных на северо-западе Северной Америки [Березкин, 2010, с. 17–21]*.

Есть лишь один исторический сценарий, способный объяснить аналогии между южно-азиатскими и европейско-сибирскими вариантами. Поскольку области их распространения разделены зоной степей, именно там и нужно искать первоисточник сюжета. Период, ранее которого сюжет уже должен был существовать, определяется временем начала контактов между степными и южно-азиатскими по происхождению группами.

Наибольший интерес представляют варианты, записанные среди мунда. В наши дни носители большинства «племенных» языков Индии рассеяны на большой территории, некоторые группы за последние сто-двести лет сменили языковую принадлежность. Однако районы, в которых численность носителей соответствующих языков наиболее высока, и сейчас совпадают с районами их преимущественного проживания в прошлом [Osada, Onishi, 2010]. Основная область распространения языков мунда находится в пределах плато Чхота-Нагпур (штат Джарханд и соседние территории). Здесь живут санталы, хо, мундари, бирхор, асур (включая бирджья) и другие народы, говорящие на языках северной ветви мунда. Южнее, в основном в окр. Корипут штата Орисса, представлены языки южной ветви – бондо, сора и близкие к ним. Значительно западнее, в штате Махараштра, локализован язык корку, принадлежащий к северной ветви. Языки хариа и джуанг ранее относили к южной ветви, но в последних классификациях они причислены к северной [Diffloth, 2005]**.

*У лода и галела на о-ве Хальмахера (Индонезия, Северные Молукки), языки которых относятся к числу папуасских, тоже записаны мифы о том, как творец (или его посланник) сделал из глины изображения людей и ушел за душами для них. Злой дух по имени О ибилиси (от арабского «ибليس» – «дьявол») разбил изображения. Тогда творец сделал из испражнений антагониста суку и кобеля, которые отогнали антагониста, и люди были успешно оживлены [Baarda, 1904, № 13, p. 442–444; Kruijt, 1906, p. 471]. Хотя этот индонезийский вариант близок к индийским (особенно к варианту кхаси), его, как и миф оджибва, можно оставить в стороне. На Молукки сюжет попал, скорее всего, после распространения ислама, о чем свидетельствует имя антагониста. Как это конкретно произошло, для нашей темы несущественно.

**Принадлежность хариа и джуанг к северной группе подтверждают и выводы И.И. Пейросы, полученные на основе стословного списка М. Сводеша по глоттохронологической формуле С.А. Старостина.

*Информация Богшо Лашкарбекова от 14.02.2005 г.

На джуанг говорят в Северной Ориссе, а на хариа – почти в тех же районах, где говорят на мундари [Peterson, 2009, VI–VIII].

Семья языков мунда сначала распалась на южную и северную ветви, затем обособились языки хариа и джуанг, затем отделились друг от друга бондо и сора и наконец корку. Лексикостатистические даты хотя и приблизительны, но дают ориентировку в масштабе столетий и указывают на последовательность разделения языков. В случае с языками, которые нас интересуют сейчас, речь идет о периоде от начала II тыс. до н.э. (распад протомунда) до середины I тыс. до н.э. (отделение корку).

Среди народов мунда миф о создании человеческих фигур и попытке их уничтожить зафиксирован у северных групп, в т.ч. корку. Следует отметить, что мифология корку в источниках отражена слабо, а материалы по бондо и сора обильны. У корку известно несколько версий мифа, а у бондо и сора можно считать достоверно установленным его отсутствие. Это значит, что мунда могли познакомиться с рассматриваемым сюжетом между 1700 и 900 гг. до н.э. (даты, как я указывал, приблизительные, но речь определенно идет не о III тыс. до н.э. и не о середине I тыс. до н.э.). У джуанг миф не записан, а у хариа есть одна версия, похожая на варианты мундари [Pinnow, 1965, N 26, p. 142–143]. Поскольку хариа находились в контакте с мундари, наличие у них сюжета не показательно. Зато его отсутствие у южных мунда и наличие у корку именно потому и значимо, что эти группы с северными мунда территориально не соприкасаются.

Языки дравидских народов Индии в основном локализованы южнее языков мунда. Ораоны – северные дравиды, живущие чересполосно с северными мунда. Они лидируют в Южной Азии по числу текстов с рассматриваемым сюжетом, у гондов (центральные дравиды) записан только один такой текст, а у остальных дравидских народов их нет вообще. Тексты ораонов не отличаются от вариантов мундари. Они могли быть заимствованы как от мунда, так и непосредственно от первоначальных, не южно-азиатских по происхождению, носителей сюжета.

Тибето-бирманские народы Южной Азии обитают в пригималайской зоне. У них представлены оба мотива – лошадь-антагонист и собака-сторож. Первый, однако, зафиксирован только у непальских лимбу, а второй – только у живущих восточнее, уже на территории Индии, качари и мизо. Мифологии Северо-Восточной Индии и мифология лепча Сиккима прекрасно изучены. Данный сюжет для тибето-бирманцев явно не основной и у большинства групп отсутствует. То же можно сказать и о кхаси, в варианте которых представлена собака-сторож, но антагонистом является просто некий злой дух. Языки мунда и кхаси относятся к числу австроазиатских, но принадлежат к их разным

ветвям. Австроазиатским народам за пределами Индии сюжет не известен.

Материалов по мифологии бхилов, к которым относятся и барела-бхилала, мало, но те сюжеты, которые зафиксированы, свидетельствуют о связях с мифологиями «племенных» народов Восточной Индии, а не с индоарийскими [Kapp, 1986, p. 266–269; Koppers, Jungblut, 1976, p. 167, 199–201]. На каком языке говорили бхилы до перехода на индоарийский – неизвестно, но вполне вероятно, что это был язык семьи мунда. Отсутствие в мифе барела-бхилала как лошади, так и собаки объяснимо утратой элементов традиционной мифологии в инокультурном окружении.

Именно мунда могут претендовать на роль основных носителей сюжета в Южной Азии. Однако и сами они сюжет заимствовали. Во-первых, его нет у южных мунда и у других австроазиатов, кроме кхаси. Во-вторых, лошадь, которая играет в мифе важную роль, в Южной Азии появилась лишь вместе с индоевропейцами. Кости эквидов на хараппских памятниках не принадлежат домашней лошади [Bryant, 2001, p. 170–175; Parpola, Janhunen, 2010, p. 435]. На западной границе Индийского субконтинента смена культуры заметна с XIII в. до н.э. и, вероятно, связана с появлением восточных иранцев [Кузьмина, 2008, с. 300–305; 2010, с. 34]. Приход первых индоариев археологически надежно не фиксируется, как, впрочем, и большинство других миграций, известных по письменным источникам или языковым данным. Однако большинство лингвистов и археологов ограничивают время прихода индоевропейцев в Индию 1900–1200 гг. до н.э. [Bryant, 2001, p. 218, 224, 229–230].

Ни в текстах, написанных на санскрите, ни в фольклоре современных народов, говорящих на индоарийских языках, за исключением барела-бхилала, повествований о попытке уничтожить сотворенные божеством фигуры людей нет. Зато, как было сказано, этот сюжет зафиксирован у носителей дардских языков Восточного Гиндукуша. Поэтому вполне вероятно, что в Индию сюжет принесли именно дарды или какая-то близкая к ним группа. Следы ее пребывания были в дальнейшем стерты в ходе продвижения родственных индоариев. Указанное выше время проникновения индоевропейцев в Индию согласуется с предполагаемым временем заимствования у них сюжета аборигенами субконтинента – между распадом протомунда в начале II тыс. до н.э. и отделением корку в начале I тыс. до н.э. Согласно конфигурации ареала вариантов сюжета в Южной Азии (в основном от Гималаев до востока Мадхья-Прадеша и Джарханда), носители сюжета расселялись в долине Ганга.

На Памире сюжет, как отмечалось, известен ваханцам. Они могли заимствовать его у дардов либо унаследовать от своих сакских предков. Знакомы ли были с сюжетом восточные иранцы Туркестана – сказать

трудно, но очень вероятно, что данный миф в евразийских степях некогда имел широкое распространение. В пользу подобной гипотезы свидетельствуют абхазские и монгольские материалы.

У абхазов сюжет был обнаружен в 1990-х гг. Один текст записала этнограф М. Барцыц со слов своей матери, другой – фольклорист В. Когониа*. Вариант, записанный М. Барцыц, таков. Когда происходило творение мира, на сделанного из глины человека черт наслал коней, чтобы они разнесли его: «а то, мол, будет всю жизнь мучить их». Человек успел выхватить горсть глины из живота и швырнуть в нападавших, комья стали собаками и отогнали коней. Во втором варианте собака защищает человека по собственной инициативе, а не по указу творца. Бог создал человека из глины. Черт предупредил лошадей: «Если человек оживет, то вам не жить. Убейте его!» Лошади бросились на человека, но собаки их отогнали. Вот почему человек и собака считаются близкими.

Эти тексты не имеют аналогов на Кавказе. Сюжет мог проникнуть сюда в результате контактов местного населения со степными индоевропейцами, чьих прямых языковых потомков не сохранилось (проникновение на Кавказ аланов-осетин относится к более позднему времени).

Монгольский, а точнее, ойратский (дербетский) вариант, записанный, как любезно сообщила мне автор русскоязычной публикации, в 1984 г. в Убсунурском аймаке, обнаруживает параллели с абхазскими и тоже уникален для своего региона. Бог вылепил из глины двух людей. Пришла корова, подцепила рогом одну фигуру, та упала и разбилась. Осколки стали собакой, которая с тех пор злится на корову и лает. Собака и человек имеют общее происхождение, поэтому кости у них одинаковые [Скородумова, 2003, с. 51–52]. У монголов, как и у абхазов, собака не поставлена творцом охранять фигуру человека; она возникает из фрагмента этой фигуры в момент нападения антагониста. В данных вариантах, в отличие от других, подчеркивается близость собаки и человека. В этой связи нельзя не вспомнить о высочайшем статусе собаки и ее близости к человеку в авестийской и поздней зороастрийской традиции [Крюкова, 2005, с. 202–205; Чунакова, 2004, с. 203; Боусе, 1989, р. 145–146].

Поскольку сюжет в Монголии имеет узколокальное распространение, вероятность заимствования его абхазами от воинов Чингисхана мала. На восточной и на юго-западной окраинах Великой степи источником заимствований были обитатели этой территории в эпоху бронзы – носители индоевропейских языков. Только они могли контактировать и с какими-то группами на востоке, от которых сюжет дошел

до современных монголов, и с северокавказцами на западе, и с народами Южной Азии.

Знаменательно, что в варианте монголов в роли антагониста предстает не лошадь, а корова. У монгольских и тюркских народов Сибири, Казахстана и Центральной Азии лошадь не вызывает негативных ассоциаций, тогда как бык и корова порой выступают их носителями. У казахов, алтайцев, тувинцев, монголов (включая ойратов), якутов, а также у ненцев образ быка или коровы является воплощением лютого холода или связывается с появлением зимы, причем у тувинцев и якутов плохой бык противопоставлен в соответствующем мифе хорошему коню, который желает тепла [Беннингсен, 1912, с. 55–57; Каташ, 1978, с. 18–19; Кулаковский, 1979, с. 73, 77–78; Лехтисало, 1998, с. 16; Потанин, 1883, № 37, с. 203; 1972, с. 54–55; Эргис, 1974, с. 149; Taube, 2004, N 5, S. 19]. Напротив, у народов Европы, реже Кавказа и Средней Азии (древние греки, сербы, болгары, гагаузы, украинцы, белорусы, норвежцы, датчане, литовцы, латыши, вепсы, финны, коми, осетины, таджики) и в среднеперсидской авестийской традиции лошадь считается созданием или воплощением противника бога [Белова, 2004, № 374, 375, с. 176; Булашев, 1909, с. 401; Булгаковский, 1890, с. 189; Велюс, 1981, с. 263; Вукичевич, 1915, с. 109–111; Заглада, 1929, с. 12; Лимеров, 2005, № 70, 73, 74, с. 68–70, 74–76; Мошков, 2004, с. 204–205, 261; Петровић, 2004, с. 183–184; Погодин, 1895, с. 439; Стойнев, 2006, с. 163; Сухарева, 1975, с. 39–40; Чубинский, 1872, с. 49; Чунакова, 2004, с. 110, 216; Шевченко, 1936, с. 92; Aarne, 1912, N 58, S. 11; Dähnhardt, 1907, S. 341–342], а в фольклоре представлены образы демонических коней-людоедов [Аполлодор, 1972, II, 5, 8, с. 36, 149; Бязыров, 1971, № 15, с. 156–173]. В древнегреческой традиции, как и в тюркской сибирской, бык и конь противопоставлены друг другу в качестве существ, которые несут благо или зло, но знаки в этом противопоставлении противоположны: из трупа быка возникают пчелы, из трупа лошади – осы или трутни [Gunda, 1979, S. 398–399].

Одна из норвежских версий прямо перекликается с южно-азиатскими мифами. Черт решил создать зверя, который бы обежал землю и уничтожил людей. Он пытался оживить зверя плевком, но безуспешно. Зверя оживил Бог, велел ему стать лошастью и служить человеку. След чертова плевка – роговые образования на лошадиных ногах [Dähnhardt, 1907, S. 342].

Последний вариант сюжета, который осталось упомянуть, записан у нганасан. Прародительница родила ребенка – веточку тальника. Ее муж посадил веточку. «Болезнь пришла и нагадила». Муж попросил у жены второго ребенка, чтобы тот охранял первого. Вторым ребенком оказался безрогий оленьчик. Он просит отца дать ему рога, чтобы бороться с червями

*Этой информации я обязан М. Барцыц и З. Джапуа.

и гадами, получает рога из мамонтовой кости и камня, уничтожает гадов [Попов, 1984, с. 42–43].

Нганасанский миф ближе к южным, а не к северным вариантам, поскольку сторож в нем успешно отгоняет антагониста. В генезисе нганасан приняли участие тунгусы, самодийцы, чей язык и был унаследован обитателями Таймыра, а также местный субстрат неизвестной языковой принадлежности [Долгих, 1952]. Языковых подтверждений контактов прасамодийцев со степными индоевропейскими группами нет*, но археологические материалы указывают на вероятное продвижение потомков создателей пазырыкской культуры далеко на север [Молодин, 2003, с. 148–178]. В любом случае мы, видимо, имеем дело с сохранившимся на Таймыре древним вариантом мифа, который население тайги и тундры заимствовало у обитателей степной зоны. Позже этот вариант был почти полностью вытеснен европейско-сибирским.

Сюжет *нырятьщик за землей*

Время распространения северного варианта мифа о создании человека определяется наличием в нем манихейских мотивов. История его появления в Восточной Европе может быть сходна с историей появления мифа о нырятьщике за землей. Последний имеет глубочайшую древность [Березкин, 2007; Напольских, 1991], но на юг Восточной Европы он попал, скорее всего, в эпоху Великого переселения народов и там был переработан под богомилским влиянием [Напольских, 2008]. Манихейство достигло Сибири, вероятно, в период согдийской колонизации вдоль Великого Шелкового пути [Кызласов 2001], а оттуда кочевниками (аварами, как предположил В.В. Напольских) было принесено в Европу, куда оно проникло и из других источников. Районы фиксации северных вариантов мифа об испорченном творении и собаке-стороже вписываются в североевразийский ареал «нырятьщика» (рис. 3). На сибирском Северо-Востоке, у большинства народов Амуро-Сахалинского региона, а также у саамов нет ни «нырятьщика», ни «испорченного творения». Зато во многих североевразийских традициях, в частности у марийцев, мордвы, чувашей, ненцев, киренских эвенков, алтайцев, хакасов, шорцев, бурят и монголов, рассказ о творце, антагонисте и стороже прямо продолжает рассказ о возникновении земной суши, добытой со дна океана [Верещагин, 1996, с. 134; Гомбоев, 1890, № 1в, с. 67–69; Егоров, 1995, с. 117–118; Катанов, 1963, с. 155–156; Лабанаускас, 1995, с. 13–15; Лар, 2001, с. 188–205; Ненянг, 1997, с. 21–23;

Пинегина, Коненкин, 1952, с. 49–50; Потанин, 1883, № 46, с. 218–223; Седова, 1982, с. 13–15; Скородумова, 2003, с. 35–37; Штыгашев, 1894, с. 1–8].

Североевразийские мифы, в которых соединены рассказы о нырятьщике за землей и попытке антагониста испортить созданные богом фигуры людей, окончательно оформились, вероятно, в эпоху Великого переселения народов. Однако первоначальное фабульное сцепление двух сюжетов могло произойти раньше, поскольку оба соединены в одних текстах также и в Индии.

Миф о нырятьщике за землей в Южной Азии распространен у северных и южных мунда (агария, бирхор, мундари, санталы, бондо, сора), ораонов, центральных дравидов (гонды, койя и мариа) и тибето-бирманцев (гаро, качари, мишми, качин). Он зафиксирован также у байга и черо (группы не вполне ясной, видимо, менявшейся языковой принадлежности) и у некоторых индоарийских народов. Среди последних – тхару Непала и сингалы, переселившиеся на Цейлон из Восточной Индии почти 3 тыс. л.н. Данный сюжет отражен в ранних санскритских текстах, хотя их составители уже плохо его понимали [Васильков, 2006]. Восточнее Индии сюжет зафиксирован у шанов Бирмы и семангов Малайзии, но в целом для Юго-Восточной Азии нехарактерен. У мундари, санталов, бирхор, ораонов и качари рассказ о создании человека с участием антагониста-лошади и сторожа-собаки прямо продолжает рассказ о добывании земли со дна моря.

Сюжет мифа о нырятьщике за землей слишком сложен, чтобы мог независимо возникнуть на севере и на юге Евразии. Его американские варианты, несомненно, восходят к азиатским, но соотношение индийских и сибирских вариантов не изучено. В последние полтора тысячелетия контакты между Индией и Сибирью шли через Тибет и Монголию. От тибетского мифа о добывании земли из-под вод сохранились фрагменты [Hermanns, 1949, S. 289–290, 833], но ясно, что нырятьщиком в нем выступала черепаха, как и в одной из монгольских версий [Скородумова, 2003, с. 35–37]. В другой монгольской версии вместо черепахи – лягушка [Потанин, 1883, № 466, с. 220–223]. Тот же вариант с лягушкой представлен у забайкальских и охотских эвенков [Василевич, 1969, с. 214–215; Мазин, 1984, с. 19–20]. Версия с черепахой в роли нырятьщика за землей есть и в Индии, так что индийское влияние на монгольский вариант «нырятьщика» возможно. Однако к основной североевразийской традиции все это прямого отношения не имеет. Согласно большинству версий, записанных у монголоязычных народов, черепаха или лягушка стали поддерживать землю, но крупницы земли появились не со дна океана, а откуда-то сверху или со стороны [Беннингсен, 1912, с. 13–14; Nassen-Bayer, Stuart, 1992, p. 327–329; Stuart,

*Возможно, такие контакты были у (прото)тохаров [Напольских, 1997, с. 82].

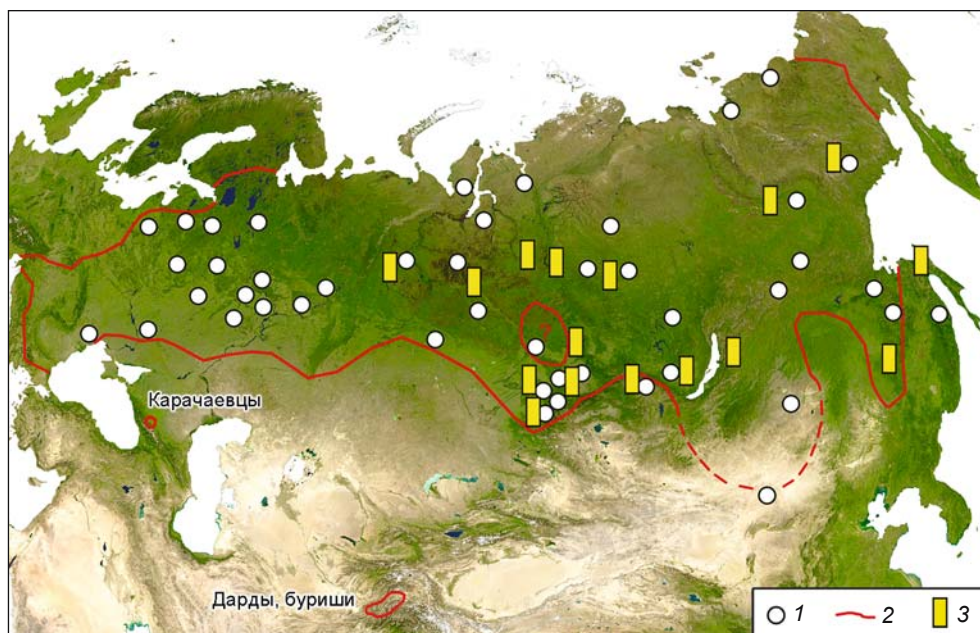

Рис. 3. Карта-схема распространения некоторых мифологических мотивов в Северной Евразии.
1 – «испорченное творение»: собака пропускает антагониста к созданным богом фигурам людей; 2 – «ныряльщик за землей» (примерная граница ареала); 3 – «полосатый бурундук».

Limusishiden, 1994, p. 41]. Похоже, что мотив ныряния попал к монголам поздно и не получил широкого распространения. В Сибири миф о ныряльщике бытовал с эпохи палеолита – иначе он не был бы принесен в области Северной Америки, находившиеся к югу от Лаврентийского ледника [Березкин, 2007]. Предполагать для столь раннего времени контакты Индии с Сибирью через Тибет нереально: в эпохи глобальных похолоданий высокогорные области, скорее всего, оставались незаселенными.

Если в североевразийских вариантах протагонистами мифа о добывании земли со дна моря являются водоплавающие птицы, то в южноевразийских в роли ныряльщиков выступают разные персонажи. Согласно текстам мундари и санталов, рак (или краб, креветка) и затем черепаха доныривают до дна, но не могут доставить землю к поверхности, а удается это червю [Bodding, 1942, p. 3–5; Roy, 1912, v–vi; Osada, 2010]. У тхару, агариа, сора, бирхор, байга и гондов достать землю пытаются один или несколько из упомянутых персонажей или их близкие аналоги (пиявка вместо дождевого червя) [Elwin, 1939, p. 308–316; 1949, N 1, p. 27–28; 1954, N 14, p. 433–434; Fuchs, 1952, p. 608–617; Krauskopff, 1987, p. 14–16; Prasad, 1989, p. 3]. Вариант, в котором землю приносят насекомые, представлен у мишми на северо-востоке Индии (белые муравьи), шанов (также муравьи) и семангов (навозный жук) [Elwin, 1958, N 18, p. 23–24; Evans, 1937, p. 159; Walk, 1933, S. 74]. У родственных качари гаро два вида крабов терпят неудачу, а землю приносит

жук, у ораонов – зимородок, у качин и сингалов – антропоморфные персонажи [Волхонский, Солнцева, 1985, № 1, с. 28–29; Elwin, 1958, N 27, p. 137; Playfair, 1909, p. 82–83]. В одном из текстов бондо, у дравидов койя и мариа и в индуистской традиции землю со дна достает кабан [Васильков, 2006; Elwin, 1949, N 4, p. 30–31; 1950, p. 135–136; 1954, N 5, p. 426].

Композиция и наборы персонажей в повествованиях о добывании земли со дна моря в Южной Азии разнообразнее, чем в Европе и Сибири, поэтому более вероятно, что северные варианты отпочковались от южных, а не наоборот. В любом случае в какой-то период ареалы южных и северных вариантов сюжета должны были соприкасаться.

В Восточной Азии «ныряльщика» нет. В притихоокеанских районах представлен другой сюжет – спуск земли из верхнего мира на воды или в некую неопределенную бездну. У австронезийцев (кроме тайваньцев) этот сюжет господствует. Он же характерен для вьетов, рюкюсцев, японцев, удэгейцев, нанайцев, самых восточных групп эвенков, ительменов, чукчей, эскимосов*. Как в Индии, так и в континентальной Сибири сюжет спуска земли с неба хотя и встречается, но очень редок (конды, черо, манси).

Более вероятна поэтому связь южных и северных версий «ныряльщика» через районы к западу от Тибета. В пользу ее – наличие двух территориально изо-

*Источники см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, мотив ВЗЕ.

лированных версий на промежуточных территориях. Первая характерна для дардов, а также соседних буришей [Йеттмар, 1986, р. 223–224; Hermanns, 1949, р. 839], вторая – для карачаевцев [Каракетов, 1995, с. 64–67]. Дардско-буришский вариант не похож ни на европейско-сибирские и североамериканские, ни на южно-азиатские варианты и оставляет впечатление осколка особой традиции. Содержание его таково. Мир покрыт водой, частью замерзшей. Великаны просят волка поместить над водой землю. Волк требует к себе птицу, живущую в снегах гор. Затем он велит повелителю великанов встать в воду, на великана садится птица, мышь проделывает дыру во льду, достает землю и насыпает ее на распростертые крылья птицы.

Согласно карачаевскому варианту, пара гусей свила гнездо на темени лежавшего среди моря дракона. Боясь, что он сбросит их в воду, гусыня дважды ныряет, не достигает дна и затем спускается в нижний мир, где узнает, как можно убить дракона. Когда тот агонизировал, гуси снова нырнули и вынырнули, измазавшись в грязи. Старец Къарт-Чоппа соскоблil грязь с их перьев и смазал ею спину дракона, что привело к созданию нашего мира.

Подобный миф вряд ли был принесен в недавнее время тюрками из Южной Сибири. Мотив космического дракона есть на востоке у уйгуров Ганьсу [Stuart, Jhang Juan, 1996, р. 13], но с мотивом ныряния за землей он там не сочетается. Дардско-буришская версия тем более изолирована от остальных. Обе могут свидетельствовать о распространении мифа о ныряльщике за землей в зоне степей в дотюркское время. Если как степные индоевропейцы, так и древние обитатели Южной Азии были знакомы с мифом о ныряльщике за землей, то понятно, почему аборигены долины Ганга заимствовали у индоевропейцев миф о человеке, лошади и собаке – у тех и других уже имелись структурно сходные повествования, в которых речь шла сперва о добычании земли, а затем о создании человека.

Выше было сказано, что в тех индийских антропогенетических мифах, в которых участвуют собака и лошадь, нет дуалистических мотивов, характерных для европейско-сибирского варианта сюжета. Эти мотивы, однако, имеются в других южных версиях. В них, точно так же, как в сибирских и восточно-европейских, протагонистами являются два персонажа: один творит тело человека и ухаживает за душой, а другой, оживляя в это время человека, делает его смертным. Подобные мифы есть у мундаязычных санталов и особенно характерны для Юго-Восточной Азии, где зафиксированы на Калимантане (нгаджу), Сулавеси (тораджа), Филиппинах (тболи, букиднон, мануву), а также у семангов*. Параллели мотиву имеются на Ма-

дагаскаре [Abrahamsson, 1951, р. 115–118]. Поскольку мадагаскарские варианты близки к индонезийским, можно уверенно говорить о наличии сюжета в Индонезии до переселения предков мальгашей на Мадагаскар в VII в. н.э. [Adelaar, 2009].

Древность дуалистического мифа о творении мира и человека в Евразии должна быть сопоставима с древностью мотива ныряльщика за землей. Об этом свидетельствует наличие североамериканских параллелей как для «ныряльщика», так и для мотива противостояния двух творцов [Березкин, 2006а]. Зороастрийская дуалистическая традиция, повлиявшая на возникновение манихейства и гностицизма вообще, не имеет соответствий в других индоевропейских мифологиях и, скорее всего, сложилась у иранцев под влиянием субстрата. Как и в случае с «ныряльщиком», ареалы дуалистического мифа творения на севере и на юге Евразии когда-то должны были составлять единое целое. Все это лишь части обширного комплекса представлений, объясняющего смертную природу людей. В него входят мотив ногтеподобной кожи, которой должны были быть покрыты человеческие тела (он известен как в Северной Евразии, так и в Индонезии и у индейцев Британской Колумбии*), и мотив эликсира бессмертия, пролитого на растения (в Северной и Центральной Евразии он есть у греков, талышей, азербайджанцев, персов, таджиков, узбеков, казанских татар, башкир, казахов, алтайцев, тофаларов, бурят, монголов и удэгейцев, а на юге – в Индонезии у нгаджу и в Микронезии на Палау**).

В свете гипотезы древних трансевразийских культурных связей объяснимы и другие фольклорно-мифологические параллели между Европой, Сибирью и Индией. Рассмотреть их в рамках статьи невозможно. Приведу лишь один пример. В Сибири популярен рассказ о том, как шкурка бурундука сделалась полосатой***. Желая отблагодарить или наказать зверька, персонаж проводит рукой или лапой по его спине и оставляет следы (алтайцы, теленгиты, тофалары, хакасы, буряты, манси, ханты, северные селькупы, кеты, различные группы эвенков, эвены, якуты, нанайцы, нивхи). Из Сибири этот мотив в сюжетно близком контексте попал в Северную Америку (сэлиши томпсон, санпуаль, васко, якима, кутенэ, черноногие, ирокезы, сенека, ючи, чироки, крики, мивок, хопи), он же в приложении к местному грызуну типа белки зафиксирован у санталов и южно-индийских наяр. Совокупная

*Источники см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, мотив E36.

**Источники см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, мотив H6B.

***Источники см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, мотив B69.

*Источники см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, мотив H43.

зона распространения мотива близка к ареалу мотива «ныряльщика за землей» (рис. 3). Оба мотива есть как в Индии, так и в континентальных районах Северной Америки и Сибири, но отсутствуют в Берингоморье.

Выводы

В эпоху бронзы знакомые с домашней лошастью группы степных скотоводов проникли в Южную Азию, где вступили в контакт с носителями языков мунда. Совокупность данных, включая тексты, записанные в Абхазии, на Памире, Гиндукуше и в Монголии, позволяет утверждать, что сюжет творения человека, характерный для народов мунда, был заимствован аборигенами Южной Азии у ранних индоевропейских мигрантов и некогда распространен в евразийских степях. Отдельные группы тибето-бирманцев и дравидов тоже заимствовали его – непосредственно у индоевропейцев (конкретно у дардов?) либо уже у мунда. Позже от степного варианта отпочковался североевразийский. Собака из успешного защитника человека превратилась в предателя, и на нее были перенесены отрицательные коннотации, связанные до этого с лошастью. Данный вариант распространился в лесной зоне от Балтики до Тихого океана. В степях же дотюркские и доисламские космогонические и антропологические сюжеты исчезли.

Второй уровень реконструкции обращен к более отдаленным эпохам. Существуют сюжеты, связывающие юг и север Евразии, но не представленные в ее центральной части. Среди них – миф о добывании земли со дна океана. Параллели между индийскими и сибирскими вариантами предполагают, что южная и северная области распространения мотива «ныряльщика за землей» некогда соединялись. Наиболее вероятно, что сюжет был известен в степной зоне Евразии. Версии с Гиндукуша (дарды и буриши) и с Северного Кавказа (карачаевцы) – осколки этой традиции.

О наличии древних трансевразийских связей свидетельствуют и ареалы других фольклорно-мифологических сюжетов. Параллели такого рода я был склонен связывать с образованием ок. 2 тыс. л.н. трансевразийской информационной сети [Березкин, 2006б]. Оставалось непонятно, однако, почему цепочки аналогий не совпадают ни с траекторией Великого Шелкового пути, ни с маршрутами морской торговли между Европой и Азией. Видимо, перед нами следы гораздо более ранних связей. Разглядеть их мешает своего рода мимикрия некоторых сюжетов под мифологию мировых религий. В древности степная зона от Кавказа до Южной Сибири являлась областью распространения многих сюжетов, которые до XX в. сохранились лишь в более северных и более южных районах Евразии.

Список литературы

- Аполлодор.** Мифологическая библиотека / подгот. изд. и пер. В.Г. Борухович. – Л.: Наука, 1972. – 214 с.
- Беннингсен А.П.** Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1912. – 168 с.
- Белова О.В.** «Народная Библия». – М.: Индрик, 2004. – 575 с.
- Березкин Ю.Е.** Евразия – Америка: дуалистические космогонии // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. – М.: Наука, 2006а. – С. 353–382.
- Березкин Ю.Е.** До или после Завета? «Оплеванное творение» и сопутствующие мифологические мотивы в Евразии // Культура Аравии в азиатском контексте. – СПб: МАЭ РАН, 2006б. – С. 225–249.
- Березкин Ю.Е.** Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 110–123.
- Березкин Ю.Е.** Мифологические объяснения смертности человека и проблема происхождения на-дене // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 7–50.
- Булашев Г.О.** Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. – Киев: [тип. Имп. Ун-та св. Владимира], 1909. – 515 с.
- Булгаковский Д.Г.** Пинчуки. Этнографический сборник. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1890. – 201 с.
- Бязыров А.Х.** Осетинские народные сказки. – Цхинвали: Ырыстон, 1971. – 286 с.
- Василевич Г.М.** Ранние представления о мире у эвенков (материалы) // ТИЭ. – 1959. – Т. 51. – С. 157–192.
- Василевич Г.М.** Эвенки. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Васильков Я.В.** Страничка мифологического бестиария: отряхивающийся вепрь // Культура Аравии в азиатском контексте. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 250–262.
- Велюс Н.** Velnio banda: 'стадо вьяльнса' // Балто-славянские исследования-1980. – М.: Наука, 1981. – С. 260–269.
- Верещагин Г.Е.** Вотяки сарапульского уезда Вятской губернии. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УРО РАН, 1996. – 204 с.
- Волхонский Б.М., Солнцева О.М.** Сингальские сказки. – М.: Наука, 1985. – 544 с.
- Вукичевич М.М.** Сербская легенда о двух царствах – Божием и Дьявола // Живая старина. – 1915. – Вып. 1/2. – С. 101–114.
- Гомбоев Д.Г.** Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск: Вост.-сиб. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва, 1890. – 153 с.
- Долгих Б.О.** Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1952. – С. 5–87. – (ТИЭ; т. 18).
- Егоров Н.И.** Чувашская мифология // Культура Чувашского края. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. – Ч. 1. – С. 109–146.
- Заглада Н.** Побут селянської дитини: матеріали до монографії с. Старосілля. – Київ: Київ-Друк, 1929. – 180 с.
- Ивановский А.А.** К вопросу о дуалистических поверьях о мироздании // Этногр. обозрение. – 1891. – № 2. – С. 250–252.

- Йеттмар К.** Религии Гиндукуша / пер. с нем. – М.: Наука, 1986. – 524 с.
- Каракетов М.Д.** Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М.: Наука, 1995. – 344 с.
- Катанов Н.Ф.** Хакассский фольклор. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. – 164 с.
- Каташ С.С.** Мифы, легенды Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1978. – 112 с.
- Крюкова В.Ю.** Зороастризм. – СПб.: Азбука-Классика; Петербург. востоковедение, 2005. – 285 с.
- Кузьмина Е.К.** Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 508 с.
- Кузьмина Е.К.** Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах В.И. Сараниди // На пути открытия цивилизации (Тр. Маргиан. археол. экспедиции). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 29–38.
- Кулаковский А.Е.** Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 483 с.
- Кызласов Л.Р.** Сибирское манихейство // Этногр. обозрение. – 2001. – № 5. – С. 83–90.
- Лабанаскас К.И.** Ненецкий фольклор. – Красноярск: Упр. культуры адм. Таймыр. автоном. окр., 1995. – 221 с.
- Лар Л.А.** Мифы и предания ненцев Ямала. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – 292 с.
- Лехтисало Т.** Мифология юрако-самоедов (ненцев). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – 135 с.
- Лимеров П.Ф.** Му пуксём – Сотворение мира. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. – 524 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Культы и ритуалы кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1984. – 239 с.
- Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Молодин В.И.** Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–178.
- Мошков В.А.** Гагаузы Бендерского уезда. – Кишинев: [Tipogr. Centrală], 2004. – 550 с.
- Напольских В.В.** Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. – 189 с.
- Напольских В.В.** Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: УрО РАН, 1997. – 257 с.
- Напольских В.В.** Мотив ныряния за землей в балканославянской апокрифической традиции и ранняя история славян // Этнология на пространството. – София: Род, 2008. – Ч. 2. – С. 88–115.
- Ненянг Л.П.** Ходячий ум народа. – Красноярск: Фонд северных литератур «ХЭГЛЭН», 1997. – 240 с.
- Петровић С.** Српска митологија. – Београд: Народна књига, 2004. – 865 с.
- Пинегина М., Коненкин Г.** Эвенкийские сказки. – Чита: Читгиз, 1952. – 112 с.
- Погодин А.** Космические легенды балтийских народов // Живая старина. – 1895. – Вып. 3/4. – С. 428–448.
- Попов А.А.** Нганасаны. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [тип. Киршбаума], 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
- Потанин Г.И.** Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 382 с.
- Седова П.А.** Легенды и предания мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – 120 с.
- Скородумова Л.Г.** Сказки и мифы Монголии. – Улаанбаатар: Монсудар, 2003. – 141 с.
- Стойнев А.Б.** Българска митология. – София: Захарий Стоянов, 2006. – 368 с.
- Сухарева О.А.** Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 5–93.
- Чубинский П.П.** Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-западный отдел: мат-лы и исслед., собранные П.П. Чубинским. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1872. – Т. 1. – 468 с.
- Чунакова О.М.** Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. – М.: Вост. лит., 2004. – 286 с.
- Шевченко Л.** Звичаї, зв'язані з закладами будівлі // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. – Київ: Державне видавництво України, 1936. – Вип. 1/2. – С. 87–95.
- Штыгашев И.** Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рос. геогр. об-ва. – 1894. – Т. 17, вып. 1. – 12 с. (Отдельная пагинация по статьям).
- Эргис Г.У.** Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
- Aarne A.** Verzeichnis der Finnischen Ursprungssagen und ihrer Varianten. – Hamina: Suomalaisen Tiedeakatemia Kustantama, 1912. – 17 S.
- Abrahamsson H.** The Origin of Death. Studies in African Mythology. – Uppsala: the University of Uppsala, 1951. – 179 p.
- Adelaar A.** Towards an integrated theory about the Indonesian migrations to Madagascar // Ancient Human Migrations. – Salt Lake City: Utah University Press, 2009. – P. 149–172.
- Baarda M.J. van.** Lòdasche texten en varhalen // Bijdrachen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indie. – 1904. – Т. 56, N 3/4. – P. 392–493.
- Bodding P.O.** Traditions and Institutions of the Santals. – Oslo: Etnografiske Museum, 1942. – 198 p.
- Boyce M.** A Persian Stronghold of Zoroastrianism. – Lanham; N. Y.; L.: University Press of America, 1989. – 284 p.
- Bryant E.** The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2001. – 387 p.
- Dähnhardt O.** Natursagen. – Leipzig; Berlin: Teubner, 1907. – H. 1. – 376 S.
- Diffloth G.** The contribution of linguistic palaeontology to the homeland of Austro-Asiatic // The Peopling of East Asia. – L.; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2005. – P. 79–82.
- Elwin V.** The Baiga. – L.: John Murray, 1939. – 550 p.
- Elwin V.** Myths of Middle India. – Madras: Oxford University Press, 1949. – 532 p.
- Elwin V.** Bondo Highlander. – L.: Oxford University Press, 1950. – 290 p.

- Elwin V.** Tribal Myths of Orissa. – Bombay: Oxford University Press, 1954. – 700 p.
- Elwin V.** Myths of the North-East Frontier of India. – Calcutta: North-East Frontier Agency, 1958. – 448 p.
- Evans I.** The Negritos of Malaya. – Cambridge: Cambridge University Press, 1937. – 323 p.
- Fuchs S.** Another version of the Baiga creation myth // *Anthropos*. – 1952. – Vol. 47, N 3/4. – P. 607–619.
- Gunda B.** *Ethnographica carpatho-balcanica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. – 427 S.
- Hermanns M.P.** Schöpfung- und Abstammungsmythen der Tibeter // *Anthropos*. – 1949. – Bd. 41/44. – S. 275–298, 817–847.
- Hermanns M.P.** The Indo-Tibetans. – Bombay: Fernandes, 1954. – 159 p.
- Kapp D.B.** Ein Menschenschöpfungsmythos der Mundas und seine Parallelen. – Wiesbaden: Franz Steiner, 1977. – 67 S.
- Kapp D.B.** A parallel motif in Lepcha and Barela-Bhilala mythology // *Asian Folklore Studies*. – 1986. – Vol. 45, N 2. – P. 259–285.
- Koppers W., Jungblut L.** Bowmen of Mid-India. – Wien: Institut für Völkerkunde, 1976. – Vol. 1. – 289 p.
- Krauskopff G.** La féminité des poissons. Un motif aquatique du mythe d'origine et des chants de mariage tharu (Nepal) // *Cahiers de Littérature Orale*. – 1987. – Vol. 22. – P. 13–28.
- Kruijt A.C.** Het animisme in den Indischen archipel. – 's-Gravenhage: M. Nijhoff, 1906. – 541 p.
- Nassen-Bayer, Stuart K.** Mongol creation stories: man, Mongol tribes, the natural world, and Mongol deities // *Asian Folklore Studies*. – 1992. – Vol. 51, N 2. – P. 323–334.
- Osada T.** A comparative study of Munda creation myth // Paper presented for Radcliffe Exploratory Seminar on Comparative Mythology. October 6–7, 2010. – Cambridge, 2010. – P. 1–12.
- Osada T., Onishi M.** Language Atlas of South Asia. – Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature, 2010. – 160 p.
- Parpola A., Janhunen J.** On the Asiatic wild asses (*Equus hemionus* & *Equus kiang*) and their vernacular names // На пути открытия цивилизации (Тр. Маргиан. археол. экспедиции). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 423–466.
- Peterson J.** A Kharia-English Lexicon. – Santa Barbara: University of California, 2009. – 212 p.
- Pinnow H.-J.** Kharia-Texte. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. – 288 p.
- Playfair A.** The Garos. – L.: D. Nutt, 1909. – 179 p.
- Prasad M.** Some Aspects of the Varāh-Kathā in Epics and Purānas. – Delhi: M. Prasad, 1989. – 183 p.
- Roy S.-C.** The Mundas and Their Country. – Calcutta: the Kuntaline Press, 1912. – 543 p.
- Shakespear J.** Folk-tales of the Lushais and their neighbours // *Folk-Lore*. – 1909. – Vol. 20, N 4. – P. 388–420.
- Simms S.C.** Myths of the Bungees or Swampy Indians of Lake Winnipeg // *J. of Amer. Folklore*. – 1906. – Vol. 19, N 75. – P. 334–340.
- Soppitt C.A.** An Historical and Descriptive Account of the Kachari Tribes in the North achar Hills. – Shillong: Assam Secretariat Printing Office, 1885. – 85 p.
- Stuart K., Jhang Juan.** Blue Cloth and Pearl Deer: Yogur Folklore. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1996. – 76 p.
- Stuart K., Limusishiden.** China's Monguor Minority: Ethnography and Folktales. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1994. – 193 p.
- Taube E.** Volksmärchen der Mongolen. – München: Biblion Verlag, 2004. – 500 S.
- Walk L.** Die Verbreitung des Tauchmotivs in der Urmeer-schöpfungs- (und Sintflut-) Sagen // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. – 1933. – Bd. 63, H. 1/2. – S. 60–76.

*Материал поступил в редколлегию 15.12.10 г.,
в окончательном варианте – 27.01.11 г.*

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АО – Археологические открытия
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БКИЧП – Бюллетень Конгресса по изучению четвертичного периода
- ВДИ – Вестник древней истории
- ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
- ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук Украинской ССР
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- ИГиМ СО РАН – Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
- ИИФФ СО РАН (СО АН СССР) – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (Сибирского отделения АН СССР)
- ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
- ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив АН СССР
- МАЭ РАН (АН СССР) – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АН СССР)
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- НЦБИ АН СССР – Научный центр биологических исследований АН СССР
- ОНТИ – Отдел научно-технической информации
- ОПИ – Отдел полевых исследований
- ПНЦ РАН – Пущинский научный центр РАН
- РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СВКНИИ ДВО РАН – Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН
- ТИЭ – Труды Института этнографии РАН (АН СССР)
- УрО РАН – Уральское отделение РАН
- ЦИКР – Центр историко-культурных реконструкций
- ЯФ СО РАН – Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР

- Анисюткин Н.К.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: dictyoptera@zin.ru
- Березкин Ю.Е.** – доктор исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. E-mail: berezkin1@gmail.com, berezkin@kunstkamera.ru
- Волков П.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: volkov100@yandex.ru
- Гао Син** – профессор, заместитель директора Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской академии наук. Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology, Chinese Academy of Sciences, 142, Xizhimenwei Street, Beijing, 100044, China. E-mail: gaoxing@ivpp.ac.cn
- Глушков И.Г.** – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе Сургутского государственного педагогического университета.
- Деревянко А.П.** – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Джалл Э.Дж.Т.** – профессор, доктор философии, заведующий Лабораторией ускорительной масс-спектрометрии Национального научного фонда США, Университет Аризоны (г. Тусон). NSF-Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA. E-mail: jull@email.arizona.edu
- Дьяконов В.М.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия. E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru
- Ермоленко Л.Н.** – доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия. E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru
- Журавлев А.А.** – аспирант Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: tos3550@mail.ru
- Кайдалов А.И.** – ученый секретарь Курганского областного краеведческого музея, ул. Пушкина, 137, Курган, 640000, Россия. E-mail: Alex_kaidalov@mail.ru
- Карнаух Е.Г.** – соискатель отдела раннего железного века Института археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина. E-mail: dezz14@mail.ru
- Киришин К.Ю.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru
- Киришин Ю.Ф.** – доктор исторических наук, профессор, президент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: rector@asu.ru
- Коваленко С.И.** – кандидат исторических наук, доцент Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, корп. 1, Тирасполь, MD 3300, Приднестровская Молдавская Республика; старший научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы, ул. 31 августа, 1241, Кишинев, МД-2012, Молдова. E-mail: covalenko@bk.ru
- Ковтун И.В.** – доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека СО РАН, Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: ivkovtun@mail.ru
- Кузьмин Я.В.** – доктор географических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org
- Кузяков Я.В.** – доктор биологических наук, профессор Университета Гёттингена. Büsgenweg, 2, Goettingen, 37077, Germany. E-mail: kuzyakov@gwdg.de

- Кулик Н.А.** – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru
- Курманкулов Ж.К.** – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, ул. Достык, 44, Алматы, 050010, Казахстан. E-mail: kurmankulov@gmail.com
- Матвеева Н.П.** – доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru
- Молодин В.И.** – академик, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Новиков А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru
- Нохрина Т.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru
- Олсен Д.** – профессор Аризонского университета, США. School of Anthropology, University of Arizona, 1009 E, South Campus Drive, Tucson, AZ 85721-0030, USA. E-mail: jwo@arizona.edu
- Очередной А.К.** – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: mr_next@rambler.ru
- Петрин В.Т.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.
- Пилипенко А.С.** – кандидат биологических наук, научный сотрудник межинститутского сектора молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: alexpil@boinet.nsc.ru
- Полин С.В.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела раннего железного века Института археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина. E-mail: polin-arheo@ukr.net
- Пустовойтов К.Е.** – кандидат географических наук, научный сотрудник Университета Хоенхайм, Emil-Wolff-Str., 27, Stuttgart, 70593, Germany. E-mail: Konstantin.Pustovoytov@uni-hohenheim.de
- Ромашенко А.Г.** – кандидат биологических наук, заведующая межинститутским сектором молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: romasch@boinet.nsc.ru
- Рыбин Е.П.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gyber@yandex.ru
- Сечко Е.А.** – научный сотрудник Курганского областного краеведческого музея, ул. Пушкина, 137, Курган, 640000, Россия. E-mail: s.e.a.1984@mail.ru
- Степанов А.Д.** – заместитель директора Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова, ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия. E-mail: mae-ysu@mail.ru
- Трапезов Р.О.** – аспирант Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rtrapezov@yandex.ru
- Усачева И.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: i.usachova@gmail.com
- Ходжинс Г.В.Л.** – доктор философии, научный сотрудник Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Национального научного фонда США, Университет Аризоны (г. Тусон). NSF-Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA. E-mail: ghodgins@physics.arizona.edu
- Чепалыга А.Л.** – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия. E-mail: tchepalyga@mail.ru
- Якимов А.С.** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия. E-mail: Yakimov_Artem@mail.ru

- Анисюткин Н.К., Коваленко С.И., Бурлаку В.А., Очередной А.К., Чепалыга А.Л.** Байраки – новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре 2012, № 1 (49)
- Анисюткин Н.К., Чепалыга А.Л., Коваленко С.И., Очередной А.К.** Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) в 2011 году 2012, № 4 (52)
- Артемьева Н.Г.** Чжурчжэньские брелоки типа нэцкэ 2012, № 1 (49)
- Багашев А.Н., Федоров Р.Ю.** Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири 2012, № 3 (51)
- Безрукова Е.В., Андерсон Д.Дж., Виньковская О.П., Харинский А.В., Кулагина Н.В.** Изменение растительности и климата в котловине Большого Инятукского озера (Северо-Байкальское нагорье) в среднем – позднем голоцене 2012, № 3 (51)
- Березкин Ю.Е.** Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийской степи 2012, № 4 (52)
- Большов С.В.** К вопросу о «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы 2012, № 1 (49)
- Бурнаков В.А.** Традиционные представления хакасов о собаке (конец XIX – середина XX века) 2012, № 2 (50)
- Волков Е.Н.** К вопросу о формировании орнаментальных традиций в раннем бронзовом веке Среднего Приобья 2012, № 2 (50)
- Волков П.В., Новиков А.В.** Вопросы технологии изготовления сердоликового кабошона из могильника Ташара-Карьер-2 (южно-таежное Приобье) 2012, № 4 (52)
- Волкова Ю.С.** Этнографические исследования и изучение верхнепалеолитической мелкой пластики 2012, № 3 (51)
- Губанов И.Б.** Могильный круг В микенских царских погребений в контексте связей с древностями раннего скандинавского бронзового века 2012, № 2 (50)
- Гунбин К.В., Афонников Д.А., Колчанов Н.А., Деревянко А.П.** Важная роль изменений микроРНК в эволюции *Homo neanderthalensis* и *Homo Denisova* 2012, № 3 (51)
- Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П.** Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши 2012, № 4 (52)
- Доде З.В.** Светские образы в исламском пространстве средневекового Зирихгерана 2012, № 1 (49)
- Дьяконов В.М.** Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии 2012, № 4 (52)
- Емельяненко Т.Г.** Камзол в традиционном мужском костюме бухарских евреев (к истории выкройной одежды в Средней Азии) 2012, № 3 (51)
- Епимахов А.В.** Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) 2012, № 1 (49)
- Ермакова Е.Е.** Элементы религиозной обрядности в народной медицине коми-ижемцев Нижнего Приобья 2012, № 1 (49)
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки 2012, № 4 (52)
- Есин Ю.Н.** Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы 2012, № 3 (51)
- Заика А.Л.** Личины в наскальном искусстве нижней Ангары 2012, № 1 (49)
- Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В.** Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкенинского археологического микрорайона (Южный Урал) 2012, № 2 (50)
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.** Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века 2012, № 2 (50)
- Кардаш О.В., Пономарева Т.М.** Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников на севере Западной Сибири 2012, № 2 (50)
- Кашина Е.А., Чаиркина Н.М.** Орнаментированные берестяные изделия из VI разреза Горбуновского торфяника 2012, № 1 (49)
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г.** Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескен-2 2012, № 4 (52)
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т.** Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. 2012, № 3 (51)
- Климова Т.А.** Славяно-русский погребальный костюм мужчин верховьев Псла в конце X – XI веке (по материалам Гочевского курганного некрополя) 2012, № 1 (49)

- Кляшторный С.Г.** Касар-куруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Ба-жына 2012, № 2 (50)
- Ковтун И.В.** «Конноголовые» жезлы и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э. 2012, № 4 (52)
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Флас Д., Деревянко А.П., Исламов У.И.** К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии 2012, № 1 (49)
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я.** Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии 2012, № 1 (49)
- Крыласова Н.Б.** Рисунок на амулете с Рождественского городища – очередная страничка средневекового мифа о всаднике 2012, № 1 (49)
- Максимова М.В., Пеньков А.В., Шараборин А.К., Жирков Э.К.** Повторные исследования святилища Суруктах-Хая (Якутия): первые результаты и перспективы 2012, № 2 (50)
- Мальцева О.В.** Влияние лососевого промысла на хозяйственную специализацию и социальные отношения в среде ульчей и амурских нанайцев (вторая половина XIX – начало XX века) 2012, № 2 (50)
- Мальцева О.В.** Этнокультурные особенности лечебной культовой скульптуры нанайцев 2012, № 3 (51)
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А.** Тобольская панagia 2012, № 2 (50)
- Матвеева Н.П.** Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье 2012, № 4 (52)
- Мачикек М.Л., Зубова А.В.** Пищевые стратегии в скотоводческих обществах: одонтологические данные 2012, № 3 (51)
- Меньен Л.** Перспективы Леванта в свете проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту 2012, № 3 (51)
- Мовсесян А.А.** Палеофенетический анализ современного и древнего населения Чукотки 2012, № 3 (51)
- Моисеев В.Г., Хартанович В.И.** Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря 2012, № 1 (49)
- Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А.** Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 2012, № 2 (50)
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) 2012, № 3 (51)
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромашенко А.Г.** Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры 2012, № 4 (52)
- Монсель М., Кьотти Л., Гайяр К., Оноратини Ж., Плердо Д.** Каменные предметы неутилитарного назначения, найденные на европейских памятниках эпохи палеолита 2012, № 1 (49)
- Мыглан В.С., Ойдунаа О.Ч., Ваганов Е.А.** Построение 2 367-летней древесно-кольцевой хронологии для Алтае-Саянского региона (горный массив Монгун-Тайга) 2012, № 3 (51)
- Мыльников В.П.** Опыт изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок археологических памятников 2012, № 1 (49)
- Нестеров С.П.** Щиток-напальчник лучника раннего железного века из Восточного Приамурья 2012, № 2 (50)
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Кулик Н.А., Усачева И.В.** Верхнепалеолитический комплекс из горного хрусталя с юго-восточного побережья озера Большие Аллаки (Южный Урал) 2012, № 4 (52)
- Полин С.В., Карнаух Е.Г.** Скифский курган IV в. до н.э. у села Кременевка в Северо-Восточном Приазовье 2012, № 4 (52)
- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И.** Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) 2012, № 2 (50)
- Ткачев В.В.** Погребально-культовый комплекс алакульской культуры в Восточном Оренбуржье 2012, № 1 (49)
- Фурсова Е.Ф.** Народное художественное творчество крестьян Западной Сибири: северорусские и уральские традиции в орнаментации прялок 2012, № 3 (51)
- Хартанович В.И., Ширококов И.Г.** К проблеме формирования антропологического состава населения «лопских погостов» (по краниологическим материалам из могильника XVII – начала XIX века Алозеро) 2012, № 2 (50)
- Холанд Э.Й.** Эмоции, идентичность и смерть в традициях Греции и за ее пределами 2012, № 2 (50)
- Худавердян А.Ю.** Армения в антропоисторическом пространстве Евразии в эпоху античности 2012, № 3 (51)
- Худяков Ю.С., Белинская К.Ы.** Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае 2012, № 1 (49)
- Шорковиц Д.** Культурные контакты и культурная трансмиссия в Западной Евразии в эпоху средневековья 2012, № 3 (51)
- Якимов А.С., Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Пустовойтов К.Е., Кузяков Я.В.** Почвы раннесредневекового (IV–VI вв. н.э.) городища Среднего Приоболья и их палеогеографическое значение 2012, № 4 (52)